

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2023

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN: 0869-6063

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, проф. А. Буко (Польша),
докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

акад. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей,
д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов,
к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Зав. редакцией
Д.В. Пушкина

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон (499) 124-34-42

E-mail: ra@iaran.ru

Москва
ООО «Объединённая редакция»

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИКЦ «АКАДЕМКНИГА»

© Российская академия наук, 2023

© Составление: Редакция журнала
“Российская археология”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2023

Результаты нового изучения антропологических материалов
Центральной Азии (по материалам стоянок Туткаул и Кайлю)

*С. В. Шнайдер, Н. Я. Березина, Т. Г. Филимонова, С. Алишер кызы,
А. П. Бужилова* 7

Гаринская традиция бифасиального расщепления кремня
и проблема поиска ее истоков

В. Н. Карманов 20

Динамика бронзолитейного производства в Обь-Иртышской лесостепи
в бронзовом веке

В. И. Молодин, И. А. Дураков, Л. С. Кобелева 36

Исследование федоровской керамики поселения Мочище
на Южном Урале

С. А. Григорьев, Н. П. Салугина 50

Жилые дома Северо-Западного Крыма в позднескифское время:
основные планировочные схемы и аналогии

Е. Е. Антонов 62

О гончарной технологии населения Юго-Западного Крыма
в позднеримское время (по материалам лепной керамики)

Е. В. Суханов 75

Проблема контактов древнемордовского населения среднего течения Цны
и Верхневоронежской культурной группы

Н. В. Сыщиков 86

Городище Демидовка на Смоленщине. Стратиграфия, почвы,
постройки, керамика, кости животных

*Н. А. Кренке, Н. В. Лопатин, А. Л. Александровский, А. Б. Савинецкий,
В. В. Бегунова, В. А. Волков, К. А. Ганичев, И. Н. Еришов, О. А. Лопатина,
М. М. Певзнер, В. А. Раева, Е. Ю. Тавлицева, С. Н. Чаукин* 97

Объекты усадебной планировки XIV—первой половины XVI в.
в Московском Кремле по материалам раскопок в большом сквере

Р. Н. Модин, В. Ю. Коваль 116

Метод создания обобщенного портрета-реконструкции
палеоантропологической группы на основе трехмерных
моделей черепа

А. В. Рассказова 132

ПУБЛИКАЦИИ

Новая находка шлема кубанского типа с Северо-Западного Кавказа

С. Б. Вальчак, Е. В. Муравенко 144

Погребение представительницы местной элиты населения Алтая
эпохи Великого переселения народов

Н. Н. Серегин, А. А. Тишкин, С. С. Матренин, Т. С. Паршикова 158

Усадьба ювелира на поселении Стаево-5 эпохи раннего средневековья
(верховья реки Воронеж)

А. М. Обломский, К. И. Масленников 172

ИСТОРИЯ НАУКИ

П. Д. Барановский как археолог: Коломенское 1920-е – 1940-е годы

С. И. Баранова, Л. А. Беляев

189

ХРОНИКА

К 75-летию института археологии Крыма Российской академии наук

Коллектив Института археологии РАН, редакция журнала “Российская археология”

205

Институт археологии Крыма за 75 лет: хроника достижений

В. Ю. Юрочкин, В. В. Майко

206

XXII Уральское археологическое совещание. г. Курган. 22–24 ноября 2022 г.

*Д. Н. Маслюженко, И. К. Новиков, С. А. Григорьев, С. Э. Зубов,
Е. Л. Лычагина, С. А. Перевозчикова*

215

К 75-летию Вячеслава Ивановича Молодина

*С. В. Кузьминых, Н. А. Макаров, Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев,
А. П. Бужилова, П. Г. Гайдуков, Е. Н. Черных*

218

Памяти Петра Дмитриевича Малыгина (1956–2022)

П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников, Вл. В. Седов

221

Олег Михайлович Иоаннисян 1.04.1951–20.03.2023

Л. А. Беляев, М. В. Вдовиченко, А. Е. Леонтьев, Вл. В. Седов

223

К 100-летию издательства “Наука”

226

CONTENTS

Number 4, 2023

The results of new study of Neolithic human remains in Central Asia
(based on Tutkaul and Kaylu materials)

S. V. Shnaider, N. Yu. Berezina, T. G. Filimonova, S. Alisher kzy, A. P. Buzhilova 7

The Garino tradition of bifacial flint knapping and the problem of searching
for its origins

V. N. Karmanov 20

Dynamics of the bronze foundry production in the Ob-Irtysh forest-steppe
in the Bronze Age

V. I. Molodin, I. A. Durakov, L. S. Kobeleva 36

Study in the Fyodorovka pottery from the Mochishche settlement
in the Southern Urals

S. A. Grigoriev, N. P. Salugina 50

Residential houses of the North-Western Crimea in the Late Scythian period:
basic layout patterns and analogies

E. E. Antonov 62

On the pottery technology of the population of the South-Western Crimea
in the late Roman period (based on materials of hand-made pottery)

E. V. Sukhanov 75

The problem of contacts between the ancient Mordvinian population
of the Middle Tsna region and the Upper Voronezh cultural group

N. V. Syshchikov 86

The fortified settlement of Demidovka in Smolensk region.
Stratigraphy, soils, structures, pottery, animal bones

*N. A. Krenke, N. V. Lopatin, A. L. Aleksandrovsky, A. B. Savinetsky,
V. V. Begunova, V. A. Volkov, K. A. Ganichev, I. N. Ershov, O. A. Lopatina,
M. M. Pevzner, V. A. Raeva, E. Yu. Tavlintseva, S. N. Chaukin* 97

Structures of the estate layout of the 14th – first half of the 16th century
in the Moscow Kremlin based on the excavations in the Great Garden

R. N. Modin, V. Yu. Koval 116

Method for creating a generalized portrait-reconstruction
of a palaeoanthropological group based on 3D skull models

A. V. Rasskazova 132

PUBLICATIONS

A new find of a Kuban-type helmet from the Northwest Caucasus

S. B. Valchak, E. V. Muravenko 144

Burial of a representative of the local elite in Altai of the Migration period

N. N. Seregin, A. A. Tishkin, S. S. Matrenin, T. S. Parshikova 158

Jeweller's estate at the Staevo-5 settlement of the early Middle Ages
(the upper Voronezh River)

A. M. Oblomsky, K. I. Maslennikov 172

HISTORY OF SCIENCE

P. D. Baranovsky as an archaeologist: Kolomenskoye in the 1920s–1940s

S. I. Baranova, L. A. Belyaev

189

CHRONICLE

To the 75th anniversary of the Institute of Archaeology of the Crimea RAS

*The team of the Institute of Archaeology RAS, the editorial board
of the “Russian Archaeology” Journal*

205

Institute of Archaeology of the Crimea over 75 years: chronicle of achievements

V. Yu. Yurochkin, V. V. Maiko

206

XXII Ural Archaeological Session. Kurgan. November 22–24, 2022

*D. N. Maslyuzhenko, I. K. Novikov, S. A. Grigoriev, S. E. Zubov, E. L. Lychagina,
S. A. Perevozchikova*

215

To the 75th anniversary of Vyacheslav Ivanovich Molodin

*S. V. Kuzminykh, N. A. Makarov, H. A. Amirkhanov, L. A. Belyaev, A. P. Buzhilova,
P. G. Gaidukov, E. N. Chernykh*

218

In memory of Pyotr Dmitrievich Malygin (1956–2022)

P. G. Gaidukov, O. M. Oleynikov, Vl. V. Sedov

221

Oleg Mikhailovich Ioannisyan (1951–2023)

L. A. Belyaev, M. V. Vdovichenko, A. E. Leontyev, Vl. V. Sedov

223

To the 100th anniversary of the “Nauka” publishing house

226

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). Оформление: **1.5 интервала**, шрифт **Times New Roman**, кегль **14**.

К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии») должно быть приложено краткое **резюме на русском и английском языке**, а также **ключевые слова на русском и английском языках** (не более 10 слов).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе «Хроника», не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ

У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2022 г. М. В. Андреева^{1,*}, М. А. Очир-Горяева^{2,3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. Например:

монография: Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае, редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала «Российская археология» по адресу: http://www.ra.iran.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВОГО ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (по материалам стоянок Туткаул и Кайлю)

© 2023 г. С. В. Шнайдер^{1,*}, Н. Я. Березина^{2,**}, Т. Г. Филимонова^{3,***},
С. Алишер кызы^{1,****}, А. П. Бужилова^{2,*****}

¹Международная лаборатория “Археозоология в Сибири и Центральной Азии” ZooSCAn, IRL 2013,
Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Научно-исследовательский институт и музей антропологии,

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Душанбе, Республика Таджикистан

*E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

**E-mail: berezina.natalia@gmail.com

***E-mail: tatjanafilimonova@mail.ru

****E-mail: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

*****E-mail: albu_pa@mail.ru

Поступила в редакцию 04.05.2023 г.

После доработки 09.06.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

В статье приводятся результаты повторного изучения антропологических материалов неолитических слоев стоянок Туткаул и Кайлю. Стоянка Туткаул находилась на территории современного Нурекского водохранилища и изучалась под руководством В.А. Ранова в 1960-е годы. Во втором культурном слое, который относится к гиссарской неолитической культуре, обнаружены три погребения с фрагментами скелетов. Антропологические материалы были исследованы и опубликованы. К сожалению, на сегодняшний день материалы полностью не сохранились, до нас дошли части посткраниальных скелетов из погребений 2 и 3. Дополнительно были исследованы ранее не опубликованные части скелетов, которые согласно этикеткам были обнаружены вне контекста погребений. По материалам из погребения 3 был проведен прямой радиоуглеродный и генетический анализы. Обряд погребений на стоянке Туткаул находит аналогии в синхронных захоронениях на памятниках Сай-Сайёд и Бульёни-Поён (Гиссаро-Алай). Повторное изучение костяков из погребений у грота Кайлю позволило идентифицировать фрагменты скелетов двух разновозрастных половозрелых индивидов: молодого и зрелого возраста (Adultus и Maturus). Пол индивидуумов (мужчины и женщины) был установлен с использованием хромато-масс-спектрометрического анализа пептидов зубной эмали. Дополнительно удалось провести прямое радиоуглеродное датирование — 6 тыс. л.н. Погребения находят аналогии в синхронных захоронениях кельтеминарской неолитической культуры.

Ключевые слова: неолит, Центральная Азия, гиссарская культура, Туткаул, Кайлю, палеоантропология, палеогенетика.

DOI: 10.31857/S0869606323040165, **EDN:** HENBNP

Несмотря на многочисленность неолитических памятников на территории Центральной Азии, палеоантропологические находки для этой территории крайне малочисленны. Во второй половине XX в., когда раскопки были наиболее активными и масштабными, палеоантропологические материалы были обнаружены лишь в некоторых из них: могильнике Тумек-Кичеджик (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986), в захоронениях у грота Кайлю (Окладников, 1966), на ряде поселений джейтунской культуры (Гинзбург,

Трофимова, 1972; Массон, 1971), Сай-Сайод и Туткаул (Ранов, Коробкова, 1971). Антропологические находки также были обнаружены в пещере Караунгур (Таймагамбетов, Нохрина, 1996) и Дам-Дам-Чешме-1 (Окладников, 1953) (рис. 1).

Наиболее информативный антропологический материал был получен при анализе останков из погребений джейтунской культуры, а также из памятников Тумек-Кичеджик и Туткаул. Основываясь на анализе краниологических материалов, было установлено, что погребенные относят-

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников, в которых были обнаружены антропологические материалы. Условные обозначения памятников: *a* — гиссарская культура, *b* — джейтунская культура, *v* — кельтеминарская культура, *z* — памятники неопределенной культурной атрибуции.

Fig. 1. The map of the location of archaeological sites in which anthropological materials were found: *a* — the Hissar culture, *b* — the Jeitun culture, *v* — the Kelteminar culture, *z* — not attributed sites

ся к европеоидной расе (восточно-средиземноморский вариант) (Гинзбург, Трофимова, 1972). При этом результаты краниологического анализа материалов из Тумек-Кичиджик показали наличие монголоидных признаков, что, по мнению авторов, может быть результатом смешения популяций европеоидной и монголоидной рас (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986). Другая точка зрения на природу сочетания монголоидных и европеоидных признаков черепа в ранних евразийских материалах была представлена Т.А. Чикишевой (2012), которая выделила южную евразийскую антропологическую формацию среди древних протоморфных форм. По мнению автора, южная евразийская антропологическая формация характеризуется промежуточностью, и демонстрирует сочетание европеоидно-монголоидных расовых комплексов, не являясь продуктом смешения больших рас. Что касается археологической интерпретации, то согласно В.А. Ранову, гиссарская неолитическая культура сформировалась на основе мезолитических индустрий, представленных в материалах горизонта 2а Туткаула, а также на памятниках Дарай-Шур и Сай-Сайёд (Ранов,

Юсупов, Филимонова, 1982; Юсупов, 1976). В свою очередь в их генезисе прослеживается две линии развития — “микролитическая” и отщепово-галечная. Так, появление в регионе микролитической индустрии связывалось с миграциями с территории Ближнего Востока, а галечный компонент связывался с развитием локальных индустрий, которые имели связи с индустриями Восточной Сибири (Ранов, Davis, 1972). После раскопок в 60-х годах XX в. стоянки Ошхона на Восточном Памире, В.А. Ранов галечный компонент связывал с развитием локальных индустрий, которые имели связи с индустриями Восточной Сибири (Ранов, 1962). Позже В.А. Ранов в связи с получением новых данных по палеолиту Таджикистана пересмотрел свой взгляд и связывал генезис гиссарской культуры с развитием палеолитических индустрий, основанных на галечном расщеплении. Так, галечный элемент рассматривался как маркер развития локальной индустрии начиная с нижнепалеолитической каратауской культуры (Ранов, 1988); данная точка зрения позже была поддержана Т.Г. Филимоновой (Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008).

Для кельтеминарской культуры усматривалось “сибирское” и “переднеазиатское” влияние (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986). Для джейтунской культуры В.М. Массон предполагал локальный генезис, который связан с мезолитическими стоянками Восточного (Джебел, Дам-Дам-Чешме 1 и 2) и Южного Прикаспия (Гари-Камарбанд) (Массон, 1971, 1960).

На настоящий момент ведется активное изучение неолитических памятников региона. Применение новых методик для анализа археологического материала позволило пересмотреть ряд гипотез относительно происхождения производящего хозяйства в регионе (Taylor et al., 2021; Nishiaki et al., 2022). В связи с пересмотром неолитических материалов региона была проведена работа по ревизии и повторному изучению доступных палеоантропологических коллекций. Целью данной статьи является обобщение новых данных, полученных по результатам исследования палеоантропологических материалов с памятников Кайлю и Туткаул.

Общие сведения о памятниках Туткаул и Кайлю.

Стоянка Туткаул располагалась в Таджикистане, в 70 км к юго-востоку от Душанбе на берегу р. Вахш, в месте впадения в нее ручья Дараи Осие. Ныне стоянка затоплена водами Нурекского водохранилища. Памятник был обнаружен А.П. Окладниковым в 1956 г. (Окладников, 1959). Таджикская археологическая экспедиция провела спасательную археологическую программу под руководством В.А. Ранова в течение шести полевых сезонов (1963, 1965–1969 гг.), в ходе которых стоянка почти полностью была раскопана (Ранов, Коробкова, 1971). Верхние неолитические слои стоянки перекрыты остатками культурных наслоений бронзового века и строениями средневекового городища. Ниже залегают слои 2а и 3, которые содержат материалы раннего и позднего мезолита (Ранов, Коробкова, 1971; Ранов, 1988). В основании уровня 2 были обнаружены три человеческих захоронения. Они содержат в общей сложности останки четырех индивидов: двух детей (погребение 3), молодого взрослого (погребение 1) и зрелого взрослого (погребение 2) (Кияткина, 1976). Все скелеты были положены на левый бок и ориентированы по линии юго-восток-северо-запад. В погр. 1 был найден полный скелет, лежащий в скорченном положении, кисти рук располагались под левой щекой. Т.П. Кияткина определила пол индивида как женский, при этом отметила несколько особенностей черепа, которые не подтверждали однозначно пол данного индивида: сочетание массивности костей, выраженного рельефа затылочной кости и относительно крупных сосцевидных отростков – признаков скорее мужского пола, с выраженными лобными буграми и “женской” формой нижней челюсти. Для оценки возраста в категории “взрослый” не принималось в расчет состояние

зубной системы, так как сильная стертость жевательной поверхности зубов и прижизненное выпадение ряда зубов не согласовались с наличием еще открытых (не облитерированных) швов черепа. Несмотря на посмертную деформацию черепа, исследователю удалось охарактеризовать антропологический тип погребенной, как длинноголовый европеоидный с присутствием экваториальных черт (Кияткина, 1976).

В погр. 2 был найден свод черепа и кости верхней части скелета. Индивид определен как зрелый женский, по описаниям Т.П. Кияткиной, свод долихокранный, с невыраженными лобными буграми и выступающим затылком (Кияткина, 1976). В полевом отчете за 1967 г. указано, что “при снятии костей под локтевой костью был обнаружен зуб взрослого старого человека (клык?)” (Ранов, 1968).

В погр. 3 были обнаружены останки детей: один ребенок 5–6 лет и второй – около 4 лет. В полевом отчете В.А. Ранов приводит описание погребения, составленное Ю.Д. Беневоленской. “Два неполных детских скелета, лежащих рядом: два черепа с нижними челюстями и кости: позвонки, ребра, лопатка, две плечевые кости, фрагмент таза. Анатомический порядок нарушен. Черепа расположены рядом, костей скелета сохранилось мало, так что трудно установить их принадлежность одному или другому черепу. Можно предполагать, что в целом скелеты были ориентированы головой на юго-запад” (Ранов, 1968). Оба черепа Т.П. Кияткина описывает как долихокранные, с округлым резко выступающим затылком, ярко выраженными лобными буграми, с низким или средневысоким лицом, широким носом, и средневысокими и высокими орбитами. На верхней челюсти в обоих случаях отмечается альвеолярный прогнатизм. Т.П. Кияткина относит черепа детей к европеоидному средиземноморскому типу (Кияткина, 1976).

В целом обнаруженные на этом памятнике краниологические материалы показывают присутствие населения европеоидного облика, при этом следует отметить выраженную долихокранию и черты, характерные для южных европеоидов.

В настоящее время антропологическая коллекция Туткаул хранится в Институте истории, археологии и этнографии им. Ах. Дониша. В рамках данной научной работы были проанализированы сохранившиеся отдельные фрагменты посткраниального скелета из некоторых погребений.

Стоянка Кайлю. Грот Кайлю расположен на расстоянии 25 км к востоку от города Туркменбаши (ранее Красноводск), в нижней части обрыва на высоте 23 м над уровнем моря. Памятник был открыт А.П. Окладниковым в 1947 г. в рамках разведывательных работ ЮТАКЭ: в непосредственной близости от предвходовой площадки грота

были обнаружены два захоронения (Окладников, 1953). Несмотря на плохую сохранность костей, А.П. Окладникову удалось восстановить характер захоронений. Оба костяка лежали на спине, ориентированы головой на северо-запад, руки согнуты в локтях, кисти расположены в области таза. Костяки были покрыты красной охрой, рядом с ними обнаружены кремневые пластины с затупленной спинкой и большое количество бус из раковин моллюсков. По мнению А.П. Окладникова данные могильники являются самыми древними в регионе и датируются мезолитом-ранним неолитом (Окладников, 1953, с. 32).

Тела погребенных были усыпаны бусинами из раковин моллюсков, для которых С. Риго провела серию анализов (Rigaud et al., 2023).

Методы исследования. Определение пола и возраста погребенных производилось по всем сохранившимся частям скелета, согласно стандартным антропологическим методикам (Алексеев, Дебец, 1964). В ряде случаев, если сохранность костей не позволяла пользоваться стандартными методами, для определения пола был применен пептидомный метод анализа эмали зуба (Зиганшин и др., 2020) и генетический анализ (Posth et al., 2023). Возраст взрослых индивидов фиксировался по степени зарастания швов костей черепа, состоянию зубной системы, наличию возрастных изменений на тазовых костях, наличию костных разрастаний и остеофитов (Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Todd, 1920; McKern, Stewart, 1957; Ubelaker, 1989). Для детской и подростковой категорий учитывалось соотношение прорезывания молочных и постоянных зубов, степень прирастания эпифизов к кости и длина диафизарного фрагмента длинных трубчатых костей конечностей (Ubelaker, 1989; Куфтерин, 2017). Для фиксации использовался фотоаппарат Canon D600.

Материалы со стоянки Туткаул (рис. 2, 1, 2). В процессе повторного изучения сохранившихся антропологических материалов со стоянки Туткаул выяснилось, что фрагменты черепов к настоящему моменту не сохранились. Сохранность костяков неполная, кости фрагментарные, костная ткань хрупкая. Соотнести части посткраниального скелета с описанными Т.П. Кияткиной черепами довольно затруднительно. При документировании полученных данных, мы ориентировались на этикетки, находящиеся вместе с изучаемыми материалами. Учитывая утрату черепов, а также особенности остеологического хранения, мы допускаем некоторые нестыковки между полевыми шифрами на этикетках и опубликованных Т.П. Кияткиной номерах погребений.

Фрагменты костей скелета из *погр. 1* к настоящему времени не сохранились. Посткраниальный скелет индивида из *погр. 2* представлен фрагментами верхнего отдела позвоночника, диафи-

зами костей обеих рук, телом правой ключицы и диафизами костей пясти левой кисти. Кости рук грацильные, мышечный рельеф развит слабо, скелет мог принадлежать как ребенку-подростку, так и грацильному взрослому. По данным Т.П. Кияткиной, это была зрелая женщина. В коробке с костями из *погр. 2* нами был обнаружен зуб человека, который ранее упоминался в полевом отчете (Ранов, 1968). Зуб с одним корнем был определен как нижний премоляр. Стерт по всей площади окклюзионной поверхности, но высота коронки еще достаточно велика, возраст индивида определяется как зрелый-пожилой (рис. 3, 1).

От индивидов, обнаруженных в *погр. 3*, сохранились фрагменты и целые кости посткраниального скелета, некоторые кости до сих пор хранятся внутри погребальной почвы. По длинам некоторых костей посткраниального скелета возраст одного ребенка оценивается в интервале 3–5 лет (Куфтерин, 2017). Напомним, что возраст одного из детей был определен по черепу Т.П. Кияткиной примерно соответствующим 4 годам. Не исключено, что кости сохранившегося скелета принадлежат именно этому индивиду. По образцу из позвонка из *погр. 3* был проведен генетический анализ, который показал, что у ребенка идентифицируется вирус гепатита В, который отнесен к уникальной ветви филогенетического древа этого вируса и не был обнаружен у других западноевразийских индивидов периода неолита (Kocher et al., 2021).

В коллекции представлены несколько коробок с отдельными костями посткраниального скелета, не увязывающимися ни с одним из трех обнаруженных археологами погребений и не упоминавшихся в ранних публикациях антропологических материалов. В отчете 1967 г. (Ранов, 1968) в описании разреза главных траншей по линии А — запад—восток приводится описание находки скопления костей: “почти на кровле второго горизонта встречено 2 обломка костей, которые могут быть обломками берцовых костей человека”. Сохранилось три небольших коробки с костями, подходящими под это описание. На этикетке одной из них написано: “Ранов В.А. Туткаул. 1967. Кв. А-21. Кости, найденные над погребением № 3. 24.V.1967”, внутри находятся диафизы большеберцовых костей и фрагмент ребра ребенка. Вероятнее всего, они происходят из третьего погребения. Две другие этикетки подписаны следующим образом: “Туткаул 67. Кв. И-9. 5–6 ур. Отдельные находки, разр. Захоронение”. Внутри находятся диафизы большеберцовых и бедренных костей взрослого индивидуума, которые оказались одними из наиболее любопытных объектов для исследования. На наружной компакте диафиза левой бедренной кости и на ее дистальном конце отмечаются сломы, которые мы склонны рассматривать как результат посмертных разру-

Рис. 2. Антропологические материалы со стоянок Туткаул (1, 2) и Кайлю (3–5): 1 – схема сохранившихся костей из погребения 2; 2 – схема сохранившихся костей из погребения 3; 3 – реконструкция женского погребения (выполнена вед. худ. ИАЭТ СО РАН А.В. Абдулмановой); 4 – схема сохранившихся костей из погребения 1; 5 – схема сохранившихся костей из погребения 2.

Fig. 2. Anthropological materials from the Tutkaul (1, 2) and Kaylu (3–5) sites: 1 – the scheme of the preserved bones from burial 2; 2 – the scheme of preserved bones from burial 3; 3 – a reconstruction of female burial (made by leading artist of IAET SB RAS A.V. Abdulmanova); 4 – the scheme of preserved bones from burial 1; 5 – the scheme of preserved bones from burial 2.

шений, но не вследствие тафономических процессов. Возможно, это следы погрызов хищников или падальщиков (рис. 4).

Результаты радиоуглеродного анализа подтвердили древность погребений. По фрагменту кости скелета из погр. 3, лаборатория Золотой долины получила датировку 8425–8025 calBP (GV-02104, 7450 ± 106 BP) (Kocher et al., 2021). Мы не исключаем, что и останки из других погребений датируются аналогичным периодом, поскольку погребения происходят из одного стратиграфического уровня.

Согласно полевому отчету, в погр. 2 был обнаружен зуб под локтевой костью женского скелета, и мог не принадлежать этому индивидууму.

Для данного зуба был проведен генетический анализ, результаты которого опубликованы в коллективной статье (Posth et al., 2023). Сохранность органики в образце была удовлетворительной, что позволило провести детальную оценку митохондриальных гаплогрупп (Posth et al., 2023. SI. Tabl. 1), согласно которой, образец относится гаплогруппе мтДНК U7, распространенной в широких пределах от западного Ирана до западной Индии (Sahakyan et al., 2017). Генетический пол был определен на основе относительного покрытия на X- и Y-хромосомах по сравнению с аутосомными SNPs, что позволило определить пол индивида из погр. 2 стоянки Туткаул как мужской (Posth et al., 2023). Таким образом, с учетом полу-

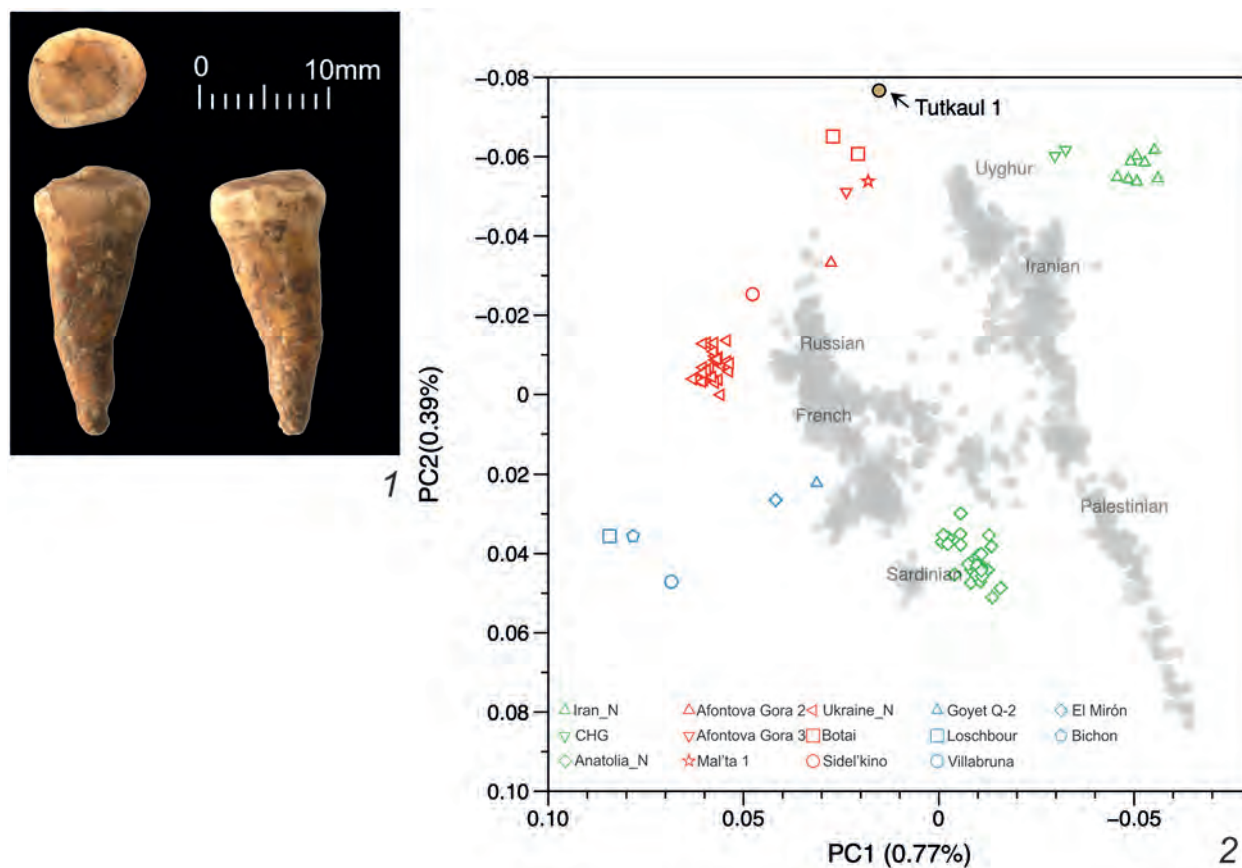

Рис. 3. Зуб пожилого человека из погребения 2 стоянки Туткаул (1) и результаты его генетического анализа (2).
Fig. 3. A tooth of a mature individual from burial 2 at the Tutkaul site (1) and the results of its genetic analysis (2)

ченных результатов и, согласно полевым описаниям, сделанным в 1960-х годах (Ранов, 1968), а также антропологическому анализу обнаруженных в погребении останков (Кияткина, 1976), зуб не относится к индивидууму, похороненному в погр. 2.

Дополнительно оценили гаплогруппы по Y-хромосоме с помощью Y-Haplo caller из пакета AngsD (Korneliussen et al., 2014). Была подтверждена гаплогруппа Q1b2a, которая впервые выделена в серии древнего населения и никогда ранее не описывалась ни у одного из исследованных останков охотников-собирателей (Posth et al., 2023. SI. Tabl. 1).

Полученные данные были генотипированы по 1240K SNPs и объединены с ранее опубликованными данными древних людей, а также современными данными, генотипированными по ~600K SNPs из набора данных Human Origins (HO; Patterson et al., 2012), что демонстрирует достаточное для дальнейшего геномного анализа покрытие SNP (Posth et al., 2023. SI. Tabl. 1).

Полученные данные были изучены методом главных компонент для оценки места изученного

образца в поле известных значений генетического разнообразия современных евразийских групп (Lazaridis et al., 2014). В результате было показано, что изученный индивидуум находится вне генетических вариаций, характерных для современных западных евразийцев, и по своим особенностям приближается к геномам сибирских верхнепалеолитических индивидов, имеющих древнее североевразийское происхождение (ANE/Ancient North Eurasian), такими как Мальта 1, Афонтова Гора 2 и Афонтова Гора 3 (рис. 3, 2).

Материалы со стоянки Кайлю (рис. 2, 3–5). На новом этапе исследований были изучены сохранившиеся антропологические материалы из двух погребений из Кайлю. Первый индивид был представлен мелкими фрагментами костей практически всех отделов скелета, от второго индивида сохранились небольшие фрагменты костей скелета верхней части и вплоть до бедренных костей. Среди фрагментов скелетов обоих индивидов удалось обнаружить несколько зубов, которые были использованы в лабораторных исследованиях. В результате применения традиционных морфологических методов удалось идентифицировать фрагменты скелетов двух разновозрастных

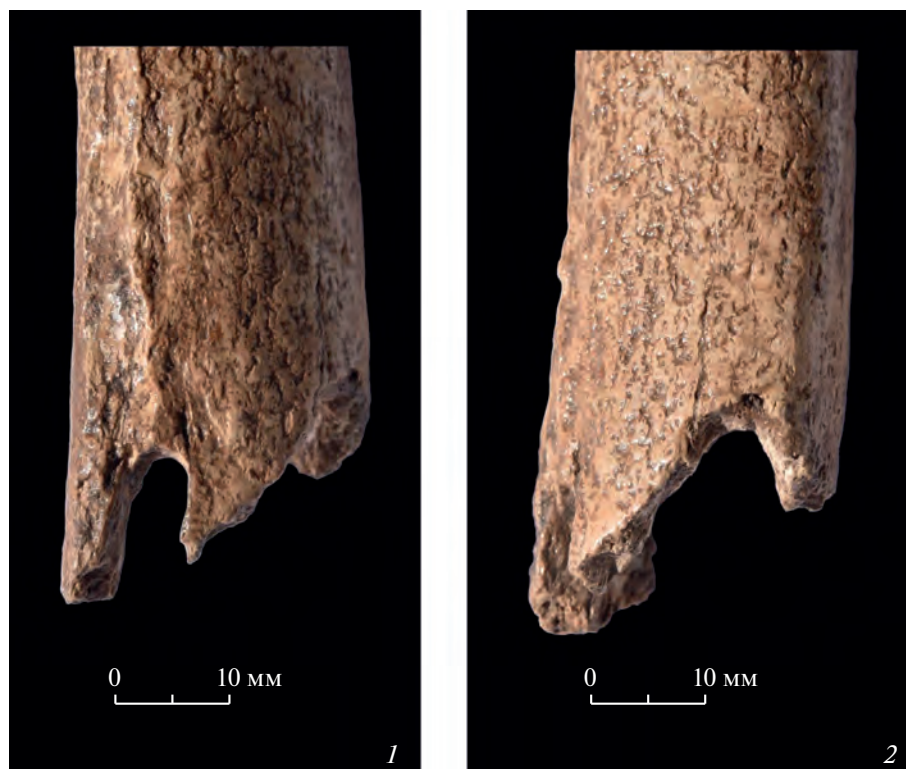

Рис. 4. Стоянка Туткаул, разрушенное захоронение. Фрагмент диафиза бедренной кости с вероятными следами укусов хищных животных.

Fig. 4. The Tutkaul site, destroyed burial. A fragment of the diaphysis of the femur with probable traces of bites left by predatory animals

половозрелых индивидов: молодого и зрелого возраста (*Adultus* и *Maturus*), однако пол этих индивидов остался под вопросом. На основе хромото-масс-спектрометрического анализа пептидов зубной эмали этих двух индивидов был установлен пол: в первом захоронении был погребен мужчина (индивид молодого возраста), во втором — женщина (индивид средних лет) (Зиганшин и др. 2020. С. 223).

Внешний вид сохранившихся частей скелета позволяет предположить, что окраска охрой имела ритуальное значение: она сконцентрирована на костях черепа (сохранившиеся фрагменты лобной кости у одного и лицевых костей у другого индивидуума), костях кисти, фрагментах бедренной и (у одного индивидуума) большеберцовой костей. Исходя из положения тел усопших и следов окраски сохранившихся костей охрой, она концентрировалась в области головы и таза, что подтверждается описанием А.П. Окладникова (Окладников, 1966).

Малый коренной зуб женщины из могильника Кайлю подвергся прямому датированию в Лаборатории палеобиогеохимии изотопов окружающей среды в Университете Иллинойса, результа-

ты которого указывают на возраст образца в 6300 ± 27 calBP (Rigaud et al., 2023).

Данная работа показала важность сохранения и повторного изучения даже тех коллекций, которые на момент проведения полевых исследований кажутся не перспективными. Так, при повторном изучении антропологических коллекций со стоянки Туткаул были обнаружены фрагменты разрушенного погребения, которые не были опубликованы исследователями ранее, на данных костях удалось зафиксировать наличие посмертных следов погрызов животных. По материалам костных останков было проведено радиоуглеродное датирование, результаты которого согласуются с датировкой, полученной в 1970-х годах для угля из очага из верхней части горизонта 2, 7100 ± 140 (8193–7623 л.н.) (Ранов, Коробкова, 1971).

Важные результаты были получены при проведении генетического анализа образцов из погр. 2 и 3 стоянки Туткаул. Удалось определить, что среди неолитических популяций Центральной Азии встречался гепатит Б, который принадлежал к вирусной линии, не зафиксированной у синхронных европейских популяций. Особую важность несут результаты расшифровки генома человека из погр. 2. В результате сопоставления ар-

живных данных из полевых отчетов, результатов антропологической экспертизы и палеогенетического анализа удалось определить, что во втором погребении был найден зуб еще одного индивидуума — мужчины. Анализ митохондриального генома показал, что данная популяция была связана своими корнями с древнейшим северо-евразийским населением, а также близка неолитическому населению Ирана.

Что касается других погребений гиссарской неолитической культуры, то аналогичное погребение было отмечено на памятнике Сай-Сайёд (Гиссаро-Алай) во втором культурном горизонте. В ходе работ не прослеживались границы ямы, погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, голова ориентирована на северо-восток. Пол скелета точно не определен: в одной статье Т. П. Кияткиной он определен как женский, а в другой — как мужской (Кияткина, 1987, с. 404; 1998, с. 526). Возраст погребенного преклонный — ему было больше 60 лет. Исследователь отмечает, что, судя по находкам в других синхронных памятниках, люди в эту эпоху в среднем умирали гораздо раньше, не доживая до таких преклонных лет (Кияткина, 1998, с. 527).

Сопоставляя археологические артефакты и особенности погребений на памятниках Сай-Сайёд и Туткаул, можно констатировать одинаковый обряд погребения — скорченное положение погребенных, голова ориентирована на юго-восток/северо-восток, отсутствие погребального инвентаря. Автор раскопок стоянки Сай-Сайёд А.Х. Юсупов считает, что в погребении, возможно, был и сопроводительный материал: чоппинг лежал непосредственно на бедре. Около скелета найдены ножевидная пластина и отщеп (Юсупов, 1976. С. 26–27). Отметим, что при раскопках первого слоя поселения Бульёни-Поён, который относится к гиссарской неолитической культуре, упоминается “костяк младенца” (Окладников, 1961. С. 9). К сожалению, по этой находке не сохранилось полевых описаний и зарисовок, что не позволило нам провести сопоставление с исследованными погребениями на других памятниках этой культуры.

На настоящий момент на основе полученных генетических данных сложно утвердительно говорить о генофонде носителей гиссарской культуры, но можно предположить, что предки гиссарцев имели общие корни с древним населением Восточной Сибири, что не исключает предполагаемую по данным археологии миграцию с территории Среднего Востока в Центральную Азию в период финального плейстоцена — раннего голоцена. На основе анализа каменной индустрии, предшествующей туткаульской линии развития, реконструируется, что она развивалась под воздействием неоднократных культурных контактов

населения Ближнего и Среднего Востока (Shnaid-er et al., 2020). Эту гипотезу также поддерживают свидетельства миграционного происхождения одомашненных овец и коз в горной части Центральной Азии, которые на основе генетического анализа фаунистических останков со стоянки Обишир-5 попали сюда из областей Среднего Востока (Taylor et al., 2021). Важно отметить, что на основе анализа верхнепалеолитических индустрий также фиксируются связи с населением Ближнего и Среднего Востока (Колобова и др., 2013; Kolobova, Krivosheina, Shnaid-er, 2019).

На новом этапе исследований с использованием хромато-масс-спектрометрического анализа пептидов зубной эмали удалось определить пол погребенных из грота Кайлю, а также провести прямое радиоуглеродное датирование. Установлено, что погребения относятся к финальному неолиту, и здесь были погребены мужчина и женщина. Наиболее близкие аналогии данному погребению прослеживаются с могильником Тумек-Кичиджик, где проводились полевые исследования в 1972–1974 гг. и обнаружено 24 неолитических погребения. Как правило, погребения проводились в узких вытянутых глубоких ямах с уступом по одной длинной стенке. За отдельными исключениями установлено, что погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на восток/северо-восток. Костяки покрывались красной охрой, сопровождающий инвентарь представлен фрагментами керамики, также встречены многочисленные бусины, выполненные из раковин *Didacna* и костей, которые преимущественно концентрировались в тазовой зоне костяков. Частью головных украшений были цилиндрические пронизки из костей птиц, цилиндрические или усеченно-цилиндрические из раковин *Dentalium* и подвески из мелких клыков животных. Согласно А.В. Виноградову, Тумек-Кичиджик датируется концом 5 — концом 4 тыс. до н.э. и относится к кельтеминарской культуре (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986). В целом можно заключить, что погребальный обряд, представленный в могильниках Кайлю и Тумек-Кичиджик, схож. Погребенные укладывались в вытянутом положении в неглубокие ямы, ориентированные на северо-восток, северо-запад, активно посыпались охрой. Вероятнее всего, погребенные были одеты в похожую одежду, где головные уборы и набедренные повязки украшались бусинами, выполненными из раковин *Didacna*, в могильнике Тумек-Кичиджик также отмечаются украшения из костей животных. Важно отметить, что при проведении исследований А.В. Виноградов не отмечает зависимости погребального обряда и сопроводительного инвентаря от пола погребенных, то же фиксируется и для могильника Кайлю. На основе имеющихся данных, мы предполагаем, что могильник Кайлю относится к кельтеминарской

культуре. Элементы аналогичного погребального обряда также фиксировались А.В. Виноградовым на памятниках Каскажол и стоянке Толстого (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 70, 71). Ранее в этом регионе отмечалось наличие “кельтеминарских элементов”: в слоях 4 и 5 Дам-Дам-Чешме-2 были обнаружены кельтеминарский наконечник и рогатая трапеция (Алишер кызы и др., 2020), и в 6 слое Кайлю обнаружен кельтеминарский наконечник (Окладников, 1953). Также многочисленный кельтеминарский материал отмечается в культурных слоях Джебела (Окладников, 1956). На основе этого было сделано заключение, что в период неолита периодически регион посещался представителями кельтеминарской культуры (Окладников, 1966; Алишер кызы, 2022).

На настоящий момент отмечается сосуществование трех погребальных традиций в неолите Центральной Азии, характерных для джейтунской, кельтеминарской и гиссарской культур. Джейтунские погребения, как правило, производились на территории поселений, в скорченном положении, ориентации костяков варьируются, погребальный инвентарь не отмечается (Массон, 1971). Кельтеминарские погребения производились не на территории памятников, в неглубоких ямах, погребенные укладывались в вытянутом положении, ориентировались на северо-восток/северо-запад, покрывались охрой. Мы можем говорить о характерной одежде для усопших, обильно украшенной бусинами. Гиссарские погребения осуществлялись на территории поселений, в неглубоких ямах, усопшие укладывались в скорченном положении на левом боку, ориентировались на юго-восток/северо-восток, погребальный инвентарь не отмечается.

Проведенная работа показала важность сохранения даже тех археологических/антропологических коллекций, которые на момент проведения полевых исследований казались не перспективными для изучения. Так, для материалов со стоянок Туткаул и Кайлю удалось провести радиоуглеродное датирование, определить пол погребенных с использованием новейших биоархеологических методов. Для образцов со стоянки Туткаул в научный оборот введены данные о минимум еще одном погребенном, чьи зуб и фрагменты посткраниального скелета, были обнаружены при повторном изучении материала. Для нескольких индивидов, погребенных на этом памятнике, удалось провести генетический анализ, который показал наличие гепатита В у одного из детей, а также принадлежность одного из погребенных к североазиатской генетической общности.

Фотофиксация антропологических коллекций осуществлялась при поддержке госзадания “Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условияхменяющейся

природной среды” (FWZG-2022-0008), отбор образцов для проведения анализов, проведение корреляций выполнены при поддержке проекта РНФ № 19-78-10053 “Происхождение производящего хозяйства на территории горной части Центральной Азии”. Антропологический анализ коллекций осуществлялся в рамках плановой темы “Антропология евразийских популяций (биологические аспекты) № ЦИТИС: АААА-А19-119013090163-2”. Коллектив авторов выражает благодарность сотрудникам Института эволюционной антропологии Макса Планка (Лейпциг, Германия) Козимо Пост (Cosimo Posth), Хэ Ю (He Yu) и Йоханнесу Краузе (Johannes Krause) за проведение генетического анализа образцов и предоставленную иллюстрацию к публикации (рис. 3, 2). Также авторы выражают признательность Директору ИИАЭ им. А. Дониша АН РТ д.и.н. Н.К. Убайдулло, заведующему отделом археологии ИИАЭ им. А. Дониша АН РТ к.и.н. Н.Н. Сайфуллоеву за многолетнее плодотворное сотрудничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алишер кызы С. Мезолитические и неолитические комплексы Восточного Прикаспия (по материалам раскопок А.П. Окладникова 1949–1952 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 26 с.
- Алишер кызы С., Шнайдер С.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Новые данные по мезолиту Восточного Прикаспия: каменная индустрия грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова) // *Stratum plus*. 2020. № 1. С. 257–278.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1986 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; XV). 200 с.
- Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Изучение Гиссарской культуры и неолитические слои поселения Кангурттут (к проблеме финального этапа гиссарской культуры) // Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. С. 5–159.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.
- Зиганшин Р.Х., Березина Н.Я., Александров П.Л., Рябинин В.В., Бужилова А.П. Оптимизация метода идентификации пола человека пептидомным анализом эмали зубов различной биологической генерации, археологического возраста и тафономической сохранности // Биохимия. 2020. Т. 85. № 5. С. 718–728.

- Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976. 187 с.
- Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе: Дониш, 1987. 124 с.
- Кияткина Т.П. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа. Т. 1 / Ред. Н. Н. Негматов. Душанбе: Дониш, 1998. С. 524–543.
- Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. Т. 54. № 2. С. 3–54.
- Куфтерин В.В. Атлас абрисов костей конечностей детей и подростков для возрастной экспресс-диагностики (по материалам Гонур-депе). М.: Старый сад, 2017. 154 с.
- Массон В.М. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1960. № 1. С. 69–77.
- Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 180). 208 с.
- Окладников А.П. Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 2. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1953. С. 73–104.
- Окладников А.П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 7. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. С. 11–220.
- Окладников А.П. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1956 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 4. 1956 г. Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1959. С. 3–21.
- Окладников А.П. Исследование памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 6. 1958 г. Душанбе: Дониш, 1961. С. 5–17.
- Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. В.М. Массон. М.; Л.: Наука, 1966. С. 11–75.
- Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 154 с.
- Ранов В.А. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 8. 1960 г. Душанбе: Дониш, 1962. С. 6–26.
- Ранов В.А. Отчет о работе Нурекского археологического отряда за 1967 год // Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Душанбе. 1968. 35 с.
- Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 52 с.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // Советская археология. 1971. № 2. С. 133–147.
- Ранов В.А., Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь стоянки Дарай Шур и его культурные связи // Культура первобытной эпохи Таджикистана / Отв. ред. Н. Н. Негматов, В. А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1982. С. 5–21.
- Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И. Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). Туркестан: Мирас, 1998. 186 с.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2012. 468 с.
- Юсупов А. Отчет Нурекской группы (1972 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 12. 1972 г. Душанбе: Дониш, 1976. С. 22–28.
- Kocher A., Papac L., Barquera R. et al. Ten millennia of hepatitis B virus evolution // Science. 2021. V. 374. Iss. 6564. P. 182–188.
- Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Shnaider S.V. Early geometric microlith technology in Central Asia // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. V. 11. P. 1407–1419. DOI: 10.1007/s12520-018-0613
- Korneliussen T.S., Albrechtsen A., Nielsen R. ANGSD: analysis of next generation sequencing data // BMC bioinformatics. 2014. № 15. 356.
- Lazaridis I., Patterson N., Mittnik A. et al. Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans // Nature. 2014. 513, 7518. P. 409–413.
- McKern T.W., Stewart T.D. Skeletal Age Changes in Young American Males, Analysed from the Standpoint of Age Identification. Natick, MA: Headquarters Quartermaster Research and Development Command, 1957. 179 p.
- Nishiaki Y., Aripdjanov O., Arai S. et al. Neolithization during the 6th millennium BCE in western Central Asia: New evidence from Kaynar Kamar Rockshelter, Hissar Mountains, Southeast Uzbekistan // Archaeological Research in Asia. 2022. V. 30. P. 1–19.
- Patterson N., Moorjani P., Luo Y. et al. Ancient admixture in human history // Genetics. 2012. V. 192. Iss. 3. P. 1065–1093.
- Posth C., Yu H., Ghalichi A., Rougier H. et al. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers // Nature. 2023. 615, 7950. P. 117–126.
- Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of the Soviet Central Asian Paleolithic // Current Archeology. 1979. V. 20. P. 249–262.
- Rigaud S., Queffelec A., Le Bourdonnec F.-X. et al. Changing styles and symbols in Western Central Asia: new insights on the Early Holocene Caspian seafaring inferred from personal ornaments // Open Archaeology. 2023. Vol. 9. Iss. 1. 20220289.

- Sahakyan H., Hooshir Kashani B., Tamang R. et al.* Origin and spread of human mitochondrial DNA haplogroup U7 // *Scientific reports*. 2017. 7. 46044.
- Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoschapkin A.I.* New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex // *Quaternary International*. 2020. 535. P. 139–154.
- Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C. et al.* Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // *Nature Human Behaviour*. 2021. P. 1–11. DOI: 10.1038/s41562-021-01083-y
- Todd T.W.* Age changes in the pubic bone. I The male White pubis // *American Journal of Physical Anthropology*. 1920. № 3. P. 285–334.
- Ubelaker D.* *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. — Washington D.C.: Taraxacum, 1989. 172 p.

THE RESULTS OF NEW STUDY OF NEOLITHIC HUMAN REMAINS IN CENTRAL ASIA (based on Tutkaul and Kaylu materials)

**Svetlana V. Shnaider^{a,#}, Natalia Yu. Berezina^{b,##}, Tatiana G. Filimonova^{c,###}, Saltanat Alisher kyzy^{a,####},
and Aleksandra P. Buzhilova^{b,#####}**

^a*International Laboratory “Archaeozoology in Siberia and Central Asia” ZooSCAn, IRL 2013, National Research Centre – Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia*

^b*Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

^c*A. Donish Institute of History Archaeology, and Ethnography, Dushanbe, Tajikistan*

[#]*E-mail: sveta.shnayder@gmail.com*

^{##}*E-mail: berezina.natalia@gmail.com*

^{###}*E-mail: tatjanafilimonova@mail.ru*

^{####}*E-mail: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com*

^{#####}*E-mail: albu_pa@mail.ru*

This paper presents the analyses of human remains from Neolithic deposits from the Tutkaul (Hissaro-Alay) and Kaylu (Caspian region) sites. The Tutkaul site is located on the territory of modern Nurek reservoir and was excavated by V.A. Ranov in the 1960s. Tutkaul has yielded three burials attributed to the Hissar Neolithic technocomplex. Part of the human remains were lost such as fragments of the postcranial remains from burials 2 and 3. Our recovery of the faunal collection of the site identified new human remains in the immediate vicinity of the burials. The taphonomic analysis demonstrates the intervention of a medium size carnivore on some of the fragments. Recent AMS-dating attributed burial 3 to 8.4–8 ky BP. Two palaeogenomic analyses identify the presence of Hepatitis B (infectious liver disease) in the individual from burial 3. From the tooth found in burial 2, the mitochondrial genome was isolated and a comparative analysis of haplogroups, including those from the Y chromosome, was performed. Genetic analysis showed similarity of the mitochondrial genome of this individual with the Ancient North Eurasian population, especially with the genomes of the earliest population of Siberia, as well as with the Neolithic population of Iran. In addition, the Y-chromosome haplogroup analysis revealed the presence of haplogroup Q1b2a, which was isolated for the first time in the series of the ancient population and has never been described before. In addition, some genetic links were investigated between individual 2 and the ancient North Eurasian population and the Neolithic population from Iran. Finally, some cultural similarities were found that the Tutkaul burials shared with synchronous remains from the Sai-Sayod and Bulyoni-Poyon sites (Hissaro-Alay). Re-examination of the human remains from the Kaylu burials has identified the presence of one young and one mature adults (Adultus and Maturus). The sex of the individuals (male and female) was determined using chromatographic-mass spectrometric analysis of dental enamel peptides. Radiocarbon dating was also performed for these materials – 6 ka BP. The burials find analogies in synchronous burials of the Kelteminar Neolithic culture.

Keywords: Neolithic, Central Asia, Hissar culture, Tutkaul, Kaylu, paleoanthropology, palaeogenetics.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F.*, 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Alisher kyzy S.*, 2022. *Mezoliticheskie i neoliticheskie komplekсы Vostochnogo Prikaspiya (po materialam raskopok A.P. Okladnikova 1949–1952 gg.): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk* [Mesolithic and Neolithic complexes of the Eastern Caspian Sea region (based on excavations by A.P. Okladnikov in 1949–1952): an author's abstract of the thesis for the Doctoral degree in History]. Barnaul. 26 p.
- Alisher kyzy S., Shnayder S.V., Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I.*, 2020. *New data on the Mesolithic of the Eastern Caspian: Lithic industry of the Dam-Dam-*

- Cheshme-2 site (based on the excavations by A.P. Okladnikov). *Stratum plus*, 1, pp. 257–278. (In Russ.)
- Chikisheva T.A., 2012. Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza [Dynamics of anthropological differentiation of the population in the South of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Ages]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 468 p.
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A., 1972. Paleoantropologiya Sredney Azii [Palaeoanthropology of Central Asia]. Moscow: Nauka. 371 p.
- Kiyatkina T.P., 1976. Materialy k paleoantropologii Tadjikistana [Materials for the palaeoanthropology of Tajikistan]. Dushanbe: Donish. 187 p.
- Kiyatkina T.P., 1987. Paleoantropologiya zapadnykh rayonov Tsentral'noy Azii epokhi bronzy [Palaeoanthropology of the western regions of Central Asia in the Bronze Age]. Dushanbe: Donish. 124 p.
- Kiyatkina T.P., 1998. Palaeoanthropology of earliest and ancient Central Asia. *Istoriya tadjikskogo naroda [History of the Tajik people]*, 1. N.N. Negmatov, ed. Dushanbe: Donish, pp. 524–543. (In Russ.)
- Kocher A., Papac L., Barquera R. et al., 2021. Ten millennia of hepatitis B virus evolution. *Science*, vol. 374, iss. 6564, pp. 182–188.
- Kolobova K.A., Flas D., Derevyanko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Krivoshapkin A.I., 2013. The Kulbulak bladelet tradition in the Upper Palaeolithic of Central Asia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, vol. 54, no. 2, pp. 3–54. (In Russ.)
- Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V., 2019. Early geometric microlith technology in Central Asia. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 11, pp. 1407–1419. DOI 10.1007/s12520-018-0613.
- Korneliussen T.S., Albrechtsen A., Nielsen R., 2014. ANGSD: analysis of next generation sequencing data. *BMC bioinformatics*, 15, 356.
- Kufterin V.V., 2017. Atlas abrisov kostey konechnostey detey i podrostkov dlya vozrastnoy ekspress-diagnostics (po materialam Gonur-depe) [Atlas of the outlines of children's and adolescents' limb bones for age-related instant diagnosis (based on materials from Gonur-Depe)]. Moscow: Staryy sad. 154 p.
- Lazaridis I., Patterson N., Mittnik A. et al. 2014. Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans. *Nature*, 513, 7518, pp. 409–413.
- Masson V.M., 1960. The earliest farming culture of Central Asia. *Izvestiya Akademii nauk Turkmenskoy SSR. Seriya obshchestvennykh nauk [Bulletin of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR. Social Sciences Series]*, 1, pp. 69–77. (In Russ.)
- Masson V.M., 1971. Poselenie Dzheyton (problema stanovleniya proizvodnyashchey ekonomiki) [The settlement of Jeiton (the problem of the formation of a producing economy)]. Leningrad: Nauka. 208 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 180).
- McKern T.W., Stewart T.D., 1957. Skeletal Age Changes in Young American Males, Analysed from the Standpoint of Age Identification. Natick, MA: Headquarters Quartermaster Research and Development Command. 179 p.
- Nishiaki Y., Aripdjanov O., Arai S. et al., 2022. Neolithization during the 6th millennium BCE in western Central Asia: New evidence from Kaynar Kamar Rockshelter, Hissar Mountains, Southeast Uzbekistan. *Archaeological Research in Asia*, 30, pp. 1–19.
- Okladnikov A.P., 1953. The earliest archaeological sites of the Krasnovodsk Peninsula. *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Proceedings of the South Turkmenistan archaeological joint expedition]*, 2. Ashkhabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Turkmenskoy SSR, pp. 73–104. (In Russ.)
- Okladnikov A.P., 1956. The Jebel cave – a site of the ancient culture of the Caspian tribes. *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Proceedings of the South Turkmenistan archaeological joint expedition]*, 7. Ashkhabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Turkmenskoy SSR, pp. 11–220. (In Russ.)
- Okladnikov A.P., 1959. On the activity of the Tajikistan archaeological expedition in 1956. *Arkheologicheskie raboty v Tadjikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, 4 (1956). Dushanbe: Izdatel'stvo Akademii nauk Tadjikskoy SSR, pp. 3–21. (In Russ.)
- Okladnikov A.P., 1961. Studies in the Stone Age sites in the south of Tajikistan in 1958. *Arkheologicheskie raboty v Tadjikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, 6 (1958). Dushanbe: Donish, pp. 5–17. (In Russ.)
- Okladnikov A.P., 1966. The Palaeolithic and Mesolithic of Central Asia. *Srednyaya Aziya v epokhu kamnya i bronzy [Central Asia in the Age of Stone and Bronze]*. V.M. Masson, ed. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 11–75. (In Russ.)
- Pashkova V.I., 1963. Ocherki sudebno-meditsinskoy osteologii [Studies in forensic osteology]. Moscow: Medgiz. 154 p.
- Patterson N., Moorjani P., Luo Y. et al., 2012. Ancient admixture in human history. *Genetics*, vol. 192, iss. 3, pp. 1065–1093.
- Posth C., Yu H., Ghalichi A., Rougier H. et al., 2023. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers. *Nature*, 615, 7950, pp. 117–126.
- Ranov V.A., 1962. Excavations of sites of the primitive communal system in the Eastern Pamirs. *Arkheologicheskie raboty v Tadjikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, 8 (1960). Dushanbe: Donish, pp. 6–26. (In Russ.)
- Ranov V.A., 1968. Otchet o rabote Nurekского arkheologicheskogo otryada za 1967 god [Report on the activity of the Nurek archaeological detachment for 1967]. *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii imeni A. Donisha Akademii nauk Respubliki Tadjikistan [Archive of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan]*. Dushanbe. 35 p.
- Ranov V.A., 1988. Kamennyy vek Yuzhnogo Tadjikistana i Pamira: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [The Stone Age of South Tajikistan and the Pamirs: an author's abstract of the thesis for the Doctoral degree in History]. Novosibirsk. 52 p.
- Ranov V.A., Davis R., 1979. Toward a new outline of the Soviet Central Asian Paleolithic. *Current Archeology*, 20, pp. 249–262.

- Ranov V.A., Korobkova G.F., 1971. Tutkaul — a multi-layered settlement of the Hissar culture in South Tajikistan. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 133–147. (In Russ.)
- Ranov V.A., Yusupov A.Kh., Filimonova T.G., 1982. Stone complex of the Darai Shur site and its cultural connections. *Kul'tura pervobytnoy epokhi Tadjikistana [Culture of the prehistoric period of Tajikistan]*. N.N. Negmatov, V.A. Ranov, eds. Dushanbe: Donish, pp. 5–21. (In Russ.)
- Rigaud S., Queffelec A., Le Bourdonnec F.-X. et al. Changing styles and symbols in Western Central Asia: new insights on the Early Holocene Caspian seafaring inferred from personal ornaments. *Open Archaeology*, 2023, 9(1), 20220289.
- Sahakyan H., Hooshiar Kashani B., Tamang R. et al., 2017. Origin and spread of human mitochondrial DNA haplogroup U7. *Scientific reports*, 7, 46044.
- Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoschapkin A.I., 2020. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex. *Quaternary International*, 535, pp. 139–154.
- Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C. et al., 2021. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia. *Nature Human Behaviour*. P. 1–11.
DOI: 10.1038/s41562-021-01083-y
- Taymagambetov Zh.K., Nokhrina T.I., 1998. Arkheologicheskie komplekсы peshchery Karaungur (Yuzhnyy Kazakhstan) [Archaeological complexes of the Karaungur cave (South Kazakhstan)]. Turkestan: Miras. 186 p.
- Todd T.W., 1920. Age changes in the pubic bone. I The male White pubis. *American Journal of Physical Anthropology*. No. 3. P. 285–334.
- Ubelaker D., 1989. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. — Washington D.C.: Taraxacum. 172 p.
- Vinogradov A.V., Itina M.A., Yablonskiy L.T., 1986. Drevneyshee naselenie nizoviy Amudar'i. Arkheologo-paleoantropologicheskoe issledovanie [Earliest population of the lower Amu Darya region. Archaeological and palaeoanthropological study]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 200 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, XV).
- Vinogradova N.M., Ranov V.A., Filimonova T.G., 2008. Studying of the Hissar culture and Neolithic layers of the Kangurtut settlement (on the problem of the final stage of the Hissar culture). *Pamyatniki Kangurtuta v Yugo-Zapadnom Tadjikistane (epokha neolita i bronzovogo veka) [Sites of Kangurtut in South-Western Tajikistan (Neolithic and Bronze Age)]*. Moscow: Institut vostoковedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 5–159. (In Russ.)
- Yusupov A., 1976. Report of the Nurek group (1972). *Arkheologicheskie raboty v Tadjikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, 12 (1972). Dushanbe: Donish, pp. 22–28. (In Russ.)
- Ziganshin R.Kh., Berezina N.Ya., Aleksandrov P.L., Ryabinin V.V., Buzhilova A.P., 2020. Optimization of the method of human sex identification by peptidomic analysis of teeth enamel of different biological generation, archaeological age and taphonomic preservation. *Bio-khimiya [Biochemistry]*, vol. 85, no. 5, pp. 718–728. (In Russ.)

ГАРИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ БИФАСИАЛЬНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КРЕМНЯ И ПРОБЛЕМА ПОИСКА ЕЕ ИСТОКОВ

© 2023 г. В. Н. Карманов*

Институт языка, литературы и истории Коми Научный центр Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

**E-mail: vkarman@bk.ru*

Поступила в редакцию 07.02.2023 г.

После доработки 07.02.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В центре внимания исследования — традиция изготовления кремневых бифасов носителями гаринской археологической культуры (энеолит, восток Русской Равнины и Приуралья). На основе анализа следов обработки на артефактах определены целевые формы, особенности их создания и организации производства. Бифасиальное расщепление кремня в неолите и энеолите Русской Равнины изучено слабо, что объясняется источниковедческими и методическими проблемами. Это отсутствие или малочисленность однородных комплексов, неполнота технологических контекстов, устаревшее понимание сути двусторонней обработки кремня, недопонимание природы археологических источников и их познавательных возможностей. Из-за слабой изученности явления и отсутствия доказуемых сведений, истоки изучаемой традиции достоверно не определяются. Они либо теряются в разновременных контекстах, либо еще не выявлены исследователями. Возможно, что появление и развитие интенсивного производства бифасов связано с престижной экономикой и ростом обмена артефактами в энеолите.

Ключевые слова: энеолит, Северо-Восток Европы, гаринская культура, бифас, расщепление кремня.

DOI: 10.31857/S0869606323030121, **EDN:** DBDOKX

Гаринскую археологическую культуру энеолита представляют пористая гребенчатая керамика, двусторонне обработанные наконечники стрел с вогнутым и прямым основанием и свидетельства добычи металла в медистых песчаниках бассейна р. Кама и его обработки (Кузьминых, 2021. С. 12; Мельничук, Шипилов, 2021). Современные данные о ^{14}C -хронометрии определяют ее возраст в рамках III тыс. до н.э. с вероятным бытованием в конце IV и начале II тыс. до н.э. (Выборнов и др., 2019; Karmanov, Zaretskaya, 2021).

Решение проблемы генезиса гаринской культуры основывается, прежде всего, на изучении керамической посуды и домостроительстве, а каменный инвентарь и бифасиальное расщепление исследованы в меньшей мере. Это объясняется источниковедческими и методическими проблемами, среди которых на первом месте отсутствие или малочисленность однородных комплексов; неполнота технологических контекстов; некорректные представления о двусторонней обработке кремня; недопонимание природы археологических источников и их познавательных возможностей.

Задача исследования — решение этих проблем путем ввода в научный оборот данных о однородных комплексах гаринской культуры, их обобще-

ния и систематизации; первичной характеристики особенностей бифасиального расщепления и определение места среди культур финального неолита — энеолита сопредельных территорий. Цель исследования — поиск истоков сложности технологии бифасиального расщепления как явления эпохи раннего металла на востоке Русской Равнины и в Приуралье.

Материалы и методы. Регион распространения опорных источников — крайний Северо-Восток Европы, средняя и северная тайга между Уральским хребтом и р. Северная Двина, между Полярным кругом и бассейном р. Кама (рис. 1). Используются материалы объектов финального неолита и энеолита: углубленных жилищ, стоянок-мастерских и специализированных производственных комплексов чойновтинской/гаринской, камской и чужьяельской археологических культур.

В исследованиях по неолиту и энеолиту таежной зоны Восточной Европы вопрос об истоках бифасиального расщепления не ставился, поскольку этот вид обработки камня не определялся как самостоятельный и термин “бифас” понимался как орудие палеолита. Смена представлений о сути каменных индустрий неолита и ранне-

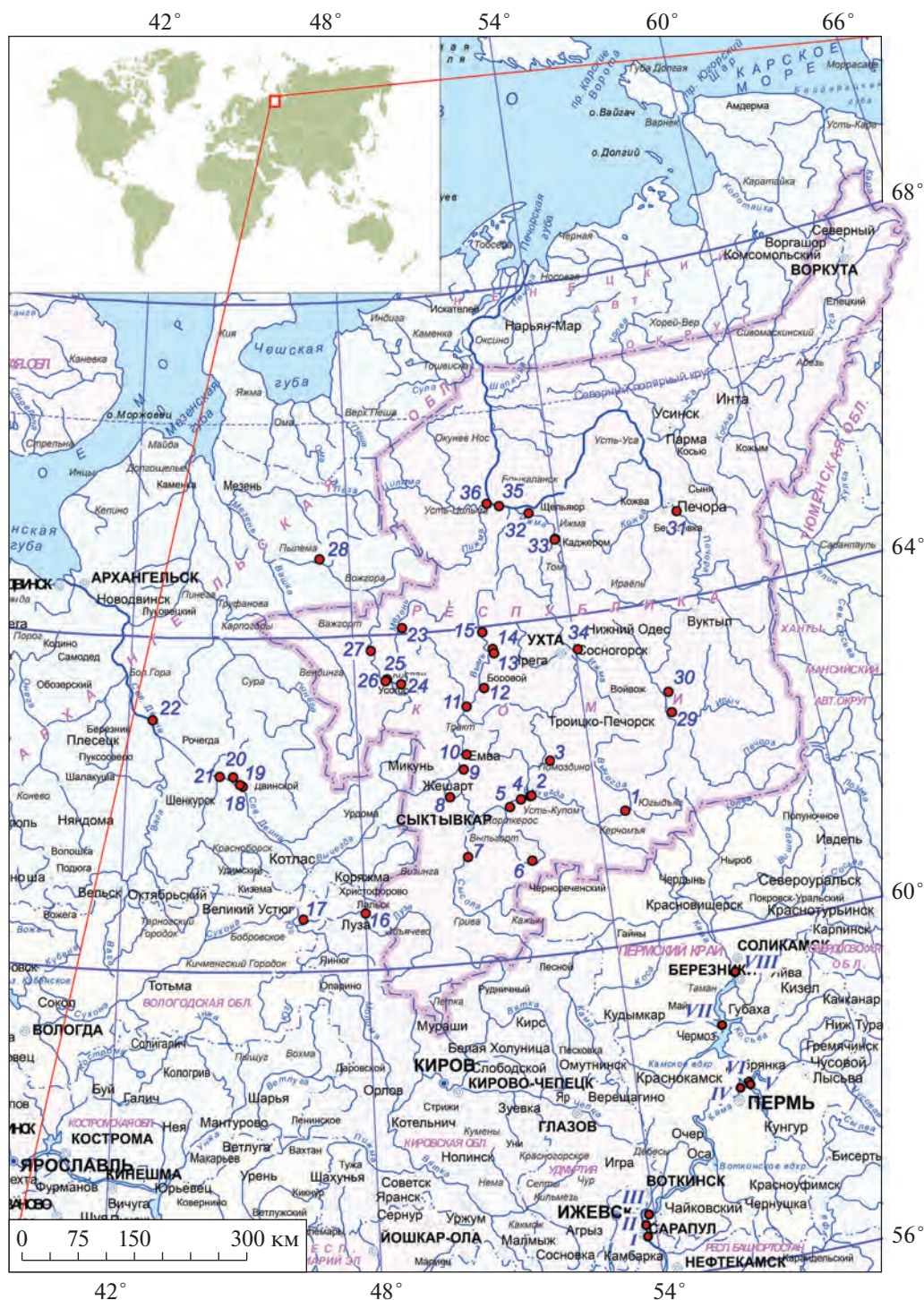

Рис. 1. Карта памятников крайнего Северо-Востока Европы и долины р. Кама. 1 – Вомыньяг I; 2 – Вад I, Шойнагы I; 3 – Юванаяг; 4 – Угдым IB, IG; 5 – Пезмогты 2; 6 – Лопью; 7 – Шойнаяг; 8 – Даньдор; 9 – Ниремка I; 10 – Ягуяр; 11 – Евдино III; 12 – Усть-Комыс; 13 – Шомвуква II; 14 – Усть-Кедва II; 15 – Усть-Ворыква II; 16 – Варжа; 17 – Павшино II; 18 – Приозерный I; 19 – Сойга V; 20 – Черная речка I; 21 – Юмиз I; 22 – Талта-речка; 23 – Нимейчой II; 24 – Усть-Лоптюга 2; 25 – Гыркаксель; 26 – Чойновты II; 27 – Ошчой I; 28 – Попьюга; 29 – Мартюшевское II; 30 – Пидж I; 31 – Топыд-Нюр XII; 32 – Галово II; 33 – Ласта VI, VIII; 34 – Айюва II; 35 – Шиховское II; 36 – Синегорье I; I – Симониха II; II – Заборное озеро I; III – Красное Плотбище; IV – Астраханцевское; V – Бор I; VI – Выстелишна; VII – Базов Бор; VIII – Чашкинское озеро II.

Fig. 1. Map of the sites of the extreme North-East of Europe and the Kama valley

го металла произошла благодаря методическим разработкам Е.Ю. Гири (Гиря, 1997; Аникович и др., 1998) — впервые в отечественной археологии предложено рассматривать бифасиальное расщепление как особый вид расщепления (Callahan, 1979). В исследованиях по неолиту и раннему металлу стали чаще фигурировать определения “тонкий бифас” и “вторичное бифасиальное утончение”.

Предпринятое автором исследование основывается на критике источников; физических закономерностях расщепления изотропных пород и методических подходах к их изучению, предложенных Е.Ю. Гирей (1997; 2015а, б). Представлена, однако, часть комплекса необходимой процедуры исследования, поскольку результаты получены на основе изучения макроследов обработки, видимых невооруженным взглядом или через лупу. Инструментальные методы изучения микроследов обработки, использования и неутилитарного износа применялись эпизодически — исследованы некоторые изделия или их категории (Семенов, Несанелене, 1997; Карманов, Гиря, 2018; Карманов и др., 2021). Кроме того, полученные выводы должны быть проверены результатами экспериментов. Но полученные данные о расщеплении и следах на предметах, формах артефактов и их контекстах уже достаточны для определения особенной гаринской традиции бифасиального расщепления в энеолите.

Проведенное исследование — еще и мысленный эксперимент, в котором предполагается отсутствие керамической посуды. Гаринская традиция в этом случае — традиция изготовления бифасов. Это позволяет избежать “информационного шума”, который создает разнотипная керамика — источник для изучения направления, протяженности и интенсивности связей ее носителей. Кроме того, использование посуды в быту и в культовой практике не оказывает прямого влияния на расщепление кремня.

История изучения детально описана в ряде публикаций (Наговицын, 1990. С. 82–84; Халиков, 1990. С. 11–14; Ставицкий, 2008; Мельничук, Шипилов, 2021. С. 195). Известна трансформация представлений о гаринской культуре: этап турбинской культуры (Бадер, 1961) — гаринско-борская культура (Черных, 1970. С. 9) — гаринская культура (Мельничук, 1990. С. 97, 98). Целесообразно теме исследования следует остановиться на опыте изучения двусторонней обработки кремня.

О.Н. Бадер описал формы кремневых наконечников (Бадер, 1961. С. 183), не задаваясь вопросом, как они возникают и как у носителей гаринской культуры появилась традиция, если не технологии вторичного бифасиального утончения, то хотя бы двусторонней обработки. Позднее Л.А. Наговицын обобщил сведения об основных

типах наконечников и отнес проблему генезиса культуры к числу нерешенных (Наговицын, 1990. С. 95. Табл. 5). В 2008 г. В.В. Ставицкий на основе поиска аналогий этим типам высказал идею о южном источнике традиций камнеобработки — культурах лесостепи и степи (Ставицкий, 2008. С. 56). В новейшем обобщающем исследовании по гаринской культуре проблема истоков бифасиального расщепления также не рассматривается, и авторы ограничиваются описанием форм двусторонне обработанных орудий (Мельничук, Шипилов, 2021. С. 199–201).

В.С. Стоколос обособил памятники с пористой керамикой на крайнем Северо-Востоке Европы в чойновтинскую культуру (Стоколос, 1986. С. 113–183). До ревизии ее источниковой базы и интерпретации с учетом новых данных неправомерно считать эту идею необоснованной (Карманов, Косинская, 2021). Однако сомнение в особенностях технологии расщепления кремня уже созрело, и поэтому рядом с определением “чойновтинская” предлагается использовать и название “гаринская”. Да и сам В.С. Стоколос, разработав типологию двусторонне обработанных наконечников чойновтинских памятников, отметил их сходство исключительно с формами гаринско-борских орудий бассейна р. Кама. Однако для обоснования особенностей древностей крайнего Северо-Востока Европы этот вывод проигнорирован (Стоколос, 1988. С. 70–79; 1997. С. 232–234), а поиск истоков технологии двусторонней обработки исследователя не интересовал.

Единственное исследование, нацеленное на описание и анализ кремневого инвентаря гомогенного комплекса гаринской культуры, — статья Н.Б. Васильевой и А.В. Суворова (2006). Она до сих пор представляет наиболее детальное описание гаринской индустрии по материалам одного памятника. Но авторы не учли неполноту технологического контекста: в коллекции есть только незавершенные и бракованные изделия, оставшиеся как результат неудач расщепления, не исключено, что и “ученического”. Напротив, нет ни одной целой завершенной формы. С дальнейшей разработкой темы наверняка удалось бы заполнить пробел привлечением новых источников, но, к сожалению, этого не последовало. Исследователи правомерно сопоставили каменный инвентарь Павшино 2 с гаринской культурой, но поиск истоков бифасиального расщепления их в этом случае не интересовал.

Впервые гаринская (чойновтинская) кремнеобработка на крайнем Северо-Востоке Европы охарактеризована как технология вторичного бифасиального утончения недавно в публикациях о мастерской комплекса Угдым ІБ (Карманов, 2015; Карманов, Гиря, 2018). С этого момента опорные источники публикуются в этом русле

(Истомина, Макаров, 2018, 2022; Карманов и др., 2021). Но задача поиска ее истоков не ставилась.

Таким образом, опыт изучения гаринской культуры не позволяет использовать его в полной мере для объяснения появления такой сложности, как вторичное бифасиальное утончение на востоке Русской Равнины и в Приуралье в энеолите. Но прежде чем приступить к поиску, следует описать само явление.

Характеристика традиции. Опорные комплексы распределены по всей территории исследуемого региона, в долинах рек Северная Двина, Печора, Мезень и их притоков (рис. 1). Целевая продукция — наконечники стрел с вогнутой или прямой базой (рис. 2) и декоративные бифасы (рис. 3, 1–9). Изготовление крупных артефактов — наконечников копий или кинжалов, ножей и фигурных кремней (Карманов, Гиря, 2018. Рис. 6; Карманов, 2020б. Рис. 8, 11) — пока не документировано технологическими контекстами: ни в одной коллекции нет заготовок, соразмерных им.

Характерен отбор разнообразного сырья: плоских галек, плиток и кусков из аллювиальных отложений или ледниковых отложений, погребенных аллювием. В одном комплексе залегают разные формы отдельностей со следами их первичного тестирования, использования и отбраковывания, что указывает на тотальный сбор сырья, без явных предпочтений (рис. 4). Коллекции содержат большое количество брака из-за скрытых дефектов в породе, неудачной термической обработки и поломки тонких заготовок на финальной стадии расщепления.

Определено пять стадий изготовления бифасов, характеристика и последовательность которых зависят от вида используемого сырья.

Стадия 1а. Конкретно-ситуационное избирательное расщепление некрупных уплощенных предметов разной степени окатанности (рис. 4, 1). Оббивка нацелена на создание бифасиального ребра по периметру заготовки — предмета с линзовидными сечениями; может предваряться намеренным нагревом для подготовки к дальнейшему расщеплению.

Стадия 1б. Создание ударом заготовок — средних и крупных отщепов подтреугольной или листовидной в плане формы со сравнительно крупными кусков (рис. 4, 2).

Стадия 1в. Оформление облупней, завершается тепловой обработкой (рис. 4, 3).

Стадия 2а, 2б1. Создание листовидной формы с прямым или выпуклым основанием и линзовидным сечением (рис. 5, 4). Граница со стадией 1а условна: не всегда можно определить момент перехода к ней, ведь изначально линзовидное сечение и листовидная форма иногда заданы исходным состоянием сырья или отщепом (рис. 4, 1; 5, 9). Кроме того, тонкая грань и между переходом от из-

бирательного конкретно-ситуационного расщепления к регулярной параллельной ретуши.

2б2. Оформление из тонких отщепов или неправильных пластин желаемой формы орудия путем создания бифасиального ребра по периметру заготовки со значительным сохранением исходных поверхностей сколов (рис. 2, 1–5).

2в. Создание сколов-заготовок, снятых ударом с облупней (рис. 5, 9).

Стадия 3а, 3б1. Утончение заготовки косой (по отношению к краю) или прямой параллельной регулярной отжимной ретушью с формированием зубчатого края заготовки; возможное оформление выемки в основании более короткими регулярными сколами (рис. 5, 5, 7).

Стадия 3в. То же что стадия 2б1.

Стадия 4а, 4б1. Нивелировка рельефа поверхности и зубчатого края регулярными и более мелкими и узкими сколами; финальное оформление выемок разной глубины или прямой базы (рис. 5, 6, 8).

Стадия 4в. То же, что стадии 3а, 3б1;

Стадия 5в. То же, что стадии 4а, 4б1.

Окончательное оформление бифасов связано с регулярной параллельной комедиальной ретушью (рис. 2). До проведения экспериментов предположим, что нивелировка рельефа поверхности и “выпрямление” бифасиального ребра обеспечивались сменой орудий расщепления на отжимник с более тонким наконечником или сменой техники скола. Этот вывод основан на измерении ширины начала скалывающихся. Например, на предмете № 4 (рис. 5, 4) этот показатель составляет от 2.5 до 4.8 (медианное значение — 3.3), на следующем отбракованном предмете — от 1.8 до 2.9 (медиана — 2.2) (рис. 5, 5), а на завершенном наконечнике — от 0.9 до 1.3 мм (медиана — 1.2) (рис. 5, 8).

В результате готовые орудия имели показатели отношения ширины к толщине (далее Ш/Т) в среднем около 4 (рис. 2). Такая массивность объясняется тем, что ширина предметов колеблется в пределах 8–13 мм (медианное значение — 11 мм) и значительное утончение, например до 1.8–2.6 мм и тоньше (показатель Ш/Т — 5 и более) нецелесообразно, поскольку орудие получится очень тонким и ломким. Вероятно, мастера стремились достичь баланса между желаемыми формой и размером орудий без ущерба для их функциональности.

Завершенные наконечники имеют разные формы неодинаковых пропорций. Но их основа — это листовидные артефакты с вогнутой или прямой базой. Наиболее информативные редкие исключения представлены на рис. 4: это орудия с выпуклым (так называемые миндалевидные) (рис. 2, 6) или фигурным основанием (рис. 2, 24, 25). В гомогенных жилищных и производственных ком-

Рис. 2. Варианты наконечников стрел. 1, 2 – Шиховское II/1; 3, 7, 24 – Ягуяр; 4, 14, 18 – Лада VIII; 5 – Усть-Лоптюга II; 6 – Угдым IГ; 7 – Ягуяр; 8–11, 15, 21–23 – Мартюшевское II/1; 12 – Гыркасель; 13, 16, 17 – Угдым IБ; 19, 20 – Вад I/2; 25 – Ошчой I/7.

Fig. 2. Variants of arrowheads

плексах залегают разные наконечники с точки зрения формальной типологии, но их роль для определения возраста и культурной атрибуции неочевидна. Возможно, в найденных комплексах

запечатлены комбинация результатов ручного труда по обработке разнообразного сырья; отсутствие стремления к получению стандартной формы, что связано в том числе с декоративными

Рис. 3. Бифасы фигурные (1–9) и переоформленные (10–12). 1 – Лопью; 2 – Шомвуква; 3 – Варжа; 4–7 – Мартюшевское II/1; 8 – Ластва VIII; 9 – Усть-Кедва; 10 – Чойновты II/6; 11 – Вомынъяг I; 12 – Вад I/2.

Fig. 3. Eccentric (1–9) and reshaped (10–12) bifaces

функциями бифасов; случайность или намеренность в отложении определенных артефактов (личные предпочтения мастера, ученические экземпляры, потери, ритуал покидания жилища, организация домашних святилищ и т.п.). Признаки экономии сырья и переоформления завершенных и использованных орудий редки (рис. 3, 10–12).

Технологические контексты изготовления фигурных бифасов (зооморфных и символических изображений) известны только для лунниц и не в полном объеме. В этом случае стадии 2 или 3 нацелены на формирование сегмента, который последовательно регулярными параллельными сколами и сменой орудий расщепления преобразуется в серповидную форму (рис. 5, 1–3).

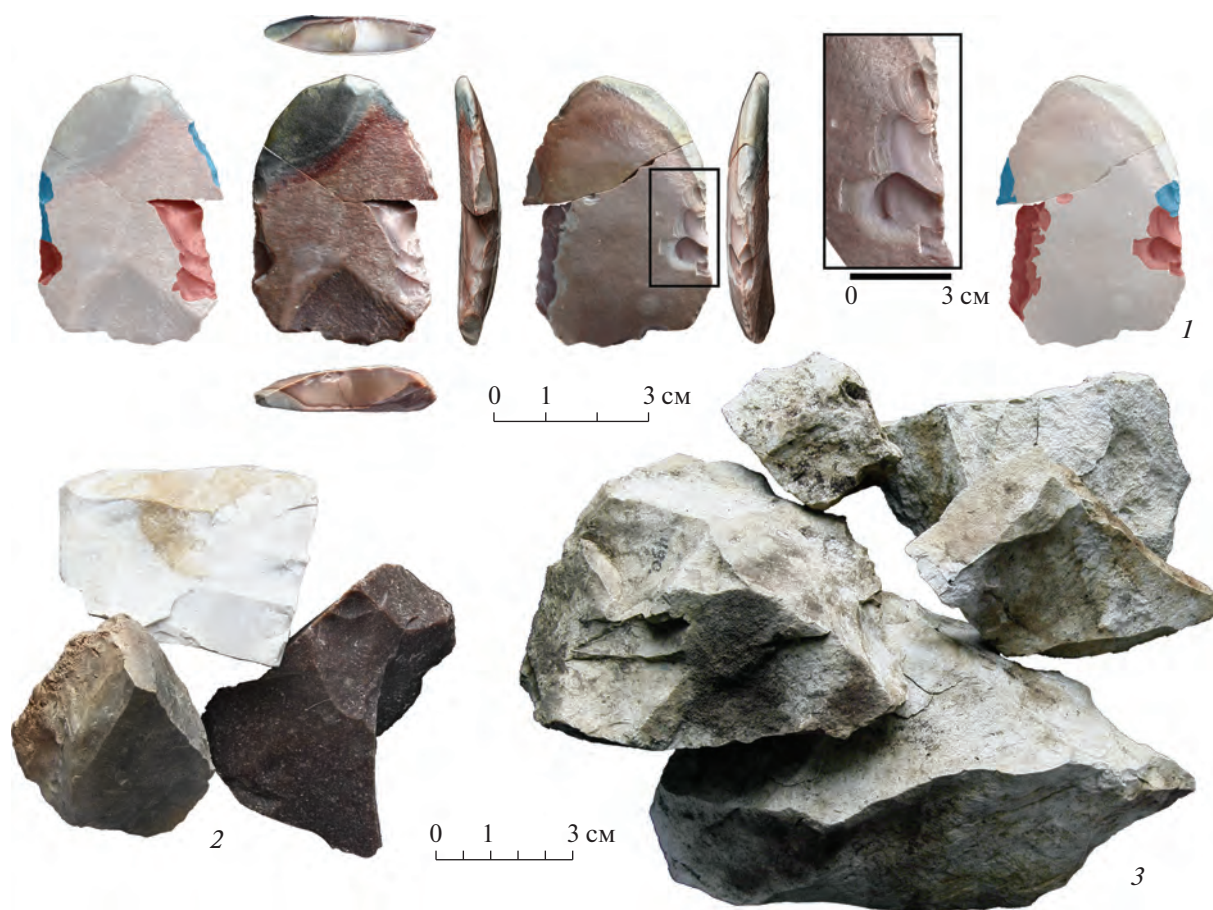

Рис. 4. Угдым 1Б. Разнообразные виды сырья, принесенного на памятник и отбракованного или отложенного после попыток обработки. 1 — синим цветом выделены поверхности, сформированные до тепловой обработки плоской гальки, красным — после таковой; 2 — куски с пробными снятиями; 3 — облупень, сколы и его осколки после неудачного прокалывания.

Fig. 4. Ugdyim 1B. Various types of raw materials brought to the site area and rejected or set aside after processing attempts

Кремневую индустрию характеризуют ограниченность приемов оформления орудий краевой ретушью разной локализации и регулярности; узкий ассортимент инструментов, в основном ситуативных орудий на отщепах и скребков (см., например: Истомина, Макаров, 2018; Карманов, 2019; Карманов и др., 2021; Верещагина, 2022). При этом бифасы производятся в объемах, превышающих внутреннее потребление коллективов. Для этого организуются мастерские, как в жилищах, так и на стоянках открытого типа. Это убедительно документируют комплексы Юмиж I (Верещагина, 2022. С. 92. Рис. 5, 7), Евдино III, Шомвуква II/2 (Семенов, Несанелене, 1997. С. 63–65, 96–101. Рис. 44, 45, 63), на которых только бракованная продукция включает от 112 до 470 наконечников на финальных стадиях обработки, в основном обломанных. Нужно еще учесть, что неопределенное число готовых орудий унесено с мест их производства. Интенсивность расщепления кремня вынуждает периодически

проводить уборку на рабочих местах (Семенов, Несанелене, 1997. С. 96–101; Карманов, 2019. С. 32; Верещагина, 2022. С. 91, 92).

За пределами крайнего Северо-Востока Европы описанная традиция бифасиального расщепления находит соответствие в материалах бассейна р. Кама (рис. 1). Наиболее информативны листовидные наконечники с прямым и вогнутым основанием, содержащиеся в коллекциях поселений с углубленными жилищами (Бадер, 1961. Рис. 7, 6–8; 14; 31, 1, 4, 6, 8; 43, 1, 4, 5, 7–9; Наговицын, 1990. Табл. 5; Коренюк, Мельничук, 2010. Рис. 4, 4, 8; Денисов, Мельничук, 2014. Рис. 6, 8).

Уместен комментарий о листовидных обоюдо-острых наконечниках в камских коллекциях материалов гаринской культуры (см., например: Мельничук, Шипилов, 2021. Рис. 8, 4, 5). В гомогенных комплексах крайнего Северо-Востока Европы таких форм нет вообще, что указывает либо на их локальную особенность, либо на разновременность публикуемых материалов. Кроме того,

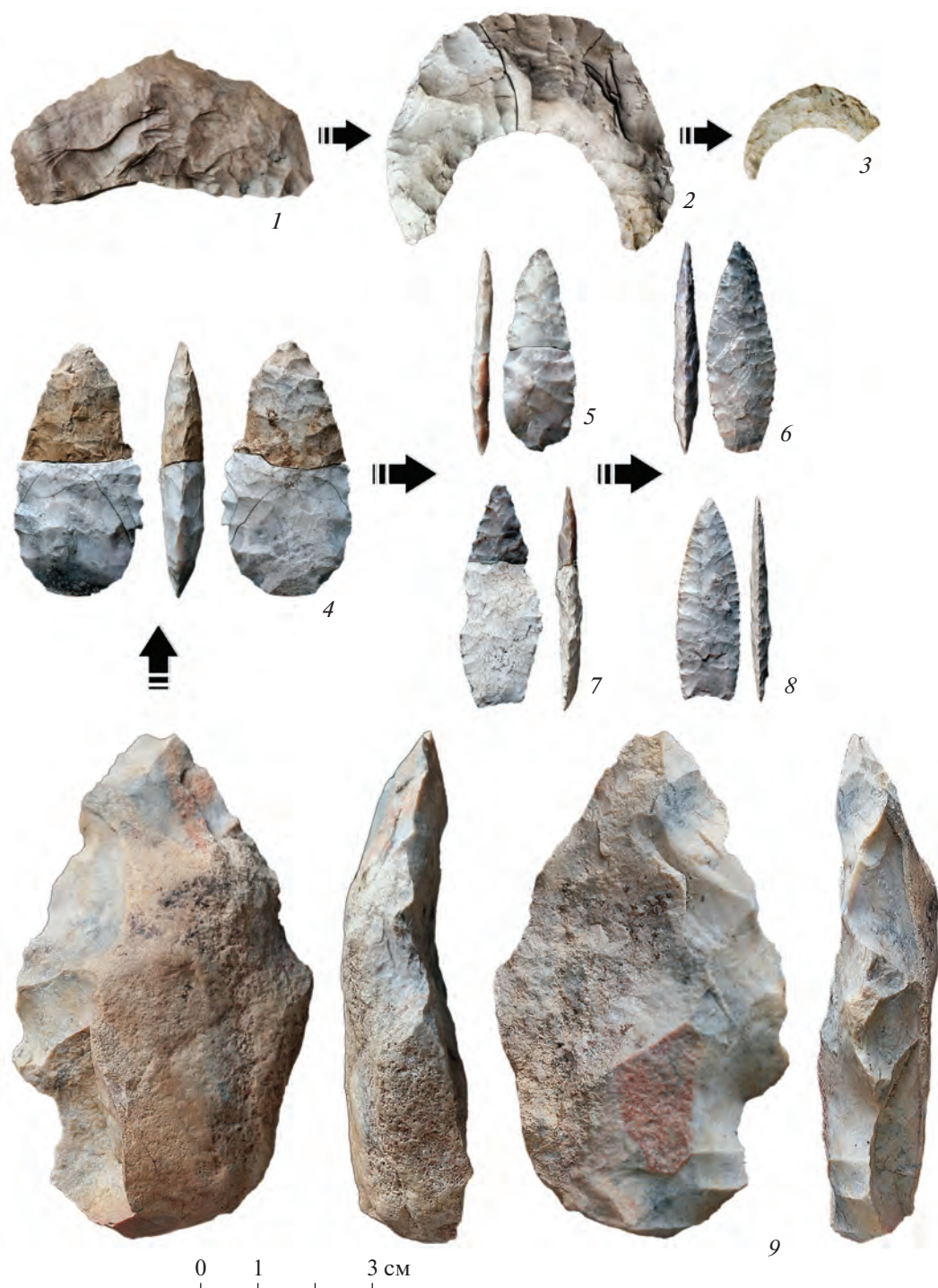

Рис. 5. Условные схемы последовательности оформления бифасов: 1–3 – фигурных кремней-лунниц (Мартюшевское II/1); 4–9 – наконечников стрел (Угдым IB).

Fig. 5. Schematic diagrams for the sequence of designing bifaces

коллекции из района р. Кама никто детально не изучал с точки зрения технологии вторичного бифасиального утончения и тепловой обработки. В XXI в. гаринская культура исследуется, в том числе раскопками, эпизодически (Коренюк,

Мельничук, 2010; Денисов, Мельничук, 2014; Лычагина, 2013, 2022; Мельничук, Шпилов, 2021), поэтому актуальна ревизия ее источниковой базы.

Поиск истоков. География и современные данные о хронометрии контекстов гаринской тради-

пии в рамках III тыс. до н.э. позволяют привлечь материалы камской, чужьяельской, новоильинской борской, юртиковской, волосовской археологических культур таежной зоны.

На крайнем Северо-Востоке Европы каменный инвентарь камской культуры мало информативен (Карманов, 2020а. С. 77–70). К тому же ее возраст удревлен до первой половины VI тыс. до н.э., и можно лишь допустить присутствие ее носителей на р. Вычегда в более позднее время. Так, недатированный контекст Кочмас Б содержит лишь один “толстый” бифас — обломок наконечника дротика (?).

Коллекции камской культуры в бассейне р. Кама содержат малое число наконечников — 1–4 в редких гомогенных комплексах (Денисов, 1960. С. 54. Рис. 13; Денисов, Мельничук, 1991. С. 30. Рис. 4, 6; Лычагина, 2020. С. 96–112). Двусторонне обработанные орудия изготовлены на тонких кремневых плитках толщиной в 3–5 мм, и их утончение не требуется. Массивность таких предметов близка к “тонким” бифасам и составляет 4–4.9 и, возможно, есть более тонкие изделия. Показателен комплекс Нюхти 1 на р. Вишера (приток р. Кама), где такого сырья нет, и поэтому обитатели стоянки вынужденно собирали похожие плитчатые отдельности или скалывали пластины, близкие сечением к плитке, и делали из них наконечники листовидной и ромбовидной форм (Карманов, 2020а. Рис. 11). Это уже бифасиальное расщепление, но свидетельства использования вторичного бифасиального утончения в доступных источниках мы не наблюдаем — показатель Ш/Т колеблется от 3.4 до 3.8. Отличает камскую традицию от гаринской и отсутствие признаков сложностей: тепловой обработки, потребности в наконечниках стрел, превышающей прежнюю во много раз; а главное — смены представлений о форме орудия.

Для чужьяельской культуры IV—первой половины III тыс. до н.э. характерны конкретно-ситуационное расщепление, малочисленность кремневых изделий. Определено 18 опорных комплексов, и известно всего о 12 наконечниках. Так, жилище Мучкас 1 (Карманов, Белицкая, 2023) синхронно самым ранним контекстам гаринской традиции (Юмиж I, Павшино 2 (Karmanov, Zaretskaya, 2021). В нем, не считая очень мелкого обломка, найден всего один наконечник обоюдоострой листовидной формы со следами ношения и/или транспортировки, который, возможно, и не использовался как метательное оружие.

К финальному неолиту на Средней Волге относятся памятники красномостовского типа, но представления о расщеплении кремня ограничены отсутствием гомогенных комплексов или малочисленностью инвентаря. На иллюстрациях представлены бифасы листовидной и ромбовид-

ной форм, и даже с черешками, но нет сведений о контекстах их производства (Никитин, 1984. С. 35; 2017. С. 11–26. Рис. 16, 1–5, 7; 21, 9, 11).

Памятники гаринской культуры исследователи включают в волосовско-гаринскую культурную общность (Халиков, 1990), или культурно-историческую область (Шорин, 1999. С. 35–40). На востоке Русской Равнины и в Приуралье в нее помимо эпонимных входят новоильинская (Выборнов и др., 2021. С. 363–383), юртиковская (Ошибкина, 1980), майданская (Никитин, 2017; 2021. С. 164–186) и борская (Мельничук, 1990; 2021. С. 187–194. Рис. 4) культуры. Несмотря на явные различия в гончарстве, их объединяет получение сравнительно крупных пластин с нерегулярной огранкой и бифасов — листовидных обоюдоострых наконечников стрел и копий (дротиков). Однако специальное исследование бифасиального расщепления и поиск признаков намеренного нагрева сырья в рассматриваемых материалах не проводились.

Традиции бифасиального расщепления волосовской, майданской и юртиковской культур близки и возможно представляют одно явление, поскольку содержат многочисленные бифасы, прежде всего, наконечники стрел листовидной или близкой к ромбовидной обоюдоострой формы, реже с выделенными черешками (Ошибкина, 1980. Рис. 12, 2–13; 15, 1–23; 19; Костылева, Уткин, 2010; Никитин, 2017; 2021. Рис. 6). Они часто переоформлены в ходе ремонта или с неутилитарной целью (Березина, 2021. С. 200–202, 226–233. Рис. 214, 5, 6). С гаринской традицией сближают использование фигурных кремней (Ошибкина, 1980. Рис. 12, 1; 22, 1, 4, 7; Шипилов, 2009; Никитин, 2017; 2021. Рис. 15) и иррациональные манипуляции с кремневыми артефактами, составляющими клады, жертвенные комплексы и погребальный инвентарь волосовской культуры (см., например: Костылева, Уткин, 2010, 2015).

Доступные данные свидетельствуют об отсутствии прямой связи между гаринской и другими культурами в волосовско-гаринскую общность — нет переходных комплексов, документирующих трансформации стратегий отбора сырья, технологий расщепления, представлений о форме наконечников и использования орудий. А значимые сходства — использование декоративных бифасов и иррациональные манипуляции с ними — объясняются сосуществованием культур в период развития престижной экономики и активизации межкультурного обмена артефактами.

В.В. Ставицкий (2008) обратил внимание на перспективный путь поиска истоков бифасиального расщепления, а именно сравнение с комплексом Константиновского поселения на Нижнем Дону (Кияшко, Поплевко, 2000). Коллекция памятника содержит многочисленные бифасы

(696 экз.), в том числе наконечники с вогнутым основанием с представительным технологическим контекстом производства некоторых из определенных типов. Материалы отнесены к раннему энеолиту — первой половине IV тыс. до н.э. Описанные особенности изготовления орудий (Поплевко, 2003) близки к таковым в гаринской традиции. Но комплекс территориально удален, и поэтому невозможно доказать, что обитатели Константиновского поселения — прямые предки носителей гаринской камнеобработки. Однако приведенный пример — свидетельство активного бифасиального расщепления и использования тонких бифасов в среде носителей степных культур раннего энеолита во время, предшествующее гаринской культуре.

Наконечники с вогнутой и прямой базой, а также фигурные бифасы содержат инвентари могильников энеолита на р. Кама, среди которых периодом 4599–4143 кал. л. до н.э. датирован Мурзихинский II могильник (Чижевский, Шипилов, 2021. С. 162. Рис. 4, 11; 8, 8, 10; 11, 20, 22, 23). Кроме того, признаки бифасиального расщепления выявлены в материалах хвалынской культуры 5000–4300 кал. л. до н.э. (Королев, Ставицкий, 2021. С. 60). Это наконечники листовидной или треугольной форм с прямым, реже с вогнутым основанием (Горащук, 2010. Рис. 4, 1, 3; 8, 9, 10, 12; 22, 1–8; 29, 5). Однако контекст представляет пластинчатую индустрию, поэтому “техника уплощения” наблюдается на хвалынских памятниках “в неразвитом виде” и была “заимствованным компонентом технологии” (Горащук 2010. С. 293). Важно, что для изготовления наконечников стрел и дротиков стоянки Каир-шак VI “применялся вариант совмещения двустороннего уплощения отжимом с отжигом заготовки” и “заготовка была сначала обожжена и лишь после обжига ретуширована” (Горащук, 2010. С. 288).

Погребальный инвентарь — особенный вид источника, и предметы в него попадают часто в результате импорта или обмена. Материалы хвалынской культуры тоже не дают полного представления о бифасиальном расщеплении и возможной связи ее носителей с распространением этого способа обработки кремня в этой части Европы. Но эти примеры показывают, что уже в V тыс. до н.э. на сопредельных Нижней Волге территориях в неопределенном месте производятся бифасы — наконечники с вогнутым основанием, и артефакты разными путями попадают в разнородные контексты. И наряду с комплексами типа Константиновского поселения они могут быть источниками того, что с изменением пространства-времени стало гаринской традицией.

В результате исследования определены первичные характеристики гаринской традиции бифасиального расщепления на крайнем Северо-Во-

стоке Европы, которые требуют дальнейшей детализации, например в части особенностей подготовки зон расщепления и последовательности сколов. Однако уже полученные знания чрезмерны для поиска аналогий, поскольку сопоставимые данные об инвентарях сопредельных территорий отсутствуют. Но с чего-то нужно начинать накопление таких сведений, и сегодня исследуемый регион — лучшая стартовая площадка для этого.

На крайнем Северо-Востоке Европы и сопредельных ему территориях изучаемая традиция появляется внезапно и в уже развитом виде. Предложенные сценарии культурных процессов и поиск новых не дают убедительного ответа на вопрос, кто такие гаринские мастера и где учились колоть кремь или откуда пришли. Можно лишь высказать некоторые предположения.

Вероятно, “пребифасиальные” индустрии или индустрии — гомологии гаринской традиции, встречаются среди материалов мест обитания неоднократного пребывания и обитания на более заселенных территориях. Возможно, что сведения не опубликованы или недоступны исследователям по другим причинам, неизвестны автору.

Для культур Приуралья, долины бассейна р. Кама в среднем и верхнем течении использование наконечников стрел не характерно с верхнего палеолита до энеолита. И только с появлением металла население этой территории начинает делать метательное вооружение в объеме, превышающем потребности своих предшественников. Интенсивная кремнеобработка сопровождается использованием меди и во время развития престижной экономики, когда продукция камнеобрабатывающих, янтарных и, возможно, ювелирных мастерских распространяется на обширных пространствах по обеим сторонам Урала (см., например: Tarasov, Nordqvist, 2021). Гармонична в этом контексте и узкая специализация кремнеобрабатывающих комплексов. Поэтому правомерно предположить, что появление гаринской традиции бифасиального расщепления как раз связано с необходимостью организации такой деятельности. Для этого не нужно массовое переселение, которое фиксируется археологически, достаточно небольшого успешного коллектива, владеющего соответствующими знаниями, умениями и навыками — так называемый эффект основателя. С ростом численности популяции и необходимостью расширения территории природопользования носители традиции распространились по доступным речным долинам.

Итак, в ходе поиска среди культур голоцена Русской Равнины истоков бифасиального расщепления и его специального вида — технологии вторичного бифасиального утончения, стало ясно, что целое явление оказалось слабо изученным, несмотря на его познавательные возможно-

сти для исследования технологий расщепления кремня, иррациональных практик и решения проблем культурогенеза. По этой причине конкретные истоки гаринской традиции пока достоверно не определяются. Она представлена только в развитом виде, а “преформы” теряются во времени и пространстве или не выявлены в силу слабостью изученности или источниковедческих проблем. В перспективе следует изучить опорные комплексы с признаками бифасиального расщепления с учетом полученных данных.

Исследование проведено по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ, тема “Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам европейского Северо-Востока России)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева Н.Б., Суворов А.В.* Жилище 3 энеолитического поселения Павшино-2 на реке Юг: технология кремнеобработки // *Археологические вести*. 2006. Вып. 13. С. 46–56.
- Аникович М.В., Бредли Б.А., Гирия Е.Ю.* Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников // *Археологические вести*. 1998. Вып. 5. С. 42–54.
- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М.: Наука, 1961 (Материалы и исследования по археологии России; № 99). 199 с.
- Березина Н.С.* Каменный век Чувашского Поволжья // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 1. С. 8–261.
- Верещагина И.В.* Юмиз I // *Поселения финального неолита и энеолита в бассейнах Северной Двины, Печоры и Мезени*. Сыктывкар: Коми науч. центр Уральского отд. РАН, 2022 (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; вып. 21). С. 89–102.
DOI: 10.19110/89606-040
- Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А.* Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // *Вестник Пермского университета*. 2019. Серия “История”. № 1. С. 34–47.
DOI: 10.17072/2219-3111-2019-1-34-47
- Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Шипилов А.В., Цыгвинцева Т.А.* Новоильинская культура // *Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 1. Каменный век*. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 363–373.
- Гирия Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, 1997 (Методика микроанализа древних орудий труда; ч. 2) (Археологические изыскания; вып. 44). 198 с.
- Гирия Е.Ю.* Анализ каменных индустрий: морфология, морфография, контекст // *Методы изучения каменных артефактов: материалы междунар. конф.* (г. Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2015 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2015а. С. 24–28.
- Гирия Е.Ю.* Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // *Следы в истории: к 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского*. СПб.: ИИМК РАН, 2015б. С. 232–268.
- Горащук И.В.* Каменные орудия хвалынской культуры // *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: исследования материалов* / Ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 287–356.
- Денисов В.П.* Хуторская неолитическая стоянка // *Ученые записки Пермского государственного университета*. Т. XII, вып. 1. Пермь, 1960. С. 34–71.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Второе жилище Хуторской стоянки // *Неолитические памятники Урала*. Свердловск: Уральское отд. АН СССР, 1991. С. 21–31.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья // *Вестник Пермского университета*. Серия: История. 2014. Вып. 1 (24). С. 44–59.
- Истомина Т.В., Макаров А.С.* Ластва VIII — опорный памятник эпохи раннего металла на р. Ижме (Республика Коми) // *Поволжская археология*. 2018. № 3 (25). С. 229–241.
- Истомина Т.В., Макаров А.С.* Ластва VI // *Поселения финального неолита и энеолита в бассейнах Северной Двины, Печоры и Мезени*. Сыктывкар: Коми науч. центр Уральского отд. РАН, 2022 (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; вып. 21). С. 125–137.
DOI 10.19110/89606-040
- Карманов В.Н.* Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на средней Вычегде // *Тверской археологический сборник*. Вып. 10, т. I. Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара “Тверская земля и сопредельные территории в древности”. Тверь: Триада, 2015. С. 313–324.
- Карманов В.Н.* Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите // *Известия лаборатории древних технологий*. 2019. № 3. С. 28–45.
DOI 10.21285/2415-8739-2019-3-28-46
- Карманов В.Н.* Камская неолитическая культура на северо-востоке Европы // *Известия Самарского научного центра. Исторические науки*. 2020а. Т. 2, № 3. С. 70–83.
DOI 10.37313/2658-4816-2020-2-3-70-83
- Карманов В.Н.* Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском северо-востоке России: проблема атрибуции // *Поволжская археология*. 2020б. № 1. С. 81–97.
DOI 10.24852/pa2020.1.31.81.97

- Карманов В.Н., Белицкая А.Л. Мучкас-1 — новый опорный комплекс чужьяельской культуры на р. Мезени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1. С. 21–31.
- Карманов В.Н., Гиря Е.Ю. Артефакты со следами не-утилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IB (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 139–155. DOI 10.24852/2018.3.25.139.155
- Карманов В.Н., Косинская Л.Л. Чойновтинская культура // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 222–235.
- Карманов В.Н., Туркина Т.Ю., Гиря Е.Ю. Особенная кремнеобрабатывающая мастерская энеолита на поселении Мартюшевское II (долина Печоры, республика Коми) // Российская археология. 2021. № 3. С. 20–36. DOI 10.31857/S086960630011480-7
- Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н. Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 16. ...в 1998 г. Азов: Азовский краевед. музей, 2000. С. 241–258.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Жилищные комплексы эпохи палеометалла поселения Заюрчим I (по материалам раскопок 2009 г.) // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества: XIII Бадеровские чтения. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2010. С. 180–187.
- Королев А.И., Ставицкий В.В. Хвалынская культура // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 40–60.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: Таус, 2010. 300 с.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские “клады” стоянок Сахтыш II и Сахтыш VIII: планиграфия, структура, значение // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В.П. Третьякова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 109–114.
- Кузьминых С.В. Эпоха раннего металла: основные тенденции развития, инновации, исторические судьбы (энеолит и бронзовый век) // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 5–19.
- Лычагина Е.Л. Позднеэнеолитический комплекс Новоильинского III поселения // Тверской археологический сборник. Вып. 9, т. I. Материалы 13-го–15-го заседаний научно-методического семинара “Тверская земля и сопредельные территории в древности”. Тверь: Триада, 2013. С. 313–321.
- Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: Пермский гос. гуманитарно-пед. ун-т, 2020. 364 с.
- Лычагина Е.Л., Смертина А.Ю. Каменные украшения с памятника гаринской культуры Чашкинское Озеро II // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 1. С. 26–34.
- Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 97–104.
- Мельничук А.Ф. Памятники борского типа в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 187–194.
- Мельничук А.Ф., Шипилов А.А. Гаринская культура // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 195–207.
- Наговицын Л.А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 82–96.
- Никитин В.В. Красноостовские поселения финального неолита (предварительный анализ) // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмуртский науч.-исслед. ин-т Уральского отд. АН СССР, 1984. С. 31–43.
- Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2017. 765 с.
- Никитин В.В. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности (майданская культура) // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 164–186.
- Ошибкина С.В. Поселение Юртик. Результаты исследований // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980. С. 29–65.
- Поплевко Г.Н. Комплексный анализ хозяйства энеолитического поселения Константиновское на Нижнем Дону // Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 81–108.
- Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): учебное пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 172 с.
- Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении гаринско-борской культуры // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2, т. 2. Пенза, 2008. С. 49–58.
- Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 192 с.
- Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
- Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.
- Халиков А.Х. Волосовско-гаринская энеолитическая общность // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 10–16.

- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.
- Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 140–163.
- Шипилов А.В. Кремневая скульптура эпохи неолита – энеолита зоны водохранилищ Волго-Камского каскада // Российская археология. 2009. № 1. С. 77–80.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии Уральского отд. РАН, 1999. 181 с.
- Callahan E. The basics of biface knapping in the Eastern Fluted tradition. A manual for flintknappers and lithic analysts // *Archaeology of Eastern North America*. 1979. Vol. 7. P. 1–180.
- Karmanov V.N., Zaretskaya N.E. Radiocarbon dating of Holocene archaeological sites in the Far Northeast of Europe: scopes and limits of a supraregional database // *Documenta Praehistorica*. 2021. XLVIII. P. 142–165. DOI 10.4312/dp.48.23
- Tarasov A., Nordqvist K. Made for exchange: The Russian Karelian lithic industry and hunter-fisher-gatherer exchange networks in prehistoric north-eastern Europe // *Antiquity*. 2022. Vol. 96, iss. 385. P. 34–50. DOI 10.15184/aqy.2021.133

THE GARINO TRADITION OF BIFACIAL FLINT KNAPPING AND THE PROBLEM OF SEARCHING FOR ITS ORIGINS

Viktor N. Karmanov^{a, #}

^a*Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch RAS, Syktyvkar, Russia*

[#]*E-mail: vkarman@bk.ru*

The paper focuses on the results of studying of the bifacial flint knapping by the bearers of the Garinskaya culture (Chalcolithic, east of the Russian Plain and the Ural region). Based on the analysis of processing traces on the artefacts of certain target forms, the specifics of their production and workshop organization were identified. Bifacial knapping during the Neolithic and Chalcolithic of the Russian Plain has not been studied properly. This can be explained by a number of problems: absence or insufficient number of homogeneous complexes, deficiency of technological contexts, outdated insight into the problem of bifacial treatment, misunderstanding of the nature of archaeological sources and their information potential. Due to lack of knowledge of the phenomenon and absence of provable data the sources of the tradition under study cannot be clearly defined. They are either lost in context of different periods or have not been identified by researchers. Probably, the emergence and evolution of the intensive production of flint arrowheads is connected with prestigious economy and an increase in artefact exchange in the Chalcolithic.

Keywords: the Chalcolithic, northeastern Europe, the Garinskaya culture, bifacial blades, flint knapping.

REFERENCES

- Anikovich M.V., Bredli B.A., Giryа E.Yu., 1998. Technological analysis of Streletskaya type triangular arrowheads. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 5, pp. 42–54. (In Russ.)
- Bader O.N., 1961. Poseleniya turbinskogo tipa v Srednem Prikam'e [Turbino-type settlements in the Middle Kama region]. Moscow: Nauka. 199 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 99).
- Berezina N.S., 2021. The Stone age of the Chuvash area of the Volga region. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 1, pp. 8–261. (In Russ.)
- Callahan E., 1979. The basics of biface knapping in the Eastern Fluted tradition. A manual for flintknappers and lithic analysts. *Archaeology of Eastern North America*, 7, pp. 1–180.
- Chernykh E.N., 1970. Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya [Earliest metallurgy of the Urals and the Volga region]. Moscow: Nauka. 180 p.
- Chizhevskiy A.A., Shipilov A.V., 2021. Early Eneolithic burial grounds of the Ust-Kama region. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya [Archaeology of the Volga-Ural region]*, 2. *Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]*. Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 140–163. (In Russ.)
- Denisov V.P., 1960. The Khutorskaya Neolithic site. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions of Perm State University]*, vol. XII, iss. 1. Perm', pp. 34–71. (In Russ.)
- Denisov V.P., Mel'nichuk A.F., 1991. Dwelling 2 of the Khutorskaya site. *Neoliticheskie pamyatniki Urala [Neolithic sites of the Urals]*. Sverdlovsk: Ural'skoe otdelenie Akademii nauk SSSR, pp. 21–31. (In Russ.)
- Denisov V.P., Mel'nichuk A.F., 2014. The settlement of Gagar'skoye III in the system of Novoiysinskaya antiquities of the Perm Cisurals. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya [Perm University Herald. History]*, 1 (24), pp. 44–59. (In Russ.)

- Girya E.Yu., 1997. Tekhnologicheskii analiz kamennykh industriy [Technological analysis of stone industries]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk. 198 p. (Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda, 2) (Arkheologicheskie izyskaniya, 44).
- Girya E.Yu., 2015a. Analysis of stone industries: morphology, morphography, and context. *Metody izucheniya kamennykh artefaktov: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Methods for studying stone artifacts: Proceedings of the International conference]*. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 24–28. (In Russ.)
- Girya E.Yu., 2015b. Traces as a type of archaeological source (notes of unpublished lectures). *Sledy v istorii: k 75-letiyu Vyacheslava Evgen'evicha Shchelinskogo [Traces in history: to the 75th anniversary of Vyacheslav Evgenievich Shchelinsky]*. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 232–268. (In Russ.)
- Garashchuk I.V., 2010. Stone tools of the Khvalynsk culture. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura: issledovaniya materialov [Khvalynsk Eneolithic burial grounds and the Khvalynsk Eneolithic culture: research on materials]*. S.A. Agapov, ed. Samara: Ofort-Press, pp. 287–356. (In Russ.)
- Istomina T.V., Makarov A.S., 2018. Lasta VIII — a reference site of the Early Metal Age on the river Izhma (Komi Republic). *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 3 (25), pp. 229–241. (In Russ.)
- Istomina T.V., Makarov A.S., 2022. Lasta VI. *Poseleniya final'nogo neolita i eneolita v basseynakh Severnoy Dviny, Pechory i Mezeni [Final Neolithic and Eneolithic settlements in the Northern Dvina, Pechora and Mezen regions]*. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 125–137. (Materialy po arkheologii evropeyskogo Severo-Vostoka, 21). DOI 10.19110/89606-040. (In Russ.)
- Karmanov V.N., 2015. Heat treatment of flint based on materials from the Eneolithic settlement of Ugdyim I in the middle Vychegda region. *Tverskoy arkheologicheskii sbornik [Tver collection of papers on archaeology]*, iss. 10, vol. I. *Materialy V Tverskoy arkheologicheskoy konferentsii i 16-go i 17-go zasedaniy nauchno-metodicheskogo seminara "Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v drevnosti" [Proceedings of the V Tver archaeological conference and the 16th and 17th sessions of the scientific and methodological seminar "Tver land and adjacent territories in ancient times"]*. Tver': Triada, pp. 313–324. (In Russ.)
- Karmanov V.N., 2019. Heat treatment of flint in the Far Northeast of Europe during the Eneolithic. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*, 3, pp. 28–45. DOI 10.21285/2415-8739-2019-3-28-46. (In Russ.)
- Karmanov V.N., 2020a. The Kama Neolithic culture in the northeast of Europe. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra. Istoricheskie nauki [Izvestiya of the Samara Scientific Centre. Historical Sciences]*, vol. 2, no. 3, pp. 70–83. DOI 10.37313/2658-4816-2020-2-3-70-83. (In Russ.)
- Karmanov V.N., 2020b. Burials of the Eneolithic and Bronze Ages in the European Northeast of Russia: the problem of attribution. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 1, pp. 81–97. DOI 10.24852/pa2020.1.31.81.97. (In Russ.)
- Karmanov V.N., Belitskaya A.L., 2023. Muchkas-1 — a new reference complex of the Chuzhyayol culture on the Mezen River. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii]*, 1, pp. 21–31. (In Russ.)
- Karmanov V.N., Girya E.Yu., 2018. Artefacts with traces of non-utilitarian wear in the context of the flint workshop of the Eneolithic Ugdyim IB (Middle Vychegda region, Komi Republic). *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 3 (25), pp. 139–155. DOI 10.24852/2018.3.25.139.155. (In Russ.)
- Karmanov V.N., Kosinskaya L.L., 2021. The Choynovty culture. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya [Archaeology of the Volga-Urals]*, 2. *Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]*. Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 222–235. (In Russ.)
- Karmanov V.N., Turkina T.Yu., Girya E.Yu., 2021. The unusual Eneolithic flint workshop at the Martyushenskoye II settlement (the Pechora Valley, Komi Republic). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 20–36. DOI 10.31857/S086960630011480-7. (In Russ.)
- Karmanov V.N., Zaretskaya N.E., 2021. Radiocarbon dating of Holocene archaeological sites in the Far Northeast of Europe: scopes and limits of a supraregional database. *Documenta Praehistorica*, XLVIII, pp. 142–165. DOI 10.4312/dp.48.23.
- Khalikov A.Kh., 1990. The Volosovo-Garino Eneolithic community. *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ya [Eneolithic of the forest Urals and the Volga Region]*. Izhevsk, pp. 10–16. (In Russ.)
- Kiyashko V.Ya., Poplevko G.N., 2000. Flint arrowheads of the Konstantinovskoye settlement. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archaeological research in the city of Azov and the Lower Don]*, 16. 1998. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 241–258. (In Russ.)
- Korenyuk S.N., Mel'nichuk A.F., 2010. Residential complexes of the Palaeometal Age in the Zayurchim I settlement (based on 2009 excavations). *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeystviya cheloveka, prirody, obshchestva: XIII Baderovskie chteniya [Archaeological heritage as a reflection of the historical experience in the interaction of man, nature, and society: XIII Bader readings]*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, pp. 180–187. (In Russ.)
- Korolev A.I., Stavitskiy V.V., 2021. The Khvalynsk culture. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya [Archaeology of the Volga-Urals]*, 2. *Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]*. Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 40–60. (In Russ.)
- Kostyleva E.L., Utkin A.V., 2010. Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury [Neo-Eneolithic burial grounds of the Upper Volga region and the Volga-Oka interfluvium: planigraphic and chronological structures]. Moscow: Taus. 300 p.

- Kostyleva E.L., Utkin A.V., 2015. Volosovo "hoards" of the Sakhtysh II and Sakhtysh VIII sites: planigraphy, structure, and significance. *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoy Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu V.P. Tretyakova* [Neolithic cultures of Eastern Europe: chronology, palaeoecology, traditions: Proceedings of the International scientific conference to the 75th anniversary of V.P. Tretyakov]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 109–114. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., 2021. The Early Metal Age: main development trends, innovations, historical destinies (Eneolithic and Bronze Age). *Arkheologiya Volgo-Ural'ya* [Archaeology of the Volga-Urals], 2. Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]. Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 5–19. (In Russ.)
- Lychagina E.L., 2013. The Late Neolithic complex of the Novoiyskoye III settlement. *Tverskoy arkheologicheskii sbornik* [Tver collection of papers on archaeology], iss. 9, vol. I. *Materialy 13-go–15-go zasedaniy nauchno-metodicheskogo seminara "Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v drevnosti"* [Proceedings of the 13th–15th sessions of the scientific and methodological seminar "Tver land and adjacent territories in ancient times"]. Tver': Triada, pp. 313–321. (In Russ.)
- Lychagina E.L., 2020. Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya [The Neolithic of the Upper and the Middle Kama Region]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy humanitarno-pedagogicheskii universitet. 364 p.
- Lychagina E.L., Smertina A.Yu., 2022. Stone decorations from the Garino site of Chashkinskoye Lake II. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [Ufa archaeological bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 26–34. (In Russ.)
- Mel'nichuk A.F., 1990. On the Bor type-sites in the Kama region. *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ya* [The Eneolithic of the forest Urals and the Volga region]. Izhevsk, pp. 97–104. (In Russ.)
- Mel'nichuk A.F., 2021. The Bor type sites in the Upper and Middle Kama region. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya* [Archaeology of the Volga-Urals], 2. Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]. Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 187–194. (In Russ.)
- Mel'nichuk A.F., Shipilov A.A., 2021. The Garinskaya culture. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya* [Archaeology of the Volga-Urals], 2. Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]. Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 195–207. (In Russ.)
- Nagovitsyn L.A., 1990. Cultural and chronological correlation of the Garino and Bor sites of the Kama region. *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ya* [Eneolithic of the forest Urals and the Volga Region]. Izhevsk, pp. 82–96. (In Russ.)
- Nikitin V.V., 1984. The Krasny Most settlements of the final Neolithic (preliminary analysis). *Problemy izucheniya kamennogo veka Volgo-Kam'ya* [Problems of studying the Stone Age of the Volga-Kama region]. L.A. Nagovitsin, ed. Izhevsk: Udmurtskiy nauchno-issledovatel'skiy institut Ural'skogo otdeleniya Akademii nauk SSSR, pp. 31–43. (In Russ.)
- Nikitin V.V., 2017. Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [On the turn of the Stone and Metal Ages. The Middle Volga variant of the Volosovo cultural-historical community]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet. 765 p.
- Nikitin V.V., 2021. The Middle Volga variant of the Volosovo cultural and historical community (the Maidanskaya culture). *Arkheologiya Volgo-Ural'ya* [Archaeology of the Volga-Urals], 2. Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]. Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 164–186. (In Russ.)
- Oshibkina S.V., 1980. The Yurtik settlement. Research results. *Pamyatniki epokhi eneolita i bronzy v bassejne r. Vyatki* [The Eneolithic and Bronze Age sites in the Vyatka River region]. Izhevsk, pp. 29–65. (In Russ.)
- Poplevko G.N., 2003. Comprehensive analysis of the economy of the Eneolithic settlement Konstantinovskoye on the Lower Don. *Neolit – eneolit yuga i neolit severa Vostochnoy Evropy (novye materialy, issledovaniya, problemy neolitizatsii regionov)* [The Neolithic – Eneolithic of the south and the Neolithic of the north of Eastern Europe (new materials, research, and problems of neolithization of regions)]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 81–108. (In Russ.)
- Semenov V.A., Nesanelene V.N., 1997. Evropeyskiy Severo-Vostok v epokhu bronzy (po materialam raskopok Syktyvkarskogo universiteta): uchebnoe posobie [The European Northeast during the Bronze Age (based on excavations by Syktyvkar University): a study guide]. Syktyvkar: Syktyvkarskiy universitet. 172 p.
- Shipilov A.V., 2009. Neolithic-Eneolithic flint sculptures of the Volga-Kama reservoir cascade zone. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1, pp. 77–80. (In Russ.)
- Shorin A.F., 1999. Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: problemy kul'turogeneza [The Eneolithic of the Urals and adjacent territories: problems of cultural genesis]. Ekaterinburg: Institut istorii i arkheologii Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 181 p.
- Stavitskiy V.V., 2008. On the origin of the Garinskaya-Bor culture. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the East European forest-steppe], iss. 2, vol. 2. Penza, pp. 49–58. (In Russ.)
- Stokolos V.S., 1986. Drevnie poseleniya Mezenskoy doliny [Ancient settlements of the Mezen valley]. Moscow: Nauka. 192 p.
- Stokolos V.S., 1988. Kul'tury epokhi rannego metalla Severnogo Priural'ya [Cultures of the Chalcolithic of the Northern Cis-Urals]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Stokolos V.S., 1997. Eneolithic and Bronze Age. *Arkheologiya Respubliki Komi* [Archaeology of the Komi Republic]. Moscow: DiK, pp. 213–313. (In Russ.)
- Tarasov A., Nordqvist K., 2022. Made for exchange: The Russian Karelian lithic industry and hunter-fisher-gatherer exchange networks in prehistoric north-eastern Europe. *Antiquity*, vol. 96, iss. 385, pp. 34–50. DOI 10.15184/aqy.2021.133.

- Vasil'eva N.B., Suvorov A.V., 2006. Dwelling 3 of the Pavshino-2 Eneolithic settlement on the Yug River: flint processing technology. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 13, pp. 46–56. (In Russ.)
- Vereshchagina I.V., 2022. Yumizh I. *Poseleniya final'nogo neolita i eneolita v basseynakh Severnoy Dviny, Pechory i Mezeni [Settlements of the Final Neolithic and Eneolithic in the Northern Dvina, Pechora and Mezen regions]*. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 89–102. (Materialy po arkheologii evropeyskogo Severo-Vostoka, 21). DOI 10.19110/89606-040. (In Russ.)
- Vybornov A.A., Lychagina E.L., Gusentsova T.M., Shipilov A.V., Tsygvintseva T.A., 2021. The Novoiyinskaya culture. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya [Archaeology of the Volga-Urals]*, 1. *Kamennyy vek [Stone Age]*. Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 363–373. (In Russ.)
- Vybornov A.A., Lychagina E.L., Vasil'eva I.N., Mel'nichuk A.F., Kul'kova M.A., 2019. New data on the periodization and chronology of the Novoiyinskoye, Garino and Bor sites of the Kama region. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Istoriya" [Perm University Herald. History]*, 1, pp. 34–47. DOI 10.17072/2219-3111-2019-1-34-47. (In Russ.)

ДИНАМИКА БРОНЗОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

© 2023 г. В. И. Молодин^{1,2,*}, И. А. Дураков^{1,**}, Л. С. Кобелева^{1,2,***}

¹Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

²Томский государственный университет, Томск, Россия

*E-mail: priemnaya.molodina@gmail.com

**E-mail: idurakov@yandex.ru

***E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.05.2023 г.

После доработки 12.06.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Прослежено несколько последовательных периодов развития бронзолитейного производства в Обь-Иртышском междуречье в бронзовом веке. На первом этапе медные и бронзовые изделия проникают на эту территорию в качестве импорта. Появление самостоятельного литейного производства происходит не ранее начала III тыс. до н.э. на памятниках одиновской и кротовской археологических культур. Формируется местная технологическая база, включающая теплотехнические сооружения и совершенный литейный инвентарь (тигли, льячки, формы, сопла). Этот процесс во многом синхронизируется с появлением и развитием в Обь-Иртышской лесостепи сейминско-турбинских технологий. Резкое изменение этой линии развития происходит в начале II тыс. до н.э. в связи с усиливающейся экспансией андроновских (федоровских) племен. Появление пришельцев привело к модификации части производственного процесса, связанного с плавкой металла (очаги и тигли). При этом все формовочные операции сохранили черты местного производства, разработанного еще кротовскими литейщиками. Выработанное в результате этого синтеза производство составило основу литейного дела ирменской культуры конца бронзового века. Резкое изменение ряда производственных приемов происходит только при переходе к эпохе раннего железа и связано с проникновением в западные районы Барабинской лесостепи носителей урало-казахстанских производственных традиций.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха бронзы, бронзолитейное производство, одиновская, кротовская, андроновская (федоровская), ирменская культуры.

DOI: 10.31857/S0869606323040141, **EDN:** YHSSXW

В эпоху бронзы металлургическое производство и обработка являются одной из ведущих и в значительной степени культууроформирующих отраслей палеоэкономики. Наиболее раннее появление металла на территории Обь-Иртышской лесостепи связано с усть-тартасской археологической культурой IV тыс. до н.э. Однако находки металла этого времени немногочисленны и ограничиваются несколькими коваными предметами (обоймочками и пластинами). Причем современное состояние источников пока не позволяет обосновать местное производство предметов. Технология их производства архаична — только холоднаяковка. Наиболее ранние признаки плавки металла прослежены у носителей гребенчато-ямочной культурной общности. В частности, капля пролитой бронзы найдена в хозяйственной яме поселения Тайлаково-2 (Молодин, 2001. С. 39). При этом следует отметить, что ос-

новная масса известных к настоящему времени бронзовых изделий данной общности кованые (Дураков, Мыльникова, 2021. С. 39). Таким образом, ранний этап проникновения металла на территорию Обь-Иртышской лесостепи характеризуется импортом отдельных предметов и ковкой в качестве основного способа обработки.

Первые признаки существования бронзолитейного производства как целостной системы, включающей стабильную доставку металла, сложившийся устойчивый инструментальный набор, теплотехнические сооружения и устоявшиеся технологические приемы, прослеживаются не ранее начала III тыс. до н.э. на памятниках одиновской археологической культуры. Его основу составляло литье металла, кузнечные операции носили вспомогательный характер и использовались при доработке отливок. Номенклатура кованых изделий немногочисленна и ограничивается

украшениями: пронизками, бусинами, нашивными пластинами.

Специализированные литейные участки выявлены в жилищах одиновских поселений Марково-2 (Молодин, Дураков, 2021. С. 58–63. Рис. 2) и Старый Тартас-5 (Дураков, Мыльникова, 2020. С. 85–89. Рис. 2). В некрополе Тартас-1 открыт бронзолитейный комплекс из четырех хозяйственных строений (Дураков и др., 2020. С. 406–410. Рис. 1).

В сопроводительном инвентаре некоторых одиновских погребений появляются предметы литейного оборудования. Такие могилы отмечены в могильниках Тартас-1, Усть Тартас-2 и Преображенка-6 (Дураков, Мыльникова, 2021. С. 59–70). Как правило, появление погребений с кузнечно-литейным инвентарем считается бесспорным признаком специализации производства (Бочкарев, 1978. С. 48).

На выявленных литейных участках зафиксированы следующие типы очагов. Тип 1 — подпрямоугольное или овальное в плане углубление, часто с футеровкой стен и дна фрагментами керамики или глиняной обмазкой (рис. 1, 1, 2). Наиболее ранние образцы таких теплотехнических сооружений обнаружены в жилище 1 одиновского поселения Старый Тартас-5 и в конструкции 4 литейной мастерской некрополя Тартас-1 (Дураков, Мыльникова, 2021. С. 28. Рис. 10; 21, 1, 2). Тип 2 — яма с частично сохранившимся сводом, выявлен на открытом производственном участке поселения Старый Тартас-5 (Дураков, Мыльникова, 2020. С. 89. Рис. 7, 1, 2). В обоих типах горнов использовалось искусственное нагнетание воздуха через глиняные сопла в виде конических или цилиндрических трубок (рис. 1, 4–6). Это оборудование найдено в заполнении очагов одиновского поселения Старый Тартас-5 (Дураков, Мыльникова, 2021. С. 73, 74. Рис. 57, 1, 3, 4).

Металл плавился в керамических тиглях. Судя по имеющимся материалам, в одиновском металлообрабатывающем производстве использовались следующие типы принципиально разных по техническому исполнению тиглей. Тип 1 — низкий кольцевой глиняный бортик, укрепленный на фрагменте керамики. Практически целый экземпляр такого изделия найден в заполнении очага строения (яма 288) одиновского бронзолитейного участка 4 на многослойном памятнике Тартас-1 (рис. 1, 13).

Тип 2 — массивная плоскодонная емкость каплеобразной формы с четко оформленным сливом. Известны орнаментированные и не орнаментированные экземпляры (рис. 1, 14, 15). Такое оборудование найдено в заполнении горна конструкции 4 и в котловане конструкции 5 памятника Тартас-1, в жилищах 3 поселения Марково-2 и 1 поселения Старый Тартас-5. Большая

часть учтенных тиглей — крупные, они предназначены для плавки значительного количества металла (0.6–1 кг).

Тип 3 — плоскодонные миниатюрные сосуды цилиндрической формы (рис. 1, 16). Из четырех экземпляров три найдены в культурном слое поселения Старый Тартас-5, один — в погребении 286 могильника Тартас-1. Рабочий объем емкостей не превышает 20–30 см³.

Литье проводилось в разъемные многочастные формы. Это наиболее массовый литейный инвентарь одиновской культуры. К настоящему времени учтено 94 обломка не менее чем от 40 форм, из них две каменные, остальные керамические.

Судя по сохранившимся следам, керамические многочастные формы изготовлены методом модельной формовки с получением разъема створок при помощи подмодельной плиты. Песчано-глиняная смесь накладывалась на модель крупными лоскутами, из которых изготавливалась створка формы, внешняя сторона выравнивалась и уплотнялась. Для получения тонкостенных полых изделий (втулок копий и кельтов) использовались отъемные глиняные стержни. Способ их изготовления полностью реконструируется. Формовочная масса стержня зажималась между створками формы так, чтобы она целиком заполнила отверстие будущей втулки, после чего для получения зазора лишний материал обрезался металлическим ножом. Следы этой операции видны на всех известных в настоящее время одиновских стержнях. В качестве формовочного материала во всех случаях использованы сложносоставные смеси, включающие глину и органические соединения (Дураков, Мыльникова, 2021. С. 52, 53. Табл. 1).

Все описанное выше литейное оборудование позволило одиновским мастерам изготавливать изделия сложной формы с глухими тонкостенными втулками, такие как кельты и копия сейминско-турбинского типа (Молодин, 2013. С. 312, 313) (рис. 1, 9–12). Местное производство кельтов сейминско-турбинского типа документируется находками обломков форм (рис. 1, 7, 8) в культурном слое жилища 3 поселения Марково-2 и в котловане строения 5 литейной мастерской могильника Тартас-1 (Дураков, Мыльникова, 2021. С. 50, 75–78. Рис. 58–62).

Следует отметить, что все отливаемые здесь кельты, вероятнее всего, относились к разряду К-4, по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых (1989. С. 39), что согласуется с находками изделий именно этого разряда в материалах одиновских памятников. Видимо, такие кельты древнейшие, а все последующие модификации появились в результате добавления конструктивных или орнаментальных особенностей.

Рис. 1. Объекты и артефакты одиновской культуры, связанные с металлообработкой. Старый Тартас-5: 1 – очаг 1 жилища 1; 2 – очаг 2, между жилищами; 4–6 – сопла; Тартас-1: 3 – погр. 286; 8 – фрагменты формы из конструкции 5; 13 – тигель, тип 1, из ямы 288; 14 – тигель, тип 2, из конструкции 4; 16 – тигель, тип 3, из погр. 286; Марково-2: 7 – фрагменты литейной формы из жилища 3; 15 – тигель из жилища 3; Преображенка-6: 9–12 – бронзовые кельты.

Fig. 1. Objects and artifacts of the Odino culture associated with metalworking

Рис. 2. Объекты и артефакты кротовской культуры, связанные с металлообработкой. Венгерово-2: 1 — очаг жилища 3; 12 — тигель, тип 1, из жилища 3; 19 — фрагмент литейной формы из жилища 7; Преображенка-3: 2, 3 — очаги жилищ 5 и 4; 4, 5 — очаги жилища 1; Сопка-2/4Б, В: 6, 7—10, 13—17 — погр. 282 и инвентарь из него; 11 — литейная форма из погр. 427; 14 — льячка из погр. 464; Абрамово-10: 15, 16 — тигли; 18 — фрагменты литейной формы.

Fig. 2. Objects and artifacts of the Krotovo culture associated with metalworking

Бронзолитейное дело кротовской археологической культуры представляет собой дальнейшее развитие одиновских производственных традиций. Оно также базируется на литье меди и бронзы, кузнечная обработка играет вспомогательный характер.

Следует отметить постепенное увеличение в течение III тыс. до н.э. обеспеченности металлом населения Барабинской лесостепи. Если в одиновской культуре металл содержали 10% захоронений, то для кротовской этот показатель составляет 21% (Дураков, Мыльникова, 2021. С. 168, 169). Специализированные литейные площадки прослежены на кротовских памятниках Преображенка-3, Венгерово-2, Абрамово-10, Карьер Таи-1, Усть Тартас-2. Их площадь, как правило, варьирует в пределах 22–48 м². Можно предположить, что здесь работала небольшая группа из 2–3 человек.

В литературе неоднократно отмечалась серия кротовских погребений мастеров-литейщиков (Молодин, 1983; Молодин, Гришин, 2016. С. 81, 82, 147. Рис. 136, 256; Корочкова, 2022. С. 67. Рис. 6, 9). Особенно ярким проявлением данного феномена следует считать захоронение металлурга-литейщика в погребении 282 могильника Сопка-2/4Б, В (рис. 2, 6). Появление таких захоронений, вероятно, является следствием концентрации производства в руках отдельных обособленных социальных групп. Маркирующий могилы производственный инвентарь фиксируется в захоронениях всех половозрастных групп (мужчин, женщин, подростков и детей), что указывает на включенность в производственную деятельность всех возрастных и гендерных групп, а также передачу с производственными навыками определенного общественного статуса.

Основные типы используемых в работе кротовских горнов имеют предшественников в одиновской культуре. Например, продолжают широко использоваться плавильные очаги в виде прямоугольных или овальных в плане ям, в некоторых случаях облицованных фрагментами керамики или глиной (рис. 2, 1, 2). Такие горны выявлены в жилищах 1–3, 5–7, 10 поселения Венгерово-2, на открытых литейных участках поселений Абрамово-10 и Преображенка-3 (Молодин и др., 2018. С. 46, 47, 49–51. Рис. 3, 2; 7, 2; 9, 1–3). От одиновских образцов они отличаются большими размерами и глубиной. Получает дальнейшее развитие и второй тип одиновских очагов в виде ям с керамическим сводом. Экземпляр такого горна найден в жилище 4 поселения Преображенка-3 (рис. 2, 3).

Новым явлением в кротовской металлообработке можно считать появление наземных плавильных очагов, оборудованных глиняной площадкой, невысокими стенками или керамическим сводом. Теплотехнические сооружения этого типа зафик-

сированы в жилищах 1 и 2 поселения Преображенка-3 (рис. 2, 4, 5).

Судя по обожженным стенкам кротовских горнов, плавка проводилась при искусственном нагнетании воздуха. Для повышения температуры горения в качестве топлива добавлялись дробленые кости. Применение мехов кротовскими мастерами документируется находками сопел (4 экз.) в закрытых комплексах (Молодин, Гришин, 2016. С. 247. Рис. 394; Дураков, Кобелева, 2017. С. 24). Каменное, в виде конической трубки — из погребения 282, могильника Сопка 2/4Б, В (Молодин, Гришин, 2016. С. 247. Рис. 394), изготовлено из красноватого сланца (рис. 2, 7). Керамические сопла найдены на поселениях Преображенка-3 и Усть Тартас-2 и в культурном слое могильника Сопка-2/4Б, В (рис. 2, 8).

В бронзолитейном деле кротовской культуры использовались следующие типы тиглей, имеющие аналоги в одиновской традиции. Тип 1 — укрепленное на фрагменте керамики оболочковое кольцо, внутри которого укреплено кольцеобразная чашечка (рис. 2, 12). Собранный и полностью комплектный тигель этого типа найден в жилище 3 поселения Венгерово-2 (Молодин и др. 2012. С. 109–112. Рис. 9). Отдельные фрагменты оболочковых колец зафиксированы на поселениях Преображенка-3 (Молодин, 1977. Табл. XII, 1, 4), Абрамово-10, Венгерово-2, в могильнике Сопка-2 (рис. 2, 15, 16).

Из ареала кротовской культуры тигли такого типа, вероятно, проникают в Притоболье на территорию синхронной по времени ташковской археологической культуры. Они найдены на поселениях Андреевское озеро-13, Ташково-II (Ковалева, 1997. С. 41, 42. Рис. 48, 1–5, 49, 11; Ковалева и др., 2000. С. 78). Обнаружен такой тигель и на севере Западной Сибири в погребении литейщика могильника Сатыга-XVI (Кузьминых, 2011. С. 31. Рис. 4.1.2.–3).

Тигли типа 2 выполнены в виде толстостенной плоскодонной каплеобразной чашечки с низкими бортиками и сливом (рис. 2, 13, 17). Такая форма плавильной емкости восходит к традициям одиновской металлообработки (рис. 1, 14, 15). В кротовских памятниках тигли этого типа найдены в могильнике Сопка-2/4Б, В (Молодин, Гришин, 2016. Рис. 403, 404) и на поселениях Саранин-II и Черноозерье-VI (Стефанова, 1988. С. 66. Рис. 6, 4).

Литейные формы кротовской культуры включают как керамические, так и каменные образцы. Керамические (песчано-глиняные) формы можно разделить на типы. К первому относится серия из 37 открытых форм, изготовленных из фрагментов бытовой керамики и предназначенных для отливки мелких шильев, стерженьков и тонких пластин в виде вытянутых овалоидов. Большин-

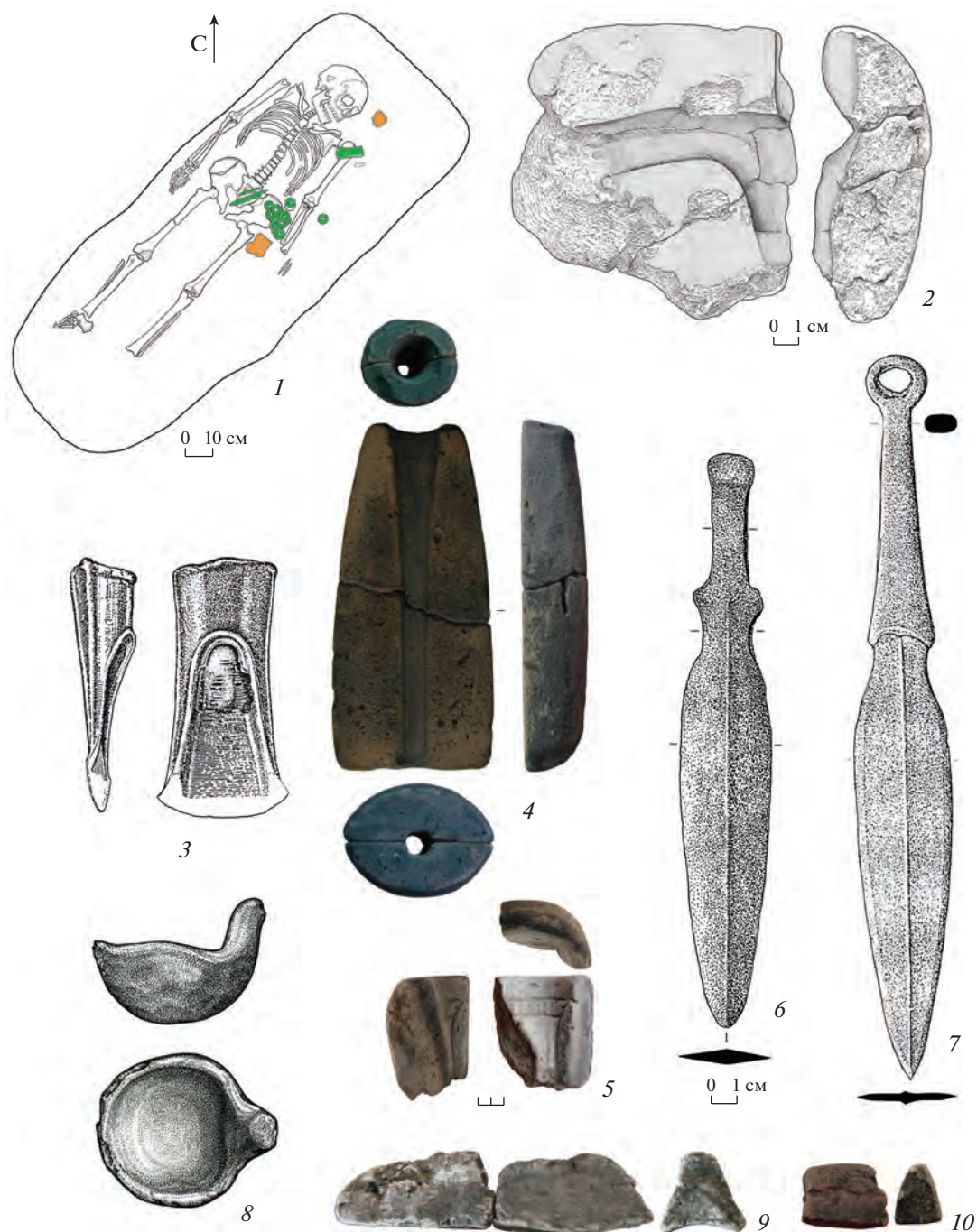

Рис. 3. Объекты и артефакты поздnekротовского времени, связанные с металлообработкой. Сопка-2/5: 1–3 – погр. 55 и инвентарь из него; 4 – погр. 91; 6, 7 – бронзовые кинжалы из погр. 334 и 325; 8, 9 – тигли, тип 1, насыпь кургана 30; Тартас-1: 5 – фрагмент литейной формы из погр. 323; 10 – тигель из погр. 478.

Fig. 3. Objects and artefacts of the late Krotovian time associated with metalworking

ство из них найдено на производственных площадках поселений Преображенка-3 и Венгерово-2 (Молодин, 1977. С. LXII, 2; Молодин и др., 2012. С. 116. Рис. 13, 14). Второй тип представлен коллекцией разъемных форм, изготовленных по модели на подмодельной плите (рис. 2, 11, 18). До-

полнительные детали и линии орнамента прочерчены по сырой глине.

В кротовском производстве использовались сложные по составу формовочные смеси, сочетающие глину, мелкий калиброванный песок, яичную скорлупу и органику (навоз) в жидком и

твердом состоянии (Дураков, Кобелева, 2017. С. 23). В литейных мастерских поселения Венгерово-2 в состав формовочной массы входили шамот, дробленые кости и сухая глина (Молодин и др., 2012. С. 114). На поселении Абрамово-10 зафиксировано использование многослойных оболочковых форм, сочетающих внутренний мелкодисперсный слой рабочей камеры и внешний крупнозернистый удерживающий. Таким образом, распространенные в кротовской культуре принципы формовки идентичны одиновским, новшеством является использование более сложных формовочных масс.

Каменные формы (6 экз.) предназначены для изготовления предметов сейминско-турбинского облика (рис. 2. 10, 19). Три из них найдены в погребении литейщика могильника Сопка-2/4Б, В (Молодин, Гришин, 2016. Рис. 139, 1, 2, 25), две — в некрополе Ростовка (Матюшенко, Синицына, 1988. С. 30, 31) и еще одна на поселении Венгерово-2 (Молодин и др., 2015. С. 323, 324. Рис. 1, 3).

Использованный для изготовления каменных форм материал — песчаник, мергель и тальк; применявшийся в качестве изолятора стенок рабочих камер графит доставлялся издалека, демонстрируя обширные производственные связи кротовских литейщиков, так как ближайшие месторождения талька и графита находятся на Урале, мергеля — на Алтае, а песчаника — в Прииртышье.

Таким образом, пришедшийся на III тыс. до н.э. период становления литейного производства в Обь-Иртышской лесостепи характеризуется его последовательным эволюционным развитием в рамках сейминско-турбинских производственных традиций. Революционные изменения металлообрабатывающего производства на этой территории происходят в первой половине II тыс. до н.э. и связаны с андроновской экспансией. Металлообработка срубно-андоновской или так называемой евразийской традиции помимо литья опиралась на послелитейные операции с металлом (ковка), имела иной инструментарий, применяла другие способы формовки (Молодин и др., 2022).

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют выделить несколько этапов андроновского проникновения (Молодин, 2011). Один из них привел к появлению у местных позднекротовских племен изделий срубно-андоновских типов (рис. 3, 6, 7). Резко увеличивается номенклатура кованых изделий — браслеты со спиралевидными окончаниями, височные кольца, бусины и бляхи (Молодин, 2014. С. 53. Рис. 1, 23–26, 29). На следующем этапе в Обь-Иртышскую лесостепь проникают непосредственно сами носители андроновской (федоровской) археологической культуры. Данное взаимодействие приводит к серьезным трансформациям в металлообработке и у пришельцев, и у аборигенов.

Происходят изменения в техническом обеспечении производственного процесса. Исчезают сложносоставные тигли в виде бортика на фрагменте бытовой керамики, наиболее поздние образцы таких приспособлений найдены в насыпи позднекротовского кургана 30 могильника Сопка-2/5 (рис. 3, 9, 10). Вместо них начинают использовать тигли в виде круглодонной чашечки с боковой вертикальной ручкой (рис. 3, 8). Такой тигель найден в андроновском (федоровском) погребении 478 могильника Тартас-1 (Молодин и др., 2018. С. 134, 135. Рис. 7, 4), еще один — на Омской стоянке (Членова, 1955. С. 40, 41. Рис. 3, 24). Учитывая многочисленные аналогии этому типу плавильных емкостей в андроновском мире (Кривцова-Гракова, 1948. С. 106, 107. Рис. 33, 1; Потемкина, 1985. Рис. 34, 4), источник его появления в Обь-Иртышской лесостепи не вызывает сомнения.

В позднекротовском литейном производстве сохраняются приемы изготовления форм, сложившиеся в одиновско-кротовской традиции (модельная формовка с использованием подмодельной плиты для формирования разъема). Однако чаще всего в них отливают предметы срубно-андоновского типа (рис. 3, 2), формы для получения изделий сейминско-турбинского круга единичны (рис. 3, 5).

Судя по выявленной серии позднекротовских погребений литейщиков на могильниках Сопка-2/5 (рис. 3, 1) и Тартас-1, организация их работ сохраняет замкнутый семейно-клановый характер. Следует отметить, что обычай отмечать в сопроводительном инвентаре связь умерших сородичей с литейным производством, присутствует и у пришлых андроновских (федоровских) племен. Такие погребения зафиксированы на могильнике Тартас-1 (Молодин и др., 2018. С. 129–135. Рис. 1, 4, 5, 7).

Слабая степень изученности андроновских (федоровских) поселенческих комплексов Обь-Иртышской лесостепи не позволяет в полной мере представить степень изменения плавильных сооружений. Однако и имеющиеся материалы дают возможность установить появление новых типов очагов в виде овальных или круглых в плане выкладок из камней или подпрямоугольных углублений со слоем камней в верхней части заполнения. На поселении Куделька-2 такая конструкция использовалась вместе с неглубоким колодцем (Зах, 1997).

Металлообрабатывающее производство эпохи поздней бронзы в западносибирской лесостепи в первую очередь характеризуется материалами ирменской археологической культуры. Несмотря на значительную изученность ее памятников и обилие связанных с литейным делом находок, на территории ирменских поселений выявлено сравнительно

Рис. 4. Объекты и артефакты ирменской культуры, связанные с металлообработкой. Милованово-3: 1, 5 – очаг 3 и сопло из жилища 5; 2 – очаг из жилища 3; 3, 4 – очаги из жилища 10; Линево-1: 6 – сопло; Березовый Остров-1: 7–10, 15 – фрагменты литейных форм; 14 – тигель; Омь-1: 11, 13 – изделия из бронзы; Танай-7: 12 – часть бронзового ножа.

Fig. 4. Objects and artifacts of the Irmen culture associated with metalworking

Рис. 5. Техническая керамика переходного времени от бронзового века к железному. Чича-1, жилище 10: 1–9 – фрагменты литейных форм (А – следы обмазки скрепляющей створки формы); 10–12 – фрагменты тиглей.

Fig. 5. Technical ceramics of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age. Chicha-1, dwelling 10

небольшое количество литейных площадок. Чаще всего литейный инвентарь фиксируется в переотложенном состоянии в зольниках поселений Ирмень-1, Красный Яр-1, Умна-1 (Матвеев, 1993.

С. 37, 43, 74). Специализированные литейные площадки известны на поселениях Милованово-3, Абрашино-1, Куделька-2, Березовый остров (Мыльникова, Дураков, 2008). Отметим, что сле-

ды металлообработки присутствуют не во всех жилищах поселений. Например, в Милованово-3 из 15 полностью или частично раскопанных жилищ литейным делом занимались в 3 (№ 3, 5 и 10), а в Абрашино-1 — в 2 (№ 2, 5) из 5 жилищ.

По всей видимости, специализация производства сохраняется, хотя организация работ уже не замыкается в обособленных клановых группах. На это указывает полное исчезновение погребений литейщиков в ирменской культуре.

Плавка металла проводится в специальных горнах, которые можно разделить на следующие типы. Тип 1 — заглубленные в землю очаги, сконструированные в виде длинных узких ям с укрепленными камнем стенками и керамическим сводом (рис. 4, 1). Такие сооружения широко представлены на ирменских поселениях, но чаще всего, видимо, выполняли хозяйственные функции (Нестерова, 2019. С. 160, 161). Достоверное использование такого очага для плавки металла зафиксировано только на литейной площадке в жилище 5 поселения Милованово-3. Тип 2 — яма каплевидной формы, перекрытая сводом из обожженной глины, из жилища 3 поселения Милованово-3 (рис. 4, 2).

Тип 3 — в виде овальной кладки из камней высотой 0,1 м, материк под ней, как правило, прокален на небольшую глубину, зафиксирован в жилище 10 поселения Милованово-3 (рис. 4, 4). Очаги данного типа, видимо, восходят к андроновской традиции. В Приобье они отмечены на поселении Куделька-2. Известны они и на поселениях алакульской археологической культуры (Кривцова-Гракова, 1948. С. 86, 87; Черников, 1956. С. 47; Сальников, 1957. С. 195, 196).

Тип 4 — глиняная площадка, зафиксирована в жилище 10 поселения Милованово-3 (рис. 4, 3). В позднеирменское время такие очаги известны на поселении Линево-1. Происхождение конструкции данного типа горнов не вполне ясно. Наиболее ранние их образцы в западносибирской лесостепи обнаружены в жилище 2 кротовского поселения Крохалевка-3 (Молодин, 1977. С. 63).

Для нагнетания воздуха в горн использовались сопла в виде керамических трубок (рис. 4, 5, 6). Два практически целых экземпляра найдены на поселении Милованово-3 (Сидоров, Новикова, 2004), еще одно сопло происходит с поселения Линево-1.

Ирменские тигли представляют собой круглодонную полусферическую чашечку (рис. 4, 14). Такие емкости найдены в литейной мастерских поселений Абрашино-1 и Березовый Остров-1 (Мыльникова, Дураков, 2008. С. 61–63. Рис. 5, 3).

В изготовлении литейных форм сохраняется появившаяся еще в одиновское время технология формовки по модели на подмодельной плите, хотя номенклатура изделий сильно изменилась

(рис. 4, 11–13). Использование этого метода документируется многочисленными отпечатками древесной структуры подмодельных плит на разъемах форм (рис. 4, 7, 8). Разъем при этом способе получался ровный со сторонами, лежащими строго в одной плоскости, обратная сторона гладкая, округлая (рис. 4, 9, 15).

Значительные изменения в литейном производстве культур Обь-Иртышской лесостепи происходят на рубеже позднего бронзового и раннего железного веков. Данная эпоха характеризуется значительными перемещениями на рассматриваемую территорию населения из Зауралья и Северного Казахстана. Отмечается появление на позднеирменских памятниках красноозерской, позднеузунгунской, атлымской и гамаюнской керамики (Молодин и др., 2008. С. 425, 426; 2012. С. 38–41). Одновременно из Северного Казахстана проникают носители берликской археологической культуры (Молодин и др., 2012. С. 41). Следует отметить, что пришельцы были носителями совершенно других производственных традиций.

Прежде всего, отличаются приемы изготовления литейных форм. Подмодельная плита не используется, в уже изготовленную створку вдавливается модель будущего изделия, в результате вокруг нее образуется бугорок вытесненной формовочной массы, а разъем формы приобретает характерную выпуклую неровную поверхность (рис. 5, 1–9). Створка подсушивалась, после чего в нее снова вставлялась модель и сверху кусками накладывалась глина, из которой формовалась вторая часть формы. Поверхность разъема второй створки полностью определялась конфигурацией первой, поэтому она чаще всего имела вогнутую форму с характерными “карнизиками” — наплывами формовочной массы за край нижней створки. Собранный форму обмазывали слоем глины, в ее верхней части вылепливали литниковую чашу в виде воронки (рис. 5, 9).

Крепление створок формы осуществлялось при помощи глиняной обмазки. Створки крупных форм скрепляли лентой формовочной массы, наклепленной вдоль стыковочного шва створок (рис. 5, 1, 2). Кроме укрепления монолитности частей формы такая обмазка препятствовала утечке металла в щель между неплотно подогнанными створками. Используются тигли в виде цилиндра или усеченной пирамиды (рис. 5, 10, 12).

Появляется новый тип горнов. Он представляет собой 8-образную в плане яму, разделенную материковой перегородкой на две камеры. Такие очаги зафиксированы на литейных участках в жилищах 2 и 10 городища Чича-1. По конструкции они близки иткульским горнам класса I-1, по классификации Г.В. Бельтиковой (1981. С. 118, 119).

Появление описанных выше новых производственных приемов прослеживается, как правило,

в западной части ареала позднеирменской культуры и наиболее ярко проявляется в крупных бронзолитейных центрах, таких как городище Чича-1. Следует отметить, что производство в некоторых мастерских памятника явно достигло ремесленного уровня. Например, в жилище 10 найден 861 фрагмент не менее чем от 144 литейных форм. Здесь, судя по негативам форм, было отлито не менее 58 ножей, 27 шильев, 11 кельтов и 23 втульчатых орудий. Все это обилие изделий явно превышало потребности семьи и предназначалось для дальнейшего обмена.

Подводя итог, отметим, что бронзолитейное производство в Обь-Иртышской лесостепи пережило несколько последовательных этапов развития. На первом медно-бронзовые изделия проникают на эту территорию в качестве импорта. Появление самостоятельного литейного производства происходит не ранее начала III тыс. до н.э. на памятниках одиновской и кротовской культур. Формируется местная технологическая база, включающая теплотехнические сооружения и совершенный литейный инвентарь (тигли, льячки, формы, сопла). Этот процесс во многом синхронизируется с появлением и развитием в Обь-Иртышской лесостепи сейминско-турбинских технологий. Резкое изменение этой линии развития происходит с начала II тыс. до н.э. в связи с усиливающейся экспансией андроновских (федоровских) племен. Появление пришельцев привело к модификации части производственного процесса, связанного с плавкой металла (очаги и тигли). При этом все формовочные операции сохранили черты местного производства, разработанного еще кротовскими литейщиками.

Выработанные в результате такого синтеза традиции составили основу литейного дела ирменской культуры финала позднего бронзового века. Резкое изменение ряда производственных приемов происходит только при переходе к эпохе раннего железа и связано с проникновением в западные районы Барабинской лесостепи носителей урало-казахстанских производственных традиций.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельтикова Г.В.* О зауральской металлургии VII—III вв. до н.э. // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1981. С. 118—125.
- Бочкарев В.С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Наука, 1978. С. 48—53.
- Дураков И.А., Кобелева Л.С.* Техническая керамика кротовской культуры Центральной Барабы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 23—25.
- Дураков И.А., Молодин В.И., Гришин А.Е.* Литейная мастерская одиновской культуры (по материалам могильника Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2020. С. 405—413.
- Дураков И.А., Мыльникова Л.Н.* Производственные участки на поселении ранней бронзы Старый Тартас-5 (Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 4. С. 84—94.
- Дураков И.А., Мыльникова Л.Н.* На заре металлургии: Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпохи ранней бронзы. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2021. 203 с.
- Зах В.А.* Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылinskого археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
- Ковалева В.Т.* Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии. Поселение Ташково II. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1997. 130 с.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.* Ташковская культура: поселение Андреевское Озеро XIII. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2000. 160 с.
- Корочкова О.Н.* Погребения литейщиков Урала и Западной Сибири // Stratum plus. 2022. № 2. С. 63—81.
- Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. М.: Гос. ист. музей, 1948 (Труды Гос. ист. музея; вып. XVII). С. 59—172.
- Кузьминых С.В.* Металлические изделия // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 32—36.
- Матвеев А.В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Наука, 1993. 181 с.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Томский гос. ун-т, 1988. 135 с.
- Молодин В.И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.
- Молодин В.И.* Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири / Ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1983. С. 96—109.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2001. 128 с.
- Молодин В.И.* Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. VII). С. 58—69.
- Молодин В.И.* Сейминско-турбинские бронзы в “закрытых” комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии / Отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. Новосибирск: Ин-т

- археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 309–324.
- Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 49–54.
- Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2016. 452 с.
- Молодин В.И., Дураков И.А. Бронзолитейный комплекс поселения одиновской культуры Марково-2 // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 3: Археология и этнография. С. 57–65.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Захоронения с бронзолитейным оборудованием андроновского федоровского могильника Тартас-1 (Центральная Бараба) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 129–137.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Статистико-планиграфическое исследование керамических комплексов базовых памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (юго-восточная зона лесостепной части Западной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 38–58.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. С. 104–119.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 3. С. 49–58.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Влияние сейминско-турбинского феномена на технологии бронзолитейного производства населения Сибири эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 29–40.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Борзых К.А., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ковыригина Ю.Н. Проявление сейминско-турбинского феномена на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 321–325.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Культурная принадлежность городища Чича-1 (по данным статистико-планиграфического изучения керамических комплексов) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 425–430.
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Производственная площадка поселения Березовый Остров-1 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А.Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 56–68.
- Нестерова М.С. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2019. 271 с.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Сальников К.В. Кипельское селище // Советская археология. 1957. Т. XXVII. С. 193–208.
- Сидоров Е.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. С. 104–124.
- Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988 (Вопросы археологии Урала; вып. 19). С. 53–75.
- Черников С.С. О работах восточно-казахстанской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 64. С. 43–60.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной полосы Западной Сибири // Советская археология. 1955. Т. XXIII. С. 38–57.

DYNAMICS OF THE BRONZE FOUNDRY PRODUCTION IN THE OB-IRTYSH FOREST-STEPPE IN THE BRONZE AGE

Vyacheslav I. Molodin^{a,b,#}, Igor A. Durakov^{a,##}, and Lilia S. Kobeleva^{a,b,###}

^aInstitute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

^bTomsk State University, Tomsk, Russia

[#]E-mail: priemnaya.molodina@gmail.com

^{##}E-mail: idurakov@yandex.ru

^{###}E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

The paper traces through several consecutive periods of the development of bronze foundry production in the Ob-Irtysh interfluvium during the Bronze Age. At the first stage, copper-bronze products appeared in the area as imports. The local foundry emerged no earlier than the beginning of the III millennium BC on the sites of

the Odino and Krotovo cultures. At that time, the technological base was being formed, including thermal facilities and developed foundry equipment (crucibles, ladles, molds, and nozzles). This process is largely synchronized with the emergence and development of Seima-Turbino technologies in the Ob-Irtysh forest-steppe. A sharp change in this line of development was taking place since the beginning of the II millennium BC as a result of increasing expansion of the Andronovo (Fyodorovo) population. Their arrival led to the modification of part of the production process associated with the metal melting (hearths and crucibles). At the same time, it should be noted that all molding processes have retained the features of local foundry production developed by the Krotovo people. The production technology developed as a result of this synthesis formed the basis for the foundry of the Irmen culture in the Late Bronze Age. A sharp change in a number of production techniques occurred only at the end of that period and is associated with the penetration of the Ural-Kazakhstan production traditions into western regions of the Baraba forest-steppe.

Keywords: Western Siberia, the Bronze Age, bronze foundry, the Odino, Krotovo, Andronovo (Fyodorovo), and Irmen cultures.

REFERENCES

- Bel'tikova G.V., 1981. On the Trans-Ural metallurgy of the 7th–3rd centuries BC. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the Urals archaeology]*. Sverdlovsk: Ural'skiy gos. univ., pp. 118–125. (In Russ.)
- Bochkarev B.C., 1978. Burials of foundry masters of the Bronze Age (methodological revision). *Problemy arkheologii [Problems of archaeology]*, 2. Leningrad: Nauka, pp. 48–53. (In Russ.)
- Chernikov S.S., 1956. On the activities of the East Kazakhstan expedition. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 64, pp. 43–60. (In Russ.)
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., 1989. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seiminsko-turbinskiy fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (the Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Chlenova H.L., 1955. On the Bronze Age cultures in the forest-steppe zone of Western Siberia. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, XXIII, pp. 38–57. (In Russ.)
- Durakov I.A., Kobeleva L.S., 2017. Technical ceramics of the Krotovo culture of Central Baraba. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 49, pp. 23–25. (In Russ.)
- Durakov I.A., Molodin V.I., Grishin A.E., 2020. Foundry of the Odino culture (based on materials from the Tartas-1 burial ground). *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXVI. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, pp. 405–413. (In Russ.)
- Durakov I.A., Myl'nikova L.N., 2020. Production sites at the Early Bronze Age settlement of Stary Tartas-5 (Baraba forest-steppe). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, vol. 48, no. 4, pp. 84–94. (In Russ.)
- Durakov I.A., Myl'nikova L.N., 2021. Na zare metallurgii: Bronzolitaynoe proizvodstvo naseleniya Ob'-Irtyshskoy lesostepi v epokhi ranney bronzy [At the dawn of metallurgy: Bronze-casting production of the population of the Ob-Irtysh forest-steppe in the Early Bronze Age]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. 203 p.
- Korochkova O.N., 2022. Burials of moulders in the Urals and Western Siberia. *Stratum plus*, 2, pp. 63–81. (In Russ.)
- Kovaleva V.T., 1997. Vzaimodeystvie kul'tur i etnosov po materialam arkheologii. Poselenie Tashkovo II [Interaction of cultures and ethnic groups based on archaeological materials. The settlement of Tashkovo II]. Ekaterinburg: Ural'skiy gos. univ. 130 p.
- Kovaleva V.T., Ryzhkova O.V., Shamanaev A.V., 2000. Tashkovskaya kul'tura: poselenie Andreevskoe Ozero XIII [The Tashkovo culture: Andreevskoye Ozero XIII settlement]. Ekaterinburg: Ural'skiy gos. univ. 160 p.
- Krivtsova-Grakova O.A., 1948. The Alekseevskoye settlement and burial ground. *Arkheologicheskii sbornik [Archaeological collection]*. Moscow: Gos. istoricheskiy muzey, pp. 59–172. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, XVII). (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., 2011. Metal products. *Satyga XVI: seiminsko-turbinskiy mogil'nik v taezhnoy zone Zapadnoy Sibiri [Satyga XVI: a Seima-Turbino burial ground in the taiga zone of Western Siberia]*. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy, pp. 32–36. (In Russ.)
- Matveev A.V., 1993. Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e [The Irmen culture in the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: Nauka. 181 p.
- Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V., 1988. Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska [A burial ground at the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk: Tomskiy gos. univ. 135 p.
- Molodin V.I., 1977. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya [The Neolithic and Bronze Age of the forest-steppe Ob-Irtysh region]. Novosibirsk: Nauka. 174 p.
- Molodin V.I., 1983. A burial of a founder in the Sopka-2 burial ground. *Drevnie gorniki i metallurgi Sibiri [Ancient miners and metallurgists of Siberia]*. Yu.F. Kiryushin, ed. Barnaul: Altayskiy gos. univ., pp. 96–109. (In Russ.)
- Molodin V.I., 2001. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [The site of Sopka-2 on the Om River], 1. Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla [Cultural and chronological analysis of Neolithic and Early Metal Age burial complexes]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. 128 p.

- Molodin V.I., 2011. Migration of the bearers of the Andronovo cultural and historical community to the Baraba forest-steppe. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: k 70-letiyu D.G. Savinova* [Ancient art in the mirror of archaeology: To the 70th anniversary of D.G. Savinov]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 58–69. (Trudy Sibirskoy Asotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, VII). (In Russ.)
- Molodin V.I., 2013. Seima-Turbino bronzes in the “closed” complexes of the Odino culture (Baraba forest-steppe). *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii* [Fundamental issues of archaeology, anthropology and ethnography]. V.I. Molodin, M.V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, pp. 309–324. (In Russ.)
- Molodin V.I., 2014. On the late Krotovo (Chernoozero) culture (Irtysh forest-steppe). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 1, pp. 49–54. (In Russ.)
- Molodin V.I., Durakov I.A., 2021. Bronze casting complex of the Odino settlement Markovo-2. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and Philology], vol. 20, no. 3. Arkheologiya i etnografiya, pp. 57–65. (In Russ.)
- Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., 2018. Burials with bronze-casting equipment of the Andronovo Fyodorovo burial ground of Tartas-1 (Central Baraba). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 56, pp. 129–137. (In Russ.)
- Molodin V.I., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., 2012. The Krotovo production complex at the settlement of Vengerovo-2 (Baraba forest-steppe). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and Philology], vol. 11, iss. 5. Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and ethnography], pp. 104–119. (In Russ.)
- Molodin V.I., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., 2018. Adaptation of the Seima-Turbino tradition in the Bronze Age cultures in the south of the West Siberian Plain. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], vol. 46, no. 3, pp. 49–58. (In Russ.)
- Molodin V.I., Grishin A.E., 2016. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [The Sopka-2 site on the Om River], 4. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury [Cultural and chronological analysis of the Krotovo burial complexes]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. 452 p.
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Durakov I.A., 2022. The influence of the Seima-Turbino phenomenon on the bronze casting production of the Siberian population during the Bronze Age. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 4 (77), pp. 29–40. (In Russ.)
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Durakov I.A., Borzykh K.A., Selin D.V., Nesterova M.S., Kovyrshina Yu.N., 2015. Manifestation of the Seima-Turbino phenomenon at the Krotovo settlement of Vengerovo-2 (Baraba forest-steppe). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], XXI. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, pp. 321–325. (In Russ.)
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Durakov I.A., Kobeleva L.S., 2008. Cultural affiliation of the Chicha-1 fortified settlement (based on the statistical-planigraphic study of ceramic complexes). *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale* [Works of the II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal], 1. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, eds. Moscow: Institut arkheologii RAN, pp. 425–430. (In Russ.)
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Durakov I.A., Kobeleva L.S., 2012. Statistical and planigraphic study of ceramic complexes from reference sites of the transitional period from the Bronze Age to the Early Iron Age (the south-eastern forest-steppe of Western Siberia). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 3 (51), pp. 38–58. (In Russ.)
- Myl'nikova L.N., Durakov I.A., 2008. Production site of the Berezovy Ostrov-1 settlement. *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy* [Ethnic and cultural processes in the Upper Ob region and adjacent territories at the end of the Bronze Age]. A.B. Shamshin, ed. Barnaul: Kontsept, pp. 56–68. (In Russ.)
- Nesterova M.S., 2019. Ochazhnye ustroystva v epokhu paleometalla (Zapadnaya Sibir') [Hearth facilities in the Palaeometal Age (Western Siberia)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. 271 p.
- Potemkina T.M., 1985. Bronzovyy vek lesostepnogo Pritobol'ya [The Bronze Age of the forest-steppe Tobol region]. Moscow: Nauka. 376 p.
- Sal'nikov K.V., 1957. The Kipel settlement. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], XXVII, pp. 193–208. (In Russ.)
- Sidorov E.A., Novikova O.I., 2004. Unpublished materials from the settlement of Milovanovo-3. *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [Arid zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Yu.F. Kiryushin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ., pp. 104–124. (In Russ.)
- Stefanova N.K., 1988. The Krotovo culture in the Middle Irtysh region. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gos. univ., pp. 53–75. (Voprosy arkheologii Urala, 19). (In Russ.)
- Zakh V.A., 1997. Epokha bronzy Prislair'ya (po materialam Izylinkskogo arkheologicheskogo mikrorayona) [The Bronze Age of the Salair area (based on the materials of the Izylinka archaeological microdistrict)]. Novosibirsk: Nauka. 132 p.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕДОРОВСКОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ МОЧИЩЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

© 2023 г. С. А. Григорьев^{1,*}, Н. П. Салугина^{2,**}

¹Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия

²СРОО “Самарское археологическое общество”, Самара, Россия

*E-mail: stgrig@mail.ru

**E-mail: nsalug@gmail.com

Поступила в редакцию 29.10.2022 г.

После доработки 16.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

Поселение Мочище содержит материалы культур бронзового века Зауралья: петровской, алакульской, федоровской, черкаскульской, межовской и саргаринской. Изучение федоровской керамики показало, что ее формы и орнаменты не выводимы из алакульской традиции. Однако технологические исследования дали иной результат: значительная часть глин и примесей имеет параллели в алакульском гончарстве поселения, но появляется также использование илистых глин, которое привнесено, вероятно, федоровским населением Нижнего Притоболья. Резко уменьшается количество посуды, обработанной лощением, несколько вырастает использование шамота и нет данных о лепке посуды на шаблоне, характерном для Алакуля, но это может быть обусловлено малым количеством исследованных образцов. В то же время сосуды, как и алакульские, формовались при помощи лоскутного спиралевидного способа по донно-емкостной программе. Поэтому гончарная технология федоровского населения Мочища отражает контакт гончаров, носителей двух традиций: местной алакульской и федоровской, вероятно, из Нижнего Притоболья. Однако во внешний вид посуды отражает ориентацию на федоровские стереотипы, которые стали доминировать по каким-то социальным причинам.

Ключевые слова: федоровская культура, гончарные технологии, керамическая орнаментация, алакульская культура, Южное Зауралье, бронзовый век.

DOI: 10.31857/S086960632303011X, **EDN:** DBFISC

Формирование федоровского керамического типа Зауралья является одним из главных вопросов в андроновской проблематике. Его историография весьма обширна и подробно изложена (Григорьев, 2002). Кратко можно свести имевшиеся точки зрения к нескольким позициям: 1) федоровский тип формируется во всем Урало-Иртышском междуречье на алакульской основе (Зданович, 1988); 2) федоровский и черкаскульский типы формируются в Зауралье на основе федоровско-черкаскульского или “нерасчлененного” типа (Обыденнов, Шорин, 1995. С. 47); 3) федоровский тип формируется в Зауралье на основе коптяковского (Зах, Илюшина, 2010); 4) федоровский тип является результатом продвижения на запад из Восточного Казахстана и Алтая андроновских гончарных традиций (Григорьев, 2002; 2006. С. 213–220; Стефанов, Корочкова, 2006. С. 120–125, 132). Черкаскульский тип при этом рассматривался чаще как более поздний относительно федоровского, а межовский — как самый поздний, формирующийся на черкаскульской ос-

нове (Косарев, 1981. С. 163). Вместе с тем было сформулировано предположение о формировании черкаскульского типа на федоровской основе, при этом межовский тип существовал в черкаскульской культуре изначально, в качестве эквивалента так называемой поселенческой федоровской керамики (Григорьев, 2000. С. 369–374, 385; Матвеев, 2007. С. 19, 23, 25, 30; Григорьев и др., 2018. С. 197).

Эта запутанная ситуация обусловлена тем, что в огромном ареале культуры стратиграфические ситуации на памятниках могли различаться, но их часто использовали для объяснения ситуации в целом. К использованию радиоуглеродных дат надо тоже относиться осторожно, так как их число недостаточно, и в разных районах они сделаны с использованием разных методик. Даты федоровской (андоновской) культуры на востоке (Бараба — 1800–1500 гг. до н.э., Минусинская котловина — 1900–1500 гг. до н.э., Алтай — 2000–1700 гг. до н.э.) практически совпадают с датами в Зауралье (1980–1510 гг. до н.э.). Черкаскульские и

межовские даты являются более поздними (1610–1260 гг. до н.э.) (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014). В Нижнем Приоболье федоровские даты укладываются в промежуток от начала XX до начала XVI в. до н. э. (Зах и др., 2013. С. 18; Илюшина, 2015. С. 46). В целом это согласуется с новой периодизацией для Южного Зауралья, в соответствии с которой петровская и алакульская культуры формируются одновременно с синташтинской к востоку (петровская) и северо-востоку (алакульская). Федоровская культура начинает формироваться в Восточном Казахстане достаточно рано, еще в синташтинское время, судя по присутствию в ее ранних комплексах петровских включений и примеси абашевских и полтавкинских черт. С приходом федоровского населения с востока в Зауралье алакульское вытесняется из лесостепи на юг, где оно ассимилирует петровское население. В лесостепи же сразу начинается формирование черкаскульской культуры (Григорьев и др., 2018. С. 146, 190–193, 198, 199).

Однако приведенные выше интервалы основаны как на старых LSC датах (дающих обычно более древние и широкие значения), так и на AMS датах, сделанных на ускорительной технике. Они вступают в противоречие с датами синташтинской культуры, обеспеченной большой серией AMS дат. Последнее их обобщение указывает на интервал 1960–1770 гг. до н.э. (Епимахов, 2020). Относительно надежные даты алакульско-федоровского погребения в мог. Лисаковский дают 1719 ± 50 г. до н.э. (Усманова, Панюшкина, 2011. С. 378), что вполне соответствует концу синташтинского интервала. На Среднем Енисее федоровская культура датируется AMS методом в пределах XVII–XV вв. до н.э., и она появляется там позже, чем на западе. Однако везде даты с XX в. до н.э. удревлены старыми методами анализа (Поляков, 2019).

Из всего сказанного очевидно, что после первичного появления федоровской традиции в пока неясном ареале она достаточно быстро распространяется между Уралом и Алтаем. Однако имеющаяся база анализов недостаточна для однозначных суждений, хотя и пополнение этой базы современными анализами может не привести к исправлению ситуации, поскольку мы в любом случае будем иметь слишком широкие интервалы при обсуждении скоротечных процессов. Одним из способов решения проблемы является изучение гончарства, поскольку это может выявить связи между отдельными федоровскими ареалами и направление распространения этой традиции.

Данная работа посвящена анализу федоровских материалов поселения Мочище и выявлению механизмов появления федоровского керамического типа в лесостепном Зауралье. Прин-

ципальной здесь является также классическая проблема андроноведения — соотношение алакульских и федоровских традиций. Поэтому в настоящей статье мы провели сопоставление именно этих комплексов поселения. За пределами нашего внимания остался федоровско-черкаскульский керамический тип, поскольку он отражает процесс трансформации федоровской посуды в черкаскульскую и будет рассмотрен в отдельной работе вместе с черкаскульской и межовской посудой. Анализы этих керамических типов уже проведены и готовится их публикация.

Стратиграфическая позиция федоровских, черкаскульских и межовских материалов на поселении. Поселение Мочище расположено в лесостепном Зауралье. Оно исследовано на площади 4000 м² и на нем было выделено четыре хронологических горизонта. Два нижних (1 и 2) относятся к петровскому и раннему алакульскому времени и синхронны синташтинской культуре степной зоны. Данные по керамике этих горизонтов опубликованы (Григорьев, 2019; Григорьев, Салугина, 2020). Горизонт 4 датируется финальным бронзовым веком, а горизонт 3 содержал керамику федоровского, черкаскульского и межовского типов. В этот период имело место переиспользование алакульских котлованов, что привело к перемещению материала. В результате часть керамики горизонта была выявлена в верхней части нижнего горизонта. Но гораздо больше петровской и ранней алакульской керамики присутствует в горизонте 3, как и небольшая примесь более поздней саргаринской керамики. С другой стороны, федоровская и федоровско-черкаскульская керамика появляются на поселении в момент прекращения существования алакульского поселка. Однако у нас нет оснований для утверждения, что следующий черкаскульско-федоровский горизонт начал формироваться сразу после этого, а не с определенным перерывом. В перекрывающий его горизонт финальной бронзы керамика федоровско-черкаскульско-межовской группы почти не попадает. Отдельный межовский горизонт отсутствовал. Посталакульский горизонт можно назвать черкаскульско-федоровским. С учетом этих обстоятельств (после удаления примесей), определена доля керамических типов в слоях черкаскульско-федоровского горизонта 3: федоровский — 10,6, федоровско-черкаскульский — 28,8, черкаскульский — 29,8, межовский — 30,8%. На основании анализа взаимовстречаемости этих типов в различных слоях можно утверждать, что они устойчиво сочетаются друг с другом и в слоях поселения одновременны.

Количество керамического материала и характер изученной выборки. В общей сложности, на поселении было обнаружено 5890 фрагментов керамики, но из них лишь 2575 оказались надежно определимыми с точки зрения культурной при-

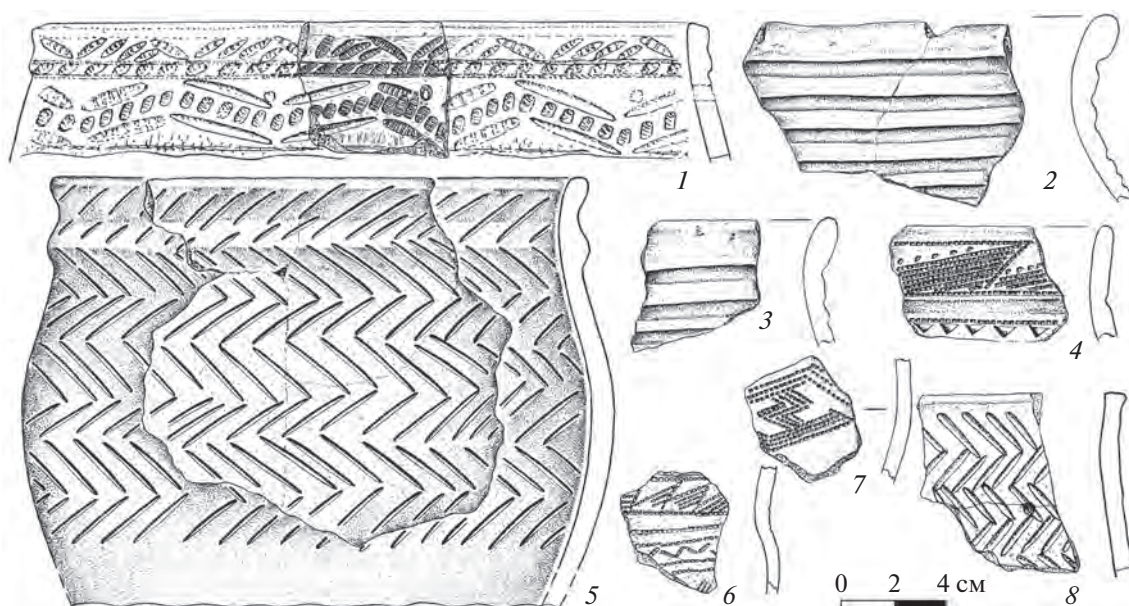

Рис. 1. Федоровская керамика: 1 – М-6823, 2 – М-4959, 3 – М-3642, 4 – М-3648, 5 – М-4955, 6 – М-7021, 7 – М-4006, 8 – М-6280.

Fig. 1. Fyodorovka pottery

надлежности, а к федоровско-черкасульско-межовской группе относится лишь 629 фрагментов: 116 – федоровских, 152 – федоровско-черкасульских, 186 – черкасульских и 175 – межовских (что гораздо меньше количества алакульских фрагментов – 1367). Значительная их часть найдена в пахотном слое или в стратиграфически неопределенном контексте. Лишь 280 фрагментов обнаружено в неповрежденных слоях. Это заставляет с осторожностью относиться ко всем последующим статистическим результатам, которые отражают лишь определенные тенденции и должны проверяться на других памятниках.

Типологический анализ федоровской керамики. Посуда федоровской культуры поселения (рис. 1) представлена горшками с плавной профилировкой, среди которых выделяются экземпляры с более или менее раздутым туловом. Более раздутые сосуды горшечной формы имеют зауженную горловину, и, как правило, более пышную геометрическую орнаментацию. Сосуды горшечно-баночной формы иногда имеют валик по шейке или под венчиком. Не исключено присутствие баночных сосудов, но из-за отсутствия целых форм достоверно это не установлено.

Необходимо сделать одну оговорку. Федоровские поселенческие коллекции содержат два типа посуды: пышно украшенные горшечные формы и более скромные горшечно-баночные и баночные. На поселениях доля первой группы от 5 до 25% (Бобров, Михайлов, 1989. С. 57–59, 63; Матвеев, 2014. С. 68, 69; Леонтьева, Рахимжанова, 2016.

С. 35; Кирюшин, Грушин, Леонтьева, 2016. С. 48, 49; Ткачева, Ткачев, 2008. С. 64; Стефанов, Корочкова, 2000. С. 56). Но в Зауралье вторую группу керамики не всегда можно отличить от межовского типа. При определении культурной принадлежности мы ориентировались на публикации в разных регионах, но в условиях синхронности этих материалов на Мочище, это не всегда надежно, за исключением посуды с пышной орнаментацией, поэтому выборка смещена в сторону этой посуды.

В технике орнаментации федоровской керамики (табл. 1) доминируют оттиски гребенчатого штампа (64.4%), зачастую мелкого. На втором месте идут каннелюры (18.6%), реже треугольные вдавления (5%) и иные орнаментальные техники. Среди фигур преобладают прямые линии, косые и обычные треугольники, прямой и косой меандр. Доля геометрических орнаментов составляет 51.6%. Из орнаментальных фигур типичны заштрихованные треугольники (преимущественно «косые»), горизонтальные линии, меандры и зигзаги, роль которых существенно ниже, чем в Алакуле (табл. 2). Важной чертой является лощение поверхности сосуда не по всей поверхности, а вдоль орнаментальных полос.

Для понимания степени близости тех или иных керамических групп были высчитаны коэффициенты их сходства по критерию Пирсона. Более детальный анализ с отдельными расчетами для орнаментальных техник и фигур опубликован (Григорьев и др., 2018. С. 124–127), и здесь мы

Таблица 1. Техника орнаментации керамики поселения Мочище (%)**Table 1.** The ornamentation technique of the pottery from the Mochishche settlement (%)

Тип	Желобок	Гладкий штамп	Гребенка	Проташенная гребенка	Канелюры	Резной	Насечки	Вдавления	Каплевидные вдавления	Угловые вдавления	Полукруглые вдавления	Овальные вдавления	Треугольные вдавления	Расчесы	Пальцевые вдавления	Двузубый штамп	Шнур	Ногтевые вдавления
Алакуль	0.1	15.4	16.6	51.2	0.3	5.0	1.2	1.5	0.1	6.2	0.3	0.4	0.4	0.4	0.4	0.1	0.4	0.1
Федоровка	3.4	3.4	64.4	0	18.6	0	1.7	3.4	0	0	0	0	5.1	0	0	0	0	0

Таблица 2. Фигуры орнамента керамики поселения Мочище (%)**Table 2.** Ornamental patterns on the pottery from the Mochishche settlement (%)

Тип	Елка	Зигзаг	Вертикальный зигзаг	Многорядный зигзаг	Многорядный вертикальный зигзаг	Заштрихованный зигзаг	Меандр	Косой меандр	Линии	Наклонные линии	Ряды вдавлений	Ромбы	Заштрихованные треугольники	Косые заштрихованные треугольники	Треугольники	Полоса заштрихованная	Наклонные отгибки	Ступенчатые пирамиды	Флажки	Фестоны	Уточки	Бахрома
Алакуль	0.2	28.9	0.3	10.7	0.2	0.2	3.9	0.2	32.9	1.1	3.6	2.2	8.3	0	0.8	2.6	1.7	0.3	0.8	0.3	0.2	0.2
Федоровка	0	4.8	1.6	1.6	0	0	11.3	4.8	38.7	0	0	3.2	6.5	24.2	1.6	0	0	0	0	0	0	1.6

коснемся лишь суммарного результата. Коэффициент сходства по Х-квадрат тесту Пирсона между алакульским и федоровским керамическим типом оказался крайне низким — 0.12, в то время как между федоровским и черкаскульским типами — 0.46. Ранее мы использовали коэффициент корреляции по Пирсону с получением несколько иных цифр. Однако применение Х-квадрат теста в данном случае более корректно. Это не позволяет рассматривать эти типы как генетически связанные.

Таким образом, исходя из стратиграфии и типологического анализа, можно заключить, что в лесостепи Южного Зауралья федоровская традиция является пришлой. Появляется она в конце раннеалакульского этапа. Алакульская традиция была местным субстратом, на который наложился этот импульс, но алакульский вклад в типологическое своеобразие федоровской керамики был невысок.

Технологический анализ федоровской керамики.

На технологический анализ отобрано 16 фрагментов от условно разных сосудов, представленных венчиками и, единично, стенками и днищами, и отражающих морфологические особенности всей коллекции¹. Анализ проводился в соответствии с методикой, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999), результаты исследования контролировались сравнением с эталонной базой, созданной в рамках Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства (Васильева, Салугина, 2015). Материал фрагментирован, поэтому полная информация получена по особенностям исходного пластичного сырья (ИПС) и составлению формовочных масс (ФМ), частичная — по способам обработки

¹ По сравнению с этим, технологический анализ алакульской части коллекции поселения был осуществлен на 29 сосудах (Григорьев, Салугина, 2020. С. 53).

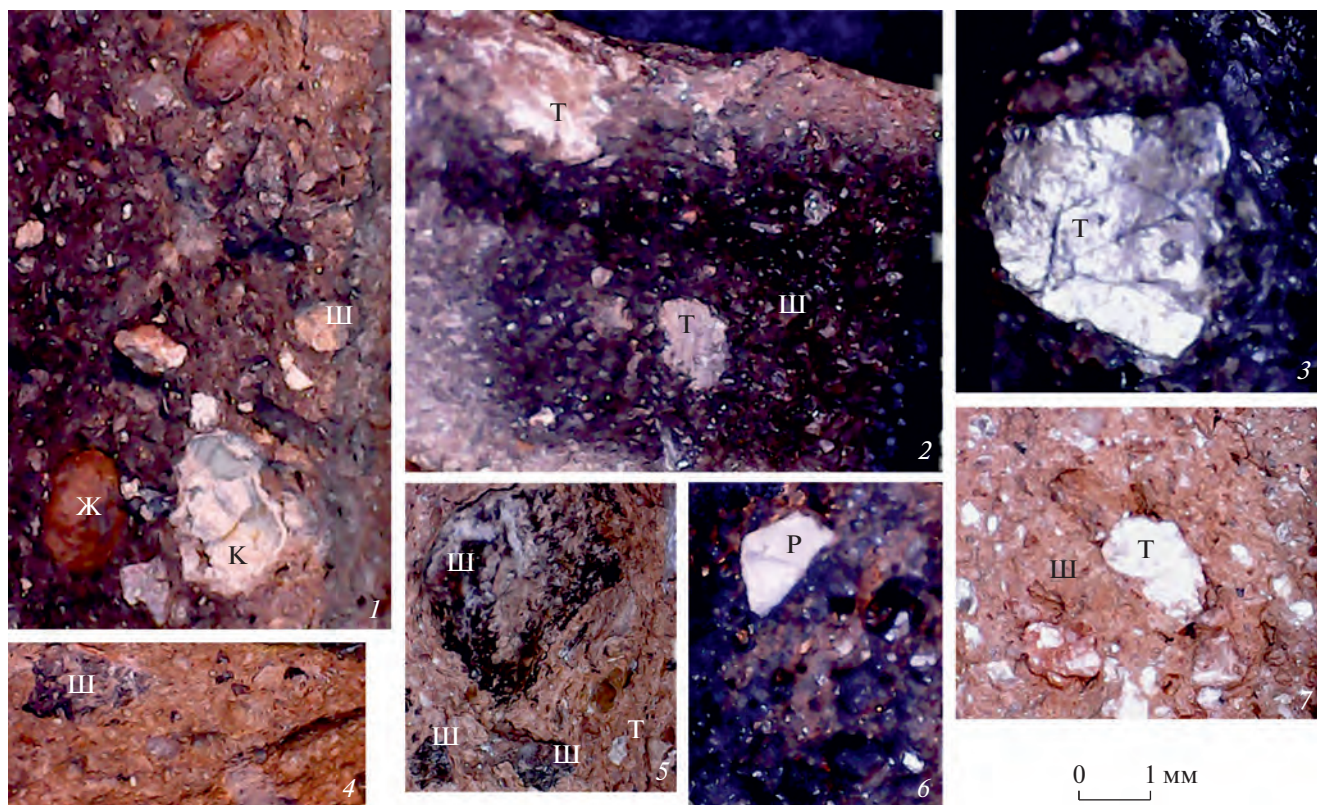

Рис. 2. Компоненты исходного сырья и формовочных масс федоровской керамики поселения Мочище: 1 – М-3455: бурый железняк (Ж) и карбонатные включения (К) в глине; шамот в ФМ; 2 – М-4026: тальк + шамот (Т, Ш) в составе ФМ; 3 – М-7895: включение талька (Т) в составе ФМ; 4 – М-3351: шамот и выжимка из навоза в составе ФМ, в шамоте – примесь шамота; 5 – М-3327: железистые включения в глине, тальк+шамот (Т, Ш) в составе ФМ, в шамоте – примесь шамота; 6 – М-4359: включение раковины (Р) в илстой глине; 7 – М-3327: тальк+шамот (Т, Ш) в составе ФМ, в шамоте – примесь талька (Т).

Fig. 2. Raw materials and paste composition of the Fyodorovka pottery from the Mochishche settlement. Paste and inclusions

поверхностей и придания прочности и влагонепроницаемости стенок сосудов; единичные данные – по конструированию.

Отбор исходного пластичного сырья (ИПС). Население, делавшее федоровскую посуду, отбирало сырье двух видов: илстую глину (рис. 2, 6) и глину в ее геологическом понимании (рис. 2, 1–5, 7). По составу естественных примесей выделены один подвид илстой глины и три подвидов железистых глин.

Илстая глина содержит следующие естественные примеси: песок окатанный и полуокатанный, размер основной массы песчинок 0.2–0.3 мм, его концентрация небольшая – до 15 включений на 1 см²; обломки раковины улитки беловатого цвета, размером до 1.5–2.0 мм; единичные обрывки растительности размером до 2.0 мм. Из данного сырья изготовлено 18.8% сосудов (рис. 3, 1, 2).

Глина 1 характеризуется следующим составом естественных примесей: песок окатанный и полуокатанный, прозрачный, с размером большинства частиц 0.2–0.3 мм, его количество незначи-

тельно (от единичных включений до 7 песчинок на 1 см²); окислы железа в виде округлых мягких включений рыжего цвета размером до 1.5 мм. Указанная глина относится к разряду незапесоченных, из нее сделано 31.2% сосудов (рис. 3, 3; 4, 7, 10, 11).

Глина 2 содержит следующие естественные примеси: песок окатанный и полуокатанный размером 0.2–0.3 мм (до 10–15 вкл.) и единичные песчинки размером от 1.3 до 3.0 мм; железистые включения, твердые, аморфных очертаний, размером чуть более 1.0 мм, содержащие внутри очень мелкий пылевидный песок и частички слюды. Данная глина также относится к разряду незапесоченных (31.2%) (рис. 4, 1, 3, 5, 6, 8).

Глина 3 характеризуется следующим составом естественных примесей: песок окатанный и полуокатанный, прозрачный, с размером большинства частиц 0.2–0.3 мм, его количество в составе сырья незначительно (до 7 песчинок на 1 см²), и размером 1–3 мм (3–4 включения на 1 см²); окислы железа двух видов: в виде округлых мягких

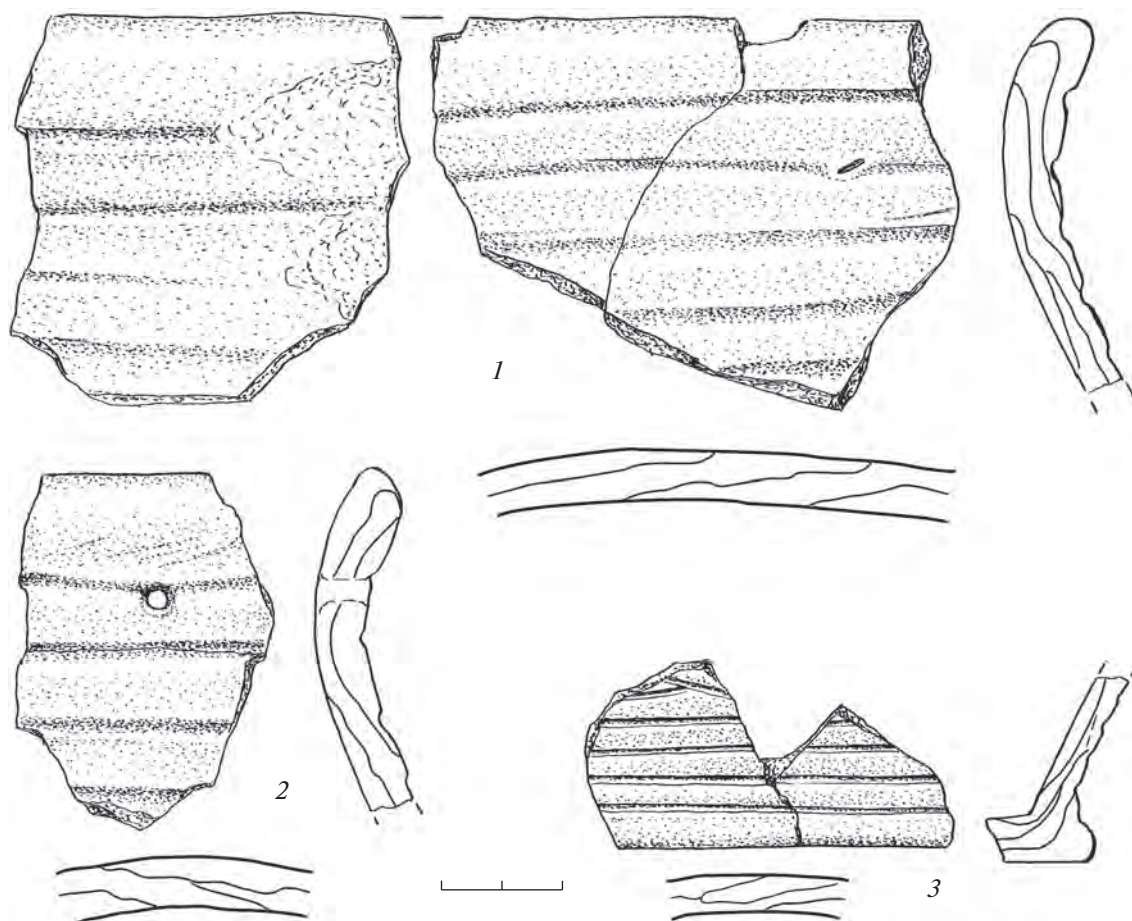

Рис. 3. Способы конструирования начина и полового тела федоровской керамики поселения Мочище: 1 — М-4559, М-4359; 2 — М-3453; 3 — М-7895. 1, 2 — наращивание лоскутов по спиралевидной траектории при изготовлении полового тела; 3 — донно-емкостный начин, сделанный из лоскутов по спиралевидной траектории.

Fig. 3. Methods for building the bottom and hollow body of Fyodorovka pottery from the Mochishche settlement

включений рыжего цвета размером до 1.5 мм, содержащих частицы слюды, и оолитовый бурый железняк размером до 2.0 мм; включения минерала сероватого цвета, по внешним особенностям похожим на песчаник. Их размеры до 1.5 мм, они представлены единичными включениями. Данная глина относится к разряду незапесоченных, из нее сделано 18.8% сосудов (рис. 4, 4, 9).

Отбор природных глин преобладает (81.2%). Использование двух видов сырья свидетельствует о наличии в составе гончаров двух групп, имеющих разные представления о том, из чего должна делаться посуда. Представления об ИПС являются субстратными, т.е. не меняющимися в течение длительного времени, следовательно, можно предположить, что существенное различие выявленных традиций указывает на разные истоки формирования этих групп гончаров. Все подвиды глин, как и илистая глина, относятся к разряду незапесоченных, близких между собой составом естественных примесей. Количественно из под-

видов глин наиболее представлены глины 1 и 2, они составляют по 31.2%; из глины 3 сделано 18.8% посуды (табл. 3). В петровских и алакульских материалах также зафиксированы незапесоченные глины: глина 1, аналогичная по составу первой глине из федоровских материалов, и единично представленная глина 5, засоренная сланцевыми включениями (Григорьев, Салугина, 2020. С. 50–53). В то же время зафиксирован отбор слабо- и среднезапесоченных глин, которые отсутствуют в навыках отбора ИС федоровских гончаров.

Составление ФМ. В качестве компонентов при составлении ФМ использовались минеральные (тальк и шамот) (рис. 2, 1, 2, 4, 5, 7) и органические (навоз жвачных животных и выжимка из него) (рис. 2, 4) добавки. По сочетанию видов и подвидов ИПС с различными компонентами ФМ выделено 7 рецептов (табл. 3). Все представленные рецепты относятся к разряду смешанных (Бобринский, 1978. С. 90, 91), среди которых наи-

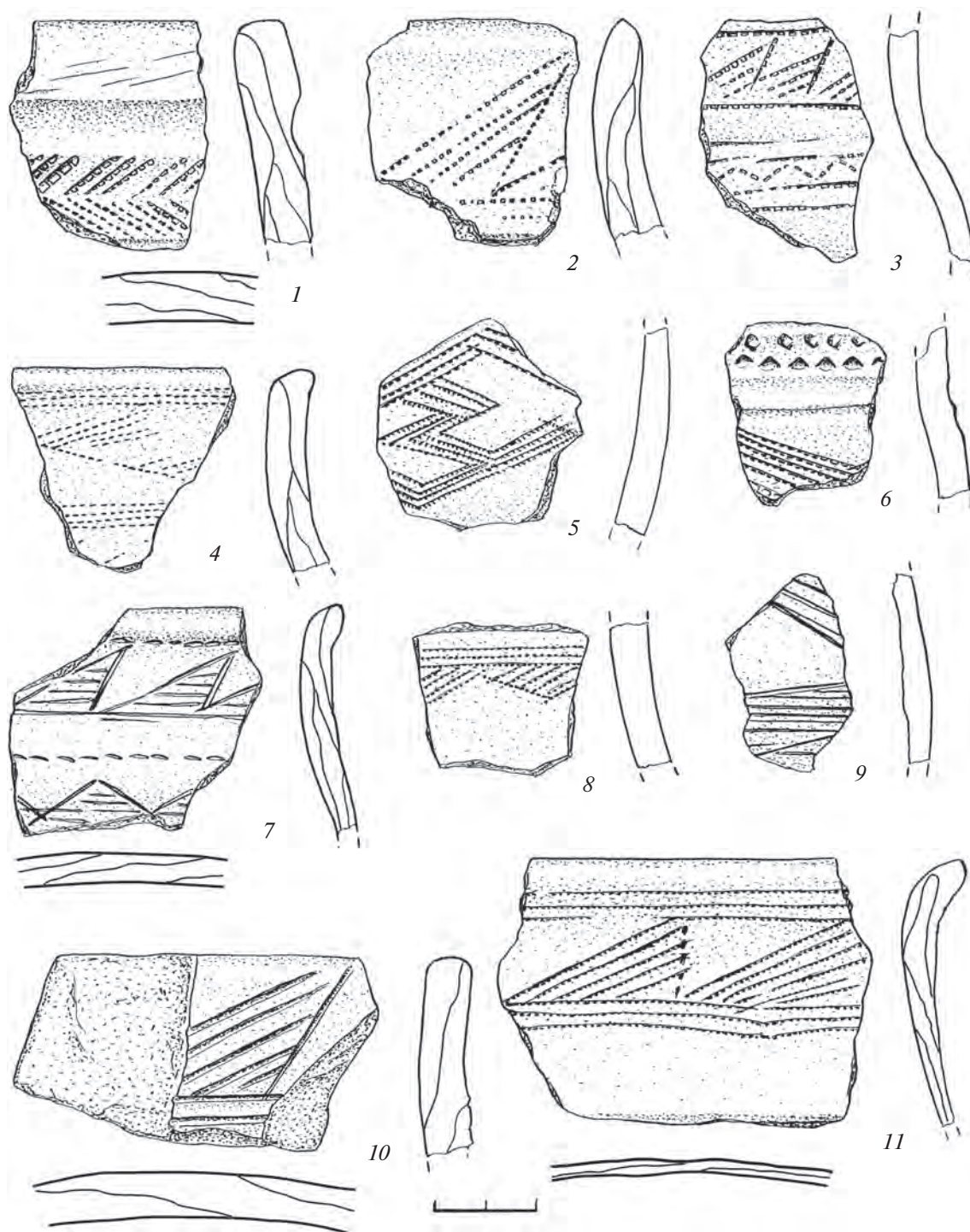

Рис. 4. Способы конструирования полового тела федоровской керамики поселения Мочище. Наращивание лоскутов по спиралевидной траектории: 1 – М-3371; 2 – М-1223; 3 – М-7021; 4 – М-3581; 5 – М-4026; 6 – М-3846; 7 – М-5129; 8 – М-5907; 9 – М-1677; 10 – М-4429; 11 – М-2180.

Fig. 4. Methods for building the hollow body of Fyodorovka pottery from the Mochishche settlement. Attaching patches along a spiral trajectory

более представительными являются усложненные смешанные рецепты (в совокупности 75%), в которых присутствуют дублирующие по технологической направленности минеральные примеси:

глина (1 или 2)+талък+шамот+выжимка из навоза (50%), глина 1 + талък + шамот + навоз (6.2%) и илистая глина + талък + шамот (18.8%); остальные рецепты представлены скромнее: глина

Таблица 3. Соотношение видов и подвидов исходного пластичного сырья и компонентов формовочных масс, число (%)**Table 3.** The ratio of types and subtypes of the initial plastic raw materials and components of paste

Состав ФМ	Виды и подвиды ИПС				Всего
	Илистая глина	Глина 1	Глина 2	Глина 3	
Т+Выж.	0	1	0	1	2 (12.5)
Т+Ш	3	0	0	0	3 (18.8)
Ш+Н	0	0	0	2	2 (12.5)
Т+Ш+Н	0	1	0	0	1 (6.2)
Т+Ш+Выж.	0	3	5	0	8 (50.0)
Всего	3 (18.8)	5 (31.2)	5 (31.2)	3 (18.8)	16 (100)

Примечание: Т — тальк; Ш — шамот; Н — навоз; Выж. — выжимка из навоза.

(1 или 3) + тальк + выжимка из навоза (12.5%) и глина 3 + шамот + навоз (12.5%).

Анализ компонентного состава искусственных добавок показывает, что и шамот, и тальк применялись в равных пропорциях; из органических веществ чаще всего добавлялась выжимка из навоза жвачных животных. Состав шамота показал, что для его изготовления использовались сосуды, сделанные только из природной глины, а в их ФМ вводились либо тальк (61.5%) (рис. 2, 7), либо шамот (15.4%) (рис. 2, 4, 5), либо тальк и шамот вместе (23.1%). Таким образом, для федоровских гончаров поселения устойчивыми были традиции введения в ФМ шамота и талька, как по отдельности, так и совместно, в рамках одного сосуда. Сравнение с алакульскими материалами поселения показало, что рецепты тальк + выжимка из навоза, тальк + шамот + выжимка, тальк + шамот + навоз являются общими для обеих групп населения. Однако в алакульской группе рецепт шамот + навоз выявлен лишь в одном сосуде, по морфологическим признакам отнесенном к алакульско-федоровскому типу; в коллекции содержится лишь два таких сосуда (Григорьев, Салугина, 2020. Рис. 1, 2). Указанный алакульско-федоровский сосуд изготовлен из единично зафиксированной незапесоченной глины 5 и трактуется как признак инфильтрации инокультурного, возможно, федоровского населения; составление же смешанного рецепта с одновременным введением талька и шамота типично для алакульских гончаров поселения, но к минеральным примесям всегда добавлялась органика (Григорьев, Салугина, 2020. С. 53, 56). В федоровских материалах рецепт тальк + шамот зафиксирован в “чистом виде” только с илистыми глинами.

Конструирование посуды определено по единичным образцам (рис. 3, 4). Начин сосудов делался в соответствии с донно-емкостной программой (рис. 3, 3). И начин, и полое тело сосудов делались с помощью лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Следов использова-

ния форм-моделей не зафиксировано (Григорьев, Салугина, 2020. С. 52, 53), поэтому возможно предположение об изготовлении сосудов методом скульптурной лепки на плоскости. При этом не исключено, что при конструировании части сосудов могли применяться формы-модели, на что косвенно указывают применение лоскутов и способы их соединения, но такого “нарочитого” оставления следов от формы-основы, как на алакульских сосудах, здесь не наблюдается. Окончательная форма сосуда придавалась с помощью выдавливания пальцами и выбивания колотушкой с гладкой рабочей частью.

Обработка поверхностей сосудов осуществлялась простым заглаживанием и лощением. Инструментами для заглаживания служили кусочки ткани или кожи и каменная галька, редко — деревянный нож. Чаще всего первичное заглаживание осуществлялось эластичным предметом, после которого происходило дополнительное заглаживание и уплотнение каменной галькой. Лощение зафиксировано по двум сосудам (12.5% от исследованных), причем, надо говорить о локальном лощении в области венчика и иногда плечиков сосуда. Следует отметить, что данные по обработке поверхности все же носят альтернативный характер, так как технологическому исследованию подвергались в основном верхние, как правило, орнаментированные, части сосудов. Поэтому не было возможности судить об обработке поверхности всего сосуда. В отличие от этого, в алакульской посуде поселения заглаживание производилось чаще твердым инструментом, а лощение встречалось гораздо чаще, в 46% случаев (Григорьев, Салугина, 2020. С. 53).

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости осуществлялось путем термической обработки в простых устройствах типа кострища или очага. На сегодняшний день различие этих двух обжиговых устройств по археологической керамике затруднительно (Волкова, 2015). Признаком кострового или очажного обжига являет-

ся пятнистость внешней поверхности. На режимы ведения обжига указывает цвет изломов. Однотонный серый цвет означает, что термическая обработка проводилась без доступа кислорода в условиях восстановительной атмосферы, 56,2% изученных сосудов обожжены в условиях восстановительной среды. Наличие осветленного слоя только с внешней или с обеих сторон излома указывает на кратковременное воздействие температур каления в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды. В таких условиях обожжено 25% сосудов. Толщина осветленных слоев в изломах большинства сосудов менее 1,5 мм. Это означает, что посуда находилась в зоне действия температур каления (650°C и выше) менее 15–20 мин. (Васильева, Салугина, 1999. С. 247). Часть сосудов (18,8%) имеют однотонный коричневатый излом, что указывает на полную прокалиненность данной части сосуда. Обжиг таких сосудов, скорее всего, осуществлялся в условиях окислительной атмосферы с доступом кислорода. Для алакульской посуды памятника характерен обжиг в окислительно-восстановительной, реже в восстановительной среде (Григорьев, Салугина, 2020. С. 53).

Сравнение навыков изготовления керамики федоровской и алакульской культур с поселения показало как общие, так и особенные черты. При отборе ИПС ведущей была традиция отбора незапесоченной ожелезненной глины: и алакульцами, и федоровцами преимущественно отбиралась глина 1 (по нумерации внутри обеих культурных групп), близкая по качественному составу. В то же время для изготовления федоровской посуды начали отбираться илистая глина и глины 2 и 3, не зафиксированные по алакульскому гончарству. Следует отметить, что у федоровских гончаров наблюдаются более стабильные навыки на этой ступени технологии, они отбирали только незапесоченное сырье (как глины, так и илестые глины), в то время как алакульские гончары применяли еще и слабо- и среднезапесоченные глины. Формовочные массы совпадают не только по составу компонентов, но часто и по количественным показателям. Исключением является появление рецепта тальк+шамот без дополнительного введения органики, который встречен только в сочетании с илестой глиной. Конструирование посуды несколько отличается от алакульского (отсутствие следов форм-моделей), хотя конкретные «строительные элементы» и способы их наложения частично совпадают. Способы обжига и обработки поверхности также имеют свои особенности, например, в федоровской керамике отмечен гораздо меньший процент лощеной посуды по сравнению с алакульской.

Формы сосудов, фигуры орнамента и техника его нанесения в гончарстве алакульского и федоровского населения поселения Мочище отличны.

Федоровские гончары стремились к иному внешнему виду сосудов. Это проявляется и в меньшем использовании лощения поверхности. Внешний вид посуды допустимо рассматривать в качестве преимущественно привнесенного компонента. Но мы не можем говорить о полной замене населения, а скорее о контакте двух групп, пришлой и местной: доля собственно федоровской керамики на поселениях региона невелика, и это всегда примесь к основному керамическому комплексу, алакульскому или черкаскульскому.

Ситуация с технологией более сложна. С одной стороны, федоровское гончарство во многом наследует алакульские навыки труда: при отборе исходного сырья и составления ФМ, характерными являются отбор близкой по качественному составу незапесоченной глины 1 и массовое составление рецепта тальк + шамот + выжимка из навоза. Необходимо отметить, что два сосуда федоровско-алакульского облика изготовлены из незапесоченной глины, отличной по качественному составу от глины 1, к которой добавлены шамот и навоз. В то же время появляются некоторые новшества: 1) отбор илестых глин, что прежде в этом регионе не встречалось, но очень характерно для алакульского и федоровского гончарства Нижнего Притоболья (Зах, Илюшина, 2010; Илюшина, 2012. С. 41–47; 2014; 2015. С. 39–42); 2) использование только незапесоченных глин, в то время как алакульские гончары отбирали еще и слабо- и среднезапесоченные глины; 3) небольшое увеличение роли шамота в составе ФМ (с 72,3 до 87,5%). Для материалов, например, Притоболья введение шамота в состав ФМ федоровской посуды является преобладающим (Зах, Илюшина, 2010; Илюшина, 2014, С. 27–37; 2015. С. 39–42); 4) более редкое лощение поверхности на федоровских сосудах; 5) отсутствие следов использования форм-основ на внутренних поверхностях федоровских сосудов, характерных для алакульской традиции, позволяет предположить принципиально другой способ конструирования — скульптурную лепку на плоскости. Интересно отметить, что по материалам Притоболья также фиксируются две явные традиции конструирования начина: с применением форм-моделей и без них. Даже при малом количестве данных по конструированию (как по Притоболью, так и для Мочища), это факты, которые игнорировать невозможно (Илюшина, 2014; 2015).

Приведенные выше данные по морфологии и технологии изготовления керамики позволили нам предположить, что формирование федоровского гончарства поселения Мочище было связано с приходом инокультурных групп населения, вероятно, федоровских гончаров из Нижнего Притоболья, и их контактами с местными алакульскими гончарами. Отсюда общность навыков в отборе незапесоченной глины 1 и илестой

глины; небольшой, но рост “шамотной” традиции и преобладание ее над “тальковой”; наличие в традициях конструирования способов изготовления сосудов методом скульптурной лепки на плоскости. В формах и орнаментах посуды гончары Мочища унаследовали преимущественно федоровскую традицию, которая оказалась предпочтительной по каким-то социальным причинам. Редкое присутствие федоровской керамики на зауральских поселениях и хорошая представленность в федоровских могильниках позволили предполагать, что федоровского этапа в Зауралье, практически, не было, и на смену алакульской культуре, а федоровское присутствие, возможно, объясняется связями с какими-то регионами компактного проживания федоровского населения (Григорьев и др., 2018. С. 198, 199). Результаты анализа материалов данного поселения показывают, что количество федоровской керамики, если включать сюда федоровско-черкаскульскую посуду, все же достаточно заметно. Таким образом, алакульское население стало основой в формировании черкаскульского, чем и объясняется последующее обилие черкаскульских памятников, при редкости федоровских материалов. Допуская сохранение связей с какими-то иными федоровскими ареалами, следует подчеркнуть, что федоровская керамика все же изготавливалась на этом поселении, что вновь ставит вопрос о том, в рамках каких социальных процессов федоровская традиция существовала в Зауралье. Но ответ на этот вопрос требует привлечения к анализу материалов большого числа поселений, а также более детальный анализ погребальных комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1989. 198 с.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Самарский ун-т, 1999. С. 234–257.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 8–27.
- Волкова Е.В. Очаг или кострище? (Экспериментальный обжиг посуды) // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 37–55.
- Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2000. С. 241–409.
- Григорьев С.А. История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья: учеб. пособие. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2002. С. 40–112.
- Григорьев С.А. Эпоха бронзы. Основные этапы и проблемы культурогенеза в Зауралье в эпоху поздней бронзы // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск: Рифей, 2006. С. 188–222.
- Григорьев С.А. Стратиграфия поселения эпохи бронзы Мочище в Южном Зауралье // Российская археология. 2019. № 1. С. 127–140.
- Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Гуцина Е.В., Васина Ю.В. Поселение Мочище и андроновская проблема. Челябинск: Цицеро, 2018. 398 с.
- Григорьев С.А., Салугина Н.П. Петровская и алакульская керамика поселения Мочище в Южном Зауралье // Российская археология. 2020. № 2. С. 45–59.
- Епимахов А.В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 51–60.
- Зах В.А., Илюшина В.В. Посуда федоровской культуры Нижнего Притоболья (по материалам поселения Черемуховый Куст) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 42–50.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В., Иванов С.Н., Мурзина Е.И. Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 10–23.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. 184 с.
- Илюшина В.В. Керамический комплекс алакульской культуры поселения Ук-3 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 41–50.
- Илюшина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Курья 1 в Нижнем Притоболье // Российская археология. 2014. № 3. С. 26–38.
- Илюшина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Шетково 2 в Нижнем Притоболье (результаты технико-технологического анализа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 38–47.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Андроновское поселение Шляпово в Верхнем Приобье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 44–54.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
- Леонтьева Д.С., Рахимжанова С.Ж. Андроновская керамика поселения Большой Лог-I на юге Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 31–40.
- Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // Ab Origine. 2007. Вып. 1. С. 4–41.
- Матвеев А.В. Федоровская культура в лесостепном Зауралье // Александр Васильевич Матвеев: сб. науч. тр. и воспоминаний: памяти А.В. Матвеева. Тю-

- мень: Ин-т проблем освоения Севера Сибирского отд. РАН, 2014. С. 53–93.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1995. 195 с.
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2019. № 20. С. 163–173.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2006. 160 с.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
- Усманова Э.Р., Панюшкина И.П. Андроновские памятники Лисаковской округи // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 1. Алматы: Институт археологии, 2011. С. 375–380.

STUDY IN THE FYODOROVKA POTTERY FROM THE MOCHISHCHE SETTLEMENT IN THE SOUTHERN URALS

Stanislav A. Grigoriev^{a, #}, Natalia P. Salugina^{b, ##}

^a*Institute of History and Archaeology, Ural Branch RAS, Chelyabinsk, Russia*

^b*Samara Archaeological Society, Samara, Russia*

[#]*E-mail: stgrig@mail.ru*

^{##}*E-mail: nsalug@gmail.com*

The settlement of Mochishche contains materials from all the Bronze Age cultures of the Trans-Urals: Petrovka, Alakul, Fyodorovka, Cherkaskul, Mezhevka and Sargary ones. The study of Fyodorovka pottery showed that its forms and ornamentation could not be derived from the Alakul tradition. However, technological research yielded a different result: a significant part of clays and inclusions had parallels in the Alakul pottery of the settlement, but potters also started to use silty clay, which had been probably introduced by the Fyodorovka population of the Lower Tobol region. The number of polished ware decreased sharply, the use of grog increased to some extent, and there is no evidence of ware forming techniques with form-models characteristic of Alakul, but this may be due to the small number of items studied. Nevertheless, their vessels, like the Alakul ones, were formed with the spiral patching method following the bottom and lower part of wall formation on the model. Therefore, the pottery technology of the Fyodorovka population of Mochishche reflects the contacts of potters, bearers of two traditions: the local Alakul and Fyodorovka ones, probably from the Lower Tobol region. However, in the pottery shape and ornamentation, they were guided by Fyodorovka stereotypes, which began to dominate for some social reasons.

Keywords: the Fyodorovka culture, pottery technologies, pottery ornamentation, the Alakul culture, the Southern Trans-Urals, the Bronze Age.

REFERENCES

- Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istotniki i metody izucheniya [East European pottery making. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinskiy A.A., 1999. Pottery technology as a subject matter of historical and cultural studies. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical issues of studying ancient pottery]*. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109. (In Russ.)
- Bobrov V.V., Mikhaylov Yu.I., 1989. Pamyatniki andronovskoy kul'tury Ob'-Chulym'skogo mezhdurech'ya [The Andronovo culture sites of the Ob-Chulym interfluv]. Kemerovo: Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 198 p.
- Epimakhov A.V., 2020. Radiocarbon arguments for the Abashevo origin of the Bronze Age Sintashta traditions. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical journal]*, 4 (69), pp. 51–60. (In Russ.)
- Grigor'ev S.A., 2000. The Bronze Age. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya [Ancient history of the Southern Trans-Urals]*, 1. Kamennyi vek. Epokha bronzy [The Stone Age. The Bronze Age]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 241–409. (In Russ.)
- Grigor'ev S.A., 2002. History of studying the Bronze Age of the Southern Trans-Urals. *Istoriya arkheologii Yuzhnogo Zaural'ya: uchebnoe posobie [History of archaeology of the Southern Trans-Urals: a study guide]*. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 40–112. (In Russ.)

- Grigor'ev S.A., 2006. The Bronze Age. The main stages and problems of cultural genesis in the Trans-Urals during the Late Bronze Age. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step'* [Archaeology of the Southern Urals. Steppe]. Chelyabinsk: Rifei, pp. 188–222. (In Russ.)
- Grigor'ev S.A., 2019. Stratigraphy of the Mochishche Bronze Age settlement in the Southern Trans-Urals. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1, pp. 127–140. (In Russ.)
- Grigor'ev S.A., Petrova L.Yu., Pleshanov M.L., Gushchina E.V., Vasina Yu.V., 2018. Poselenie Mochishche i andronovskaya problema [The settlement of Mochishche and the Andronovo problem]. Chelyabinsk: Tsitsero. 398 p.
- Grigor'ev S.A., Salugina N.P., 2020. Petrovka and Alakul pottery from the Mochishche settlement in the Southern Trans-Urals. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 45–59. (In Russ.)
- Ilyushina V.V., 2012. The Alakul ceramic complex of the Uk-3 settlement. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik arheologii, antropologii i etnografii], 2 (17), pp. 41–50. (In Russ.)
- Ilyushina V.V., 2014. The Fyodorovka culture ceramics of the settlement Kuria 1 in the Lower Tobol region. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 26–38. (In Russ.)
- Ilyushina V.V., 2015. Ceramics of the Fyodorovka culture from the Shchetkovo 2 settlement in the lower Tobol region Nizhny Prytobolye (results of technical and technological analysis). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik arheologii, antropologii i etnografii], 4 (31), pp. 38–47. (In Russ.)
- Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Leont'eva D.S., 2016. The Andronovo settlement of Shlyapovo in the Upper Ob region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik arheologii, antropologii i etnografii], 1 (32), pp. 44–54. (In Russ.)
- Kosarev M.F., 1981. Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri [The Bronze Age of Western Siberia]. Moscow: Nauka. 282 p.
- Leont'eva D.S., Rakhimzhanova S.Zh., 2016. The Andronovo ceramics from the Bolshoi Log-I settlement in the south of Western Siberia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2, pp. 31–40. (In Russ.)
- Matveev A.V., 2007. The Cherkaskul culture of the Trans-Urals. *Ab Origine*, 1, pp. 4–41. (In Russ.)
- Matveev A.V., 2014. The Fyodorovka culture in the forest-steppe Trans-Urals. *Aleksandr Vasil'evich Matveev: sbornik nauchnykh trudov i vospominaniy: pamyati A.V. Matveeva* [Aleksandr Vasilyevich Matveev: Collected research papers and memoirs: in memory of A.V. Matveev]. Tyumen': Institut problem osvoeniya Severa Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 53–93. (In Russ.)
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiocarbon chronology of Bronze Age cultures of the Urals and the south of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and philology], vol. 13, iss. 3, pp. 136–167. (In Russ.)
- Obydenov M.F., Shorin A.F., 1995. Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (cherkaskul'skaya i mezhovskaya kul'tury) [The late Bronze Age archaeological cultures of the ancient Ural population (the Cherkaskul and Mezhevka cultures)]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 195 p.
- Polyakov A.V., 2019. Radiocarbon dating of the Andronovo (Fyodorovka) culture sites in the Middle Yenisei region. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS], 20, pp. 163–173. (In Russ.)
- Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2000. Andronovskie drevnosti Tyumenskogo Pritobol'ya [Andronovo antiquities of the Tyumen area of the Tobol River region]. Ekaterinburg: Poligrafist. 108 p.
- Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2006. Urefty I: zaural'skiy pamyatnik v andronovskom kontekste [Urefty I: the Trans-Ural site in the Andronovo context]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Tkacheva N.A., Tkachev A.A., 2008. Epokha bronzы Verkhnego Priirtysh'ya [The Bronze Age of the Upper Irtysh region]. Novosibirsk: Nauka. 304 p.
- Usmanova E.R., Panyushkina I.P., 2011. Andronovo sites of Lisakovsk district. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy* [Archaeology of Kazakhstan during the period of independence: results, prospects], 1. Almaty: Institut arkheologii, pp. 375–380. (In Russ.)
- Vasil'eva I.N., Salugina N.P., 1999. Activities of the expedition for the experimental study of ancient pottery. *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya* [Issues of the Ural and Volga region archaeology]. Samara: Samarskiy universitet, pp. 234–257. (In Russ.)
- Vasil'eva I.N., Salugina N.P., 2015. The Samara expedition for the experimental study of ancient pottery (SEESAP): 25 years of activity. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara journal of science], 3 (12), pp. 8–27. (In Russ.)
- Volkova E.V., 2015. Hearth or bonfire? (Experimental firing of ware). *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara journal of science], 3 (12), pp. 37–55. (In Russ.)
- Zakh V.A., Ilyushina V.V., 2010. The Fyodorovka culture ware of the Lower Tobol region (based on materials from the Cheremukhovoy Kust settlement). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik arheologii, antropologii i etnografii], 2 (13), pp. 42–50. (In Russ.)
- Zakh V.A., Ryabogina N.E., Ilyushina V.V., Ivanov S.N., Murzina E.I., 2013. The Fyodorovka settlement of Kuria 1 in the Andreevkiye Lakes system. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik arheologii, antropologii i etnografii], 1 (20), pp. 10–23. (In Russ.)
- Zdanovich G.B., 1988. Bronzovyy vek Uralo-Kazhskanskikh stepey (osnovy periodizatsii) [The Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes (fundamentals of periodization)]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 184 p.

ЖИЛЫЕ ДОМА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ: ОСНОВНЫЕ ПЛАНИРОВОЧНЫЕ СХЕМЫ И АНАЛОГИИ

© 2023 г. Е. Е. Антонов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: antonov.yegor@gmail.com*

Поступила в редакцию 29.09.2022 г.

После доработки 02.06.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Статья подводит итог исследованию планировок домов, строившихся на северо-западном побережье Крыма в последней четверти II в. до н.э. — начале II в. н.э. Особое внимание уделяется изменению основных планировочных схем, а также поиску их аналогий. Анализируются 28 планировок наиболее хорошо сохранившихся позднескифских домов. Все они многокамерные, большинство — с внутренними дворами. Основные планировочные схемы отличаются расположением помещений относительно двора. Удастся установить время преобладания определенных схем. Планировки позднескифских домов Северо-Западного Крыма усложняются со временем. Однако помимо “внутренней эволюции” домостроительство испытывает и сильное античное влияние, которое проявляется на разных этапах. Прослеживается также связь с другими регионами Крымской Скифии.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, позднескифская археологическая культура, античная архитектура.

DOI: 10.31857/S0869606323040025, **EDN:** FROZXS

Задачи статьи — выделить основные разновидности планировок позднескифских домов в Северо-Западном Крыму, а также проследить их изменение с течением времени и сравнить с планировками домов на соседних территориях.

В настоящей работе в большинстве случаев рассматриваются дома, сохранность которых позволяет полностью или в значительной мере реконструировать планировку¹. Дома плохой сохранности привлекаются для анализа только в тех случаях, когда другие на конкретном поселении не обнаружены. В выборку вошли 28 планировок 27 домов² восьми позднескифских памятников Северо-Западного Крыма, исследованных широкими площадями. Важно также учесть, что рассматривается облик домов в том виде, который

они имели сразу после строительства, позднейшие перестройки за единичными исключениями не анализируются. Это связано со сложностью датирования таких перестроек, а также с тем, что они существенно усложняют понимание первоначальных планировок.

Для каждого из восьми позднескифских поселений, исследованных в Северо-Западном Крыму широкими площадями, авторы раскопок разработали свою периодизацию. Перед тем как сопоставлять материалы этих раскопок, необходимо было синхронизировать такие “локальные” периодизации. С этой целью находки, приведенные в публикациях и отчетах, были заново атрибутированы и продатированы. Это позволило установить соответствие между строительными периодами, горизонтами и ярусами, выделенными на разных памятниках, а кроме того, уточнить их хронологию. Отдельно были разобраны письменные свидетельства о событиях, затронувших Северо-Западный Крым в позднескифское время, и посвященная им литература, с особым вниманием к датировке этих событий. Их сопоставление с разрушениями и кардинальными перестройками на позднескифских поселениях позволило уточнить хронологию и периодизацию последних. Результаты работы по синхронизации периодизаций,

¹ В настоящей работе на рассматриваются здания типа “мега-гарон”. В литературе не сложилось единого мнения об их функции: предполагается, что они могли иметь культовое, общественное, жилое или смешанное назначение (библиографию см.: Крыжицкий, 1982. С. 135, 136; 1993. С. 227, 228; Храпунов, 2004. С. 94). Поэтому включение “мега-гаронов” в работу о жилых домах привело бы к нарушению целостности выборки.

² В одном случае (дом 5 Чайки) рассматривается устройство одного и того же дома в разные периоды существования, поскольку его планировка существенно менялась.

Около 65 г. I — начало II в. н.э.									
Около 20—65 г. н.э.									
Около 20 г. до н.э. — около 20 г. н.э.									
Рубеж 60-х — 50-х гг. до н.э. — около 20 г. до н.э.									
Вторая половина II и первая половина I в. до н.э.									
	Г-образная схема	“Керкинитская” схема	П-образная схема	Схема “Тарпанчи”			“Кара-тобинская” разновидность		

Рис. 1. Планировочные схемы позднескифских домов в Северо-Западном Крыму и их датировка.

Fig. 1. Layout patterns for Late Scythian houses in the North-Western Crimea and their dating

разработанных для отдельных поселений Северо-Западного Крыма, и датировке этих схем, в том числе по письменным источникам, опубликованы отдельно (Антонов, 2018; 2019), поэтому здесь они приводятся лишь в самом общем виде. Особенности публикаций и отчетов позволяют синхронизировать позднескифские строительные остатки на поселениях региона лишь в рамках трех, относительно широких этапов, и только на отдельных памятниках возможно выделение более мелких подэтапов³:

Этап I. Ок. 130/120 г. до н.э. — рубеж 60-х и 50-х годов до н.э. (от занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами до развала Понтийской державы Митридата VI Евпатора):

Подэтап Ia: ок. 130/120 г. до н.э. — ок. 110 г. до н.э. (до походов Диофанта);

Подэтап Ib: ок. 110 г. до н.э. — 70-е годы до н.э.;

Подэтап Iv: вторая четверть I в. до н.э.

Этап II. Рубеж 60-х и 50-х годов до н.э. — ок. 20 г. н.э. (от развала Понтийской державы Митридата VI Евпатора до предполагаемой экспедиции Аспурга):

³ Поскольку разница в несколько лет археологическими методами в настоящее время неуловима, а также для упрощения работы с датами, последние намеренно округлены.

Подэтап IIa: рубеж 60-х и 50-х гг. до н.э. — ок. 20 г. до н.э.;

Подэтап IIб: ок. 20 г. до н.э. — ок. 20 г. н.э.

Этап III. Ок. 20 г. н.э. — начало II в. н.э. (от предполагаемой экспедиции Аспурга до запустения поселений Северо-Западного Крыма):

Подэтап IIIa: ок. 20 — ок. 65 г. н.э. (до экспедиции Т. Плавтия Сильвана);

Подэтап IIIб: ок. 65 г. н.э. — начало II в. н.э.

Детально дома каждого этапа проанализированы в трех статьях (Антонов, 2022a; 2023a; б). Анализ показал, что главный принцип, лежащий в основе планировок и изменяющийся с течением времени, — это взаимное расположение помещений относительно друг друга и дворов. Удалось выделить четыре планировочных схемы и одну (условную) разновидность. Их смена с течением времени показана на рис. 1, ниже планировки рассматриваются обобщенно, с упором на хронологические изменения.

Этап I (ок. 130/120 г. до н.э. — рубеж 60-х — 50-х годов до н.э.). Временем до походов Диофанта (подэтап Ia, ок. 130/120 г. до н.э. — ок. 110 г. до н.э.) достоверно датируется только один позднескифский дом — в “цитадели” Калос Лимена. Это дом 2 квартала I, который существовал еще с греческого периода — со второй трети III в. до н.э. Поздние скифы в целом сохраняют греческую

планировку — П-образную группировку помещений вокруг двора (Кутайсов, Уженцев, 1991. С. 90; Уженцев, 2006. С. 96. Рис. 48, 50). Несмотря на то что дом 2 Калос Лимена не дает представления о “собственно позднескифских” планировках, он наглядно показывает, как, непосредственно на месте, происходило знакомство “варваров” с устройством греческих домов.

Позднескифские дома *подэтапа Iв* (вторая четверть I в. до н.э.) выделить не удастся. Дома других поселений Северо-Западного Крыма (кроме Калос Лимена) можно датировать только сравнительно широко и предположительно — ок. 110 г. до н.э. — рубеж 60-х — 50-х годов до н.э. (подэтапы Iб и Iв). К этому времени относится пять домов, сохранность которых позволяет делать выводы о планировке. По форме они делятся на две разновидности.

Первая разновидность включает четыре дома, открытые на Чайке (Ч-1, Ч-2, Ч-3, Ч-5). У каждого из них есть двор, к нему с двух сторон, Г-образно примыкают помещения. Количество помещений в каждом случае различается, но схема их размещения одинакова — они располагаются слева и напротив входа в дом. Этот вход располагался в одной из внешних стен двора. Помещения соединялись проемами как с двором, так и друг с другом. Часть из них была заглублена⁴. Во дворе дома 1 выявлена лестница, которая могла вести на второй этаж или крышу (Яценко, 1970. С. 32; Попова, 1998. С. 182, 183; 2017. С. 282–286; Антонов, 2022а. С. 14–16). Площади трех домов Г-образной планировочной схемы — от 72 до 112 м² (таблица)⁵. Дом 5 выделяется размером — его площадь ок. 237 м².

Другая планировочная схема выявлена в Керкинитиде и по месту первого обнаружения далее условно называется “керкинитской”. Временем ок. 110 г. до н.э. — рубежа 60-х — 50-х годов до н.э. предположительно датируется только один такой дом — дом II Керкинитиды. Он состоит из трех помещений, выстроенных в ряд. Плохая сохранность не позволяет делать выводы о наличии или отсутствии двора, по этой же причине невозможно определить общую площадь дома (Кутайсов, 1990. С. 115; Антонов, 2022а. С. 16).

Этап II (рубеж 60-х — 50-х годов до н.э. — ок. 20 г. н.э.). К *подэтапу IIа* (рубеж 60-х — 50-х годов до н.э. — ок. 20 г. до н.э.) можно отнести четыре дома на Чайке и Кара-Тобе. Они представлены двумя планировочными схемами: “керкинитской” и П-образной.

⁴ Глубина, там, где она указана, составляет от 0.5 до 0.8 м. Здесь и далее при указании заглубленности приводятся мнения авторов раскопок, проверить их даже по отчетам не представляется возможным.

⁵ Здесь и далее подсчеты площадей домов сделаны автором настоящей статьи по чертежам.

“Керкинитскую” планировочную схему имеет только один дом подэтапа IIа — дом 4, открытый на Чайке. Он так же, как и более ранний дом II Керкинитиды, состоит из трех помещений, но сохранился лучше. Среднее из них представляло собой мощный двор, к нему с двух противоположных сторон примыкали помещения. Выход из дома находился во внешней стене двора (Попова, 1991. С. 40–45; 2017. С. 289–290). Площадь дома 4 Чайки составляет ок. 81 м² (таблица).

Остальные три дома подэтапа IIа имеют П-образную планировочную схему: помещения окружают двор с трех сторон. Не все из них сообщались с двором напрямую. Так, одно из помещений дома 1 Кара-Тобе имело прямой выход наружу. Дом 4 на том же поселении имел эксплуатируемую крышу и заглубленные помещения (Попова, 1998. С. 183; 2017. С. 297; Антонов, 2017. С. 226, 227; 2023а. С. 167, 168). Площадь двух домов составляет 58 и 74 м² (таблица). Третий дом (Ч-5-II) значительно превосходит их по размерам — его площадь достигает ок. 271 м².

К *подэтапу IIб* (ок. 20 г. до н.э. — ок. 20 г. н.э.) можно отнести три дома. Все они имеют очень похожую планировочную схему — с П-образным размещением помещений вокруг дворов. В доме 6 Чайки сохранилась лестница на крышу или второй этаж. В доме 5-6 Кара-Тобе выход наружу находился не во внешней стене двора, а между помещениями. Не все помещения в домах подэтапа II соединяются с двором напрямую. Некоторые помещения были заглублены (Яценко, 1983. С. 48, 62–63; Попова, 2017. С. 301–302; Антонов, 2017. С. 226, 228; 2023а. С. 169, 170). Площади двух домов очень близки: 109 м² (КТ-3) и 114 м² (Ч-6). Третий дом (КТ-5-6) выделяется — его площадь составляет не менее 189 м² (таблица).

Еще семь домов этапа II могут датироваться только широко: рубеж 60-х — 50-х годов до н.э. — ок. 20 г. н.э. Планировку двух домов невозможно охарактеризовать из-за плохой сохранности (Кер-IV, ЮД-А (Р. V)). Можно лишь констатировать, что они были многокамерными, у одного из них был двор (Дашевская, 1972. С. 65; Кутайсов, 1990. С. 115; Антонов, 2023а). Оставшиеся пять домов относятся к трем планировочным схемам.

“Керкинитскую” планировочную схему имеет дом В на Калос Лимене (КЛ-В). Он раскрыт не полностью, поэтому площадь установить невозможно (Bernhard, 1961. Р. 5. Fig. 2; Уженцев, 2006. С. 102, 15. Рис. 15). По аналогии с домом 4 на Чайке его можно предположительно датировать подэтапом IIа.

Г-образную планировочную схему имеют дома VIII Калос Лимена и А раскопа I Южно-Донузлавского поселения. Помещения дома VIII полуподвальные, как и одно из помещений дома А раскопа I Южно-Донузлавского поселения (Да-

шевская, 1961. С. 54–55; Уженцев, 2001. С. 160; 2006. С. 102, 191. Рис. 56, VIII; Антонов, 2023а. С. 170, 171). Площади домов очень близки и составляют 58 м² и 56 м² соответственно (таблица). Судя по материалам Чайки, где Г-образные дома строятся только ок. 110 г. до н.э. — рубежа 60-х — 50-х годов до н.э., дома такой же планировочной схемы на Калос Лимене и Южно-Донузлавском поселении можно предположительно датировать началом этапа II.

П-образную планировочную схему имеют дом на Беляусе (Бел) и, вероятно, на раскопе V Южно-Донузлавского поселения (ЮД-Б-В (Р. V)). Во дворе дома на Беляусе зафиксирована лестница (Дашевская, Голенцов, 2004. С. 34. Рис. 3, 2; Антонов, 2023а. С. 171, 172). Площади этих домов составляли соответственно 134 и 145 м² (таблица).

Этап III (ок. 20 г. н.э. — начало II в. н.э.). К этапу III можно отнести восемь домов. Ни один из них невозможно точно датировать по находкам подэтапом IIIа.

К подэтапу IIIб (ок. 65 г. н.э. — начало II в. н.э.) относятся два дома. Планировочная схема каждого из них отличается от тех, что были зафиксированы ранее. Так, для дома 7 на Кара-Тобе характерны вытянутые пропорции и большое (не менее 29 м²) помещение (КТ-7). Его общую площадь из-за плохой сохранности установить невозможно. Неясно также, был ли у этого дома двор (Антонов, 2023б. С. 87). Подобные дома, с неясной до конца планировкой, но с крупными, вытянутыми помещениями в дальнейшем условно выделяются в “кара-тобинскую” разновидность.

Другая разновидность представлена “домом с контрфорсами” на Тарпанчи (Тар). Он имел двор, но помещения не окружают его. Все помещения, кроме одной небольшой хозяйственной пристройки, выстроены в два ряда вдоль одной из сторон двора (Щеглов, 1965. С. 145; 1978. С. 85). Площадь дома составляет ок. 125 м² (таблица). Такая разновидность планировки будет в дальнейшем условно называться планировочной схемой “Тарпанчи”.

Еще шесть домов могут датироваться по находкам только в рамках всего этапа III (ок. 20 г. н.э. — начало II в. н.э.). Они представлены тремя разновидностями.

Дом I Калос Лимена имеет П-образную планировочную схему, один из его углов закруглен. Площадь его составляет ок. 110 м² (таблица). В одном из помещений дома есть лестница, которая, по мнению одного из авторов раскопок, вела в погреб (Уженцев, 2006. С. 107, 191. Рис. 56, I; Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 254). Поскольку большинство домов П-образной планировочной схемы на других поселениях Северо-Западного Крыма относятся к этапу II, дом I Калос Лимена

можно предположительно датировать началом этапа III (подэтапом IIIа?).

Еще два дома Калос Лимена (КЛ-II, КЛ-III) могут быть классифицированы только условно. Часть помещений в них Г-образно примыкает ко двору, но как минимум с одной стороны помещения построены в два ряда. Поскольку последний признак ранее не встречался, эти дома условно отнесены к схеме “Тарпанчи”. Некоторые помещения имели самостоятельные выходы на улицу (Уженцев, 2001. С. 162, 163. Рис. 5, 2; 2006. С. 107, 191. Рис. 56, II, III). Площадь домов — 133 м² и не менее 170 м² (таблица).

К “кара-тобинской” разновидности относятся два дома на Калос Лимене и один — на Южно-Донузлавском поселении (КЛ-V, КЛ-VI, ЮД-Б (Р. I)). Они выделяются большими по площади помещениями. Дом Б раскопа I Южно-Донузлавского поселения был полуподвальным⁶ (Дашевская, 1964. С. 54; Уженцев, 2006. С. 105, 191. Рис. 56, V, VI; Антонов, 2023б. С. 92). Реконструируются площади двух домов: 73 м² и не менее 258 м² (таблица).

Если учесть, что дома разновидностей “Тарпанчи” и “кара-тобинской” на поселениях, давшим им название, датируются подэтапом IIIб (ок. 65 г. н.э. — начало II в. н.э.), то и дома таких же схем в Калос Лимене и на Южно-Донузлавском поселении можно предположительно относить к указанному подэтапу.

Таким образом, проведенный анализ планов позднескифских домов региона позволяет утверждать, что планировки домов поздних скифов в Северо-Западном Крыму усложняются со временем, а площади — увеличиваются (таблица). Примечательно, что несмотря на общую тенденцию к увеличению площади, на каждом этапе выделяются дома, размеры которых превосходят средние примерно вдвое.

Большинство домов имели дворы, расположение помещений относительно них и друг друга позволяет выделить несколько планировочных схем. В разное время преобладают различные схемы. Так, ок. 110 г. до н.э. — рубежа 60-х — 50-х годов до н.э. преобладают Г-образные планировки, они выходят из употребления, видимо, до 20 г. до н.э. Этим же временем — концом II в. до н.э. и первыми тремя четвертями I в. до н.э. — можно предположительно датировать и “керкинитскую” планировочную схему. С рубежа 60-х — 50-х годов до н.э. появляются дома П-образной схемы, после 20 г. до н.э. они становятся преобладающими, а перестают их строить, видимо, до 60-х годов н.э. Вероятно, после этой даты появляются новые разновидности: “кара-тобинская” и “Тарпанчи”.

⁶ Заглублен не менее, чем на 0.8 м (Антонов, 2023б. С. 92).

Площади позднескифских домов в Северо-Западном Крыму
Areas of Late Scythian houses in the North-Western Crimea

Дом	Время (этап, подэтап)	Планировочная схема	Площадь, м ²
Ч-2	Вторая половина II — первая половина I в. до н.э.	Г-образная	72
Ч-1	Вторая половина II — первая половина I в. до н.э.	—“—	86
Ч-3	Вторая половина II — первая половина I в. до н.э.	—“—	112
Ч-5-I	Вторая половина II — первая половина I в. до н.э.	—“—	237
ЮД-А (Р. I)	Вторая половина I в. до н.э. — первая четверть I в. н.э.	—“—	56
КЛ-VIII	Вторая половина I в. до н.э. — первая четверть I в. н.э.	—“—	58
КТ-1	Середина — около 20 г. I в. до н.э.	П-образная	58
КТ-4	Середина — около 20 г. I в. до н.э.	—“—	74
Ч-5-II	Середина — около 20 г. I в. до н.э.	—“—	271
Бел	Вторая половина I в. до н.э. — первая четверть I в. н.э.	—“—	134
ЮД Б—В (Р. V)	Вторая половина I в. до н.э. — первая четверть I в. н.э.	—“—	145
КТ-3	Около 20 г. до н.э. — около 20 г. н.э.	—“—	109
Ч-6	Около 20 г. до н.э. — около 20 г. н.э.	—“—	114
КТ-5-6	Около 20 г. до н.э. — около 20 г. н.э.	—“—	189
КЛ-I	Вторая четверть I — начало II в. н.э.	—“—	110
ЮД-Б (Р. I)	Вторая четверть I — начало II в. н.э.	“Кара-Тобинская”	73
КЛ-V	Вторая четверть I — начало II в. н.э.	“Кара-Тобинская”	258
Ч-4	Середина — около 20 г. I в. до н.э.	“Керкинитская”	81
КЛ-III	Вторая четверть I — начало II в. н.э.	“Тарпанчи”	133
КЛ-II	Вторая четверть I — начало II в. н.э.	—“—	170
Тар	Около 65 г. I — начало II в. н.э.	—“—	125

Примечание: курсивом выделены значения, реконструируемые предположительно.

Подавляющее большинство позднескифских домов в Северо-Западном Крыму многокамерные, иногда помещения заглублены. Никакой закономерности в ориентировке входов или помещений по сторонам света у них не прослеживается. В некоторых домах, которые датируются разным временем — от II в. до н.э. до 60-х годов н.э., зафиксированы лестницы. В большинстве случаев они расположены во дворах, у помещений, пристроенных к оборонительным стенам. К этому наблюдению можно добавить еще два: толщина кладок в домах с лестницами и без них практически одинаковы, а в заполнении домов не были обнаружены завалы полов вторых этажей⁷. Все это может свидетельствовать о том, что в большинстве случаев лестницы вели не на вторые этажи, а на крышу. Крыши могли использовать и для хранения инвентаря (Маслов, 1991. С. 80; Антонов, 2023а. С. 168), и как боевые площадки (у помещений, примыкавших к оборонительным стенам) (Яцен-

ко, 1983. С. 65; Маслов, 1991. С. 80; Попова, 1991. С. 68).

Появление новых, ранее неизвестных планировочных схем, исчезновение эксплуатируемых крыш происходит в 60-х годов н.э., вероятно, в то же время, что изменения планировок поселений (Антонов, 2021. С. 14, 15; 2022б. С. 115).

Планировки домов соседних территорий как возможные аналогии. При поиске аналогий позднескифским домам Северо-Западного Крыма действуют те же ограничения и особенности, что описывались при сравнении планировок поселений (Антонов, 2022в. С. 47): застройка населенных пунктов римского времени изучена слабо (Крыжицкий, 1993. С. 175; Буйских, 2008. С. 204), а точность датировок ниже, чем удалось достичь на материалах изучаемого региона. Поселения, материалы которых учитывались в настоящем разделе, указаны на карте (рис. 2).

Позднескифские дома Г- и П-образных планировочных схем в Северо-Западном Крыму наибольшее сходство находят с греческими городскими домами того же региона. Так, Г-образная планировка характерна для домов IV—II вв. до

⁷ Завал пола второго этажа зафиксирован, например, в помещении 476 понтийского Центрального строительного комплекса на Кара-Тобе (Внуков, 2007. С. 71, 80. Рис. 8).

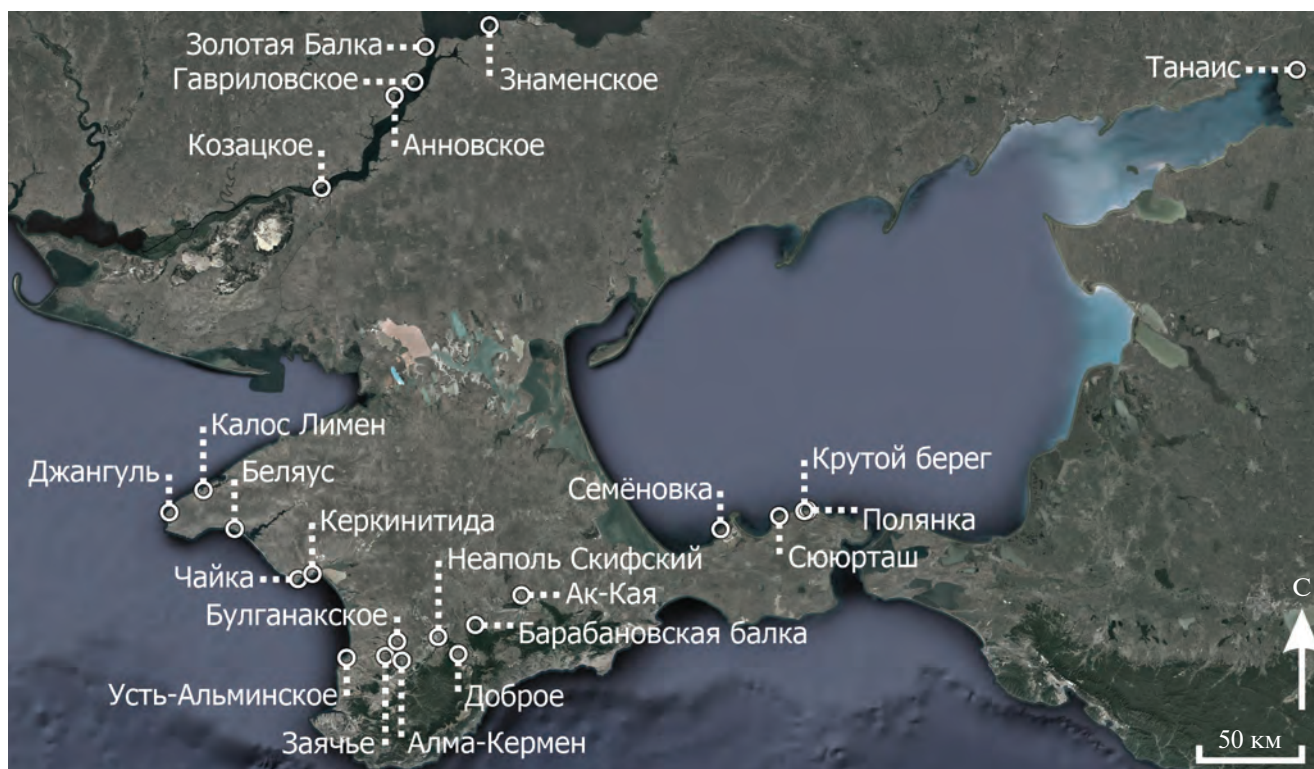

Рис. 2. Поселения эллинистического и римского времени, сопоставляемые с позднескифскими памятниками Северо-Западного Крыма. Обозначены пункты, для которых опубликованы сведения о домах.

Fig. 2. Settlements of the Hellenistic and Roman periods, compared with Late Scythian sites of the North-Western Crimea. The map indicates the locations for which information about houses has been published

н.э. в Керкинитиде, П-образная — для дома 2 Калос Лимена второй трети III — первой половины II в. до н.э. Близки и площади большинства греческих домов: 85–115 м² (Кутайсов, 1990. С. 91–109, 111. Рис. 57; Уженцев, 2006. С. 86, 87). Это сходство подчеркивается и свидетельством прямого “наследования” планировки: греческий дом 2 Калос Лимена в подэтапе Ia использовался поздними скифами без существенных изменений.

При этом позднескифские дома Г-образной и П-образной планировочных схем, схожие с греческими городскими домами, строятся не только на месте греческих городов, но и, например, на месте сельских греческих усадеб: на Беяусе, Чайке и др. (Дашевская, Голенцов, 2004. С. 33, 35; Попова, 2007. С. 28). На Калос Лимене в греческий период существовал и “блок казарм” (Уженцев, 2006. С. 88–90), планировка которого не находит параллелей среди позднескифских домов.

Схема “Тарпанчи” ближе всего к безордерным аналогам дома пастадного типа, широко распространенного в античном мире и в греческих городах Северного Причерноморья (Крыжицкий, 1982. С. 54). Наиболее точная аналогия схеме “Тарпанчи” происходит из эллинистических Калос Лимена (Наливкина, 1957. С. 272, 273, 274.

Рис. 8; Щеглов, 1976; Крыжицкий, 1982. С. 49. Рис. 18, 6, 7, 54; Уженцев, 2006. С. 76, 77. Рис. 42, 43) и Панского I (Ščeglov, 1987. Р. 271. Fig. 26, U7-15, U7-7, U7-6).

Такая аналогия наводит на мысль о прямом заимствовании схемы “Тарпанчи” поздними скифами, о своеобразном “наследстве”, которое греки оставили варварам на северо-западе Крыма. Против такого, казалось бы, напрашивающегося вывода, говорят датировки — дома рассматриваемой схемы из греческих и позднескифских слоев разделены промежутком минимум в 290 лет⁸. На протяжении всего этого времени схема “Тарпанчи” не использовалась.

Дом на поселении Джангуль, на котором, по мнению авторов раскопок, жили прямые предки поздних скифов (Смекалова, 2013. С. 6–8; Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 421, 425), не имеет ничего общего с планировками домов предполагаемых

⁸ Упомянутый эллинистический дом Калос Лимена относится к строительному ярусу, верхняя хронологическая граница которого — конец первой трети III в. до н.э. (Уженцев, 2006. С. 27). В это же время, ок. 270 г. до н.э., погибает и поселение Панское I (Stolba, 2017). Начало этапа III, в котором появляются дома схемы “Тарпанчи” — ок. 20 г. н.э.; 290 лет — это, разумеется, минимальная оценка.

“потомков” (Смекалова, Кутайсов, 2013. С. 18–21, 53, 54. Рис. 1.31, 1.32; 2017. С. 145, 147. Рис. VII.1.17, VII.1.18).

Крупный дом 5 на Чайке можно предположительно сопоставить с усадьбами Неаполя Скифского, существовавшими в периоды Е и D (175–112/108 гг. до н.э.), а также в период С (рубеж II–I вв. до н.э. – середина I в. н.э.) (Зайцев, 2003. С. 26, 31, 32). К сожалению, ни одна из усадеб Неаполя не раскрыта полностью (Зайцев, 2003. С. 26), поэтому детально сравнить планировки невозможно.

“Керкинитская” планировочная схема находит аналогии в домах “равнозначно-параллельного принципа планировки”⁹ Неаполя Скифского и Усть-Альминского поселения. В Неаполе такие дома существуют в периоды Е и D (175–112/108 гг. до н.э.), С (рубеж II–I вв. до н.э. – середина I в. н.э.) и А (последняя четверть II – вторая четверть III вв. н.э.) (Зайцев, 2003. С. 26, 31, 32, 38). На Усть-Альминском поселении они датируются от рубежа эр до III в. н.э. (Высотская, 1994. С. 31, 32).

При этом в Центральном и в Юго-Западном Крыму формы позднескифских домов указанными разновидностями не исчерпываются. Во все время существования позднескифских поселений там строят и многокамерные дома, и однокамерные. Причем последних как будто бы больше (Антонов, 2022г. С. 203–208). Впрочем, большинство многокамерных жилищ не раскрыты полностью, по этой же причине нет уверенности и в определении однокамерных домов – в действительности они могли быть частью более сложных по планировке комплексов. Кроме того, жилая функция однокамерных построек не всегда доказана.

На “позднескифских” поселениях Нижнего Поднепровья нет точных аналогий домам Северо-Западного Крыма. В Нижнем Поднепровье существуют и однокамерные, и многокамерные дома. Первая разновидность как будто бы преобладает (Антонов, 2022г. С. 208–210).

То же можно сказать и о “варварских” домах Европейского Боспора: для них характерно численное преобладание однокамерных домов. Многокамерные дома Европейского Боспора точных аналогий в позднескифском Северо-Западном Крыму не находят. Впрочем, наличие или отсутствие аналогий не всегда возможно установить, поскольку планировки боспорских домов эллинистического и римского времени опубликованы во многих случаях очень скупо (Антонов, 2022г. С. 211, 212).

Определенный интерес для рассматриваемой темы представляют дома II–I вв. до н.э. в западном районе Танаиса. Все они многокамерные,

среди них два имеют планировочную схему, схожую с “керкинитской”: три помещения выстроены в ряд, центральное помещение представляет собой двор (Болтунова, Каменецкий, Деопик, 1969. С. 41–49; Шелов, 1970. С. 127, 128). Но, если учесть удаленность Танаиса от Северо-Западного Крыма, а также единичность совпадений, выявленное сходство может быть признано случайным.

Таким образом, набору одновременно использовавшихся планировочных схем на позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма нет точных аналогий на соседних территориях. Коренное отличие Северо-Западного Крыма – практически полное отсутствие однокамерных жилых домов. Тем не менее некоторые планировочные схемы находят соответствие.

Так, Г- и П-образные планировки встречаются в более ранних греческих городах Северо-Западного Крыма. Однако такое сходство не следует объяснять исключительно заимствованием планировочных схем из домов, оставленных греками¹⁰. Такие планировки типичны не только для греческих домов Северо-Западного Крыма, но и для других регионов античного мира (Быков, 1973. С. 322, 323; Маркузон, 1973. С. 151; Сорокина, 1973. С. 378, 380; Крыжицкий, 1982. С. 74). Поздние скифы в этапах I и II используют только две планировочных схемы из всех, что имелись на греческих поселениях Северо-Западного Крыма. Эти схемы, типичные для греческих городов, воспроизводятся в том числе в позднескифских поселениях, возникших на месте сельских греческих усадеб. Как представляется, все это может объясняться только прямым участием греков в освоении поздними скифами Северо-Западного Крыма¹¹. Широко известна деятельность в Неаполе Скифском ольвиополита Посидея, сына Посидея (Виноградов, 1989. С. 141–146). Неоднократно предполагалось, что во II в. до н.э. в Неаполе работали греческие архитекторы (Высотская, 1979. С. 191, 192; Зайцев, 2003. С. 26, 27). Не исключено, что в Северо-Западном Крыму позже работали такие же греки-экспаты, или, может быть, ученики-“варвары” греческих архитекторов Неаполя Скифского.

Видимо, греческим влиянием следует объяснять и появление схемы “Тарпанчи” на этапе III. Впрочем, как было показано выше¹², дома этой схемы объединяют элементы, которыми облада-

¹⁰ К такому выводу ранее пришли, например, А.Н. Щеглов и И.Н. Храпунов (Щеглов, 1978. С. 84; Храпунов, 1987. С. 46; 2004. С. 112).

¹¹ Присутствие греков в составе населения позднескифского Северо-Западного Крыма ранее допускали и некоторые другие исследователи (Яценко, 1970. С. 37; Щеглов, 1978. С. 134; Молев, 1998. С. 211).

¹² См. также более подробный разбор в: Антонов, 2023б. С. 93, 94.

⁹ Терминология С.Д. Крыжицкого (1982. С. 79, 80).

ли более ранние жилища “варваров” Северо-Западного Крыма. Это не позволяет полностью исключить того, что схема “Тарпанчи” появилась в результате “внутренней” эволюции домостроительства в рассматриваемом регионе.

Крупный дом на Чайке (Ч-5) и “керкинитская” планировочная схема находят аналогии в Центральном и Юго-Западном Крыму. Это обстоятельство, вместе с отсутствием прямого сходства с домами Нижнего Поднепровья и Европейского Боспора, могут в определенной степени указывать на истоки позднескифского домостроительства Северо-Западного Крыма.

Итак, рассмотрение планировок позднескифских домов Северо-Западного Крыма позволяет выделить их основные признаки, а также проследить их изменение со временем (рис. 1). Сравнение с домами соседних территорий позволяет проследить некоторые связи домостроительных традиций “варваров”.

Большинство позднескифских домов в Северо-Западном Крыму многокамерные, с дворами, помещения иногда заглублены. Ок. 110 г. до н.э. — рубежа 60-х — 50-х годов до н.э. в Северо-Западном Крыму преобладают дома Г-образной планировочной схемы. Их перестают строить ок. 20 г. до н.э. Этим же временем — концом II в. до н.э. и первыми тремя четвертями I в. до н.э. — можно предположительно датировать и “керкинитскую” планировочную схему. С рубежа 60-х — 50-х годов до н.э. появляются дома П-образной схемы, после 20 г. до н.э. они становятся преобладающими, а перестают строиться, видимо, не позднее 60-х годов н.э. Часть домов I в. до н.э. и первых двух третей I в. н.э. имела эксплуатируемые крыши.

Дома Г- и П-образной планировочных схем находят аналогии в греческих городах Северо-Западного Крыма и других регионах античного мира. Вероятно, это свидетельствует о прямом участии греков в освоении региона поздними скифами. Крупный дом 5 на Чайке и “керкинитская” планировочная схема аналогичны некоторым домам Неаполя Скифского и Усть-Альминского поселения. В целом же позднескифские дома Северо-Западного Крыма отличаются от построек соседних регионов меньшим разнообразием планировочных схем и резким преобладанием многокомнатных домов.

В 60-х годах н.э. в Северо-Западном Крыму появляются дома новых разновидностей — “Тарпанчи” и “кара-тобинской”, эксплуатируемые крыши, видимо, исчезают. Ближайшие аналогии схеме “Тарпанчи” происходят из более ранних греческих городов того же региона. Появление новых разновидностей домов в Северо-Западном Крыму совпадает и с изменениями, отмеченными в более широких рамках — на уровне застройки

поселений (Антонов, 2021. С. 14, 15; 2022б. С. 114, 115). Отчасти похожие процессы происходят в середине — конце I в. н.э. и в Неаполе Скифском (Зайцев, 2003. С. 44, 45; Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015. С. 128). Зафиксированы изменения в погребальном обряде на ряде позднескифских памятников всех регионов Крымской Скифии (Пуздровский, 1999а. С. 108; 2007. С. 199; Дашевская, 2014. С. 84; Мордвинцева, 2017. С. 131, 133; Попова, 2020. С. 206, 207). Уже не раз отмечалось, что эти изменения так или иначе связаны с передвижениями сарматов (Пуздровский, 1999а. С. 107, 108; 1999б. С. 216, 217; 2007. С. 199; Антонов, 2021. С. 16; 2022б. С. 115), которые могли происходить и при участии Боспора (Павленков, 1996. С. 24, 25; Сапрыкин, 2002. С. 218; Уженцев, 2006. С. 134, 135; Кутайсов, 2015. С. 18)¹³.

Таким образом, как показано выше, домостроительство поздних скифов Северо-Западного Крыма со временем претерпевает изменения, часть которых может быть объяснена его “внутренней эволюцией”, другую часть же трудно объяснить иначе, чем античным, греческим влиянием. Его механизм еще предстоит выяснить.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН “Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций” (№ НИОКТР 122011200269-4).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов Е.Е. Позднескифская “цитадель” городища Кара-Тобе: планировка, хронология, периодизация // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 223–237.
- Антонов Е.Е. Синхронизация строительных периодов позднескифских поселений Северо-Западного Крыма // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 3–15.
- Антонов Е.Е. События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам // *Нурапис. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Т. 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 33–42.
- Антонов Е.Е. Поселения Северо-Западного Крыма во второй четверти I — начале II в. н.э. // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. 2021. Т. VII. С. 10–17.
- Антонов Е.Е. Позднескифские дома второй половины II — первой половины I в. до н.э. в Северо-Западном Крыму // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. 2022а. Т. VIII. С. 10–21.
- Антонов Е.Е. Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма: принципы организации застройки и их изменения // *Краткие сообщения Института археологии*. 2022б. Вып. 267. С. 102–123.

¹³Более подробный обзор библиографии по этому вопросу см.: Антонов, 2023б. С. 95, 96.

- Антонов Е.Е. Планировки поселений поздних скифов в Северо-Западном Крыму // *Нуранис. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Т. 4. М.: ИА РАН, 2022в. С. 46–52.
- Антонов Е.Е. Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма (хронология, синхронизация, домостроительство): дис. ... канд. ист. наук. М., 2022г. 263 с.
- Антонов Е.Е. Дома поздних скифов в Северо-Западном Крыму во второй половине I в. до н.э. — первой четверти I в. н.э. // *Stratum plus*. 2023а. № 3. С. 165–177.
- Антонов Е.Е. Жилые дома на поселениях Северо-Западного Крыма во второй четверти I — начале II в. н.э. // *Краткие сообщения Института археологии*. 2023б. Вып. 271. С. 85–102.
- Болтунова А.И., Каменецкий И.С., Деоник Д.В. Раскопки западного района Танаиса // *Античные древности Подонья — Приазовья* / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1969 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 154). С. 3–97.
- Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008 (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum; вып. 5). 424 с.
- Быков В.Е. Архитектура эпохи эллинизма (323 гг. до н.э. — I в. н.э.) // *Всеобщая история архитектуры*. Т. 2. Архитектура античного мира. М.: Стройиздат, 1973. С. 297–362.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Внуков С.Ю. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец 2 — 1 половина I в. до н.э.) // *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 2007. С. 67–80.
- Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка, 1979. 208 с.
- Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Материалы по археологии Крыма. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
- Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1960 году // *Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова и Одесского государственного археологического музея в 1960 году*. Одесса, 1961. С. 51–58.
- Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961–1962 годах // *Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1962 года*. Одесса, 1964. С. 50–56.
- Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966–1969 гг. // *Краткие сообщения Института археологии*. 1972. Вып. 130. С. 62–69.
- Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс, 2014. 284 с.
- Дашевская О.Д., Голенцов А.С. К 40-летию раскопок городища Беляус // *Археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 2004. С. 26–41.
- Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 209 с.
- Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1982. 167 с.
- Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 244 с.
- Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. VI—II вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1990. 176 с.
- Кутайсов В.А. Калос Лимен — крупнейший античный центр Тарханкутского полуострова // *Античные памятники Тарханкута: альбом-каталог музейных экспонатов из фондов историко-археолог. музея-заповедника “Калос Лимен”*. СПб., 2015. С. 15–19.
- Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Некоторые итоги изучения Калос Лимена // *Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей)*. Херсон, 1991. С. 86–92.
- Маркузон В.Ф. Архитектура эпохи расцвета (480–400 гг. до н.э.) // *Всеобщая история архитектуры*. Т. 2. Архитектура античного мира. М.: Стройиздат, 1973. С. 131–263.
- Маслов С.П. Комплекс сгоревших растительных остатков, обнаруженных при раскопках помещения СХVIII городища Чайка в 1976 г. // *Памятники железного века в окрестностях Евпатории* / Отв. ред. Ю.Л. Шапова, И.В. Яценко. М.: Московский гос. ун-т, 1991. С. 76–81.
- Молев Е.А. Рец. на кн.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996 // *Вестник древней истории*. 1998. № 4. С. 207–214.
- Мордвинцева В.И. Погребальный обряд Беляусского некрополя // *Археология Северо-Западного Крыма: материалы III Междунар. науч. конф. Симферополь: Наследие тысячелетий*, 2017. С. 129–139.
- Наливкина М.А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948–1952) // *История и археология древнего Крыма*. Киев: Изд-во Акад. наук Украинской ССР, 1957. С. 264–281.
- Павленков В.И. О сарматах и боспорцах и их тамгах в Северо-Западном Крыму // *Крымский музей*. Вып. 1995–1996. Симферополь, 1996. С. 23–29.
- Попова Е.А. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // *Памятники железного века в окрестностях Евпатории* / Отв. ред. Ю.Л. Шапова, И.В. Яценко. М.: Московский гос. ун-т, 1991. С. 37–75.
- Попова Е.А. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. — I в. н.э. (по материалам квартала Запад-II городища “Чайка”) // *Историческая археология. Традиции и перспективы: к 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина*. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 182–195.
- Попова Е.А. Греческое поселение на городище “Чайка” во второй половине III—II вв. до н.э. // *Материалы исследований городища “Чайка” в Северо-Западном Крыму*. М., 2007. С. 4–130.
- Попова Е.А. Городище “Чайка” в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. — I в. н.э. // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 259–307.

- Попова Е.А. Детские погребения на городище “Чайка” в Северо-Западном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 258. С. 201–212.
- Пуздровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. — III в. н.э. // Вестник древней истории. 1999а. № 4. С. 97–119.
- Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. — III в. н.э.) // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999б. С. 209–225.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.
- Смекалова Т.Н. Динамика системы расселения и иерархия поселений в северо-западном Крыму в позднем бронзовом и раннем железном веках // Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму. Симферополь: Феникс, 2013 (Материалы к археологической карте Крыма; вып. VIII, ч. 2). С. 6–16.
- Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: Алетей, 2015 (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XV) (Археологические атласы Северного Причерноморья). 248 с.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Поселение Джангуль на Тарханкутском полуострове // Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму. Симферополь: Феникс, 2013 (Материалы к археологической карте Крыма; вып. VIII, ч. 2). С. 17–82.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетей, 2017 (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XVIII) (Археологические атласы Северного Причерноморья; т. II). 448 с.
- Сорокина Н.П. Архитектура античных государств Северного Причерноморья // Всеобщая история архитектуры. Т. 2. Архитектура античного мира. М.: Стройиздат, 1973. С. 363–388.
- Уженицев В.Б. Калос Лимен в I в. до н.э. — начале II в. н.э. (общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 118. М., 2001. С. 156–166.
- Уженицев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. — II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат, 2006. 248 с.
- Храпунов И.Н. Поздние скифы на Днепре и в Крыму: дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 219 с.
- Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Керчь; Симферополь, 2004 (Боспорские исследования; вып. VI). 240 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 252 с.
- Щеглов А.Н. Тарханкутская экспедиция в 1962–1963 гг. // Краткие сообщения Института археологии. 1965. Вып. 103. С. 140–147.
- Щеглов А.Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена (опыт реконструкции) // Художественная культура и археология античного мира: сб. памяти Б.В. Фармаковского / Ред. Н.И. Соколовский и др. М.: Наука, 1976. С. 232–238.
- Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 159 с.
- Яценко И.В. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.) // Краткие сообщения Института археологии. 1970. Вып. 124. С. 31–38.
- Яценко И.В. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974–1975 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев: Наукова думка, 1983. С. 46–66.
- Bernhard M.-L. Kalos Limen, fouilles Polonaises en Crimée, URSS, 1959 // Bulletin du Musée National de Varsovie. 1961. Vol. 2, № 1. P. 3–10.
- Ščeglov A. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (fouilles de 1969–1985) // Dialogues d'histoire ancienne. 1987. Vol. 13, № 1. P. 239–273.
- Stolba V.F. Panskoye I // Oxford Classical Dictionary. Digital edition. New York: Oxford University Press, 2017.

RESIDENTIAL HOUSES OF THE NORTH-WESTERN CRIMEA IN THE LATE SCYTHIAN PERIOD: BASIC LAYOUT PATTERNS AND ANALOGIES

Egor E. Antonov^{a, #}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: antonov.yegor@gmail.com

The article summarizes the study of the layouts of houses built on the northwestern coast of the Crimea in the last quarter of the 2nd century BC – early 2nd century AD. Particular attention is paid to changes in the main layout patterns, as well as the search for their analogies. The author analyzes 28 layouts of the best preserved Late Scythian houses. All of them are multi-chamber structures, most of them have courtyards. The main layout patterns differ in the location of the premises with respect to the courtyard. It was possible to determine periods of dominance of certain patterns. The layouts of Late Scythian houses in the North-Western Crimea become more complicated with time. However, in addition to the “internal evolution”, residential construction also experiences a strong influence of classical architecture, which manifests itself at different stages. There is also a connection with other regions of the Crimean Scythia.

Keywords: the North-Western Crimea, the Late Scythian archaeological culture, architecture of the classical period.

REFERENCES

- Antonov E.E., 2017. Citadel of Kara-Tobe, a Late Scythian hillfort: layout, chronology, building periods. *Stratum plus*, 3, pp. 223–237. (In Russ.)
- Antonov E.E., 2018. Archaeological periodization of the Late Scythian history of the North-Western Crimea. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki [Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science]*, vol. 4 (70), no. 3, pp. 3–15. (In Russ.)
- Antonov E.E., 2019. Events of the Late Scythian history of the North-Western Crimea and their dating based on written sources. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology IA RAS]*, 1. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 33–42. (In Russ.)
- Antonov E.E., 2021. Settlements of the North-Western Crimea in the second quarter of the 1st – early 2nd century AD. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [Crimea in the Sarmatian period (2nd century BC – 4th century AD)]*, VII, pp. 10–17. (In Russ.)
- Antonov E.E., 2022a. Late Scythian dwellings of the second half of the 2nd – first half of the 1st c. BC in the North-Western Crimea. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [Crimea in the Sarmatian period (2nd century BC – 4th century AD)]*, VIII, pp. 10–21. (In Russ.)
- Antonov E.E., 2022b. Late Scythian settlements in the Northwestern Crimea: principles of housing construction and their changes. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 267, pp. 102–123. (In Russ.)
- Antonov E.E., 2022b. Grids of the Late Scythian settlements in the North-Western Crimea. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology IA RAS]*, 4. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 46–52. (In Russ.)
- Antonov E.E., 2022r. Pozdneskifskie poseleniya Severo-Zapadnogo Kryma (khronologiya, sinkhronizatsiya, domostroitel'stvo): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Late Scythian settlements of the North-Western Crimea (chronology, synchronization, residential construction): a thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. 263 p.
- Antonov E.E., 2023a. Late Scythian houses in the North-Western Crimea in the second half of the 1st century BC – first quarter of the 1st century AD. *Stratum plus*, 3, pp. 165–177. (In Russ.)
- Antonov E.E., 2023b. Residential houses in the settlements of the North-Western Crimea of the second quarter of the 1st – early 2nd century AD. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 271, pp. 85–102. (In Russ.)
- Bernhard M.-L., 1961. Kalos Limen, fouilles Polonaises en Crimée, URSS, 1959. *Bulletin du Musée National de Varsovie*, vol. 2, no. 1, pp. 3–10.
- Boltunova A.I., Kamenetskiy I.S., Deopik D.V., 1969. Excavations in the western district of Tanais. *Antichnye drevnosti Podon'ya – Priazov'ya [Classical antiquities of the Don–Azov region]*. D.B. Shelov, ed. Moscow: Nauka, pp. 3–97. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 154). (In Russ.)
- Buyskikh A.V., 2008. Prostranstvennoe razvitiye Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epokhu [Spatial development of Tauric Chersonesos in antiquity]. Simferopol'. 424 p. (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum, 5).
- Bykov V.E., 1973. Hellenistic architecture (323 BC – 1st century AD). *Vseobshchaya istoriya arkhitektury [World history of architecture]*, 2. *Arkhitectura antichnogo mira [Architecture of the classical antiquity]*. Moscow: Stroyizdat, pp. 297–362. (In Russ.)
- Dashevskaya O.D., 1961. Excavations of the South Donuzlav fortified settlement in 1960. *Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.I. Mechnikova i Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya v 1960 godu [Brief reports on the field archaeological research of I.I. Mechnikov Odessa State University and the Odessa State Archaeological Museum in 1960]*. Odessa, pp. 51–58. (In Russ.)
- Dashevskaya O.D., 1964. Excavations of the South Donuzlav fortified settlement in 1961–1962. *Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya 1962 goda [Brief reports on the field archaeological research of the Odessa State Archaeological Museum in 1962]*. Odessa, pp. 50–56. (In Russ.)
- Dashevskaya O.D., 1972. Excavations of the South Donuzlav fortified settlement in 1966–1969. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 130, pp. 62–69. (In Russ.)
- Dashevskaya O.D., 2014. Nekropol' Belyausa [The Belyaus necropolis]. Simferopol': Feniks. 284 p.
- Dashevskaya O.D., Golentsov A.S., 2004. To the 40th anniversary of the excavations in the Belyaus fortified settlement. *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma [Archaeology of the North-Western Crimea]*. Simferopol': Tsentr muzeynykh tekhnologiy i etno-kul'turnogo turizma, pp. 26–41. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., 1987. Pozdnie skify na Dnepre i v Krymu: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Late Scythians in the Dnieper region and in the Crimea: a thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. 219 p.
- Khrapunov I.N., 2004. Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke [Ethnic history of the Crimea in the Early Iron Age]. Kerch'; Simferopol'. 240 p. (Bosporiskie issledovaniya, VI).
- Kryzhitskiy S.D., 1982. Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (VI v. do n.e. – IV v. n.e.) [Residential houses of ancient cities of the Northern Pontic (6th century BC – 4th century AD)]. Kiev: Naukova dumka. 167 p.
- Kryzhitskiy S.D., 1993. Arkhitectura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya [Architecture of the North Pontic states of classical antiquity]. Kiev: Naukova dumka. 244 p.
- Kutaysov V.A., 1990. Antichnyy gorod Kerkinitida. VI–II vv. do n.e. [The ancient city of Kerkinitis. 6th–2nd centuries BC]. Kiev: Naukova dumka. 176 p.

- Kutaysov V.A., 2015. Kalos Limen — the largest centre of classical period on the Tarkhankut Peninsula. *Antichnye pamyatniki Tarkhankuta: al'bom-katalog muzeynykh eksponatov iz fondov istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika "Kalos Limen"* [Classical sites of Tarkhankut: an album-catalogue of museum exhibits from the funds of the "Kalos Limen" Historical and Archaeological Museum-reserve]. St. Petersburg, pp. 15–19. (In Russ.)
- Kutaysov V.A., Uzhentsev V.B., 1991. Some results of the study of Kalos Limen. *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100-letiyu osnovaniya Khersonskogo muzeya drevnostey)* [Problems of archaeology of the Northern Pontic (to the 100th anniversary of the Kherson Museum of Antiquities)]. Kherson, pp. 86–92. (In Russ.)
- Markuzon V.F., 1973. Architecture of the golden age (480–400 BC). *Vseobshchaya istoriya arkhitektury* [World history of architecture], 2. *Arkhitectura antichnogo mira* [Architecture of the classical antiquity]. Moscow: Stroyizdat, pp. 131–263. (In Russ.)
- Maslov S.P., 1991. A complex of burnt plant remains found during excavations of room CXVIII in the fortified settlement of Chayka in 1976. *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii* [Sites of the Iron Age in the vicinity of Yevpatoria]. Yu.L. Shchapova, I.V. Yatsenko, eds. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 76–81. (In Russ.)
- Molev E.A., 1998. Book review: Saprykin S.Yu. Pontic Kingdom. The state of the Greeks and barbarians in the Pontic region. Moscow, 1996. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history], 4, pp. 207–214. (In Russ.)
- Mordvintseva V.I., 2017. Funeral rite of the Belyaus necropolis. *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Archaeology of the North-Western Crimea: Proceedings of the III International scientific conference]. Simferopol': Nasledie ty-syacheletiy, pp. 129–139. (In Russ.)
- Nalivkina M.A., 1957. Excavations of Kerkinitis and Kalos Limen (1948–1952). *Istoriya i arkheologiya drevnego Kryma* [History and archaeology of the ancient Crimea]. Kiev: Izdatel'stvo Akademii nauk Ukrainской SSR, pp. 264–281. (In Russ.)
- Pavlenkov V.I., 1996. On the Sarmatians and Bosporans and their tamgas in the North-Western Crimea. *Krymskiy muzey* [The Crimean Museum], 1995–1996. Simferopol', pp. 23–29. (In Russ.)
- Popova E.A., 1991. Southwestern quarter of the Scythian settlement at the Chayka resort near Yevpatoriya. *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii* [Sites of the Iron Age in the vicinity of Yevpatoria]. Yu.L. Shchapova, I.V. Yatsenko, eds. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 37–75. (In Russ.)
- Popova E.A., 1998. On the North Pontic residential construction of the 1st century BC — 1st century AD (Based on materials from West-II quarter of the fortified settlement of Chayka). *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina* [Historical archaeology. Traditions and perspectives: to the 80th anniversary of D.A. Avdusin]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 182–195. (In Russ.)
- Popova E.A., 2007. A Greek settlement in the Chayka site of the second half of the 3rd–2nd century BC. *Materialy issledovaniy gorodishcha "Chayka" v Severo-Zapadnom Krymu* [Materials of studying the ancient fortified settlement of Chayka in the North-Western Crimea]. Moscow, pp. 4–130. (In Russ.)
- Popova E.A., 2017. The Chayka fortified settlement in the North-Western Crimea in the 2nd century BC — 1st century AD. *Stratum plus*, 3, pp. 259–307. (In Russ.)
- Popova E.A., 2020. Children's graves at the Chayka settlement in the Northwestern Crimea. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 258, pp. 201–212. (In Russ.)
- Puzdrovskiy A.E., 1999a. Study in the ethno-social history of the Crimean Scythia in the 2nd century BC — 3rd century AD. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history], 4, pp. 97–119. (In Russ.)
- Puzdrovskiy A.E., 1999b. Ethnic history of the Crimean Scythia (2nd century BC — 3rd century AD). *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos collection], X. Sevastopol', pp. 209–225. (In Russ.)
- Puzdrovskiy A.E., 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia in the 2nd century BC — 3rd century AD. Burial sites]. Simferopol': Biznes-Inform. 480 p.
- Saprykin S.Yu., 2002. Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh [Bosporan Kingdom at the turn of two eras]. Moscow: Nauka. 271 p.
- Ščeglov A., 1987. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (fouilles de 1969–1985). *Dialogues d'histoire ancienne*, vol. 13, no. 1, pp. 239–273.
- Shcheglov A.N., 1965. The Tarkhankut expedition of 1962–1963. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 103, pp. 140–147. (In Russ.)
- Shcheglov A.N., 1976. The residential building of the Hellenistic Kalos Limen (an experience of reconstruction). *Khudozhestvennaya kul'tura i arkheologiya antichnogo mira: sbornik pamyati B.V. Farmakovskogo* [Artistic culture and archaeology of the classical antiquity: Collection in memory of B.V. Farmakovsky]. N.I. Sokol'skiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 232–238. (In Russ.)
- Shcheglov A.N., 1978. Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu [The North-Western Crimea in Antiquity]. Leningrad: Nauka. 159 p.
- Shelov D.B., 1970. Tanais i Nizhniy Don v III–I vv. do n.e. [Tanaïs and the Lower Don in the 3rd–1st centuries BC]. Moscow: Nauka. 252 p.
- Smekalova T.N., 2013. Dynamics of the settlement system and the hierarchy of settlements in the North-Western Crimea during the Late Bronze and Early Iron Ages. *Pastukhi i zemledel'tsy rannego zheleznogo veka v severo-zapadnom Krymu* [Pastoralists and farmers of the early Iron Age in the North-Western Crimea]. Simferopol': Feniks, pp. 6–16. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, VIII, 2). (In Russ.)
- Smekalova T.N., Koltukhov S.G., Zaytsev Yu.P., 2015. Atlas pozdneskifskikh gorodishch Predgornogo Kryma [Atlas of Late Scythian fortified settlements in the foothills of the Crimea]. St. Petersburg: Aleteyya. 248 p. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, XV) (Arkheologicheskie atlasy Severnogo Prichernomor'ya).

- Smekalova T.N., Kutaysov V.A., 2013. The settlement of Dzhangul on the Tarkhankut Peninsula. *Pastukhi i zemledel'tsy rannego zheleznogo veka v severo-zapadnom Krymu* [Pastoralists and farmers of the early Iron Age in the North-Western Crimea]. Simferopol': Feniks, pp. 17–82. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, VIII, 2). (In Russ.)
- Smekalova T.N., Kutaysov V.A., 2017. Arkheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Epokha pozdney bronzy. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost' [Archaeological Atlas of the North-Western Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Classical period]. St. Petersburg: Aleteyya. 448 p. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, XVIII) (Arkheologicheskie atlasy Severnogo Prichernomor'ya, II).
- Sorokina N.P., 1973. Architecture of the ancient states of the Northern Pontic. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury* [World history of architecture], 2. *Arkhitectura antichnogo mira* [Architecture of the classical antiquity]. Moscow: Stroyizdat, pp. 363–388. (In Russ.)
- Stolba V.F., 2017. Panskoye I. *Oxford Classical Dictionary*. Digital edition. New York: Oxford University Press.
- Uzhentsev V.B., 2001. Kalos Limen in the 1st century BC – early 2nd century AD (general review based on excavations in 1988–1998). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum], 118. Moscow, pp. 156–166. (In Russ.)
- Uzhentsev V.B., 2006. Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v. n.e.): Materialy po arkheologii Kryma [Hellenes and barbarians of the Lovely Harbor (Kalos Limen in the 4th century BC – 2nd century AD): Materials on the archaeology of the Crimea]. Simferopol': Sonat. 248 p.
- Vinogradov Yu.G., 1989. Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VII–I vv. do n.e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie [Political history of the Olbian polis of the 7th–1st centuries BC: Historical and epigraphic study]. Moscow: Nauka. 288 p.
- Vnukov S.Yu., 2007. Central construction complex of the fortified settlement of Kara-Tobe (late 2nd – first half of the 1st century BC). *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol': Universum, pp. 67–80. (In Russ.)
- Vysotskaya T.N., 1979. Neapol' – stolitsa gosudarstva pozdnykh skifov [Neapolis – the capital of the Late Scythian state]. Kiev: Naukova dumka. 208 p.
- Vysotskaya T.N., 1994. Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'. Materialy po arkheologii Kryma [The Ust-Alma fortified settlement and necropolis. Materials on the archaeology of the Crimea]. Kiev: Kievskaya Akademiya Evrobiznesa. 208 p.
- Yatsenko I.V., 1970. Investigation of structures of the Scythian period at the Chayka fortified settlement in Yevpatoriya (1964–1967). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 124, pp. 31–38. (In Russ.)
- Yatsenko I.V., 1983. Northern quarter of the 1st Scythian settlement at the Chayka fortified settlement in Yevpatoriya (based on excavations in 1974–1975). *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.* [Population and culture of the Crimea in the first centuries AD]. Kiev: Naukova dumka, pp. 46–66. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 2003. Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Scythian Neapolis (2nd century BC – 3rd century AD)]. Simferopol': Universum. 209 p.

О ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам лепной керамики)

© 2023 г. Е. В. Суханов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: suhanov_ev@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.04.2023 г.

После доработки 11.05.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

В статье излагаются результаты сравнительного анализа технологии изготовления лепной посуды из трех могильников Юго-Западного Крыма, функционировавших со второй половины I до конца IV – начала V вв. н.э.: Киль-Дере 1, Совхоз 10 и Фронтное 3. Исследование выполнено в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским. Установлено, что в позднеримскую эпоху на территории Юго-Западного Крыма бытовали две культурные традиции изготовления лепной посуды. Общей их чертой было использование дробленой раковины в качестве искусственной примеси при составлении формовочных масс. Различия между выявленными традициями проявились в видах применявшихся глин, способах их подготовки перед составлением формовочных масс, приемах обработки внешней поверхности сосудов и способах обжига изделий. Одна из традиций доминирует в материалах могильника Киль-Дере 1 и преобладает в материалах некрополя Совхоз 10, а вторая массово представлена в могильнике Фронтное 3.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, вторая половина I – начало V вв. н.э., лепная керамика, технология изготовления.

DOI: 10.31857/S0869606323040177, **EDN:** XMFJTW

На территории Центрального и Юго-Западного Крыма открыт и частично исследован ряд могильников, датируемых в пределах от второй половины I до конца IV – начала V вв. н.э., которые недавно было предложено рассматривать в рамках одной археологической культуры (Храпунов, 2019). Другие исследователи считают, что группировка этих памятников требует дополнительных исследований (например: Зайцев, 2022). Так или иначе, все специалисты согласны, что данные памятники включают компоненты, имеющие разное происхождение.

Лепная керамика является одной из наиболее перспективных групп источников для исследования состава носителей и происхождения этих древностей. Данная группа материала уже давно находится в фокусе внимания исследователей, однако изучалась она прежде всего с точки зрения морфологии сосудов. По данным В.П. Власова, лепная посуда из памятников Центрального и Юго-Западного Крыма имеет как общие черты, так и специфические, характерные для разных районов и отдельных памятников. Они проявляются преимущественно в формах сосудов и орнаментации (Власов, 2022. С. 318, 319). Морфологические особенности крымской лепной керамики позднеримского времени позволяют выделять

разные этнокультурные компоненты среди ее потребителей, а также высказывать предположения об этническом составе населения, оставившего тот или иной археологический памятник (Власов, 1999. С. 352–354).

Технология изготовления данной группы керамики изучена слабее. Восполнение этого пробела представляется необходимым, поскольку гончарная технология – один из наиболее информативных для археологов видов данных о происхождении, культурном составе древнего населения и процессах смешения носителей разных культурных традиций. Это обосновано несколькими причинами. Во-первых, механизмом передачи традиционных знаний и навыков труда гончаров в доремесленных производствах – по родственным каналам, путем личного обучения ученика приемам работы с глиной (Бобринский, 1978. С. 242). Это дает основания связывать разные гончарные традиции с конкретными человеческими коллективами. Во-вторых, разной степенью устойчивости трудовых навыков изготовителей посуды при смешении носителей разных гончарных традиций. Если приспособительные навыки (отбор исходного сырья, составление формовочных масс, обработка поверхности сосудов) в таких условиях изменяются очень быстро –

Таблица 1. Виды глин для изготовления лепной керамики из рассматриваемых могильников
Table 1. Types of clays for making hand-made pottery from the necropolises under consideration

Виды глин/Памятники	Киль-Дере 1		Совхоз 10		Фронтное 3		Суммарно на всех памятниках	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
1	29	85.3	18	54.5	—	—	47	43.9
2	4	11.8	7	21.2	33	82.5	44	41.1
3	1	2.9	3	9.1	—	—	4	3.7
4	—	—	1	3.0	4	10	5	4.7
5	—	—	3	9.1	2	5	5	4.7
?	—	—	1	3.0	1	2.5	2	1.9

Примечание: 1 — глина вида 1; 2 — глина вида 2; 3 — глина вида 3; 4 — глина вида 4; 5 — глина вида 5;
 ? — определение вида глины вызвало затруднения.

от нескольких лет до времени жизни одного поколения гончаров, то полное перерождение субстратных навыков (конструирование начин и полого тела) может происходить на протяжении времени жизни 5–6 поколений (Бобринский, 1978. С. 129, 244). Учет этих особенностей позволяет оценить по лепной керамике степень культурной однородности населения не только в рамках истории конкретного археологического памятника, но и в более отдаленном прошлом.

Могильник Фронтное 3 стал первым некрополем позднеимперского времени в Юго-Западном Крыму, материалы которого — обломки от лепных сосудов — были подвергнуты специальному технологическому анализу по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978). По итогам исследования было установлено, что традиции изготовления лепной посуды у людей, хоронивших в могильнике Фронтное 3, имели высокую степень однородности. Материалы из двух наиболее массовых типов погребальных сооружений, открытых на памятнике, — подбойных могил и грунтовых склепов — не имеют каких-то существенных различий в исходном пластичном сырье, рецептах формовочных масс и способах обработки внешней поверхности. Единственная примечательная черта, отличающая разные типы погребальных сооружений по гончарной технологии, — это связь более сложных рецептов формовочных масс (с дробленой раковинной и шамотом) преимущественно с грунтовыми склепами (Суханов, Свиридов, Язиков, 2020).

В предлагаемой статье предпринимается попытка получить ответы на некоторые вопросы, которые возникли в результате изучения гончарной технологии по керамике из Фронтного 3: 1) была ли технология изготовления лепной посуды, представленная в могильнике Фронтное 3, общей и характерной для населения всего Юго-Западного Крыма, т.е. района расположения этого археологического памятника?; 2) каковы

общие и особенные черты в технологических традициях населения, оставившего могильник Фронтное 3 по сравнению с традициями, представленными в других могильниках II–IV вв. Юго-Западного Крыма. Для поиска ответов на эти вопросы мы опираемся на доступные для сравнительного анализа материалы могильников этого района (рис. 1).

Источниками для этого исследования послужили:

1) Образцы лепной посуды из могильника Фронтное 3 (Гавритухин и др., 2020) — 40 ед., которые происходят от разных сосудов, помещенных в могилы в качестве сопроводительного инвентаря. Изучение керамической коллекции и отбор образцов проведены автором статьи в камеральных условиях непосредственно во время раскопок могильника¹;

2) Образцы лепной посуды из могильника Совхоз 10 (Стрелецкий и др., 2005) — 34 ед., которые представляют собой обломки погребальных урн для кремаций, а также фрагменты сосудов, которые были обнаружены непосредственно в одном комплексе с урнами (например, в случаях, когда кремированные кости были помещены в амфору). Отбор образцов выполнен автором в фондах Музея-заповедника «Херсонес Таврический»² по материалам, которые оказались пригодными для «разрушающего» пробоотбора и изучения³;

¹ Список могил, из которых происходят изученные лепные сосуды могильника Фронтное 3, опубликован в: Суханов и др., 2020. Табл. 1.

² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить хранителей Музея-заповедника «Херсонес Таврический» Е.В. Колесник и Н.Л. Демиденко за помощь в организации работы с коллекцией могильника Совхоз 10.

³ Изучены лепные сосуды из урн 26, 35 (2 шт.) 58, 76, 79, 83, 84, 86, 87, 91, 113, 122, 136, 148, 151, 177, 208, 215, 228, 235, 241 (2 шт.), 242, 268, 276, 278, 292, 299, 301, 322, 337, 352, 358.

Рис. 1. Могильники Юго-Западного Крыма, рассматриваемые в статье: 1 — Киль-Дере 1; 2 — Совхоз 10; 3 — Фронтовое 3.

Fig. 1. Necropolises of the South-Western Crimea considered in the article: 1 — Kil-Dere 1; 2 — Sovkhoz 10; 3 — Frontovoye 3

3) Образцы лепной посуды из могильника Киль-Дере 1 (Язиков, Свиридов, 2022) — обломки от 34 разных сосудов, присутствующих в могилах в качестве сопроводительного инвентаря. Изучение керамической коллекции и отбор образцов проведены автором в камеральных условиях во время раскопок могильника⁴.

Исследование керамики выполнено с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским. В рамках этой системы анализа процесс изготовления сосуда подразделяется на три стадии и 11 обязательных ступеней, в рамках каждой из которых гончар решает конкретную узкую технологическую задачу (Бобринский, 1978. С. 14). Размеры образцов, собранных по материалам рассматриваемых могильников, позволяют обсуждать следующие ступени гончарной технологии: отбор и подготовка исходного пластичного сырья (ступени 1 и 3), составление формовочных масс (ступень 4), механическая обработка внешней по-

верхности сосудов (ступень 8) и придание сосудам прочности и водонепроницаемости (ступени 9 и 10).

Для определения степени ожелезненности пластичного сырья (Цетлин, 2006) и более строгой фиксации естественных и искусственных примесей в сырье и формовочных массах все образцы исследуемой керамики были дополнительно обожжены в муфельной печи до температуры 850° С. Керамические образцы изучались под бинокулярным микроскопом МБС-1 при увеличении до 56х. В ходе анализа фиксировались и описывались технологические следы, относящиеся к перечисленным ступеням гончарной технологии. Большинство определений по изученной археологической керамике сделано на основании эталонной базы экспериментальных образцов, которая хранится в лаборатории «История керамики» ИА РАН. Подсчеты концентрации дробленой раковины выполнялись на основании шкал, разработанных Н.Ю. Петровой (2016). Для оценки степени запесоченности глин использовались критерии, предложенные Н.П. Салугиной (Турганинское поселение, 2017. С. 156).

⁴ Изученные образцы происходят от сосудов, найденных в могилах 3,5, 6, 8, 13 (2 шт.), 21, 22, 47, 51 (2 шт.), 53, 54, 58 (2 шт.), 59, 61, 62, 67, 69, 71, 82, 84, 99, 144, 167, 176, 200, 284, 293, 387(2 шт.), 409, 414.

Таблица 2. Состояние глин перед составлением формовочных масс
Table 2. Condition of clays before the formation of pastes

Состояние глин/Памятники	Киль-Дере 1		Совхоз 10		Фронтное 3		Суммарно на всех памятниках	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Сухое дробленое	19	57.6	13	48.1	1	2.5	33	33.0
Естественно-увлажненное	14	42.4	14	51.9	39	97.5	67	67.0

Ступени 1, 3. Отбор и подготовка исходного пластичного сырья. Понятие “традиции отбора исходного пластичного сырья” с позиций историко-культурного подхода включает в себя характеристику вида сырья (природные глины, илы и пр.); запесоченности сырья, влияющей на его пластичные свойства; его ожелезненности, влияющей на цветовые особенности сырья и изделия. В некоторых случаях возможно определение “районов” и “мест” добычи сырья на основании состава естественных примесей в нем, однако в данной работе этот аспект не затрагивается.

Лепная керамика всех трех могильников изготовлена из природных глин. На основании степени запесоченности и ожелезненности выявлено несколько видов глин:

Вид 1. Слабозапесоченные глины слабой ожелезненности. В качестве естественной примеси присутствуют окатанный песок размером 0.1–0.3 мм, а также окатанные каменистые включения размером 0.2–0.5 мм в диаметре (концентрация – 1–2 вкл. на 1 см²);

Вид 2. Слабозапесоченные глины средней ожелезненности. В них присутствует окатанный песок размером 0.1 мм и менее;

Вид 3. Среднезапесоченные глины слабой ожелезненности. Содержат окатанный песок размером 0.1–0.3 мм;

Вид 4. Сильнозапесоченные высокоожелезненные глины. В них зафиксирован окатанный песок размером около 0.1 мм и менее;

Вид 5. Сильнозапесоченные глины средней ожелезненности. Содержат окатанный песок размером около 0.1 мм и менее, а также мелкие окатанные карбонатные включения размером около 0.1 мм.

Наиболее массовыми для изученных могильников Юго-Западного Крыма оказались глины видов 1 и 2 – они составляют соответственно 43.9 и 41.1% сосудов (табл. 1). Все прочие виды глин представлены единично (1.9–4.7%). Сравнение могильников по видам глин, из которых была сделана найденная в них лепная посуда, дало следующие результаты. В Киль-Дере 1 и Совхозе 10 большинство сосудов – 85.3 и 54.5% соответственно – изготовлены из глин вида 1. Глины ви-

да 2 редко использовалась населением, хоронившим на этих некрополях – таких сосудов 11.8% в Киль-Дере 1 и 21.2% в Совхозе 10. В могильнике Фронтное 3 ситуация несколько отличается: здесь преобладают сосуды, сделанные из глины вида 2–82.5%, а глина вида 1 совсем не зафиксирована.

По изученным материалам выявлены два способа подготовки пластичного сырья: 1) в состоянии естественной влажности и 2) в сухом дробленном состоянии. Второй способ определялся в случаях комковатости глины и расположении минеральных примесей как бы в пространстве между “комками”. Раздробленность минеральных естественных включений, характерная для сухой дробленой глины, не зафиксирована, что, возможно, связано с отсутствием крупных включений в использованном гончарами сырье.

В изученной выборке из рассмотренных могильников Юго-Западного Крыма использование глин в состоянии естественной влажности представлено чуть более массово (67% сосудов), чем вариант с высушиванием и дроблением, однако на конкретных памятниках ситуация отличается (табл. 2). В некрополях Киль-Дере 1 и Совхоз 10 соотношение обоих способов подготовки сырья примерно равное, с небольшим преобладанием в пользу одного из них. Материалы могильника Фронтное 3 дают совершенно другую картину: здесь 95.4%, т.е. почти все сосуды сделаны из глин, использованных в состоянии естественной влажности (табл. 2).

Составление формовочных масс (ступень 4). В изученном материале зафиксированы следующие виды искусственных примесей в формовочную массу:

1) Дробленая раковина (ДР) моллюсков – представлена остроугольными частицами молочно-серого/перламутрового цвета. Дуговидные в сечении, “многослойные”, с характерной для раковины желобчатой поверхностью и наличием столбчатой структуры излома. Размер – 0.7–1.5/2 мм. Концентрация разнообразна – от 1:3/1:4 до примерно 1:7;

2) Шамот (Ш) – слабоокатанные и остроугольные частицы старых сосудов размером 0.5–

Таблица 3. Рецепты формовочных масс
Table 3. Recipes for pastes

Рецепты/ Памятники	Киль-Дере 1		Совхоз 10		Фронтное 3		Суммарно на всех памятниках	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Г+ДР+ОР	26	76.5	20	60.6	28	70	74	69.2
Г+ДР+Ш+ОР	6	17.6	7	21.2	11	27.5	24	22.4
Г+ДР+П+ОР	2	5.9	5	15.2	—	—	7	6.5
Г+ОР	—	—	1	3.0	—	—	1	0.9
Г	—	—	—	—	1	2.5	1	0.9

Примечание: Г — глина, ДР — дробленая раковина, ОР — органический раствор, Ш — шамот, П — песок.

2 мм. В шамоте встречается песок, о происхождении которого сложно сказать что-то определенное, а также мелкие (0.1–0.2 мм) отпечатки растительности; иногда отмечена цветовая многослойность частиц шамота, связанная с особенностями обжига сосудов, из которых был сделан шамот. Концентрация этой примеси в изученных коллекциях — 1:4–1:6;

3) Песок (П). Окатанные частицы светло-серого цвета размером 1–2 мм. Концентрация этой примеси в изученных коллекциях — 1:4–1:6;

4) Органический раствор (ОР). Зафиксирован по мелким (0.1–0.2 мм) отпечаткам растительных остатков, бесцветным пленкам на поверхности излома, темно-серым/почти черным пятнам вокруг наиболее крупных отпечатков растительности диаметром до 0.5 мм.

В рассмотренных могильниках Юго-Западного Крыма представлено пять рецептов составления формовочных масс лепных сосудов (табл. 3). Самым массовым является “Г(Глина)+ДР+ОР” — он зафиксирован суммарно в 69.2% изученных сосудов. Второй по распространенности рецепт “Г+ДР+Ш+ОР” (отличается наличием еще одной минеральной примеси — шамота) выявлен примерно в 22.4% сосудов. Прочие рецепты — это “Г+ДР+П+ОР”, “Г+ОР” и “Г” — единичны.

Рецепт “Г+ДР+ОР” преобладает не только в изучаемом регионе в целом, но и на каждом конкретном памятнике: в Киль-Дере 1 к нему относится 76.5%, в Совхозе 10—60.6%, во Фронтном 3—70% сосудов (табл. 3). Сосуды, содержащие шамот в составе формовочной массы, есть на всех изученных могильниках. Доля таких изделий также довольно устойчива на всех некрополях и колеблется в интервале от 17.6 до 27.5%. Рецепт с искусственно добавленным песком зафиксирован только в Киль-Дере 1 и Совхозе 10.

Поскольку дробленая раковина присутствует в формовочных массах почти всех изученных сосудов, отдельно следует отметить особенности ее концентрации в керамике на разных памятниках.

Концентрация оценивалась как высокая — 1:3–1:4, средняя 1:5–1:6, или низкая — 1:7 и меньше. В могильнике Киль-Дере 1 преобладает средняя концентрация этой примеси (41.4%), однако весьма существенна доля низкой (27.6%) и высокой (31%). В могильнике Совхоз 10 чаще всего встречается либо низкая (44.4%), либо высокая (40.7%) концентрация, и редко — средняя (14.8%). В некрополе Фронтное 3 заметно преобладает высокая (60.5%), массово встречается средняя (36.7%) и почти не встречается низкая (2.6%).

Механическая обработка внешней поверхности сосудов (ступень 8). В рассматриваемых памятниках отмечены два способа — лощение и заглаживание. В целом оба способа представлены в Юго-Западном Крыму равноценно: лощение отмечено в 51.5%, а заглаживание — в 48.5% изученных сосудов (табл. 4). Анализ на уровне памятников дает более детализированную картину распространенности этих приемов. В могильниках Киль-Дере 1 и Совхоз 10 преобладает заглаживание — по 71.9 и 67.7% соответственно, а в некрополе Фронтное 3 чаще использовалось лощение — отмечено для 85% сосудов.

Придание сосуду прочности и водонепроницаемости (ступени 9 и 10). Для решения этой задачи изготовители сосудов использовали обжиг. По изученным материалам отмечены четыре его вида:

1) Темно-серая сердцевина свежего излома черепка и прокаленные оранжевые, светло-коричневые краевые слои толщиной 0.5–1.5 мм. Граница между цветовыми слоями как резкая, так и размытая. Такие признаки характерны для высокотемпературного обжига в окислительной среде с быстрым подъемом температуры, короткой или средней выдержкой (5–20 мин) и быстрым или медленным остыванием изделия после обжига;

2) Почти полностью прокаленный излом теплых тонов и непрокаленный темно-серый слой в сердцевине. Граница между цветовыми слоями резкая. Осветленные слои значительно превышают по толщине темно-серый слой. Перечисленные признаки характерны для высокотемпературного

Таблица 4. Приемы обработки внешней поверхности сосудов
Table 4. Techniques for processing the outer surface of vessels

Приемы/ Памятники	Киль-Дере 1		Совхоз 10		Фронтное 3		Суммарно на всех памятниках	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Заглаживание	23	71.9	21	67.7	6	15	50	48.5
Лощение	9	28.1	10	32.3	34	85	53	51.5

Таблица 5. Виды обжига сосудов
Table 5. Methods of vessel firing

Виды обжига/ Памятники	Киль-Дере 1		Совхоз 10		Фронтное 3		Суммарно на всех памятниках	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
1	13	41.9	8	26.7	6	22.2	27	30.7
2	9	29.0	7	23.3	2	7.4	18	20.5
3	5	16.1	4	13.3	3	11.1	12	13.6
4	4	12.9	11	36.7	16	59.3	31	35.2

Примечание: 1 — обжиг вида 1; 2 — обжиг вида 2; 3 — обжиг вида 3; 4 — обжиг вида 4.

длительного обжига в окислительной среде с медленным подъемом температуры и длительной выдержкой изделия в обжиге устройстве;

3) Однородный темно-серый излом и поверхность сосуда. Интерпретация данного вида обжига затруднительна. По цветовым характеристикам излома это похоже на длительный обжиг в восстановительной среде;

4) Сердцевина излома имеет “теплые” тона — коричневый, красно-коричневый, краевые слои — темно-серого цвета. Граница между слоями резкая, толщина краевых слоев 1–1.5 мм. Перечисленные признаки могут свидетельствовать об использовании высокотемпературного обжига в окислительной среде и создании на завершающем этапе обжига восстановительной среды.

В лепной посуде рассматриваемых памятников наиболее распространенными оказались 1-й и 4-й виды обжига — к ним относится по 30.7 и 35.2% сосудов из всех могильников (табл. 5). При сравнении рассматриваемых памятников наиболее существенные различия заметны между могильниками Киль-Дере 1 и Фронтное 3. В Киль-Дере 1 преобладают сосуды, испытавшие обжиг видов 1 и 2, т.е. в окислительной газовой среде — суммарно это 71% изученной лепной керамики могильника. Для некрополя Фронтное 3 более характерны сосуды, испытавшие обжиг видов 3 и 4, т.е. фактически это сосуды с “темной” поверхностью — суммарно почти 70% лепной керамики с памятника. В могильнике Совхоз 10 соотношение разных видов обжига очень близко к Фронтному 3: здесь преобладает 4-й вид обжи-

га — около 37%, однако общая доля 1-го и 2-го видов почти в два раза выше, чем на Фронтном (табл. 5).

Рассмотренные данные позволяют выделить общие и особенные черты в гончарных технологических традициях населения Юго-Западного Крыма в римское время, в соответствии с которыми изготавливалась лепная посуда.

К общим чертам относятся:

1) *Рецепты формовочных масс.* На всех памятниках доминирует рецепт Г+ДР+ОР. Его доля составляет от 61 до 70%;

2) *Концентрация дробленой раковины.* Во всех случаях достаточно многочисленны сосуды с высокой или средней концентрацией этой примеси.

Более обширным является перечень отличий технологии изготовления лепной посуды из Фронтного 3 от материалов могильников Киль-Дере 1 и Совхоз 10:

1) *Отбор исходного пластичного сырья.* В Киль-Дере 1 и Совхозе 10 преобладающим является первый вид глин — слабозапесоченные, слабой степени ожелезненности, содержащие темные каменистые включения. На Фронтном 3 таких глин не зафиксировано, доминирует второй вид сырья — слабозапесоченные среднеожелезненные глины;

2) *Подготовка исходного пластичного сырья.* В Киль-Дере 1 и Совхозе 10 примерно половина изученных сосудов сделана из глин, находившихся перед замачиванием в сухом дробленном состоянии. Населением, оставившим могильник

Таблица 6. Обобщение данных о ведущих технологических традициях изготовления лепной керамики из рассмотренных могильников**Table 6.** Generalization of data on the dominant technological traditions of hand-made pottery manufacturing from the considered necropolises

Особенности гончарной технологии/Памятники	Киль-Дере 1	Совхоз 10	Фронтное 3
Рецепт “Г+Д+ОР”	+	+	+
Глина вида 1	+	+	
Глина вида 2			+
Сухое дробленое состояние глины перед составлением формовочных масс	+	+	
Глина в состоянии естественной влажности перед составлением формовочных масс			+
Заглаживание	+	+	
Лощение			+
Обжиг видов 1 и 2	+	+	
Обжиг видов 3 и 4		+	+

Фронтное 3, почти всегда использовались глины в состоянии естественной влажности;

3) *Обработка внешней поверхности сосудов.* В Киль-Дере 1 и Совхозе 10 преобладает заглаживание, а в могильнике Фронтное 3 — лощение;

4) *Придание сосудам прочности — обжиг.* В могильнике Совхозе 10 достаточно многочисленны все виды обжига, а наиболее четкие различия зафиксированы между материалами могильников Киль-Дере 1 и Фронтное 3. В Киль-Дере 1 доминирует обжиг в окислительной среде, во Фронтном 3 преобладает традиция использования восстановительной газовой среды (для всего обжига, либо на заключительном его этапе).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что *общей чертой* традиций изготовления лепной керамики у населения Юго-Западного Крыма в римское время было *использование примеси дробленой раковины*. По всем остальным ступеням технологии изготовления лепной посуды, рассмотренным в этом исследовании, в гончарстве населения изучаемого региона прослеживаются две разные культурные традиции (табл. 6).

Характерными чертами первой традиции являются использование слабозапесоченных слабоожеженных глиен в сухом дробленом состоянии или состоянии естественной влажности, заглаживание внешней поверхности сосудов и обжиг в окислительной газовой среде — все эти черты преобладают в гончарной технологии людей, похороненных в некрополях Киль-Дере 1 и Совхоз 10.

Для второй традиции определяющими чертами являются использование слабозапесоченных глиен средней степени ожеженности в состоянии естественной влажности, применение лоще-

ния как способа обработки внешней поверхности и использование восстановительной газовой среды при обжиге сосудов. Перечисленные особенности гончарной технологии массово представлены в лепной керамике из могильника Фронтное 3.

Полезную информацию о массовости распространения разных технологических традиций изготовления лепной посуды в изучаемом регионе дают результаты вычисления степени сходства между рассмотренными могильниками. Для количественной оценки такого сходства мы сравнивали долю разных навыков труда гончаров между памятниками, используя наиболее простой показатель — коэффициент сходства (КС), представляющий собой отношение меньшего значения к большему, выраженное в процентах. Имеется успешный опыт применения этого показателя при решении разных вопросов изучения древнего гончарства (см., например: Цетлин, 2016; 2021; Суханов, 2021).

Проиллюстрируем процедуру на примере обработки поверхности сосудов. В Киль-Дере-1 и Совхозе 10 заглаживание зафиксировано в 71.9 и 67.7% сосудов соответственно. В данном случае значение КС в паре “Киль-Дере 1 — Совхоз 10” составляет 0.941, или 94.1%. В могильнике Фронтное 3 заглаживание зафиксировано у 15% изученных сосудов. Если сравнивать его с могильником Киль-Дере 1, значение КС составит 0.208, или 20.8%, что существенно ниже, чем в паре “Киль-Дере 1 — Совхоз 10”. Точно также сравнение проводится по другим навыкам в этой же степени, после чего вычисляется среднее значение в рамках конкретной ступени технологии.

Результаты вычислений КС таковы: 1) единственная ступень, по которой наблюдаются примерно равные показатели сходства (81.2, 77.9, 81.9%) между всеми тремя памятниками — это со-

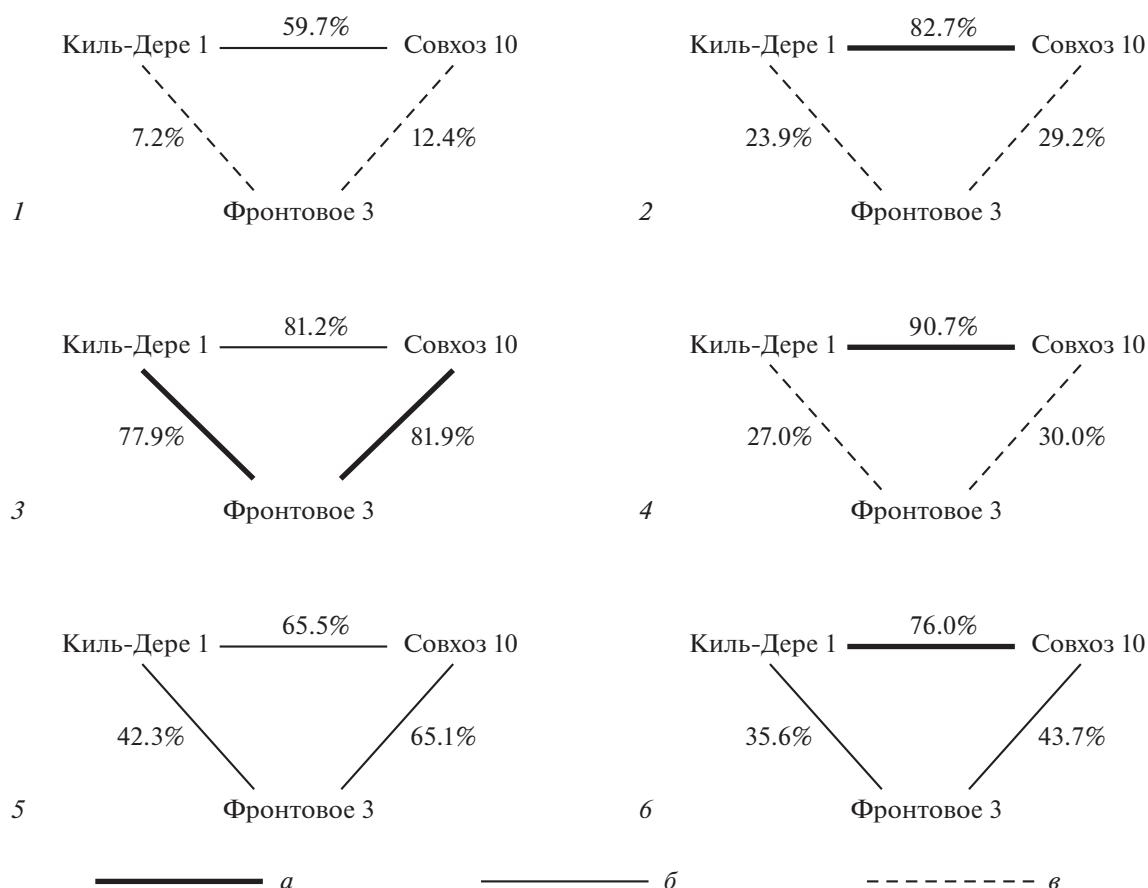

Рис. 2. Степень сходства могильников по особенностям гончарной технологии. 1 — виды глин; 2 — состояние глин перед составлением формовочных масс; 3 — рецепты формовочных масс; 4 — обработка внешней поверхности; 5 — обжиг; 6 — средние значения по всем рассмотренным навыкам. Условные обозначения: а — низкая степень сходства (0–30%); б — средняя степень сходства (31–70%); в — высокая степень сходства (71% и более).

Fig. 2. The degree of similarity of necropolises in terms of the features of pottery technology. 1 — types of clays; 2 — the state of clays before the formation of pastes; 3 — recipes for pastes; 4 — processing of the outer surface; 5 — firing; 6 — average values for all considered skills. Symbols: a — low degree of similarity (0–30%); б — average degree of similarity (31–70%); в — high degree of similarity (71% or more)

ставление формовочных масс (рис. 2, 3); 2) в большинстве случаев (виды глин, состояние глин, обработка поверхности) значения КС в паре “Киль-Дере 1 – Совхоз 10” существенно выше, чем в парах “Киль-Дере 1 – Фронтное 3” и “Совхоз 10 – Фронтное 3” (рис. 2, 1, 2, 4). По обжигу разница не такая существенная, однако наибольшее сходство также отмечено в паре “Киль-Дере 1 – Совхоз 10” (рис. 2, 5); 3) при вычислении средних значений КС по всем рассмотренным ступеням пара “Киль-Дере 1 – Совхоз 10” обладает существенно более высоким сходством (76%) чем пары “Киль-Дере 1 – Фронтное 3” (35.6%) и “Совхоз 10 – Фронтное 3” (43.7%) (рис. 2, 6).

Представленные данные еще раз демонстрируют сходство технологических традиций изготовления лепной посуды, бытовавших у населения из Киль-Дере 1 и Совхоза 10, а также их отличие от технологии, распространенной в могильнике Фронтное 3.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о распространении у населения Юго-Западного Крыма в позднеримское время двух разных традиций изготовления лепной посуды. Технология изготовления лепной керамики, представленная в могильнике Фронтное 3, не является типичной или показательной для древностей этого района Крымского полуострова, и отличается от гончарной технологии, представленной в некрополях Киль-Дере 1 и Совхоз 10.

Для корректной интерпретации результатов данного исследования необходимо напомнить, что две традиции изготовления лепных сосудов, выявленные в этой работе, различаются по *приспособительным* навыкам гончаров. Особенность приспособительных навыков заключается в их способности очень быстро меняться в условиях смешения групп населения с разными гончарными традициями — в период от нескольких лет до

времени жизни одного поколения (Бобринский, 1978. С. 243; Цетлин, 2017. С. 192).

Датировки комплексов, в которых обнаружены исследованные нами лепные сосуды, занимают достаточно широкий хронологический диапазон — от второй половины I до рубежа IV/V вв. При условии интенсивных культурных контактов носителей разных гончарных традиций, *трехвековой* период времени является достаточным для их смешения и нивелирования изначально существовавших различий *не только на уровне приспособительных, но и в субстратных*, т.е. более устойчивых навыков.

Таким образом, различимость двух технологических традиций изготовления лепной посуды по приспособительным навыкам, показанная в этом исследовании, может свидетельствовать либо об отсутствии культурных контактов между их носителями, либо о несовпадении (или неполном совпадении) периодов бытования данных традиций в Юго-Западном Крыму.

Первое объяснение не может быть принято, поскольку компоненты обеих традиций так или иначе присутствуют на всех рассмотренных могильниках. Например, в Киль-Дере 1 есть сосуды, имеющие лощение (что типично для второй традиции), а во Фронтоне 3 пусть и немногочисленны, но все же присутствуют сосуды, испытавшие обжиг в окислительной среде (что характерно для первой традиции). Убедительных аргументов в пользу первого варианта объяснения пока нет.

В пользу второй версии косвенно указывают имеющиеся в нашем распоряжении данные о хронологии могил, из которых происходят изученные лепные сосуды. Здесь нужно оговорить предварительный характер этих данных: обработка многих категорий датирующего материала из могильников Киль-Дере 1 и Фронтоне 3 еще не завершена, и поэтому мы можем ориентироваться главным образом на датировки по краснолаковым сосудам. Тем не менее общая тенденция такова. Лепные сосуды, в которых сочетаются все черты первой традиции, происходят из могил широкого временного диапазона — от II до IV вв. По этой группе мы пока что имеем 8 датированных комплексов (7 из Киль-Дере 1, 1 из Совхоза 10), среди которых 7 относятся ко II — первой половине III в. Лепные сосуды, которые по всем чертам гончарной технологии соответствуют второй традиции, относятся к более узкому интервалу времени, второй половине III — началу V вв. — всего это 12 комплексов, среди которых 1 из Киль-Дере 1, 1 из Совхоза 10 и 10 из Фронтоне 3. Эти данные подкрепляют вторую версию и свидетельствуют о неполном совпадении периодов синхронного бытования двух выявленных традиций изготовления лепной керамики.

Все это позволяет предполагать, что носители второй технологической традиции появились в Юго-Западном Крыму на заключительных этапах функционирования рассмотренных могильников, и “не успели” полностью утратить специфические черты своей гончарной технологии. Сложно сказать, откуда пришли эти люди и носителями каких погребальных обрядов они были. Исследователи отмечают массовое распространение лепной керамики в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма именно в комплексах IV в. (Власов, 2022. С. 316). В это же время, в IV веке, на территории Центрального и Юго-Западного Крыма массово распространяется обычай захоронений в грунтовых склепах, однако люди продолжают хоронить и в подбойных могилах. Как уже отмечалось по материалам могильника Фронтоне 3, гончарные традиции людей, хоронивших в склепах и подбойных могилах, очень близки (за исключением связи рецептов с шамотом преимущественно со склепами). Высокая степень однородности зафиксирована и в традициях создания форм лепной посуды, представленных в этом памятнике (Суханов, 2022. С. 75, 79). Поэтому вопросы о соответствии носителей второй традиции какой-то определенной (и одной!) обрядовой группе захоронений позднеимперского времени и об исходной территории их обитания пока остаются открытыми. Вполне возможно, что в будущем ответы на эти вопросы удастся получить на основании данных о гончарной технологии населения, обитавшего в первые века н.э. в соседних районах — например, в Центральном Крыму.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396-П “Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре / Отв. ред. М. И. Гладких. Киев, 1999. С. 322–371.
- Власов В.П. Лепная посуда IV–V вв. из могильников Центрального и Юго-Западного Крыма: общее и особенное // Могильник римского времени Фронтоне 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мاستыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 315–324.
- Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтоне 3 в Юго-Западном Крыму // Российская археология. 2020. № 2. С. 91–110.
- Зайцев Ю.П. Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э. // Могильник римского времени Фронтоне 3: варвары на границах Империи / Отв. ред.

- А.В. Мاستыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 102–122.
- Петрова Н.Ю. Оценка концентрации дробленой раковины моллюсков в формовочной массе древних сосудов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: материалы междунар. науч. конф. (24–27 мая, Санкт-Петербург) / Отв. ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 65–67.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя “Совхоз № 10”) // *Stratum plus*. 2005. № 4/2003–2004. С. 27–277.
- Суханов Е.В. Об устойчивости функциональных частей глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // Вестник “История керамики”. 2021. Вып. 3. С. 116–143.
- Суханов Е.В. Формы лепных сосудов из могильника римского времени Фронтное 3 // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 65–82.
- Суханов Е.В., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Лепная керамика могильника римского времени могильника Фронтное 3 (о технологии изготовления) // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 261. С. 366–378.
- Турганинское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. аграрный ун-т, 2017. 300 с.
- Храпунов И.Н. Археологическая культура позднеимперского времени в предгорном Крыму // Российская археология. 2019. № 1. С. 32–49.
- Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 421–425.
- Цетлин Ю.Б. О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 245, ч. II. С. 265–274.
- Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
- Цетлин Ю.Б. Методика выделения индивидуальных, семейных и родственных культурных традиций по формам глиняных сосудов // Вестник “История керамики”. 2021. Вып. 3. С. 62–115.
- Язиков С.В., Свиридов А.Н. Могильник римского времени Киль-Дере 1. Итоги полевых исследований // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 136–145.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

ON THE POTTERY TECHNOLOGY OF THE POPULATION OF THE SOUTH-WESTERN CRIMEA IN THE LATE ROMAN PERIOD (BASED ON MATERIALS OF HAND-MADE POTTERY)

Evgeny V. Sukhanov^{a, #}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

The article presents the results of a comparative analysis of the manufacturing technology of hand-made ware from three burial grounds in the South-Western Crimea, which functioned from the second half of the 1st to the late 4th – early 5th century AD: Kil-Dere 1, Sovkhoz 10 and Frontovoye 3. The study was guided by the historical and cultural approach based on the methodology developed by A.A. Bobrinsky. It was established that on the territory of the South-Western Crimea there were two cultural traditions of making hand-made ware during the late Roman period. Their common feature was the use of crushed shells as an artificial inclusion in the preparation of pastes. Points of difference between the identified traditions manifested themselves in the types of clays used, methods of their preparation before the formation of pastes, methods of processing the outer surface of the vessels, and methods of firing the products. One of the traditions dominates in the materials of the Kil-Dere 1 necropolis and prevails in the materials from the Sovkhoz 10 necropolis, while the second is massively represented in the Frontovoye 3 necropolis.

Keywords: the South-Western Crimea, the second half of the 1st – early 5th century AD, hand-made pottery, manufacturing technology.

REFERENCES

- Bobrinskiy A.A., 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2020. The Roman period cemetery Frontovoye 3 in the South-Western Crimea (preliminary publication). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 91–110. (In Russ.)

- Khrapunov I.N., 2019. Archaeological culture of the late Roman period in the piedmont Crimea. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 32–49. (In Russ.)
- Petrova N.Yu., 2016. Evaluation of the concentration of crushed mollusk shells in the paste of ancient vessels. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneyshey keramiki: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Traditions and innovations in the study of earliest ceramics: Proceedings of the International scientific conference]*. O.V. Lozovskaya, A.N. Mazurkevich, E.V. Dolbunova, eds. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 65–67. (In Russ.)
- Strzheletskiy S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I., 2005. Population in the neighbourhood of Chersonesos Tauticus in the first half of the 1st millennium AD (based on materials of the “Sovkhoz No. 10” necropolis). *Stratum plus*, 4/2003–2004, pp. 27–277. (In Russ.)
- Sukhanov E.V., 2021. On stability of the functional parts of clay vessels (experimental study). *Vestnik “Istoriya keramiki” [“History of Ceramics” Bulletin]*, 3, pp. 116–143. (In Russ.)
- Sukhanov E.V., 2022. Forms of hand-made vessels from the Roman period Frontovoye 3 cemetery. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 268, pp. 65–82. (In Russ.)
- Sukhanov E.V., Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2020. Hand-made ceramics of the Frontovoye 3 cemetery of the Roman period (production technology). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 261, pp. 366–378. (In Russ.)
- Tsetlin Yu.B., 2006. Determining the iron content in raw materials for the pottery production. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Issues of the Volga region archaeology]*, 4. Samara, pp. 421–425. (In Russ.)
- Tsetlin Yu.B., 2016. Random variations in the shape of clay vessels. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, iss. 245, part II, pp. 265–274. (In Russ.)
- Tsetlin Yu.B., 2017. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 346 p.
- Tsetlin Yu.B., 2021. Procedure of identifying individual, generic and kinship cultural traditions by the shape of clay vessels. *Vestnik “Istoriya keramiki” [“History of Ceramics” Bulletin]*, 3, pp. 62–115. (In Russ.)
- Turganikskoe poselenie v Orenburgskoy oblasti [The Turganik settlement in Orenburg Region]. N.L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2017. 300 p.
- Vlasov V.P., 1999. Hand-made pottery from the 3rd–4th centuries AD necropolis of Druzhnoye in the Crimea. *Sto let chernyakhovskoy kul'ture [One hundred years of the Chernyakhov culture]*. M.I. Gladkikh, ed. Kiev, pp. 322–371. (In Russ.)
- Vlasov V.P., 2022. Hand-made ware of the 4th–5th centuries AD from the burial grounds of the Central and South-Western Crimea: general and special. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii [The Frontovoye 3 burial ground of the Roman period: Barbarians on the borders of the Empire]*. A.V. Mastykova, E.A. Khayredinova, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 315–324. (In Russ.)
- Yazikov S.V., Sviridov A.N., 2022. The Roman burial ground of Kil-Dere 1. Results of field research. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii [The Frontovoye 3 burial ground of the Roman period: Barbarians on the borders of the Empire]*. A.V. Mastykova, E.A. Khayredinova, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 136–145. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 2022. Necropolises of the Crimean Barbaricum of the 1st–4th centuries AD. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii [The Frontovoye 3 burial ground of the Roman period: Barbarians on the borders of the Empire]*. A.V. Mastykova, E.A. Khayredinova, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 102–122. (In Russ.)

ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ ДРЕВНЕМОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЦНЫ И ВЕРХНЕВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ

© 2023 г. Н. В. Сыщиков*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: radhorst@mail.ru*

Поступила в редакцию 09.12.2022 г.

После доработки 18.05.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Тема контактов древней мордвы и ранних славян вновь приобрела актуальность после открытия группы памятников эпохи раннего Средневековья в верховьях р. Воронеж, связанных с днепровским культурным кругом. Цель работы — обоснование наличия контактов древней мордвы, оставившей погребальные памятники с кремациями на средней Цне (середина—вторая половина VII в.), и населения Верхневоронежской культурной группы раннего Средневековья. В соответствии с целью были сформулированы следующие задачи: рассмотреть вопрос происхождения обряда сожжения могильников среднего течения р. Цны середине—второй половине VII в.; выяснить, с какой из соседних археологических культур он имеет наибольшее сходство; проанализировать вещевой комплекс среднецнинских могильников указанного периода на факт наличия украшений днепровского культурного круга. В ходе работы был произведен сравнительный анализ обряда трупосожжения среднецнинских могильников фазы А стадии 1 (по О.В. Зеленцовой) с синхронными древностями соседних регионов, в результате чего была установлена его близость с кремациями рязано-окской культуры и отвергнуто предположение о его славянском происхождении. Но соотнесение ювелирных украшений, происходящих из некоторых наиболее ранних захоронений могильников среднего течения р. Цны, с материалами днепровского культурного круга, позволило предположить наличие контактов между обозначенными общностями и выдвинуть гипотезу о том, что Верхневоронежский регион мог являться территорией, откуда на Среднюю Цну поступали вещи днепровского облика, а также византийский импорт.

Ключевые слова: раннее Средневековье, верхневоронежская культурная группа, колочинская культура, рязано-окская культура, среднецнинские могильники, кремация.

DOI: 10.31857/S0869606323040189, **EDN:** IHEMDC

Раннесредневековые могильники среднего течения р. Цны середины VII — середины VIII вв. или стадии А по О.В. Зеленцовой (1998. С. 11), содержащие погребения с остатками кремаций, вызвали интерес исследователей еще на заре становления отечественной археологической школы. Хронологические рамки ранней стадии функционирования среднецнинских могильников были определены по таким элементам погребального инвентаря как гривны, нагрудные бляхи, височные подвески, браслеты, сюльгамы, поясные гарнитуры и застёжки с крылатой иглой (Зеленцова, 2005. С. 322–325. Рис. 2).

Количество ранних захоронений немногочисленно. К погребениям стадии А фазы I (середина—вторая половина VII в.) относятся объекты № 7–10, 50, 82, 92, 108, 121 Елизавет-Михайловского и 4 Пановского могильников. Но только погребения № 8–10 Елизавет-Михайловского могильни-

ка совершены по обряду кремации. С некоторыми оговорками, по причине недостаточно хорошей документированности раскопок, могут быть привлечены материалы погребений № 1, 6, 14, 16, 17, 25 и 27а Серповского могильника при общем количестве захоронений на памятнике 39 (Алихова, 1959. С. 117). По мнению О.В. Зеленцовой, все три перечисленных могильника возникают в середине—второй половине VII в. (2005. С. 327).

Следует добавить, что из-за проведения изысканий на этих могильниках в период, когда методика раскопок такого рода памятников только разрабатывалась, до нас не дошли сведения о размерах могильных ям перечисленных выше погребений, что существенно затрудняет работу. Например, документация раскопок могильника у с. Серпово содержит сведения только о глубине захоронений.

Наиболее полно параметры ям известны у крайне малого числа кремаций стадии А, все они

относятся к фазе II, т.е. к первой половине VIII в., и находятся на Крюково-Кужновском могильнике. Могильные ямы имеют достаточно большие размеры: длина от 1.5 до 3.5 м, ширина от 0.75 до 1.7 м, глубина от 0.2 до 1.42 м (Иванов, 1952. С. 115–136). Форма могильных ям либо продолговато-овальная, либо подпрямоугольная с округлыми углами и покатыми стенками (Там же. 115, 124, 125, 136). Доминирует северная ориентировка длинной оси могильной ямы с частым отклонением к западу (Алихова, 1959. С. 117). Встречаются богатые мужские погребения с присутствием подношений в виде элементов женского ювелирного набора (Там же. С. 132, 133).

Обряд кремации для мордовских могильников среднего течения р. Цны середины – второй половины VII в. представляет собой достаточно яркое явление, но хорошо датированных трупосожжений на них – лишь 10, что, однако, составляет 20.4% от общего числа погребений, относящихся к указанному периоду. Сам обряд не унифицирован. Поэтому можно заметить, что отдельные погребения из-за несформированности обряда уникальны и представляют собой обособленные типы. Представленная ниже классификация, сделана с учетом характера расположения на дне могильной ямы остатков сожжения и соотношения с ними сопровождающего материала.

Тип I – покойник сожжен на стороне, тщательно выбранные из костра кости ссыпаны кучкой на дно могильной ямы, сопровождающий инвентарь положен сверху (погребение № 10 Елизавет-Михайловского).

Тип II – покойник сожжен на стороне, кости тщательно выбраны из костра и рассыпаны по дну могильной ямы, сопровождающие вещи выложены сверху в порядке ношения (погребения № 8, 9 Елизавет-Михайловского и № 16 Серповского могильника).

Тип III – покойник сожжен на стороне, кости попеременно с углями и ссыпаны двумя кучками на дно могильной ямы по линии север-юг, инвентарь уложен на скопления пережженных костей в северной части могилы (погребения № 27а Серповского могильника).

Тип IV – покойник сожжен на стороне, кости тщательно выбраны из костра и кучкой ссыпаны на дно могильной ямы, большинство сопровождающего инвентаря расположено в северной части могилы (погребения № 1, 6, 25, 17 Серповского могильника).

Тип V – покойник сожжен на стороне, кости тщательно выбраны из костра и тремя кучками ссыпаны на дно могильной ямы, сопровождающий инвентарь выложен сверху в порядке ношения, имеются дары (погребение № 14 Серповского могильника).

На кремации среднецнинских могильников долгое время указывали, как на один из элементов, доказывающих наличие древних связей между цнинской мордвой и ранними славянами. Одним из первых об этом упомянул Ю.В. Готье, по мнению которого существование контактов подтверждается присутствием небольшого количества трупосожжений на древнемордовских погребальных памятниках VII–VIII вв. в среднем течении р. Цны (1930. С. 152).

Позднее, данная тема нашла развитие в работе А.П. Смирнова “Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья”. То, что при сожжении старались сохранить обычный порядок расположения вещей, который существовал и при ингумации, по мнению Смирнова, заставляет видеть в кремации привнесенный погребальный обряд. Артефакты западного происхождения воспринимались автором как безусловное указание на славянское происхождение обряда сожжения (Смирнов, 1952. С. 152–154).

Сторонником появления обряда сожжения под влиянием днепровской культурной традиции был также П.Н. Третьяков. По его мнению, наиболее существенным аргументом в пользу того, что обряд кремации у финно-угорских племен Западного Поволжья появился под славянским влиянием, служит количественное соотношение случаев ингумации и сожжения в разных местах и в разное время. Так, в восточных областях Западного Поволжья, где не было постоянных контактов со славянами, кремации или не встречаются вовсе, или крайне редки, чего нельзя сказать о рязанских или тамбовских могильниках, где доля сожжений в некоторых случаях доходит до 16–17% (Третьяков, 1957. С. 67, 68).

Пожалуй, последним сторонником концепции славянского происхождения кремаций у мордвы был А.В. Циркин, использовавший при аргументации практически те же доводы, что и А.П. Смирнов и П.Н. Третьяков несколькими десятилетиями ранее (Циркин, 1987. С. 28–32).

Иное мнение было высказано Р.Ф. Ворониной – появление обряда сожжения в среднецнинских могильниках было сопряжено с распространением культа огня и солнца у некоторых мордовских родовых групп. Данное изменение идеологии, по мнению автора, имело эволюционный характер и не было связано с внешним воздействием (Воронина, 1975. С. 283–285).

Другой подход к проблеме был предложен О.В. Букиной, по мнению которой, появление погребений с остатками кремаций в могильниках середины VII – середины VIII вв. среднего течения р. Цны было связано с формированием воинской культуры престижа. В пользу данного заключения свидетельствует тот факт, что на пер-

вом этапе функционирования могильников по обряду трупосожжения совершались, как правило, мужские погребения (Букина, 2000. Табл. 1). С точки зрения Букиной, данный погребальный обряд представлял собой заимствование по причине отсутствия переходных форм захоронений и фиксируется уже в готовом виде, но она не указывает исходную культурную среду данного явления (2000. С. 125).

Как было продемонстрировано выше, на протяжении длительного периода изучения вопроса о месте кремаций в погребальном обряде среднецнинской мордвы исследователи обращали внимание на то, что данный способ захоронения являлся чуждым для финно-угорской культурной среды и его истоки следует искать за ее пределами. Большинство исследователей считало его появление связанным с влиянием славянских культур. Меньше сторонников имели предположения о социальной или идеологической природе данного явления.

Из славянских культур наиболее близкой территориально и хронологически к погребальным памятникам среднецнинской мордвы является колочинская археологическая общность второй четверти V — конца VII вв. (Обломский, 2016. С. 54, 60).

В контексте рассматриваемой темы существенным является факт наличия на средней Цне поселенческого памятника Коровий Брод, имеющего прямое отношение к колочинским древностям (Андреев, Филимонова, 2008. С. 21; Обломский, 2011. С. 57; 2016. С. 16). Принципиально важно, что памятник расположен в непосредственной близости от раннесредневековых могильников цнинской мордвы, начальная стадия функционирования которых (середина—вторая половина VII в.) коррелирует со временем его существования (рис. 1).

Раннее проникновение днепровского культурного элемента на территорию Окско-Донской равнины фиксируется поселенческими памятниками и культовыми объектами, открытыми Б.А. Фоломеевым, С.И. Андреевым, А.М. Обломским и другими исследователями в ходе разведок и раскопок в верховьях р. Воронеж (рис. 1). В 2011 г. на основе обнаруженных материалов Обломским была выделена верхневоронежская группа памятников раннего Средневековья, датируемая концом V—VII вв. Помимо этого внутри указанной группы были выделены две культурные традиции: древности, показывающие связь с пеньковской культурой и, предположительно, памятниками типа Чертовицкого-Замятино, были объединены в культурную линию Ярок, а памятники колочинской традиции — в линию Кривец (Обломский, 2012. С. 198).

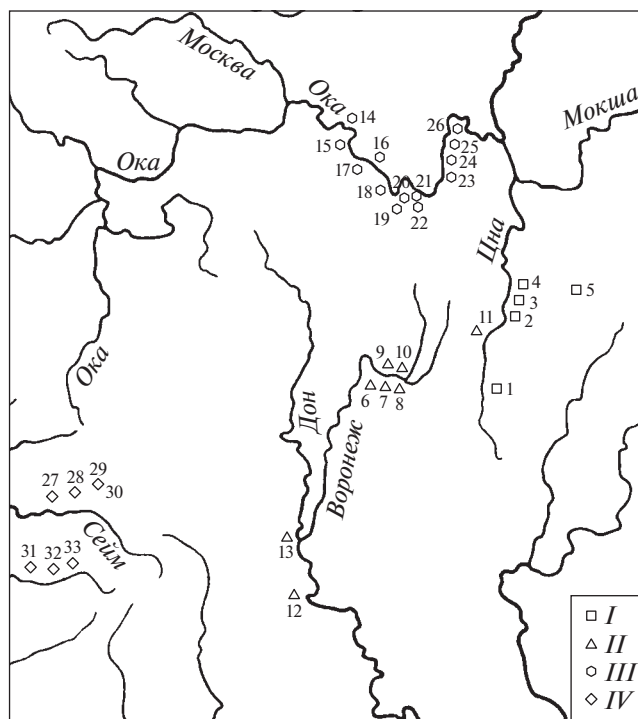

Рис. 1. Памятники начального этапа раннего Средневековья Окско-Донской равнины. I — среднецнинские могильники середины VII — середины VIII вв. (по О.В. Зеленцовой): 1 — Лядинский; 2 — Крюково-Кужновский; 3 — Елизавет-Михайловский; 4 — Пановский; 5 — Серповский. II — памятники верхневоронежской культурной группы и находки вещей I-й группы днепровских раннесредневековых кладов (по А.М. Обломскому): 6 — Ярлуково; 7 — Кривец; 8 — Красный Городок-2; 9 — Ярок-5; 10 — Стаево-4, 5, 5А; 11 — Коровий Брод; 12 — Острогосжск; 13 — Воронеж. III — рязано-окские могильники с комплексами V — VII вв. (по И.Р. Ахмедову): 14 — Кузьминский; 15 — Борковский; 16 — Дубровичский; 17 — Кораблинский; 18 — Гавердовский; 19 — Заречье-4; 20 — Никитинский; 21 — Шатрищенский; 22 — Борок-2; 23 — Кулаковский; 24 — Ундрих; 25 — Тереховский; 26 — Курманский. IV — памятники колочинской культуры (по А.М. Обломскому): 27 — Авдеево; 28 — Воробьевка-2; 29 — Каменево-2; 30 — Лебяжье-1; 31 — Гочево-3; 32 — Шмырево-2; 33 — Картамышево-1, 2, 3.

Fig. 1. Sites of the initial stage of the early Middle Ages in the Oka-Don Plain. I — the Middle Tsna burial grounds of the middle 7th — middle 8th century AD (according to O.V. Zelentsova): 1 — Lyadinsky; 2 — Kryukovo-Kuzhnoye; 3 — Elizabeth-Mikhailovsky; 4 — Panovsky; 5 — Serpovoye. II — sites of the Upper Voronezh cultural group and finds of group 1 things of the Dnieper early medieval hoards (after A.M. Oblomsky): 6 — Yarlukovo; 7 — Krivets; 8 — Krasny Gorodok-2; 9 — Yarok-5; 10 — Stayevo-4, 5, 5A; 11 — Korovy Brod; 12 — Ostrogoshsk; 13 — Voronezh. III — the Ryazan-Oka burial grounds with complexes of the 5th—7th centuries (according to I.R. Akhmedov): 14 — Kuzminsky; 15 — Borkovsky; 16 — Dubrovichsky; 17 — Korablinsky; 18 — Gaverdovsky; 19 — Zarechye-4; 20 — Nikitinsky; 21 — Shatrishchensky; 22 — Borok-2; 23 — Kulakovsky; 24 — Undrikh; 25 — Terekhovsky; 26 — Kurmansky. IV — the Kolochin culture sites (after A.M. Oblomsky): 27 — Avdeev; 28 — Vorobyovka-2; 29 — Kamenevo-2; 30 — Lebyazhye-1; 31 — Gochevo-3; 32 — Shmyrevo-2; 33 — Kartamyshevo-1, 2, 3.

С культурной линией Ярок в настоящее время связываются следующие памятники: Ярок-5, Ярок-9, Стаево-4, Стаево-5, Красный Городок-4, Большая

Кузьминка-4А, представляющие собой неукрепленные селища. Время появления носителей данной традиции в верхнем течении р. Воронеж оценивается не ранее конца V в. (Обломский, 2012. С. 198; Бирюков, 2016. С. 43–49). Позднее на обозначенной территории появляются памятники типа Кривца, время существования которых, скорее всего, относится к VII в., хронология определена по серии украшений и поясных наборов, о которых речь пойдет далее. К культурной линии Кривца помимо эпонимного поселения Кривец-4 относятся Ярлуково, Новоникольское-8 и Коровий Брод, (Обломский, 2012. С. 193). Исчезновение верхневоронежской группы во второй половине – конце VII в., по мнению Обломского, связано с войнами в обширном ареале Поднепровья, которые повлекли за собой общую смену культур от степной зоны до верховьев Днепра и Западной Двины (Там же. С. 199).

Открытие раннесредневековых памятников в верховьях р. Воронеж (рис. 1), связанных с культурами днепровского круга, могло бы стать подтверждением концепции славянского влияния на формирование обряда кремации у среднеднепровской мордвы. Однако на данный момент не обнаружено ни одного погребения, относящегося к указанной культурной группе. Тем не менее мы можем предполагать тождественность погребальных ритуалов раннесредневекового населения этой территории с практиками, применявшимися в пеньковско-колочинском ареале.

Предположение о возможном влиянии погребального обряда днепровских славян раннего Средневековья на мордовские культурные группы Среднего Поволжья основано на том, что одним из компонентов населения, оставившего памятники линии Кривец, относящихся к верхневоронежской культурной группе, были носители колочинской культуры (Обломский, 2012. С. 196). Погребальный обряд колочинской культуры хорошо изучен и описан в ряде обобщающих работ Е.А. Горюнова и А.М. Обломского (Горюнов, 2004. С. 10–17; Обломский, 1996. С. 96–107; 2016. С. 10–113).

Так как в хронологическом и географическом плане среднеднепровским могильникам стадии А фазы 1 (по О.В. Зеленцовой) наиболее близки памятники колочинской и рязано-окской культур, то следует привести основные параметры погребений, совершенных по обряду сожжения, в ареале указанных древностей.

Рассмотрим параметры погребений колочинской археологической культуры, совершенных по обряду сожжения.

Для грунтовых могильников колочинской культуры обряд кремации на стороне является единственным. При описании погребального обряда колочинской культуры была использована классификация А.М. Обломского. Глубина могильных ям редко превышает 0.9 м. Как правило, она бывает гораздо меньшей: от 0.2 до 0.5 м. По размерам ямы делятся на два типа. К первому относятся круглые диаметром не более 0.9 м (обычно 0.5–0.7 м) или более редкие овальные такой же длины. Ям первого типа – подавляющее большинство. Во второй включены овальные ямы длиной 1.1–1.35 и шириной 0.8–1.0 м. Они встречаются в виде исключения. Типы погребений выделяются по характеру помещения кальцинированных костей в могилу. К первому относятся урновые захоронения, ко второму – смешанные, к третьему – безурновые. Для безурновых погребений и захоронений смешанного типа характерно наличие угля и золы в заполнении вместе с кальцинированными костями (Обломский, 2016. С. 25–27).

Таким образом, материалы колочинских погребальных памятников продемонстрировали, что ни одна из разновидностей обряда кремации, присущих колочинской культуре, не находит параллелей среди сожжений среднеднепровских могильников стадии А по О.В. Зеленцовой.

Культурно близкое мордовскому населению рязано-окской культуры III–VII вв. (Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 273) наряду с ингумацией применяло обряд кремации, хотя и в меньшей степени. Одним из наиболее ранних считается трупосожжение Заречье 101, датируемое не позднее IV в. (Белоцерковская, 2005. С. 292). Данный погребальный обряд продолжал присутствовать у населения рязано-окской культуры вплоть до ее финала без значительных изменений. По форме и размерам могилы представляют собой прямоугольные или трапециевидные ямы с антропометрическими параметрами и компактным расположением пережженных костей. Способы помещения в могилу инвентаря варьируются. Характерным является расположение вещей в порядке ношения, реже инвентарь компактно сложен на скоплении пережженных костей. Кроме одиночных известны и парные захоронения с остатками сожжений (Букина, 1998. С. 124–126). Для погребений с кремациями рязано-окской культуры характерны могильные ямы крупных размеров: 0.9–2.6 м в длину и 0.3–1.07 в ширину (Букина, 1998. Табл. 9.1). В большинстве зафиксированных случаев доминирует северо-восточная ориентировка длинной оси могильной ямы, группа захоронений с северо-западной ориентировкой является второй по численности (Букина, 1998. С. 80). Одной из характерных черт погребального обряда являлось помещение в мужские захоронения даров, состоящих из женских вещей (Ахмедов, 2007. С. 147).

Параметры могильных ям
Parameters of grave pits

Параметры (м)	Колочинская культура		Рязано-окская культура	Среднецнинские могильники
	округлые	овальные		
Длина	0.5–0.7 (до 0.9)	1.1–1.35	0.9–3	1.5–3.5
Ширина		0.8–1		
Глубина	0.2–0.5 (до 0.9)		0.2–1.36	0.2–1.42

Многие перечисленные особенности также характерны и для ранних среднецнинских кремаций, кроме северо-восточной ориентировки длинной оси могильной ямы (таблица).

Мы видим, что обряд кремации у носителей рязано-окской культуры и населения, оставившего среднецнинские могильники с сожжениями середины VII – середины VIII в., довольно близок. Данная точка зрения также может быть подтверждена совпадением изменений, произошедших в погребальной обрядовости тешской группы мордвы. У данной мордовской общности ритуал кремации получает распространение благодаря миграции населения из ареала рязано-окской культуры (Ставицкий, 2013. С. 143, 146). По этой причине можно предположить, что со средней Оки указанный обряд в уже сложившейся форме распространился сначала среди населения тешской группы, которое в середине VII в. мигрировало на территорию среднего Поценья. Это подтверждается тем, что памятники стадии А фазы 1 (по О.В. Зеленцовой) обнаруживают близость погребальной обрядовости и инвентаря с Абрамовским, Волчихинским, Старшим Кужендеевским могильниками именно тешской группы, а армиевские традиции распространяются на средней Цне позднее, уже во время фазы 2 (Зеленцова, 2005. С. 327).

Таким образом, мы можем резюмировать, что обряд кремации был привнесен в мордовскую культурную среду выходцами с территории Средней Оки и уже в сложившейся форме проявился на ранних мордовских могильниках среднего течения р. Цны. Известная милитаризованность общества рязано-окской культуры и исходящая из этого престижность воинского ремесла могли оказать влияние на то, что данный обряд в первую очередь прижился у воинской элиты древнемордовской общности. Также есть некоторые основания полагать, что рязано-окская культура продолжала оказывать влияние на носителей мордовской археологической общности среднего течения Цны. Близкими к шейным украшениям рязано-окской культуры являются гривна из перекрученного джута с застежкой–“лодочкой”, обнаруженная в погребении № 16 Серповского могильника, и пластинчатые серповидные гривны с замком в виде двух крючков или небольшого

округлого щитка и крючка из того же могильника, а также гривна с замком в виде круглой “коробочки” из Елизавет-Михайловского могильника (Зеленцова, 2005. С. 322).

Что же касается влияния культур Днепровского круга, то материалы, указывающие на возможную связь среднецнинского населения середины–второй половины VII в. с носителями данной традиции в лице представителей Верхневоронежской группы представлены рядом находок днепровского облика на указанных погребальных памятниках. При этом геральдические поясные наборы имеют большое значение для определения нижней даты функционирования данной группы могильников, а также играют роль маркера направления контактов.

Из погребения 82 Елизавет-Михайловского могильника происходят объемные подвески в виде колокольчиков (рис. 2, 1), орнаментированных горизонтальной линией по корпусу. Достаточно близки к ним по форме и орнаментации колоколовидные подвески из Гапоновского, Козиевского и Суджанского кладов, а также некоторые из подвесок, прикрепленных к бронзовой цепи – случайной находки с территории Полтавской губернии (Гавритухин, 1996. Рис. 22, 18, 19; Корзухина, 1996. Табл. 54, 6–9, 11; 70, 14, 15; 78, 3). Важно, что аналогичная находка происходит из сборов с поселения верхневоронежской культурной группы Красный городок-2, которое, в силу отсутствия керамических материалов, только предположительно можно отнести к линии Кривец (Андреев, Филимонова, 2008. С. 23. Рис. 2, 8; Обломский, 2022а. С. 68).

Из этого же погребения Елизавет-Михайловского могильника происходит трехрогая лунница с точечным орнаментом, обрамляющим ее по краю (рис. 2, 2). Данное украшение практически идентично лунницам из Козиевского клада (Родинкова, 2003. Рис. 2, 4, 5.). Несмотря на то что в Поднепровье данный вид украшений не является распространенным и в большей степени представлен в Прибалтике, Прикамье и Посурье, технологически (является пластинчатой, а не литой и орнаментирована ямочками по краю) данная лунница из Елизавет-Михайловки может рассматриваться как тяготеющая к днепровскому региону.

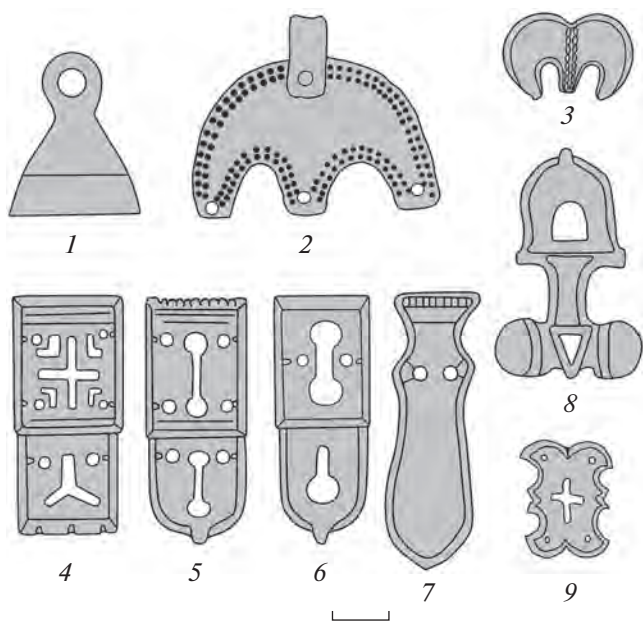

Рис. 2. Предметы 1-й группы днепровских раннесредневековых кладов, происходящие из среднещенинских могильников фазы А стадии 1 (по О.В. Зеленцовой). 1 — колоколовидная подвеска, орнаментированная горизонтальной линией по корпусу; 2 — трехрогая лунница с точечным орнаментом; 3 — з-образная накладка поясная накладка; 4 — прямоугольная ажурная поясная накладка; 5, 6 — двучастные поясные накладки; 7 — наконечник пояса с боковыми выступами; 8 — поясная накладка с раздвоенными концами и боковыми выступами; 9 — Т-образная поясная накладка.

Fig. 2. Items of group 1 of the Dnieper early medieval hoards originating from the Middle Tsna burial grounds of phase A, stage 1 (according to O.V. Zelentsova). 1 — a bell-shaped pendant decorated with a horizontal line along the body; 2 — a three-horned crescentic pendant with a dotted ornament; 3 — a Z-shaped belt mount; 4 — a rectangular openwork belt mount; 5, 6 — bipartite belt mounts; 7 — the tip of the belt with lateral protrusions; 8 — a belt mount with forked ends and lateral protrusions; 9 — a T-shaped belt mount

Из погребения 121 Елизавет-Михайловского могильника происходит з-образная накладка (рис. 2, 3), которая имеет аналогии среди материалов Гапоново, Трубчевска, Гайдар, Козиевки, Градижска и Хацков (Гавритухин, 1996. Рис. 29, 6, 7; Скиба, 2016. Рис. 36, 1–7). Однако, как и в случае с поясным наконечником из того же погребения, на этом изделии имеется орнамент, состоящий из двух линий ямочек в центральной части изделия, что говорит о влиянии местной традиции. Из того же объекта происходит бляшка (рис. 2, 4), имеющая сходство с прямоугольными ажурными поясными накладками Гапоновского, Мартыновского и Трубчевского кладов, а также с находками из Колосово (Приходнюк, Падин, Тихонов. 1996. Рис. 14; Гавритухин, 1996. Рис. 29, 10–15; Скиба, 2016. Рис. 41, 3). Особое значение для нас имеет то, что данная накладка отличается

от перечисленных аналогов деталями на нижнем щитке, отсутствием валика, а также размерами и пропорциями, что указывает на ее изготовление местным мастером по днепровскому образцу и, по мнению И.О. Гавритухина, не позволяет считать данное изделие импортным (1996. С. 24, 25).

Из Пановского (погребение 4) и Елизавет-Михайловского (погребение 121) могильников происходят две цельные двучастные поясные накладки (рис. 2, 5, 6), имеющие параллели с экземплярами из Цепляево Первого и Керчи (Гавритухин, 1996. С. 24). Находки подобных накладок, как можно заметить, присутствуют и за пределами Днепровского Левобережья, но общее стилистическое исполнение и орнаментация данных изделий, безусловно, указывают на связь с Поднепровьем.

Наконечник пояса с боковыми выступами (рис. 2, 7) из погребения 4 Пановского могильника имеет аналогии среди материалов Северного Причерноморья и Кавказа, но параллели наблюдаются и в Среднем Поднепровье среди материалов Трубчевского и Гапоновского кладов (Гавритухин, 1996. С. 32. Рис. 45, 2–5, 22; Скиба, 2016. Рис. 51, 2.). Орнамент, состоящий из двух линий и ряда неглубоких пропилов, создающих неширокое рифление в начале поясного наконечника, является нетипичным как для Кавказа и Северного Причерноморья, так и для Среднего Поднепровья, но имеет аналогии среди материалов из Томниково и Старое Бадиково. Очевидно, подобный способ орнаментации является проявлением местной финно-угорской традиции и также, как в случае с ажурной поясной накладкой из погребения 121 Елизавет-Михайловского могильника (рис. 2, 4), не позволяет говорить об этом изделии как о днепровском. Однако, на мой взгляд, наконечник пояса мог быть изготовлен под влиянием культурных импульсов из днепровского региона. Данная точка зрения подкрепляется выводами И.О. Гавритухина об особенностях вариантов 26 и 36 цельных двучастных накладок круга днепровских раннесредневековых кладов 1-й группы (1996. С. 24, 25).

Т-образная поясная накладка (рис. 2, 8) из захоронения 121 Елизавет-Михайловского могильника относится к типу (Е) IА (по А.В. Скибе) и находит множество параллелей среди материалов пеньковско-колочинских древностей Поднепровья. Аналогии ей присутствуют в Лебяжьем, Лихачевке, Мокве и Хацках (Скиба, 2016. Рис. 47, 1–4).

Хотя поясная накладка с раздвоенными концами и боковыми выступами (тип (А) I–9 вар. 2 по А.В. Скибе) из могильника у с. Серпово (рис. 2, 9) имеет больше параллелей среди материалов Крыма и Северного Кавказа, из могильника колочинской культуры Лебяжье в Днепровском Левобережье также происходит аналогич-

ная ей деталь поясной гарнитуры (Скиба, 2016. С. 17, 42. Рис. 37, 10).

Следует заметить, что все перечисленные материалы были обнаружены исключительно в ингумациях, что еще раз показывает отсутствие связи между обрядом кремации среднецнинских могильников и теми вещами, которые могут быть интерпретированы как появившиеся в результате контактов с населением культурной линии Кривца Верхневоронежской группы.

В контексте гипотезы А.М. Обломского о существовании в раннем Средневековье окско-причерноморского торгового пути, промежуточным пунктом которого являлся поселок у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (Обломский, 2022б. С. 126), находка в погребении № 16 Серповского могильника 12 византийских монет, отчеканенных в период 638–641 и 668–695 гг., (Алихова, 1959. С. 129) уже не кажется чем-то неординарным. Идея, что население верхневоронежской группы могло иметь доступ к византийскому золоту, отчасти подтверждается найденной в Стаево-5 гирькой-экзагием, маркированной буквой N и предназначенной для взвешивания золотых византийских монет (Обломский, Швырев, 2018. С. 307, 308). По мнению А.Е. Алиховой, они могли быть захвачены в результате дальнего похода, однако с учетом новых данных мы можем предполагать и другое, вероятно, более мирное, происхождение этих монет — в результате торговых сношений с населением верхневоронежской группы.

Скорее всего, в том же контексте стоит рассматривать и находки подвесок-медальонов округлой формы, изготовленных из свинцово-оловянистого сплава, которые происходят из культурного слоя Давыдовского городища, находящегося в Моршанском районе Тамбовской области, и датируются VII–нач. XI в. Они представляют собой предметы христианского культа, и их византийское происхождение не вызывает сомнений (Андреев, 2012. С. 261, 262. Рис. 1).

В свою очередь на поселениях Верхневоронежской группы есть ряд неоднозначных находок, которые можно связать как с рязано-окским, так и мордовским культурными элементами. К таковым относятся следующие ювелирные изделия: часть бронзового украшения с бутылчатými подвесками, сегментовидная бронзовая подвеска с треугольным в сечении ушком, коробчатая (или звездчатая) подвеска, бутылчатая подвеска (Сыщиков, 2019. С. 140–142. Рис. 3, 1–4). Кольцо с рифленой поверхностью из материалов поселения Кривец-4 (Обломский, 2012. Рис. 22, 7) не имеет точных аналогий, но, возможно, оно является своеобразной интерпретацией спиральных бронзовых колец из проволоки треугольного сечения, встречающихся среди инвен-

таря как рязано-окских (Шитов, 1988. С. 28), так и древнемордовских погребальных памятников (Алихова, 1969. С. 10; Петербургский, 1987. С. 54). Также одна категория сосудов, которая для среднецнинских могильников представлена группой I, по В.В. Гришакову (1990. С. 32, 33. Табл. I, 6), а по классификации А.М. Обломского, относится к типу ребристых горшков II,3 торгово-ремесленного комплекса у с. Стаево (Обломский, Сыщиков, 2022. С. 81. Рис. 3, 17) может быть отнесена к элементам, которые следует рассматривать как вероятное проявление наличия контактов обозначенных культурных групп. Проблема, касающаяся керамического комплекса, требует отдельного рассмотрения и в данной работе обозначена в качестве перспективной.

Учитывая все перечисленные выше факты, можно сделать вывод, что население, оставившее памятники Верхневоронежской культурной группы, скорее всего, имело контакты с носителями древнемордовской культуры, пришедшими на Среднюю Цну в середине VII в. Финал Верхневоронежских памятников совпадает с начальной фазой функционирования Серповского, Елизавет-Михайловского и Пановского могильников. Данные связи оставили след в вещевом наборе, но не коснулись представлений о загробном мире и не отразились на погребальном обряде. Обряд трупосожжения был привнесен носителями рязано-окской культуры, родственной мордовской, в уже сложившемся виде.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00110.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А.Е. Серповский могильник // Археологический сборник. Т. II. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959. С. 117–137.
- Андреев С.И. Находки средневековой христианской металлопластики на Тамбовщине // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины: археолог. сб. Вып. 3 / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2012. С. 260–269.
- Андреев С.И., Филимонова Н.В. Раннеславянские культуры в Тамбовской области // Верхнее Подонье: Археология. История: сб. ст. Вып. 3 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2008. С. 18–24.
- Археологический сборник. Т. III. Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / Науч. обработка и введ. А.Е. Алиховой. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1969. 176 с.
- Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 9). С. 137–185.

- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 9). С. 273–275.
- Белоцерковская И.В. Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье // II Городцовские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в Гос. ист. музее (апрель 2003 г.). М.: Гос. ист. музей, 2005 (Труды Гос. ист. музея; вып. 145). С. 283–293.
- Бирюков И.Е. Раскопки поселения Красный городок-4 на р. Польной Воронеж (предварительная информация) // Тамбовская старина. Вып. 5 / Сост., ред. Ю.М. Галкина. Тамбов: Пролетарский светоч, 2016. С. 43–49.
- Букина О.В. Погребения с остатками трупосожжений в могильниках поволжских финнов в IV–XI вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998. 266 с.
- Букина О.В. Обычай кремации в среде населения, оставившего среднецинские могильники // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: Гос. ист. музей, 2000 (Труды Гос. ист. музея; вып. 122). С. 116–127.
- Воронина Р.Ф. О некоторых чертах верований среднецинской мордвы VIII–XI вв. // Советская археология. 1975. № 1. С. 281–286.
- Гавритухин И.О. Целые двучастные накладки // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 3). С. 24–25.
- Горюнов Е.А. Могильники колочинской культуры // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 10–17.
- Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 280 с.
- Гришаков В.В. Керамика среднецинской мордвы // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1990 (Труды / Науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР; вып. 99). С. 32–46.
- Зеленцова О.В. Хронология и периодизация Среднецинских могильников древней мордвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 18 с.
- Зеленцова О.В. Ранний горизонт погребений среднецинских могильников (вопросы хронологии) // II Городцовские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Гос. ист. музее. М.: Гос. ист. музей, 2005 (Труды Гос. ист. музея; вып. 145). С. 320–327.
- Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник раскопок Крюково-Кужновского могильника. Моршанск, 1952. 232 с.
- Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 352–435.
- Обломский А.М. Колочинская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 3). С. 96–107.
- Обломский А.М. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона // Stratum plus. 2011. № 5. С. 51–60.
- Обломский А.М. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2012. С. 172–229.
- Обломский А.М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 17). С. 10–113.
- Обломский А.М. Памятники раннего Средневековья в среднем и верхнем течении р. Воронеж // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История, 2022а. С. 61–75.
- Обломский А.М. Торговый путь из Причерноморья в Поочье в конце IV–VII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXVII. Симферополь, 2022б. С. 113–138.
- Обломский А.М., Сыщиков Н.В. Лепная керамика комплекса у с. Стаево на фоне этнокультурных традиций верхневоронежской группы // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 76–84.
- Обломский А.М., Швырев А.Д. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 250. С. 307–326.
- Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа / Ред. М.Ф. Жиганов, И.М. Петербургский, В.Н. Шитов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1987. С. 50–78.
- Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. Трубоческий клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв. ред. О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка, 1996. С. 79–101.

- Родинкова В.Е. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // Краткие сообщения Института археологии. 2003. Вып. 215. С. 6–19.
- Скиба А.В. Поясні набори слов'ян: геральдичний стиль. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2016. 236 с.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. М.: Изд-во АН СССР, 1952 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 28). 276 с.
- Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 143–150.
- Сыщиков Н.В. Финно-угорский культурный компонент на раннесредневековых памятниках в верховьях р. Воронеж // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 1 (49). С. 135–150.
- Третьяков П.Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // Советская археология. 1957. № 2. С. 64–77.
- Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1987. 298 с.
- Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии / Ред. М.Ф. Жиганов, И.М. Петербургский, В.Н. Шитов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1988. С. 23–70.

THE PROBLEM OF CONTACTS BETWEEN THE ANCIENT MORDVINIAN POPULATION OF THE MIDDLE TSNA REGION AND THE UPPER VORONEZH CULTURAL GROUP

Nikolay V. Syshchikov^{a, #}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: radhorst@mail.ru

The issue of contacts between the ancient Mordvins and the early Slavs has become relevant again after finding a group of early medieval sites in the upper reaches of the Voronezh River that are associated with the Dnieper cultural circle. The paper aims to prove contacts between the ancient Mordvins, who left burial sites with cremations in the middle Tsna region (mid-second half of the 7th century AD), and the population of the Upper Voronezh cultural group of the early Middle Ages. To meet the aims the following tasks were set: to consider the origin of the rite of burning the burial grounds in the middle Tsna region during the mid-second half of the 7th century AD; to determine which of the neighbouring archaeological cultures it shows the greatest similarity with; to analyze the clothing complex of the Middle Tsna burial grounds of the specified period with the view to identify the presence of decorations of the Dnieper cultural circle. The research included a comparative analysis of the body cremation rite of the middle Tsna region burial grounds of phase A stage 1 (according to O.V. Zelentsova) with synchronous antiquities of neighbouring regions. As a result, its similarity to the cremations of the Ryazan-Oka culture was established and the assumption of its Slavic origin was rejected. At the same time, the correlation of jewellery originating from some of the earliest burials at cemeteries in the middle Tsna region with materials from the Dnieper cultural circle made it possible to assume the presence of contacts between the indicated communities and suggest a hypothesis that the Upper Voronezh region could be the territory from which objects of the Dnieper appearance, as well as Byzantine imports, came to the Middle Tsna.

Keywords: the Early Middle Ages, the Upper Voronezh cultural group, the Kolochin culture, the Ryazan-Oka culture, Middle Tsna burial grounds, cremation.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., 2007. Grave goods of male burials. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]*. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomskiy, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 137–185. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedy, 9). (In Russ.)
- Akhmedov I.R., Belotserkovskaya I.V., 2007. On the reconstruction of historical processes. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]*. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomskiy, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 273–275. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedy, 9). (In Russ.)
- Alikhova A.E., 1959. The Serpovoye burial ground. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection of papers]*, II. *Iz drevney i srednevekovoy istorii mordovskogo naroda [From the ancient and medieval history of the Mordvinian people]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 117–137. (In Russ.)
- Andreev S.I., 2012. Finds of medieval Christian metalwork in Tambov land. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny: arkheologicheskiy sbornik [Tambov antiquities. Archaeology of the Oka-Don Plain: an archaeological collection of papers]*, 3. S.I. Andreev, ed. Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 10–15. (In Russ.)

- bov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 260–269. (In Russ.)
- Andreev S.I., Filimonova N.V., 2008. Early Slavic cultures in Tambov Region. *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya: sbornik statey [The Upper Don region: Archaeology. History: Collected articles]*, 3. A.N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 18–24. (In Russ.)
- Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection of papers], III. Material'naya kul'tura sredne-tsninskoy mordvy VIII–XI vv. (po materialam raskopok P.P. Ivanova za 1927–1928 gody) [Material culture of the Middle Tsna Mordvins of the 8th–11th centuries AD (based on materials from excavations by P.P. Ivanov in 1927–1928)]. A.E. Alikhova, ed. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 176 p.
- Belotserkovskaya I.V., 2005. A unique vessel from the Ryazan-Oka burial ground of Zarechye. *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v Gosudarstvennom istoricheskom muzee (aprel' 2003 g.) [II Gorodtsov readings: Proceedings of the Scientific conference to the 100th anniversary of V.A. Gorodtsov in the State Historical Museum (April 2003)]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 283–293. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 145). (In Russ.)
- Biryukov I.E., 2016. Excavations of the settlement Krasny Gorodok-4 on the Polnoy Voronezh river (preliminary report). *Tambovskaya starina [Old times of Tambov]*, 5. Yu.M. Galkina, ed., comp. Tambov: Proletarskiy svetoch, pp. 43–49. (In Russ.)
- Bukina O.V., 1998. Pogrebeniya s ostatkami truposozhzhennykh v mogil'nikakh povolzhskikh finnov v IV–XI vv. n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Graves with cremated remains in the burial grounds of the Volga Finns in the 4th–11th centuries AD: a thesis for the Doctoral degree in History]. Samara. 266 p.
- Bukina O.V., 2000. The custom of cremation among the population who left the Middle Tsna burial grounds. *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennyye problemy arkheologii Volgo-Kam'ya [A.P. Smirnov's scientific heritage and modern problems of archaeology of the Volga-Kama region]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 116–127. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 122). (In Russ.)
- Gavritukhin I.O., 1996. Solid bipartite mounts. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [The Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 24–25. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedy, 3). (In Russ.)
- Goryunov E.A., 2004. Burial grounds of the Kolochin culture. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e: doklady nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.A. Goryunova (2000 g.) [Cultural transformations and mutual influences in the Dnieper region at the end of the Roman period and in the early Middle Ages: Reports of the Scientific conference to the 60th anniversary of E.A. Goryunov (2000)]*. V.M. Goryunova, O.A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 10–17. (In Russ.)
- Got'e Yu.V., 1930. Zheleznyy vek v Vostochnoy Evrope [The Iron Age in Eastern Europe]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 280 p.
- Grishakov V.V., 1990. Pottery of the Middle Tsna Mordvins. *Srednevekovyye pamyatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ya [Medieval sites of the Oka-Sura interfluvium]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 32–46. (Trudy Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Mordovskoy ASSR, 99). (In Russ.)
- Ivanov P.P., 1952. Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Dnevnik raskopok Kryukovo-Kuzhnovskogo mogil'nika [Materials for the history of the Mordvins of the 8th–11th centuries. Logbook of the excavations at the Kryukovo-Kuzhnoye burial ground]. Morshansk. 232 p.
- Korzukhina G.F., 1996. Hoards and chance finds of items from the circle of "antiquities of the Antes" in the Middle Dnieper. Catalog of sites. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, V. Simferopol', pp. 352–435. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 1996. The Kolochin culture. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [The Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 96–107. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedy, 3). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2011. About the early medieval Slavic antiquities in the Don River region. *Stratum plus*, 5, pp. 51–60. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2012. Early medieval sites of the Upper Don region. Preliminary results of the study. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny [Tambov antiquities. Archaeology of the Oka-Don Plain]*, 3. S.I. Andreev, ed. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 172–229. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2016. The Kolochin culture. *Rannesrednevekovyye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]*. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 10–113. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedy, 17). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2022a. Sites of the early Middle Ages in the middle and upper reaches of the Voronezh River. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevy v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII v.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya: kollektivnaya monografiya [Trade and craft complex at the village of Staevy in the upper reaches of the Voronezh River (the late 5th – 7th century) and some issues of the archaeology of the Upper Don region in the early Middle Ages: Joint monograph]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 61–75. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2022b. Trade route from the Pontic region to the Oka River region in the late 4th–7th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, XXVII. Simferopol', pp. 113–138. (In Russ.)

- Oblomskiy A.M., Shvyrev A.D.*, 2018. A Byzantine coin weight found in the upper reaches of the Voronezh River. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 250, pp. 307–326. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., Syshchikov N.V.*, 2022. Handmade ceramics from the complex at the village of Stayevo against the background of the ethno-cultural traditions of the Upper Voronezh group. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevy v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII v.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya: kollektivnaya monografiya [Trade and craft complex at the village of Stayevo in the upper reaches of the Voronezh River (the late 5th – 7th century) and some issues of the archaeology of the Upper Don region in the early Middle Ages: Joint monograph]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 76–84. (In Russ.)
- Peterburgskiy I.M.*, 1987. The Staroye Badikovo 2 burial ground. *Voprosy drevney istorii mordovskogo naroda [Issues of the early history of the Mordvinian people]*. M.F. Zhiganov, I.M. Peterburgskiy, V.N. Shitov, eds. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 50–78. (In Russ.)
- Prikhodnyuk O.M., Padin V.A., Tikhonov N.G.*, 1996. The Trubchevsk hoard of the Ants period. *Materialy I tys. n.e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii [Materials of the 1st millennium AD on archaeology and history of Ukraine and Hungary]*. O.M. Prikhodnyuk, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 79–101. (In Russ.)
- Rodinkova V.E.*, 2003. The crescentic pendants from the Kozievka hoard (on the problem of early medieval crescentic pendants). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 215, pp. 6–19. (In Russ.)
- Shitov V.N.*, 1988. The Stary Kadom burial ground. *Materialy po arkheologii Mordovii [Materials on the archaeology of Mordovia]*. M.F. Zhiganov, I.M. Peterburgskiy, V.N. Shitov, eds. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 23–70. (In Russ.)
- Skiba A.V.*, 2016. Poyasni nabori slov'yan: geraldicheskii stil' [Belts sets of the Slavs: heraldic style]. Kiiv: Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraini. 236 p.
- Smirnov A.P.*, 1952. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov srednego Povolzh'ya i Prikam'ya [Studies in the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama regions]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 276 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 28).
- Stavitskiy V.V.*, 2013. Funeral rite of the Tesha group of Mordvinian burial grounds of the 3rd–7th centuries. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 2 (4), pp. 143–150. (In Russ.)
- Syshchikov N.V.*, 2019. Finno-Ugric cultural component at the early medieval sites in the upper reaches of the Voronezh River. *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute for the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia]*, 1 (49), pp. 135–150. (In Russ.)
- Tret'yakov P.N.*, 1957. To the ethnic composition of the population of the Volga-Oka interfluvium in the 1st millennium AD. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 64–77. (In Russ.)
- Tsirkin A.B.*, 1987. Material'naya kul'tura i byt narodov Srednego Povolzh'ya v I tys. n.e. [Material culture and everyday life of the Middle Volga peoples in the 1st millennium AD]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta. 298 p.
- Voronina R.F.*, 1975. Some features of the beliefs of the Middle Tsna Mordvins in the 8th–11th centuries. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 281–286. (In Russ.)
- Zelentsova O.V.*, 1998. Khronologiya i periodizatsiya Srednetsninskikh mogil'nikov drevney mordvy: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Chronology and periodization of the Middle Tsna burial grounds of the early Mordvins: the author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. 18 p.
- Zelentsova O.V.*, 2005. Early burial horizon of the Middle Tsna burial grounds (problems of chronology). *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v Gosudarstvennom istoricheskom muzee [II Gorodtsov readings: Proceedings of the Scientific conference to the 100th anniversary of V.A. Gorodtsov in the State Historical Museum (April 2003)]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskii muzey, pp. 320–327. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 145). (In Russ.)

ГОРОДИЩЕ ДЕМИДОВКА НА СМОЛЕНЩИНЕ. СТРАТИГРАФИЯ, ПОЧВЫ, ПОСТРОЙКИ, КЕРАМИКА, КОСТИ ЖИВОТНЫХ

© 2023 г. Н. А. Кренке^{1,*}, Н. В. Лопатин^{1,**}, А. Л. Александровский^{2,***},
А. Б. Савинецкий^{3,****}, В. В. Бегунова^{4,*****}, В. А. Волков^{1,*****}, К. А. Ганичев^{1,*****},
И. Н. Ершов^{1,*****}, О. А. Лопатина^{1,*****}, М. М. Певзнер^{5,*****},
В. А. Раева^{1,*****}, Е. Ю. Тавлинцева^{6,*****}, С. Н. Чаукин^{1,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт географии РАН, Москва, Россия

³Институт проблем эволюции и экологии им. А.Н. Северцова РАН, Москва, Россия

⁴Смоленский государственный музей-заповедник, Смоленск, Россия

⁵Геологический институт РАН, Москва, Россия

⁶Музей Москвы, Москва, Россия

*E-mail: nkrenke@mail.ru

**E-mail: n.lopatin@gmail.com

***E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

****E-mail: arkadybs@rambler.ru

*****E-mail: v.begunova@yandex.ru

*****E-mail: vlad47777@list.ru

*****E-mail: kirganichev@yandex.ru

*****E-mail: ershovin@yandex.ru

*****E-mail: lopatina.olga@gmail.com

*****E-mail: m_pevzner@mail.ru

*****E-mail: veraraeva@mail.ru

*****E-mail: tavlintseva@gmail.com

*****E-mail: schaukin@mail.ru

Поступила в редакцию 27.05.2023 г.

После доработки 27.05.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

В статье представлены новые результаты изучения эталонного городища Демидовка в Смоленской области Российской Федерации, нижняя дата которого — VII (VIII) в. до н.э., верхняя — VI в. н.э. Анализируются музейные коллекции (Смоленск) раскопок 1960-х годов, не вошедшие в публикации, чертежная документация из архива Института археологии РАН, данные палеопочвенных и геохимических работ. В рамках исследования проведены дополнительные тестовые раскопки, позволившие уточнить стратиграфию памятника и план “большого дома” — резиденции представителя знатного рода (нобиля) V в. н.э. Получена значительная серия радиоуглеродных дат, собрана археозоологическая коллекция, характеризующая диету жителей городища.

Ключевые слова: городище Демидовка, колочинская культура, радиоуглеродные даты, “большой дом”, керамика, палеопочвоведение, археозоология.

DOI: 10.31857/S0869606323040104, EDN: IEYDCS

Городище Демидовка находится в Смоленской области РФ в 13.5 км к западу от Соборного холма в Смоленске на левом берегу Днепра, в 3.7 км к юго-юго-западу от Центрального городища в Гнёздово. Городище расположено в узкой долине р. Лубня — небольшого левого притока р. Днепр, в 2.5 км от устья.

Открыли городище для археологии в 1923 г. А.Н. Лявданский и В.В. Дмитриев (Лявданский, 1924). Местным жителям городище было известно давно, и имелись фольклорные предания об “обитателях” памятника. Раскопки велись в течение десятилетия (1957–1967, за исключением 1959, 1960 и 1963 гг.) под руководством Е.А. Шмидта. Всего рас-

копано 1098 м² (Шмидт, 1967. Чертеж 11). Раскоп охватил почти всю площадку городища, за исключением восточной части, примыкавшей к оборонительному валу, ограждавшему памятник с напольной стороны. Материалы из раскопок городища Демидовка были включены в две монографии Е.А. Шмидта, посвященные днепровской археологической культуре раннего железного века (Шмидт, 1992) и тушемлинской культуре эпохи переселения народов (Шмидт, 2003). Ключевое значение имеют статьи Е.А. Шмидта (1970) и А.К. Амброза (1970), посвященные редким для Верхнего Поднепровья находкам V–VI вв. н.э. с городища Демидовка. Научное значение этих находок подчеркнуто недавней публикацией в серии “Раннеславянский мир” (Раннесредневековые древности..., 2016), где пряжка с орлиными головами, найденная на Демидовке, вынесена на титульный лист. Иллюстрации в публикации 2016 г. взяты исключительно из ранее опубликованных работ Е.А. Шмидта, при этом городищу предложена иная культурная атрибуция — его верхний слой соотнесен с колочинской культурой (Обломский, 2016). Ранее на сходство керамики городища Демидовка с колочинскими комплексами указывали Н.В. Лопатин (1989) и А.Г. Фурасьев (1997).

Анализ материалов городища Демидовка, проведенный авторами в 2018–2019 гг., привел к формулированию гипотезы о том, что городище уникально зафиксированными на нем следами построек, относившихся к верхнему слою. Они могут быть интерпретированы как комплекс единого сооружения — трехнефного большого дома (Кренке и др., 2021)¹. Это интригующее предположение с необходимостью указывало на актуальность продолжения исследования памятника. Нигде ранее в лесной зоне Восточной Европы подобные постройки, могущие претендовать на интерпретацию в качестве резиденции представителя знатного рода (нобилы) эпохи переселения народов, не найдены. Более того, даже среди древностей черняховской культуры, где проводились значительные раскопки, сходные по размерам и наличию находок высокого статуса с городищем Демидовка постройки также не зафиксированы, хотя известны трехнефные сооружения меньших размеров (Магомедов, 2001. С. 21. Рис. 9).

В 2020–2023 гг. Смоленская экспедиция ИА РАН на средства гранта РФФИ № 20-09-00171/20 и в рамках выполнения госзадания ИПЭЭ РАН № FFER-2021-0008 провела новые исследования городища Демидовка, которые включали: 1) полевые работы, 2) анализ архивной документации, 3) обработку музейных коллекций.

¹ Е.А. Шмидт реконструировал два длинных дома с узким двором между ними.

Полевые исследования. Работу, проведенную Е.А. Шмидтом, можно назвать титанической — достаточно взглянуть на сводный план раскопок (рис. 1), на котором нанесены тысячи столбовых ям. В то же время исследование было новаторским. Е.А. Шмидт одним из первых археологов в СССР, занимавшихся железным веком, применил радиоуглеродный метод датирования, получил в 1967 г. даты для нижнего и верхнего слоев городища (Семенцов и др., 1972. С. 214), отобрал образцы для спорово-пыльцевого анализа культурного слоя. Кроме того при раскопках 1960-х годов были взяты образцы угля, позволившие много лет спустя получить новые даты методом AMS (Кренке и др., 2021. Табл. 2). Наша задача заключалась в том, чтобы заложив на памятнике небольшой тестовый раскоп, применить новые технологии раскопок и фиксации, изучить оборонительные сооружения, стратиграфию памятника, конструкцию “большого дома”, провести серийное радиоуглеродное датирование, археозоологические, спорово-пыльцевые и почвенно-геохимические исследования, а также изучить округу городища. Настоящая статья представляет лишь некоторые из полученных результатов.

Раскоп 2020–2022 гг. (рис. 1, 2) имел форму прямоугольника размерами 4 × 7 м, примыкавшего с востока к раскопу 1967 г. Полного совмещения сетки квадратов достичь не удалось, но положение нового раскопа относительно раскопа прошлых лет определено точно, так как в процессе работы зафиксированы границы старого раскопа и идентифицированы выбранные много лет назад ямы.

Важнейшие результаты новых раскопок заключались в следующем: 1) постройки нижнего слоя исследовались с учетом опыта работ на городищах Дьяково и Ростиславль, благодаря этому выявлены полы построек и очаги; 2) получены новые подтверждения того, что в период формирования верхнего слоя на городище находился один большой дом трехнефной конструкции, а не две самостоятельные постройки, как предполагалось ранее; 3) получены стратиграфические доказательства того, что оборонительная конструкция по периметру площадки была сооружена не одновременно с большим домом, а позже него; 4) создана шкала радиоуглеродных дат и проведено палеопочвоведческое описание разреза культурного слоя, собрана археозоологическая коллекция. Рассмотрим подробнее каждый из этих сюжетов.

Фортификация. Е.А. Шмидтом было установлено (рис. 1), что вдоль северного и южного краев площадки городища на раннем этапе его существования шла ограда из часто поставленных вертикальных жердей, возможно, плетень (Шмидт, 1992. Рис. 8). При прорезке вала в 2020–2022 гг. такие ряды ям не найдены. Культурного слоя под

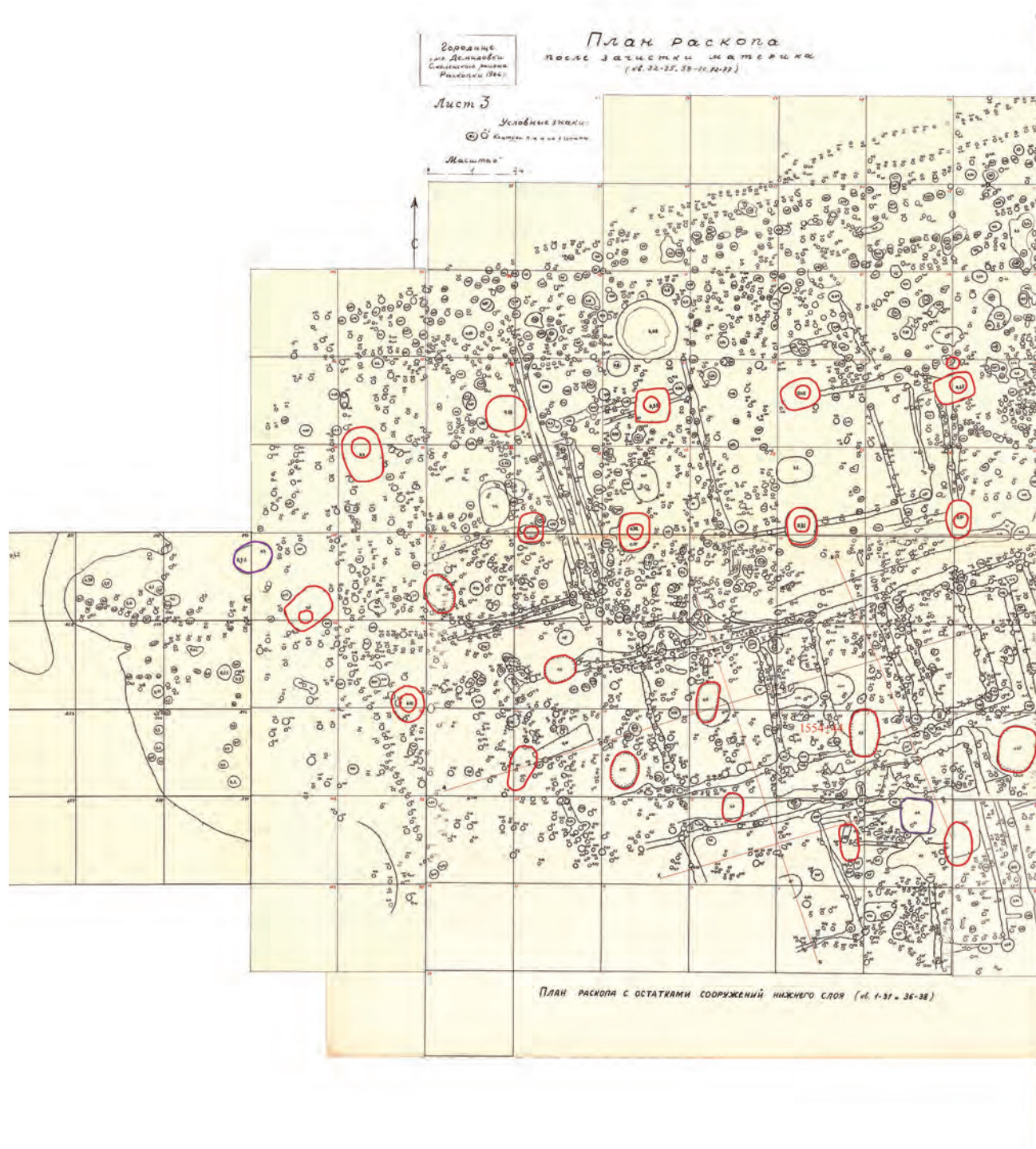

Рис. 1. Сводный план раскопов 1957–1967 гг., составленный по чертежам из отчетов Е.А. Шмидта с добавлением плана раскопа 2020–2022 гг. Обозначения: красный контур — ямы конструкции “большого дома”; темно-синий — ямы, отнесение которых к конструкции “большого дома” вызывают сомнения.

Fig. 1. Composite plan of excavation sites for 1957–1967 based on drawings from the reports of E.A. Shmidt with the addition of the 2020–2022 excavation site plan

Рис. 1. Окончание.

Fig. 1. End

Таблица 1. Радиоуглеродные даты по городищу Демидовка
Table 1. Radiocarbon dates for the Demidovka fortified settlement

Лабораторный номер	¹⁴ C-дата	Калиброванный возраст (OxCal v.4.4)	Материал	Место отбора
Верхний слой, большой дом				
Ле-727	1570 ± 70	363(95.4%)641calAD	Уголь	Верхний слой, образец 2 (раскоп 1966 г.)
УОС-10741	1554 ± 44	421(95.4%)596calAD	Уголь (ель)	Раскопки Шмидта 1961 г. кв. 7, пласт 2 большой дом
УОС-10743	1554 ± 45	421(95.4%)597calAD	Уголь (зерна проса)	Раскопки Шмидта
ГИН-16160	1570 ± 30	435(24.3%)465calAD 474(30.1%)516AD 530(13.9%)547AD	Уголь	2021 г., кв. 272, гл. —172
ГИН-16161	1570 ± 40	434(23.0%)466calAD 472(31.3%)518calAD 528 (13.9%) 548calAD	—“—	2021 г., кв. 272, столб, гл. —140, образец 6
ГИН-16157	1580 ± 30	420(95.4%)556calAD	—“—	2021 г., кв. 274, гл. -140
Оборонительная стена финального этапа по периметру площадки				
УОС-10742	1565 ± 42	419(95.4%)584calAD	Уголь (ель)	Раскопки Шмидта 1961 г., кв. 35, пласт 1, клеть оборонительной стены
ГИН-16158	1530 ± 40	434(11.3%)467calAD 472(15.6%)519calAD 527(68.6%)603calAD	Уголь	2021 г., кв. 276, гл. —90 ... —110
ГИН-16159	1580 ± 30	420(95.4%)556calAD	Уголь	2021 г., кв. 277, южная стенка, гл. -99—100
Нижний слой				
Ле-726	1880 ± 80	46calBC(85.4%)265calAD	Уголь	Нижний слой, образец 1 (раскоп 1966 г.)
УОС-15956	2042 ± 21	106calBC(95.4%)26calAD	—“—	2020 г., кв. 270, гл. —200...—210, северный борт
ГИН-16099	2070 ± 30	169calBC(95.4%)9calAD	—“—	2020 г., кв. 270, гл. —305, образец 3
УОС-15957	2119 ± 29	201(90.3%)49calBC	Уголь (вяз)	2020 г., кв. 270, гл. —220, северный борт
ГИН-16100	2380 ± 30	542(93.9%)393calBC	Уголь	2020 г., кв. 270, пласт 20, гл. —332, предматерик, образец 5
ГИН-16212	2480 ± 40	773(93.2%)464calBC 437(2.2%)421calBC	—“—	2022 г., кв. 276, плашка в основании вала, гл. —250, образец В-2
ГИН-16215	2490 ± 30	775(94.2%)514calBC 500 (1.3%)486calBC	—“—	2022 г., кв. 276, гл. —217...—237, пласт 20, скопление углей на насыпи вала
ГИН-16214	2520 ± 30	789(25.7%)725calBC 706(18.4%)662calBC 651(51.4%)544calBC	—“—	2022 г., кв. 276, гл. —282, плашка в основании вала, образец В-3
ГИН-16213	2540 ± 30	796(37.2%)740calBC 694(15.4%)663calBC 648(42.8%)547calBC	—“—	2022 г., кв. 276, гл. —255, плашка в основании вала, образец В-1
ГИН-16197	2570 ± 30	808(73.0%)749calBC 686(6.9%)666calBC 639(15.65%)569calBC	—“—	2020, канавка в материке, кв. 271, гл. —301, образец 6

насыпью вала также не оказалось, лишь тонкая углистая прослойка. На углистой поверхности выделялись несколько параллельных “плах”, расположенных перпендикулярно продольной оси вала, и одна плаха вдоль этой оси. Характер конструкции остался неясен. Радиоуглеродные даты углей под валом указывают на VII—начало VI в. до н.э. (табл. 1). Образец угля (ГИН- 16215), отобранный на поверхности вала, дал аналогичный возраст 2490 ± 30 (рис. 3), т.е. именно в это время была сооружена земляная насыпь. При этом наиболее ранняя дата, полученная из канавки в материке, в которой крепилась стена постройки, стоявшей на площадке, указывает на VIII—VII вв. до н.э. (образец ГИН-16197). Это означает, что, возможно, площадка была все же обитаема до сооружения вала. Древнейшая из полученных нами дат совпадает с предложенной Е.А. Шмидтом начальной датой памятников днепро-двинской культуры, определенной по аналогиям местных костяных и бронзовых раннескифских стрел, находкам кельтов меларского типа и пр. (Шмидт, 1992. С. 116, 117).

Профили бортов раскопа 2020—2022 гг. (рис. 3) наглядно показывают, что древний вал городища длительное время (тысячу лет!) не подновлялся. Его внутренний скат постепенно перекрывался культурным слоем. Черный слой “большого дома” верхнего горизонта перекрывал даже гребень древнего вала. Стратиграфические данные свидетельствуют в пользу предположения, что оборонительная конструкция финального этапа существования городища была создана после формирования слоя “большого дома”. Эта конструкция состояла из деревянных клетей, сложенных из тонких бревен и засыпанных внутри бурым материковым суглинком (позиция 7 на рис. 3). Конструкция, возможно, была стеной, которая, расплывшись после разрушения, стала напоминать вал. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам из “большого дома” и из оборонительной конструкции финального этапа, практически идентичны. Лишь один образец (ГИН-16158) из оборонительной конструкции дал более молодой возраст, соотносимый именно с VI в. н.э., тогда как образцы из “большого дома” указывают на возраст V—рубеж VI в. н.э. Здесь уместно отметить, что А.К. Амброз настаивал на датировании обломка двупластинчатой фибулы с Демидовки по северо-кавказским аналогиям второй половиной VI — первой половиной VII в. н.э. (Амброз, 1970. С. 74). Две даты (UOC-15956, 15957) из черного слоя дали существенно более ранний возраст — II—I вв. до н.э. (см. табл. 1). Обе даты получены на ускорителе по маленьким уголькам. Видимо, надо предположить, что материал этих образцов переотложен из подстилающего горизонта.

Конструкции построек и стратиграфия нижнего слоя. Новые раскопки на уровне предматерика и материка зафиксировали канавки от стен построек типа длинных домов. В канавках прослеживались столбовые ямки от стен типа “двойного плетня”. Точные размеры жилых ячеек было трудно определить из-за недостаточной площади нового раскопа. Одна из жилых ячеек имела размеры 2×1.5 , другая — 2×2 м, с очагами в центре. В раскопе Е.А. Шмидта была вскрыта постройка с четко прослеженным планом, состоявшая из чередовавшихся жилых/хозяйственных ячеек размерами 3×3 , 3×2 м и разделявших их тамбуров размерами 3×1 и 3×0.5 м. Новым, сравнительно с раскопом Е.А. Шмидта, было обнаружение очагов, представлявших собой линзы песка округлой в плане формы диаметром около 1 м и толщиной в средней части до 0.15 (рис. 2, 3, 4). Песок очагов имел следы прокаливания, основание очажной линзы темное — “пропеченное”. Очевидно, что у очагов были бортики из органических материалов, которые проследить не удалось. К очагам примыкали “полы” в виде тонких прослоек золы, угля или коричневатой органики, перекрытых серой углистой супесью — “грязью”, накопившейся в постройке. Толщина этого “слоистого пирога” — около 80—90 см. В восточном профиле кв. 270 (рис. 2, 1) хорошо видно, что в верхней части нижнего слоя также располагался очаг, но он был сильно переработан в процессе формирования вышележащего черного слоя (в этом объяснение выявления в черном слое древних дат).

Ритмика прослоек нижнего метра культурного слоя позволяет предполагать континуальность его накопления в интервале около 400—500 лет. Вышележащий черный слой имел совершенно иную структуру, в нем отсутствовала слоистость, его нижняя граница была неровной, фиксировались внедрения ям и западин, прорезавших слоистую толщу под ним. Создается впечатление, что был некоторый перерыв в накоплении слоя между нижним слоистым горизонтом и “черным слоем” большого дома. Судя по радиоуглеродным датам, это перерыв приходится на первые века н.э. или эпоху римских влияний. Возможно, это наблюдение валидно лишь для восточной части памятника, которую мы изучали.

План “большого дома”. Мы повторили работу Е.А. Шмидта по сведению вместе чертежей раскопов разных лет и добавили материалы новых раскопок (рис. 1). Для этого использовались белые чертежи “большого формата”, сданные автором на хранение в архив Института археологии РАН в Москве, а также полевые чертежи, выполненные на миллиметровке, хранящиеся в архиве Смоленского государственного музея-заповедника.

В первую очередь принципиально важно было понять, какие параметры имели столбы, состав-

Рис. 2. Стратиграфические разрезы и очаги. 1 — профиль восточного борта кв. 270 и 271; 2 — фрагмент нижней части того же профиля; 3 — очаг в кв. 270 крупным планом; 4 — зачистка на уровне пола, примыкавшего к очагам, расположенным в двух соседних помещениях.

Fig. 2. Stratigraphic cross sections and hearths

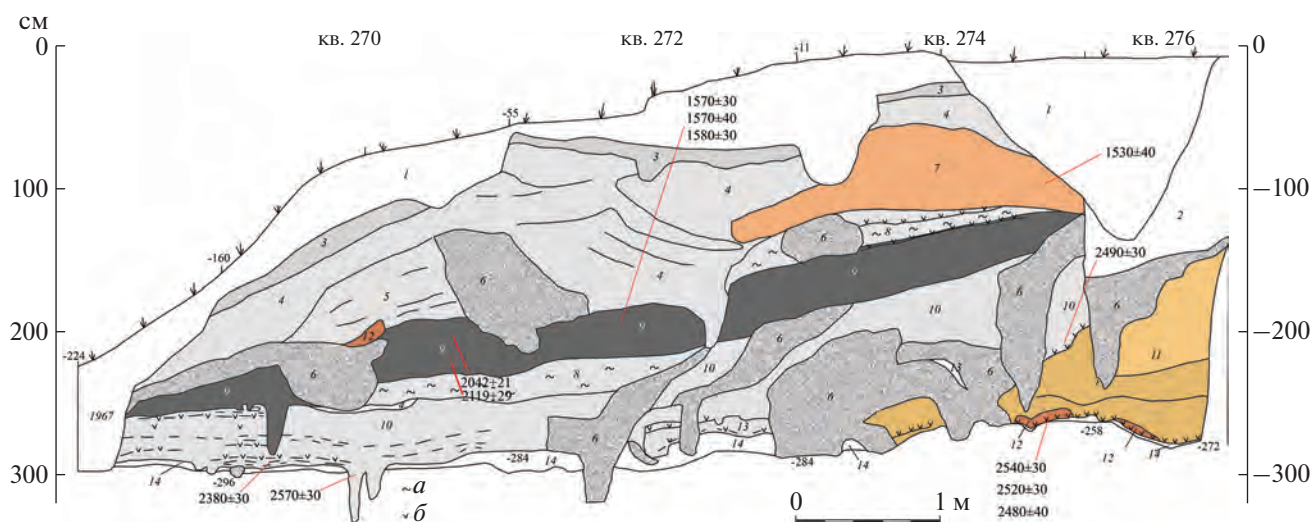

Рис. 3. Профиль северного борта раскопа 2020–2022 гг. Обозначение слоев: 1 – поздние перекопы, отвалы раскопов; 2 – яма охотников; 3 – темно-серая погребенная почва XX в.; 4 – бурая супесь; 5 – светло-бурая супесь; 6 – норы барсуков; 7 – ярко-бурый суглинок насыпи вала; 8 – светло-серый золистый слой; 9 – темно-серая супесь (черный слой “большого дома”); 10 – серая супесь; 11 – бурый суглинок насыпи вала; 12 – прокаленный суглинок; 13 – мешаный материковый выброс (светло-бурый суглинок); 14 – подзол. Условные обозначения: а – зола; б – уголь.

Fig. 3. Profile of the northern wall of the 2020–2022 excavation site

лявшие каркас дома. Можно отметить, что все столбы были установлены в специальные ямы, имевшие существенно больший размер, нежели сами столбы (в этом отличие от конструкций раннего железного века, где опорные столбы обычно забивали в грунт). Большинство столбов не оставило никаких следов, сохранились лишь ямы, но на некоторых участках удалось проследить остатки столбов с обугленной внешней кромкой. Вероятно, это не результат пожара, а преднамеренное обугливание столбов для предотвращения гниения и повышения срока их службы. Столбы хорошо видны на фотографиях и чертежах раскопа 1964 г. (рис. 4, 1–3).

Для примера выбраны столбовые ямы со следами столбов в кв. 52 и 53. По этим материалам можно установить, что столбы имели диаметр около 30–40 см. Столбовая яма на границе кв. 227 и 228 имеет большое значение для реконструкции плана всего сооружения. В раскоп 1967 г. вошла лишь незначительная часть этой ямы. В 2020 г. она была исследована полностью (рис. 4, 4, 5). Яма важна тем, что соединяет северную и южную двойные линии столбов, доказывая, что они были элементами одной конструкции. В этой яме обугленные остатки столба не сохранились, но удалось проследить различия в заполнении столбовой ямы и места, на котором стоял сам столб. Заполнение столбовой ямы включало дисперсные комочки материкового суглинка светло-бурого цвета, тогда как сам столб замесился однородной серо-бурой супесью. Размеры столба близки к ука-

занным выше. Очевидно, что яма под столб копалась лопатой, дно ее было плоским и ровным.

Раскопки 2020–2022 гг. выявили еще четыре аналогичных столба с обугленной внешней поверхностью (по ним получены радиоуглеродные даты). Диаметр раскопанных нами столбов – 22–26 см. Положение столбов на плане допускает их интерпретацию как сооружения “входной группы”, что-то вроде тамбура с восточного торца постройки. Пятый столб, попавший в профиль северного борта раскопа, диаметром 15 см (рис. 3) стратиграфически связан с большим домом, но был забит в землю, а не вкопан. Может быть, он не относился к “большому дому”, но возможно предположение, что конструкция дома была сложнее, включала как вкопанные, так и забитые в землю столбы. Последние гораздо труднее зафиксировать. Описываемый столб был обнаружен потому, что попал в профиль борта раскопа.

Общий план столбов “большого дома” передан в публикации Е.А. Шмидта (1970) точно, исключение составляет самый западный столб, который, возможно, не относился к постройке, и соответственно вся она не имела такого острого завершения. Кроме этого сравнение публикации с материалами полевых чертежей показывает, что в центральном нефе были также зафиксированы очажные развалы камней, которые еще раз свидетельствуют в пользу гипотезы о единой постройке.

Палеопочвоведческие исследования. В раскопе, вскрывшем часть вала в кв. 270, прослеживаются пять стратиграфических уровней, которые отчетливо различаются по морфологии, составу, гене-

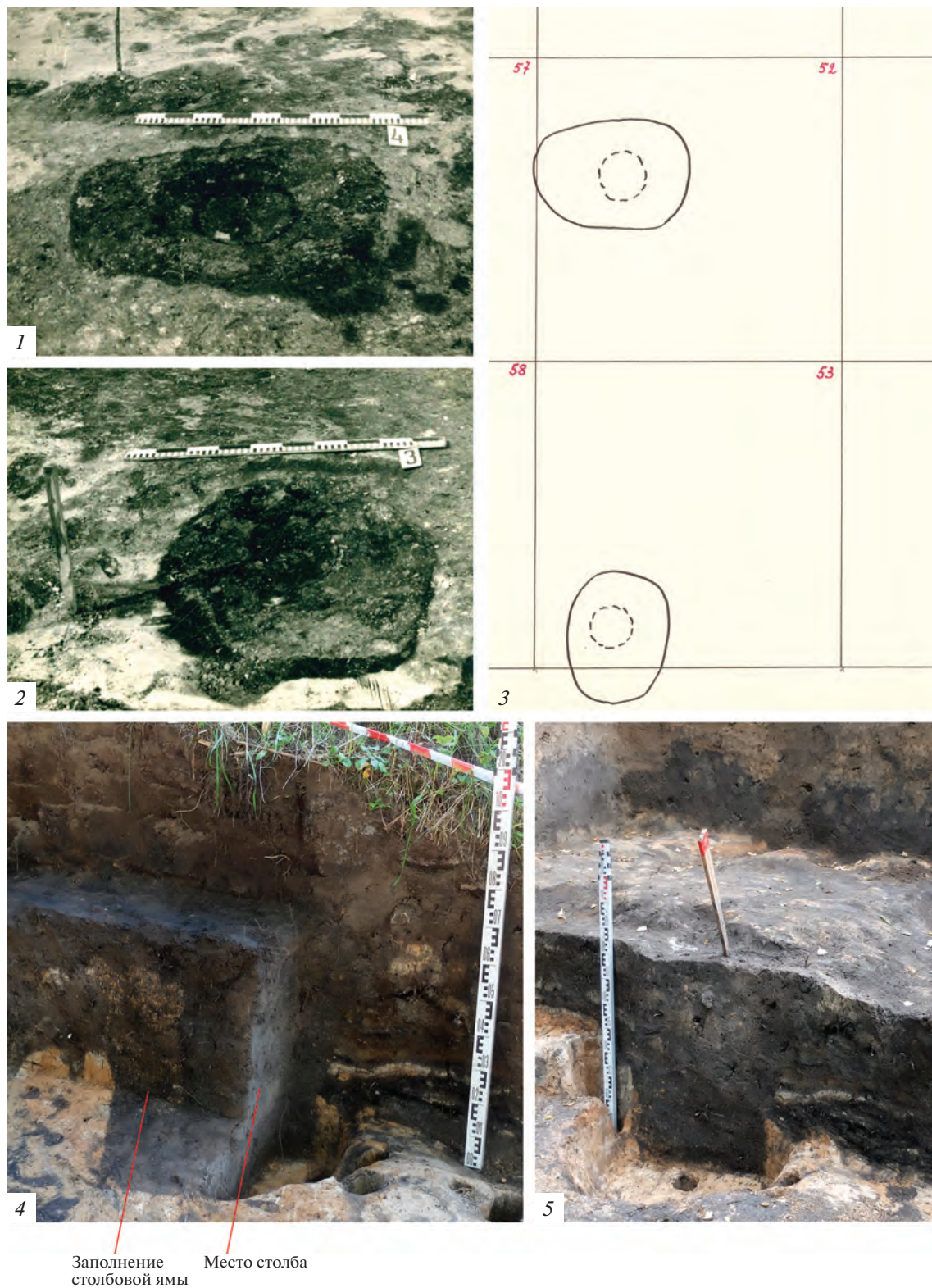

Рис. 4. Столбы “большого дома” на городище Демидовка. 1, 2 — фото столбовых ям, в которых видны контуры обугленных столбов в кв. 52 и 53; 3 — фрагмент чертежа, где изображены те же столбовые ямы; 4, 5 — разрезы столбовой ямы на границе кв. 227/228 и 270/ 271 (заполнение столбовой ямы — с кусочками светлой глины, фото 2020 г.). 1–3 — по: Шмидт, 1964.

Fig. 4. Pillars of the “big house” on the site of Demidovka

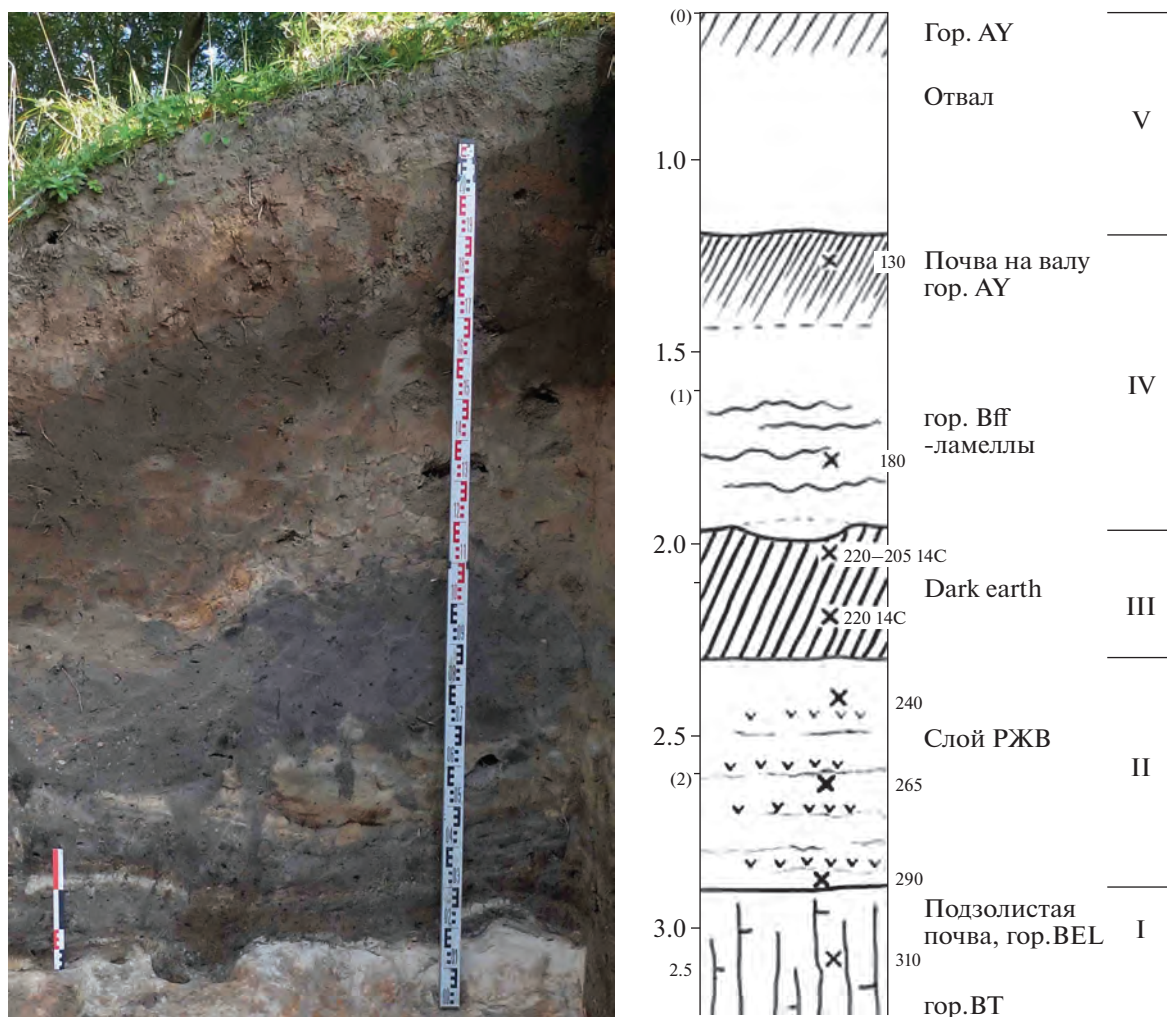

Рис. 5. Строение вала городища (кв. 270, северная стенка). Обозначения: I — исходная почва (подзолистая); II — слой РЖВ; III — темно-серый слой (Dark earth); IV — вал городища и почва на нем; V — отвал Е.А. Шмидта 1950–1960-х гг.; x — место отбора образцов.

Fig. 5. The structure of the fortified settlement's rampart (sq. 270, northern wall)

зису, хронологии и характеризуют основные этапы развития городища. С целью выяснения состава и хронологии почв и отложений выполнены анализы по образцам, отобраным в 2020 г. (рис. 5).

Выделяется пять слоев отложений. С тремя из них связаны почвы. В основании наслоений залегает подзолистая почва, сформированная в течение голоцена в кровле отложений позднего плейстоцена (I). Верхние горизонты профиля (гумусовый и подзолистый) эродированы, сохранились срединные горизонты BEL и BT.

Выше залегают два слоя — РЖВ (II) и Dark earth (DE) (III), очевидно, времени сооружения “большого дома”. Слой РЖВ (раннего железного века), мощностью около 60 см, слоистый, насыщен золой и обломками угля, также имеется примесь песка, что напоминает Дьяково городище. Зола хорошей сохранности, с ней связано высо-

кое содержание пирогенных карбонатов, проявляющееся в бурном вскипании от соляной кислоты (10% HCl).

Вышележащий слой III — Dark earth, совсем другой. Гомогенный, темно-серый, от HCl не вскипает. Несмотря на темную окраску угольков в нем нет или они чрезвычайно редкие. Переход между слоями II и III достаточно резкий, без признаков почвообразования. Поверхность раздела между II и III наклонена, поэтому не исключена вероятность развития в то время эрозионных процессов. Наклон поверхности обусловлен наличием вала под слоем РЖВ, и этот ранний вал насыпан из материала, аналогичного слою I, а также из углистого материала слоя РЖВ.

Слой IV представляет собой насыпь вала, сложенного из отложений ледникового периода, взятых в основном из рва. Имеется слабая примесь

Таблица 2. Результаты определения потери при прокаливании и содержания элементов (кв. 270: северная стенка; два образца — восточная)**Table 2.** Results of the ignition loss measuring and the content of elements (sq. 270, northern wall; 2 results for eastern wall)

Место взятия образца, слой, глубина	ППП 550°	ППП 550–950°	Фосфор	Кальций	Медь	Цинк
	%	%	%	%	мг/кг	мг/кг
АУ, 70. Почва на валу	2.81	0.56	0.37	1.01	21	71
Bff, 120. Вал	1.45	0.72	0.29	0.68	15	39
DE, 200–210	4.72	1.29	2.05	3.00	62	221
DE, 220	5.88	1.47	2.83	4.54	71	214
КС _{РЖВ} СА 245	1.41	5.16	7.19	12.05	78	330
КС _{РЖВ} СА 265	5.63	2.82	3.80	5.99	155	287
КС _{РЖВ} СА 285	5.66	3.14	4.05	6.51	56	195
КС _{РЖВ} СА 290. Восточная стенка	5.80	2.90	5.35	7.77	69	166
КС _{РЖВ} СА 300. Восточная стенка	7.81	2.34	2.89	4.83	46	107
BEL 310. Подзол	0.80	0.53	0.61	0.96	16	37

Примечания: ППП 550° показывает содержание органического углерода, ППП 550–950° — карбонатов, DE — Dark earth, КС_{РЖВ}СА — горизонт карбонатный, вскипает от HCL, п/ж шрифтом выделены повышенные значения содержания субстанций, дополнительно курсивом — незначительно повышенные значения.

гумусированного материала. Поверхность вала стояла долго, около 1500 лет, и за это время на ней сформировалась хорошо развитая почва. Верхняя часть вала превратилась в гумусовый горизонт (АУ — серогумусовый) почвы мощностью около 25 см; нижележащая его часть мощностью около 0.5 м — в иллювиальный горизонт Bff, представленный псевдофибрами (ламеллами). Граница между этими двумя горизонтами (АУ и Bff) характеризуется постепенным переходом, что свойственно именно почвенным горизонтам, и отличается от резких переходов между литологическими слоями (I–V). Подобные почвы формируются под лесом, однако интенсивность процессов оподзоливания на валу была невысокой, что обусловлено ксероморфными (сухими) условиями, создающимися на повышениях рельефа в результате оттока атмосферной влаги. Почву можно назвать скрытоподзолистой псевдофибровой.

Сверху залегает отвал Е.А. Шмидта (раскопки 1950–1960-х годов). На нем за 60 лет образовалась почва, представленная гумусовым горизонтом АУ толщиной 10–15 см.

По колонке из восьми образцов и еще в двух образцах из восточного профиля кв. 270 проведено определение потери при прокаливании (ППП) в двух режимах: потери при 550°С показывают содержание органического углерода; потери при 950°С, за вычетом потерь при 550°С, отражают содержание неорганического углерода, в основном карбонатов (с примесью небольшого количества некоторых других субстанций). Также по данным рентген-флуоресцентного метода определено

содержание элементов: фосфора, кальция, меди и цинка, имеющих большое значение при анализе культурного слоя древних поселений.

По приведенным шести показателям культурные слои II и III характеризуются высоким содержанием органического углерода, фосфора, кальция, меди и цинка (табл. 2). Причем наиболее высокими концентрациями данных субстанций выделяются образцы из слоя раннего железного века (РЖВ). В лежащем выше темно-сером слое (DE) также высоко содержание органического вещества, меди и цинка; высоко, но несколько ниже — содержание фосфора и кальция. Значения ППП 550–950° в слое DE заметно ниже, чем в слое РЖВ, и связано это с отсутствием в нем золы и пирогенных карбонатов, вместе с тем они несколько выше, чем в слоях I и IV, что обусловлено присутствием в DE некоторых других субстанций. Возможно, это остатки кости (жженой?), на что указывает совместное повышенное содержание фосфора и кальция, при отсутствии карбонатов. Вообще четкая взаимосвязь содержания фосфора и кальция может свидетельствовать о присутствии остатков кости в проанализированных пробах.

История формирования отложений была следующей. В голоцене на покровных суглинках позднего плейстоцена на придолинном склоне под лесной растительностью сформировалась подзолистая (дерново-подзолистая) почва. Эрозионные процессы привели к формированию мысообразного останца, на котором в раннем железном веке возникло городище. Деятельность человека привела к тому, что верхняя часть почвы

(гумусовый и подзолистый горизонты) была эродирована, но не более чем на 20–30 см.

На срезанной поверхности почвы отложился культурный слой РЖВ мощностью около 60 см. Данный слой не имеет темной гумусовой окраски, достаточно высокое содержание органического вещества в нем обеспечивается присутствием древесного угля. В верхнем культурном слое (Dark earth) по наблюдениям Е.Г. Ершовой несмотря на темный цвет органическое вещество и древесный уголь практически отсутствуют. Тем не менее определения потери при прокаливании показывают, что содержание органического вещества в этом слое высокое (для выяснения состава и генезиса слоя DE необходимо провести его микроморфологический анализ).

Граница, разделяющая эти два слоя (II и III), залегает под наклоном, что определяется наличием под слоем РЖВ повышения рельефа (вал). Также хорошая сохранность карбонатов в слое РЖВ свидетельствует об отсутствии длительных перерывов между этапами заселения II и III. В связи с этим в данное время не было длительного стояния поверхности в естественных условиях, что обычно сопровождается развитием почвообразования. Также не исключено, что поверхность, разделяющая эти слои, подчеркнута эрозионными явлениями. Кроме того, не исключена возможность переработки слоя DE почвообразовательными процессами (что характерно для Dark earth) и включением в его состав материала слоя РЖВ.

Затем поверхность DE была перекрыта валом. После того как городище было заброшено (в VI в. н.э.) на поверхности вала под лесной растительностью за время более 1000 лет сформировалась дерново-подзолистая псевдофибровая почва. В 60-е годы XX в. вал был перекрыт отвалом, на котором сформировалась дерновая почва.

Коллекция керамики из раскопок Е.А. Шмидта 1950–1960-х годов хранится в Смоленском государственном музее-заповеднике и насчитывает более 14 тыс. фрагментов, в том числе целых форм не менее 14. Эта коллекция соответствует трем основным хронологическим группам периодизации “древних городищ Смоленщины”, разработанной П.Н. Третьяковым на материалах городища Тушемля и развитой Е.А. Шмидтом (Третьяков, Шмидт, 1963; Шмидт, 1992, 2003). В последние годы коллекция заново изучена в полном объеме. Керамика в большинстве своем грубая, с примесью крупной дресвы. В нижнем горизонте преобладают формы, относящиеся к днепро-двинской культуре раннего железного века, в целом широко датируемые VIII в. до н.э. — началом н.э. (рис. 6, 1–3). Они относительно тонкостенные, многие имеют заметные шейку и плечико под вертикальным венчиком. Обращают на себя внимание фрагменты с гребенчатым орнаментом и

более плавным профилем (рис. 6, 1), относящиеся к началу указанного хронологического интервала.

Выше залегает керамика типа “среднего слоя городища Тушемля” первых веков н.э. (рис. 6, 4–6). Ясно выраженного стратиграфического горизонта, связанного с нею, на Демидовке нет. Она более толстостенная, имеет отогнутый наружу край, орнаментирована ногтевыми вдавлениями или насечками.

Наиболее представительны материалы верхнего горизонта. У крупных сосудов толщина стенок до 10 мм. Сосуды делятся на две основные группы: грубые, слабопрофилированные, с расширением около середины высоты (рис. 7, 1, 3); улучшенной выделки (гладкая поверхность, относительно мелкая дресва), по форме — чаще всего с ребром, которое во многих случаях имеет вид оттянутого валика (рис. 7, 2, 4, 7). Эти формы находят аналогии в материалах городища Колочин (Лопатин, 1989) и в целом колочинской культуры. Новейшее полное исследование коллекции позволило выявить дополнительные существенные особенности керамики верхнего горизонта. В частности, это серия сосудов с высоко расположенным валиком, имеющим декоративную функцию, т.е. не отмечающим ребристый перегиб тулова (рис. 7, 6, 7). Такие формы являются связующим звеном с керамикой типа селища Узмень и псковских длинных курганов (Лопатин, Фурсев, 2007. Рис. 45, 5; 47, 3, 5; 115, 3, 4; 127, 5, 129, 4). Небольшая серия фрагментов, декорированных расчесами гребнем (рис. 7, 5), указывает на присутствие культурного элемента типа Заозерье — не позже V в. н.э. (Лопатин, Фурсев, 2007. С. 64, 65. Рис. 18).

Археозоологические данные. Анализировалась коллекция из двух квадратов (270 и 271), определенных костей оказалось немногим более 150 (табл. 3), что позволяет сделать лишь предварительные выводы. Существенно большая коллекция была определена В.И. Цалкиным и В.П. Данильченко по материалам раскопок Е.А. Шмидтом городища Демидовки (Шмидт, 1992. С. 63) — всего 4990 определенных костей. Однако некоторые наблюдения над новым материалом представляются важными. В составе видов домашних животных очень незначительно представлена лошадь. Это касается слоя раннего железного века, и особенно горизонта эпохи переселения народов. В соседних культурах лесной зоны Восточной Европы кости лошади встречаются чаще. Не фиксировались ранее на памятниках Смоленщины в слоях эпохи переселения народов кости домашней кошки и курицы. Новые материалы, как и данные предшествующих, показывают, что количество костей бобра на городище Демидовка существенно уступало, например, коллекции с городища Дьяково на

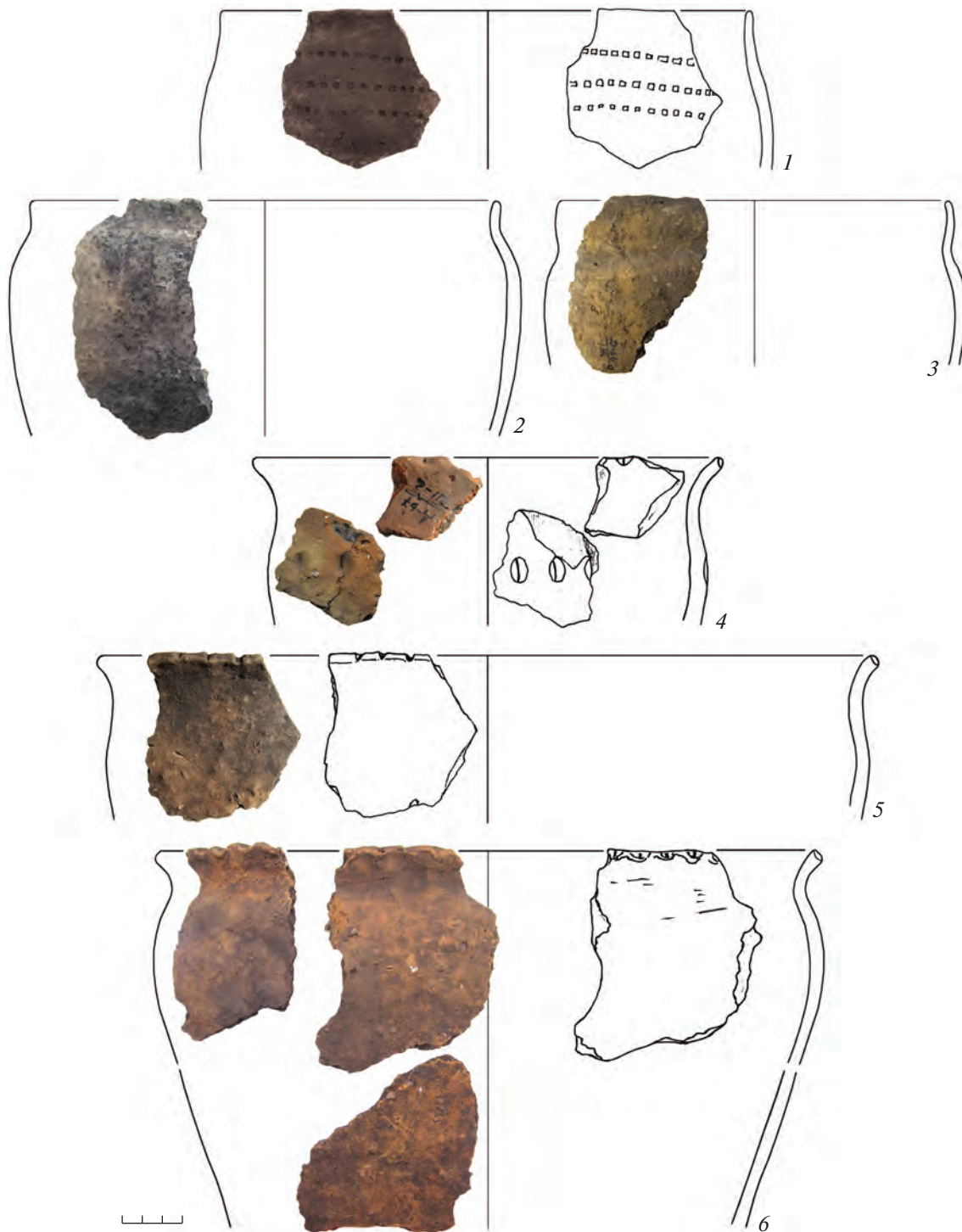

Рис. 6. Керамика (1–6) двух ранних групп городища Демидовка. Фонды Смоленского музея-заповедника. Рис. Н.В. Лопатина и В.В. Бегуновой, фото В.В. Бегуновой.

Fig. 6. Pottery (1–6) of two early groups from the fortified settlement of Demidovka. Funds of the Smolensk Museum-Reserve. Drawing by N.V. Lopatin and V.V. Begunova, photo by V.V. Begunova

Москве-реке. Для эпохи переселения народов эта разница особенно значительна (Кренке, 2011. С. 166). Видимо, численности популяций бобра в Поднепровье были существенно подорваны человеком.

Итак, серия радиоуглеродных дат доказывает, что поселение на площадке городища существовало весьма долго, в интервале VIII (VII) в. до н.э. — VI в. н.э. При этом характер использования пространства памятника кардинально менялся.

Рис. 7. Керамика (1–7) верхнего горизонта городища Демидовка. Фонды Смоленского музея-заповедника. Рис. Н.В. Лопатина и В.В. Бегуновой, фото В.В. Бегуновой.

Fig. 7. Pottery (1–7) from the upper horizon of the Demidovka fortified settlement. Funds of the Smolensk museum-reserve. Drawing by N.V. Lopatin and V.V. Begunova, photo by V.V. Begunova

Рис. 8. Находки из верхнего слоя городища Демидовка. 1 – псалий; 2 – хомут для крепления узды к псалию; 3 – бритва; 4 – шпора; 5–9 – стрелы; 10 – подвеска. 1–9 – железо; 10 – бронза. Реставрация: В.А. Волков, М.В. Лавриков.

Fig. 8. Finds from the upper layer of the Demidovka fortified settlement. Restoration by V.A. Volkov, M.V. Lavrikov

Таблица 3. Остеологические данные по кв. 270 и 271 (раскопки 2020 г.)**Table 3.** Osteological data for sqs. 270 and 271 (2020 excavations)

Название вида	Латинское название	Нижний слой городища, VII—I вв. до н.э.	Верхний слой, IV–VI вв. н.э.	Стратиграфия не ясна
Белка	<i>Sciurus vulgaris</i>	5	—	—
Речной бобр	<i>Castor fiber</i>	2	—	—
Водяная полевка	<i>Arvicola amphibius</i>	—	1	—
Заяц	<i>Lepus sp.</i>	12	2	9
Обыкновенный еж	<i>Erinaceus europaeus</i>	1	—	—
Обыкновенный крот	<i>Talpa europaea</i>	1	—	—
Домашняя кошка	<i>Felis catus</i>	—	3	2
Лисица	<i>Vulpes vulpes</i>	1	1	3
Черный хорек	<i>Mustela putorius</i>	—	1	—
Барсук	<i>Meles meles</i>	1	—	1
Бурый медведь	<i>Ursus arctos</i>	—	1	—
Лошадь	<i>Equus caballus</i>	1	—	1
Кабан	<i>Sus scrofa</i>	1	—	—
Свинья	<i>Sus scrofa domestica</i>	31	9	5
Корова	<i>Bos taurus</i>	14	4	6
Мелкий рогатый скот	<i>Ovis/Capra</i>	24	11	10
Благородный олень	<i>Cervus elaphus</i>	4	—	—
Млекопитающие		97	34	38
Млекопитающие не определенные	<i>Mammals unident.</i>	873	193	120
Домашняя курица	<i>Gallus gallus</i>	—	3	4
Тетерев	<i>Lyrurus tetrix</i>	1	—	—
Галка	<i>Corvus monedula</i>	—	1	—
Птицы не определенные	<i>Aves</i>	2	1	—
Рыба	<i>Pisces</i>	4	—	—
Амфибии	<i>Amphibia</i>	—	1	—
Всего костей		977	233	163
Из них обуглено		234	59	10

Коллекция керамики и серия радиоуглеродных дат позволяют выделить основные периоды существования поселения: 1) VIII (VII)—III вв. до н.э.; 2) рубеж эр; 3) IV в. н.э.; 4) V—VI вв. н.э. Возможно, что периоды 3 и 4 следует объединить.

Новые материалы, полученные при исследованиях 2020—2022 гг., позволяют с большей надежностью утверждать, что на городище Демидовка на позднем этапе его функционирования существовал “большой дом” размерами 40 × 12 м (с учетом “тамбура”) трехнефной планировки, который датируется V в. н.э. С функционированием этого дома связано формирование “черного

слоя” толщиной до 30 см, прослеженного на всей площадке городища. Обстоятельства гибели постройки не вполне ясны. Утверждения о катастрофическом штурме и пожаре, имеющиеся в литературе, — это лишь предположения, которые могут быть поставлены под сомнение. Следы пожара постройки отсутствуют, нет и человеческих костей.

Оборонительная конструкция по периметру площадки в виде стены из клеток, вероятно, очень близка по возрасту “большому дому”, но была построена позже, на что указывают стратиграфические данные. Разрыв в возрасте не может

превышать нескольких десятилетий, судя по радиоуглеродным датам.

Насыщенность площадки памятника и его склонов оружием (стрелы, копья) и предметами снаряжения всадника (шпоры, псалий²) очень велика (рис. 8), что указывает на военизированный характер жителей поселения и их участие в конфликтах в эпоху переселения народов. Однако реконструкция конкретных исторических событий на этом основании пока преждевременна.

Авторы благодарят за помощь сотрудников архива ИА РАН А.А. Кудрявцева и С.А. Володина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю.В. Кухаренко. М.: Наука, 1970 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 176). С. 70–74.
- Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 9). С. 137–185.
- Казанский М.М. Элементы конского снаряжения постгуннского времени на Северном Кавказе и их параллели на окраинах степи // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16, № 2. С. 353–375.
- Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кренке Н.А., Казанский М.М., Лопатин Н.В., Ганичев К.А., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Модестов Ф.Э., Раева В.А. Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // Российская археология. 2021. № 1. С. 102–121.
- Лопатин Н.В. Тушемля, Демидовка, Колочин: О соотношении керамики верхних слоев // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 195. С. 9–15.
- Лопатин Н.В., Фурсов А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 8). 252 с.
- Лявданский А.И. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924. С. 127–184.
- Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. 290 с.
- Обломский А.М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 10–113.
- Обломский А.М., Козмирчук И.А. Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V в.). М.: ИА РАН, 2015 (Раннеславянский мир; вып. 16). С. 134–164.
- Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). 456 с.
- Родинкова В.Е. Культурные связи населения Суджанского региона в эпоху Великого переселения народов // Stratum plus. 2020. № 5. С. 99–110.
- Семенов А.А., Долуханов П.М., Романова Е.М. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // Советская археология. 1972. № 3. С. 209–218.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 209 с.
- Фурсов А.Г. Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на “классические” памятники // Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. Мінск, 1997 (Гістарычна-археалагічны зборнік; № 11). С. 33–38.
- Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (Предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V — первой половины VI в. // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 238. С. 170–193.
- Шмидт Е.А. Отчет о раскопках городища у дер. Демидовки Смоленского района, проведенных в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3107.
- Шмидт Е.А. Отчет о раскопках городища у дер. Демидовки в районе Смоленска летом 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3542.
- Шмидт Е.А. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука, 1970 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 176). С. 63–69.
- Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. Днепр-двинские племена (VIII в. до н.э. — III в. н.э.). М.: Прометей, 1992. 208 с.
- Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003. 296 с.

² В 2022 г. в мешаном верхнем слое был найден стержневидный железный псалий с В-образной скобой для крепления удила (рис. 7) V—первой половины VI в. н.э. с рифлением всего стержня, за исключением центральной части, где крепилась фигурная скоба, и изогнутой полиэдрической головкой, аналогичный находкам на поселении Куриловка 2 в Курской области (Родинкова, 2020. Рис. 1), на Северном Кавказе в Прикубанье в готском могильнике Дюрсо (Казанский, 2020), могильнике Ксизово 19 на Дону (Обломский, Козмирчук, 2015), рязано-окских могильниках (Ахмедов, 2007. С. 149, 150; здесь литература, указывающая на европейские аналогии). В-образная скоба на псалиях встречается в широком ареале Римской империи (Храпунов, Казанский, 2015. С. 182). В Демидовке был найден также хомут, крепивший узду к псалию (рис. 7, 2).

THE FORTIFIED SETTLEMENT OF DEMIDOVKA IN SMOLENSK REGION. STRATIGRAPHY, SOILS, STRUCTURES, POTTERY, ANIMAL BONES

Nikolay A. Krenke^{a, #}, Nikolay V. Lopatin^{a, ##}, Aleksandr L. Aleksandrovsky^{b, ###},
Arkady B. Savinetsky^{c, ####}, Viktoria V. Begunova^{d, #####}, Vladislav A. Volkov^{a, #####},
Kirill A. Ganichev^{a, #####}, Ivan N. Ershov^{a, #####}, Olga A. Lopatina^{a, #####},
Maria M. Pevzner^{e, #####}, Vera A. Raeva^{a, #####}, Ekaterina Yu. Tavlintseva^{f, #####},
and Sergey N. Chaukin^{a, #####}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^bInstitute of Geography RAS, Moscow, Russia

^cA.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS, Moscow, Russia

^dSmolensk State Museum-Reserve, Smolensk, Russia

^eGeological Institute RAS, Moscow, Russia

^fMuseum of Moscow, Moscow, Russia

[#]E-mail: nkrenke@mail.ru

^{##}E-mail: n.lopatin@gmail.com

^{###}E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

^{####}E-mail: arkadybs@rambler.ru

^{#####}E-mail: v.begunova@yandex.ru

^{#####}E-mail: vlad47777@list.ru

^{#####}E-mail: kirganichev@yandex.ru

^{#####}E-mail: ershovin@yandex.ru

^{#####}E-mail: lopatina.olga@gmail.com

^{#####}E-mail: m_pevzner@mail.ru

^{#####}E-mail: veraraeva@mail.ru

^{#####}E-mail: tavlintseva@gmail.com

^{#####}E-mail: schaukin@mail.ru

The article presents new results of studying the reference fortified settlement of Demidovka in Smolensk Region, Russian Federation, the lower date of which is the 7th (8th) century BC, the upper one is 6th century AD. The authors analyze museum collections (Smolensk) of the 1960s excavations that have not been covered in the publications, drawing records from the archive of the Institute of Archaeology RAS, data from palaeosoil and geochemical studies. As part of the study, additional test excavations were conducted, which made it possible to clarify the stratigraphy of the site and refine the plan of the “big house” – the residence of a noble family member (nobile) of the 5th century AD. A significant series of radiocarbon dates has been obtained, and an archaeozoological collection has been assembled that characterizes the diet of the settlement dwellers.

Keywords: the fortified settlement of Demidovka, the Kolochin culture, radiocarbon dates, “big house”, pottery, palaeosoil science, archaeozoology.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., 2007. Grave goods of male burials. *Vo-stochnaya Evropa v seredine I tys. n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]*. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomskiy, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 137–185. (Ranneslavianskiy mir, 9). (In Russ.)
- Ambroz A.K., 1970. Southern artistic connections of the Upper Dnieper population in the 6th century AD. *Drevnie slavyane i ikh sosedii [Ancient Slavs and their neighbours]*. Yu.V. Kukharenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 70–74. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 176). (In Russ.)
- Furas'ev A.G., 1997. Demidovka and Uzmen. An unconventional look at “classic” sites. *Belarus' u sisteme eyrap-eyskikh kul'turnykh svyazyay [Belarus in the system of European cultural ties]*. Minsk, pp. 33–38. (Gistarychna-arkhealogichny sbornik, 11). (In Russ.)
- Kazanskiy M.M., 2020. Elements of post-Hunnic horse gear in the North Caucasus and their parallels on the steppe frontiers. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of the Caucasus]*, vol. 16, no. 2, pp. 353–375. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., Kazanskiy M.M., 2015. Burial 114 at the Neizats cemetery (the foothills of the Crimea mountains) and antiquities of the nomads of the Northern Pontic from the second half of the 5th – first half of the 6th cc. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 238, pp. 170–193. (In Russ.)

- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The Dyakovo fortified settlement: culture of the population of the Moskva River region in the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 548 p.
- Krenke N.A., Kazanskiy M.M., Lopatin N.V., Ganichev K.A., Ershov I.N., Ershova E.G., Modestov F.E., Raeva V.A., 2021. The fortified settlements of Demidovka and Vyazovenki in Smolensk land: hierarchy, chronology and cultural attribution. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 102–121. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 1989. Tushemlya, Demidovka, Kolochin: on the ratio of pottery of the upper layers. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 195, pp. 9–15. (In Russ.)
- Lopatin N.V., Furas'ev A.G., 2007. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira [Northern frontiers of the early Slavic world]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 252 p. (Ranneslavyanskiy mir, 8).
- Lyavdanskiy A.I., 1924. Materials for the archaeological map of Smolensk Province. *Trudy smolenskikh gosudarstvennykh muzeev [Proceedings of the Smolensk State Museums]*, 1. Smolensk, pp. 127–184. (In Russ.)
- Magomedov B.V., 2001. Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa [The Chernyakhov culture. The problem of ethnicity]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 290 p.
- Oblomskiy A.M., 2016. The Kolochin culture. *Rannesrednevekove drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries AD)]*. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: Institut arkheologii RAN, pp. 10–113. (Ranneslavyanskiy mir, 17). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., Kozmirchuk I.A., 2015. Hunnic burial site of Ksizovo-19. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskiy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.) [Sharp Bent of the Don in the ancient period. Archaeological complex of the Hunnic sites at the village of Ksizovo (late 4th–5th century AD)]*. Moscow: Institut arkheologii RAN, pp. 134–164. (Ranneslavyanskiy mir, 16). (In Russ.)
- Rannesrednevekove drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries AD)]. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2016. 456 p. (Ranneslavyanskiy mir, 17).
- Rodinkova V.E., 2020. Cultural connections of the Sudzha region population in the Migration period. *Stratum plus*, 5, pp. 99–110. (In Russ.)
- Sementsov A.A., Dolukhanov P.M., Romanova E.M., 1972. Radiocarbon dates of the laboratory at Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA). *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 3, pp. 209–218. (In Russ.)
- Shmidt E.A. Otchet o raskopkakh gorodishcha u der. Demidovki Smolenskogo rayona, provedennykh v 1964 g. [Report on the 1964 excavations in the fortified settlement at the village of Demidovka, Smolensk Region]. *Arkhir Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 3107.
- Shmidt E.A. Otchet o raskopkakh gorodishcha u der. Demidovki v rayone Smolenska letom 1967 g. [Report on the excavations in the fortified settlement at the village of Demidovka near Smolensk in the summer of 1967]. *Arkhir Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 3542.
- Shmidt E.A., 1970. On the culture of fortified settlements-shelters of the left-bank Smolensk Region. *Drevnie slavyane i ikh sosedi [Ancient Slavs and their neighbours]*. Yu.V. Kukhareno, ed. Moscow: Nauka, pp. 63–69. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 176). (In Russ.)
- Shmidt E.A., 1992. Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva. Dnepro-dvinskie plemena (VIII v. do n.e. – III v. n.e.) [Tribes of the upper Dnieper region before the formation of the Rus state. Dnieper-Dvina tribes (8th century BC – 3rd century AD)]. Moscow: Prometey. 208 p.
- Shmidt E.A., 2003. Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–VII vv. n.e. Tushemlinskaya kul'tura [The Upper Dnieper and Dvina regions in the 3rd–7th centuries AD. The Tushemlya culture]. Smolensk. 296 p.
- Tret'yakov P.N., Shmidt E.A., 1963. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny [Ancient fortified settlements of Smolensk land]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 209 p.

ОБЪЕКТЫ УСАДЕБНОЙ ПЛАНИРОВКИ XIV–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В. В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В БОЛЬШОМ СКВЕРЕ

© 2023 г. Р. Н. Модин^{1,*}, В. Ю. Коваль^{1,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: modin.roman@mail.ru

**E-mail: kovaloka@mail.ru

Поступила в редакцию 12.01.2023 г.

После доработки 12.01.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Деревянные сооружения, входившие в состав усадебных комплексов XIV–первой половины XVI в., представляют собой остатки наземных построек и углубленных в землю погребов. Последние представляли собой бревенчатые срубы, помещенные в вырытый для них котлован. Большинство срубов было сложено из дубовых либо молодых сосновых и еловых бревен, что не позволило получить серию достоверных дендрохронологических дат. Наземные (жилые и хозяйственные) постройки сохранились хуже, часть из них погибла в пожаре конца XV в. С жилыми постройками связаны остатки печей, сложенных из сырцовых кирпичей. Компактное расположение изученных сооружений, строительство на одном и том же месте погребов, печей свидетельствует об устойчивой планировке усадебного пространства на протяжении длительного времени — с XIV по середину XVI в. В финале истории участка на нем возник очень крупный погреб глубиной до 5 м, который мог быть связан с временным двором Ивана III конца XV в.

Ключевые слова: археология Москвы, позднее средневековье, культурный слой, усадебная планировка, погреб, сруб.

DOI: 10.31857/S086960632304013X, EDN: NEIAPV

В 2019–2021 гг. Институтом археологии РАН проведены раскопки на территории Большого Кремлевского сквера, на участке к востоку от Архангельского собора. Раскопом площадью 288 м² исследованы культурные напластования раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.), эпохи Средневековья и Нового времени (XII–XIX вв.) (Макаров и др., 2020).

Рядом с Архангельским собором, к востоку от него, историографическая традиция помещает двор Владимира Андреевича Храброго, упомянутый в его духовной грамоте 1401–1402 гг. (Духовные..., 1950. С. 50. № 17). Местоположение этого двора фиксирует духовная грамота Василия II 1461 г.: “двор княж Васильевской Ярославича, княж Володимировской, за архангелом Михаилом” (Духовные..., 1950. С. 199. № 61). В 1456 г. он перешел в великокняжеское владение, а в 1492 г. Иван III устраивает “за Архангелом на Ярославичском месте” временный деревянный двор на время строительства новой резиденции (Полное собрание..., 1859. С. 225). Он существовал здесь, по крайней мере, до 1508 г., когда “...вшел князь

великий... в новой двор кирпичной жити...” (Полное собрание..., 1859. С. 249).

Во второй половине XVI в. на этом участке формируется крупный административный центр, начало которому положено строительством в 1565 г. Посольской палаты, “что против Ивана Святого под колоколы” (Полное собрание..., 1906. С. 397, 398). К нему относятся остатки белокаменных фундаментов зданий Старых и Новых Приказов, размещавшихся на этом месте в 1591–1770 гг. (рис. 1). После разборки здания Новых Приказов в ходе расчистки площади для нереализованного проекта по строительству нового Кремлевского дворца эта часть Кремля превратилась в большой пустырь с остатками разрушенных строений, вид которого известен по изображениям конца XVIII–XIX в. (Макаров и др., 2020. Рис. 2). В XIX в. территория была выровнена и занята обширной площадью, частично замощенной кирпичом и занимавшей всю восточную часть Кремлевского холма. Существовавший ныне Большой Кремлевский сквер стал формироваться с конца 1930-х годов, но современный парковый облик он приобрел только после 1945 г.

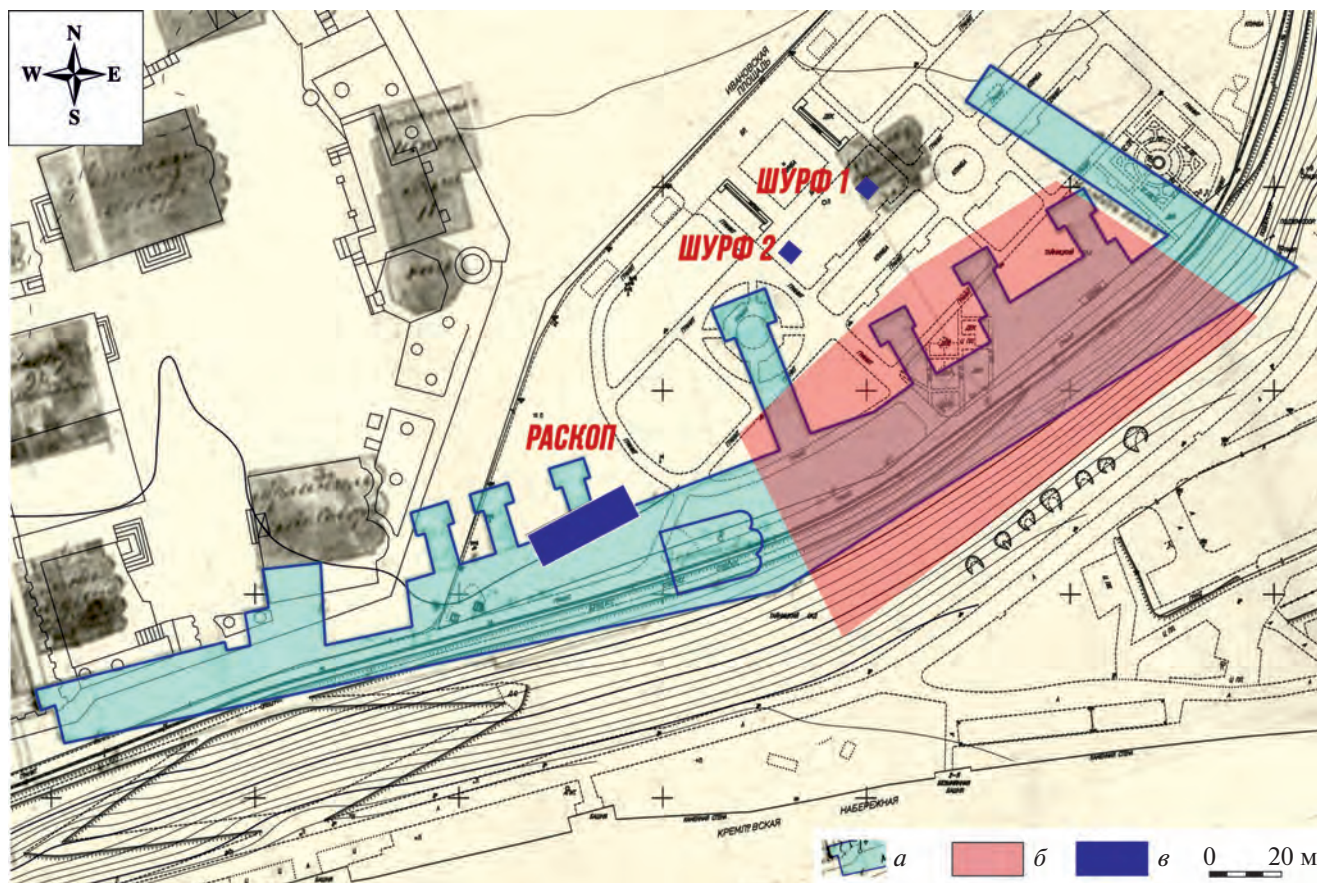

Рис. 1. Схема Большого Сквера, совмещенная с планом XVIII в. Условные обозначения: *а* – контуры здания Приказов 1675–1683 гг. по плану XVIII в.; *б* – зона, поврежденная при строительстве памятника Александру II в 1890–1898 гг.; *в* – раскопы и шурфы ИА РАН 2018–2021 гг.

Fig. 1. A sketch of the Great Garden combined with an 18th century plan

В средневековом культурном слое, сформировавшемся до строительства здания Старых Приказов, выделено пять условных стратиграфических горизонтов (слои 5, 5а, 6, 7, 8), которые суммарно датируются второй половиной XII – третьей четвертью XVI в. С этим временем на раскопе связаны различные объекты усадебной планировки – остатки хозяйственной и жилой застройки. Наиболее крупные из них – остатки наземных деревянных построек и углубленных хозяйственных сооружений. Эти объекты дают общее представление о планировке усадебного пространства. Помимо них исследованы многочисленные хозяйственные ямы, как правило, небольшие по размерам и неглубокие, а также отдельные столбовые ямы и фрагменты частоколов. Все эти объекты неравномерно распределены в культурном слое.

Прослойки, относящиеся к домонгольскому времени, выявлены далеко не на всей площади раскопа. Это объясняется неоднократными перестройками в последующие эпохи, в результате которых ранние напластования были срезаны. Прослойки второй половины XII – первой половины

XIII в. сохранились только в центральной части раскопа. К северо-востоку и юго-западу от этого участка эти прослойки оказались сняты при позднейших строительных работах и обустройстве участка. Однако здесь зафиксированы древнерусские ямы, а в культурном слое более позднего времени присутствует значительная примесь домонгольской керамики и индивидуальных находок. В северо-восточном углу раскопа следы культурного слоя древнерусского времени и связанные с ним углубленные в материк объекты не зафиксированы. Однако площадь, на которой здесь удалось дойти до материка, слишком мала, чтобы делать окончательные выводы. С домонгольским временем на раскопе связаны только небольшие хозяйственные ямы. Остатки каких-либо крупных построек не выявлены (рис. 2, А).

Следующий стратиграфический горизонт датируется второй половиной XIII – второй половиной XIV в. К этому времени относятся остатки двух погребов (сооружения 50 и 60) и несколько хозяйственных ям (рис. 2, Б).

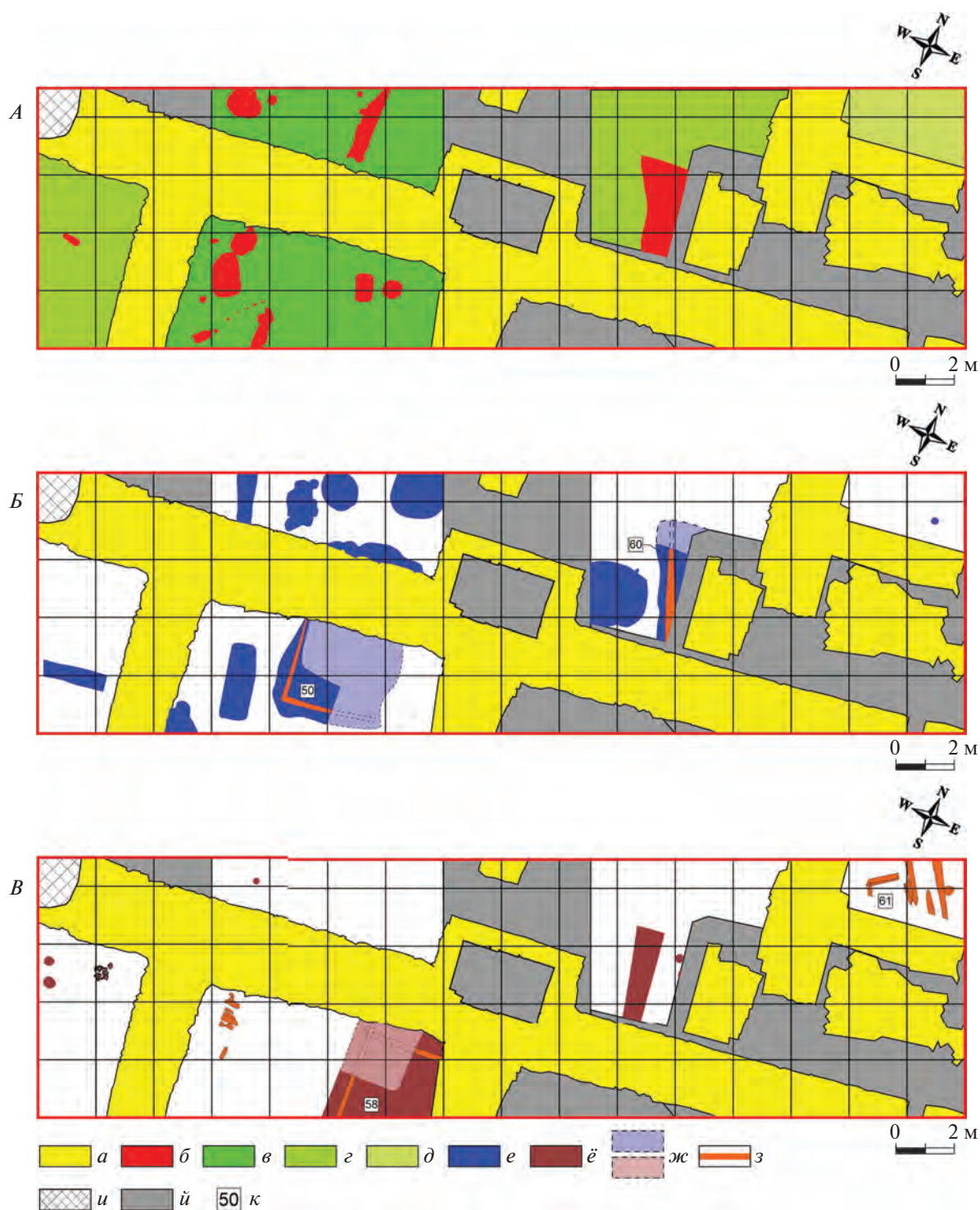

Рис. 2. Планы раскопа с обозначением ям и сооружений домонгольского времени (А), второй половины XII – первой трети XIII в.; Б – второй половины XIII–XV в.; В – XV в. Условные обозначения: а – архитектурные остатки зданий Новых и Старых Приказов; б – ямы домонгольского времени; в/г – участки с сохранившимся/разрушенным культурным слоем второй половины XII – первой трети XIII в.; д – участки, где культурный слой домонгольского времени не выявлен; е – ямы второй половины XIII–XIV в.; ё – ямы XV в.; ж – разрушенные части построек; з – деревянные сооружения; и – перекоп XX в.; й – участки раскопа, не вскрывавшиеся до слоев XVI–XVII вв.; к – номера сооружений.

Fig. 2. Plans of the excavation site indicating pits and structures of the pre-Mongolian period (A), the second half of the 12th – the first third of the 13th century AD; Б – the second half of the 13th–15th century AD; В – 15th century AD

Сооружение 50 представляет собой остатки деревянного сруба, рубленного в обло и помещенного в заглубленный в землю котлован, превосходивший сруб по размерам. Расстояние между стенками котлована и стенками сруба составляет 70–80 см. Верхняя часть сруба полностью истлела. В раскоп попал лишь угол сооружения с частью южной и западной стенок. Остальные его части уничтожены котлованами более поздних погребов (рис. 3, А). Сруб был ориентирован стенками по линии С–Ю. Дерево, из которого сложен сруб, плохой сохранности, представляло собой труху¹, полосы которой имели до 2–3 см в толщину и 9–10 в высоту (рис. 3, Б). Возможно, такие габариты свидетельствуют, что сруб был сложен из плах или колотых досок. Сохранилось не менее 10 венцов общей высотой до 1 м. Судя по глубине котлована относительно неповрежденной поверхности материка, изначально высота сруба составляла не менее 1.7 м (в действительности же, вероятно, еще больше, поскольку дневная поверхность времени строительства размещалась как минимум на 40 см выше горизонта материка). Следы пола не зафиксированы, судя по всему, он был земляной. Внутренний объем сруба был заполнен коричневой супесью с включениями песка, угля, тлена, глины. Пространство между стенками сруба и краем котлована (пазухи) заполнено мешаным грунтом, состоящим в основном из песка, светло-серой, серой и темно-серой супеси, с включениями коричневой супеси, глины и древесного тлена.

Для датировки заполнения постройки важно присутствие в ней обломков золотоордынских керамических импортов — поливных кашинных чаш и тисненых фляг, которые в самой Золотой Орде получают распространение не ранее второй трети XIV в. Но все эти обломки найдены как мусор, попавший в засыпку погреба, ставшего уже ненужным. Следовательно, погреб был засыпан, по-видимому, во второй половине XIV в.

Восточнее располагался еще один погреб — сооружение 60. Конструктивно он аналогичен описанному выше — дубовый сруб², опущенный в котлован. В раскопе удалось проследить только часть юго-западной стенки сруба, ориентированного по линии СЗ–ЮВ (рис. 3, В). Углы сруба в раскоп не попали, поэтому способ их крепления установить невозможно. Всего зафиксировано 10 венцов бревен на высоту 1.4 м. Диаметр бревен — 14–20 см, продольных пазов на них нет. Уровень дневной поверхности, с которой был выкопан котлован, фиксируется по профилю раскопа на

уровне верхнего венца сруба. Следовательно, погреб был засыпан целиком, без разборки верхней части сруба. Следы специальной подготовки поверхности дна котлована (подсыпка, выравнивание, гидроизоляция) отсутствовали.

Внутри сруб заполнен темно-коричневой супесью с включениями красной глины, угля, печины. Керамический комплекс из заполнения сооружения нерепрезентативен, поскольку включал всего 52 обломка керамики, но для датировки имеют значение 3 обломка золотоордынских кашинных чаш. Таким образом, по стратиграфической позиции и находкам погреб можно связывать со слоем второй половины XIV в.

Застройка XV в. менее плотная, чем в предыдущую эпоху (рис. 2, В). В это время на месте сооружения 50 был построен другой погреб (сооружение 58), котлован которого частично прорезал котлован более ранней постройки (рис. 3, А). В зону исследований попала лишь его незначительная (юго-западная) часть. Как и остальные погреба, он представлял собой сруб, поставленный в специально вырытый под него котлован. Расстояние между стенками котлована и срубом составляло 60–80 см. Конструкция ориентирована по линии С–Ю. В раскопе зафиксированы фрагменты двух стенок сруба — южной и западной, которые прорезаны еще более поздним погребом на месте западного угла сооружения. Углы сруба в раскоп не попали. Он был сложен из еловых бревен диаметром 10–16 см, без продольных пазов (рис. 3, Г). От каждой из стенок сохранилось по пять венцов. Дневная поверхность, с которой котлован погреба был впущен в грунт, исходя из общей стратиграфической ситуации, могла находиться примерно на 1.2–1.4 м выше сохранившихся венцов сруба. Таким образом, первоначально сруб мог состоять из 13–14 венцов и имел высоту (глубину заложения) 2–2.2 м. Поскольку никаких следов пожара в погребе не было, а хорошая сохранность нижних венцов исключает полное сгнивание верхней его части, логично предположить, что верхние венцы были разобраны.

Земляным полом сооружения служила подсыпка мощностью 25–30 см из темно-коричневой супеси с включениями угля, глины, песка, тлена, взятой, вероятно, из окружающего культурного слоя. На ее поверхности найден фрагмент лестницы, представлявший собой расколотое пополам сосновое бревно, в котором вырублены выемки-ступени.

Заполнение верхней части сруба до уровня четвертого снизу венца представлено темно-коричневой супесью с включениями древесного тлена и единичными — щепы. Ниже, до уровня подошвы нижнего венца, сруб был заполнен плотно утрамбованной щепой с темно-коричневой

¹ По этой причине определить породу древесины невозможно.

² Здесь и далее все определения пород древесины для построек раскопа выполнены Л.Н. Грищенко (Соловьевой) в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

Рис. 3. Погреба XIV—начала XVI в. *А* — соор. 50, 57, 58; *Б* — стенка соор. 50; *В* — стенка соор. 60; *Г* — стенка соор. 58.

Fig. 3. Cellars of the 14th – early 16th century AD

супесью. Вещевые находки в заполнении этого погребка были немногочисленны (9 шт.), и среди них не было таких, которые могли бы указывать на дату его строительства и функционирования (переотложенные единичные обломки византийских амфор и золотоордынских кашинных чаш явно не относились к их числу). Керамический комплекс из этого грунта по соотношению красноглиняной керамики (УТК³-36 и 11 — 47%) с белоглиняной (УТК-4 и 13 — 2%) имел однозначное сходство с керамикой из слоя XV в. на площади раскопа. Пространство между срубом и стенками котлована было заполнено темно-коричневой супесью с включениями угля, песка, глины. В этом грунте содержалась в основном керамика XIII—XIV вв., доля образцов XV в. составляла всего 5%. Это объясняется тем, что котлован сооружения 58 был впущен в культурные напластования более раннего времени. Сооружение 58 могло появиться в начале XV в., а прекратило существование и было засыпано во второй половине XV в.

На материковом дне котлована внутри сруба выявлены две ямы глубиной около 40 см. Первая круглая в плане, диаметром 68 см, вторая прямоугольная, размерами 96 × 60 см. Возможно, это дренажные колодцы, вырытые в углу погребка для отвода влаги. Такой прием довольно распространен, часто фиксируется при раскопках погребов. Иногда в такие ямы вставлялись деревянные бочки, в которых было выбито дно (Панова, Коваль, 2007. С. 208, 211; Энговатова, 2007. С. 261, 262; Лапшин, 2009. С. 271). Однако обломки византийских амфор из их заполнения не исключают варианта, что они относились к более раннему погребу древнерусского времени, следы которого были уничтожены последующим строительством.

Больше всего объектов усадебной планировки исследовано в слое последней четверти XV — первой четверти XVI в. (рис. 4, А). Слой четко делился на три прослойки, верхняя и нижняя из которых маркируют два крупных пожара. Постройки, возникшие на месте уничтоженных ранним пожаром, затем погибли в следующем.

С горизонтом раннего пожара связаны остатки наземных построек, погреб и несколько небольших ям. Сооружение 32 — остатки деревянной наземной постройки, сгоревшей в пожаре (рис. 5, А). Ее руины разделены фундаментом здания Новых Приказов на две части. Южная часть постройки состоит из шести обугленных бревен, ориентированных по линии 3—В, и одного поперечного им бревна, залегающих в четыре яруса (в нижнем — четыре бревна, в остальных — по одному). Диаметр бревен — от 8 до 22 см. Северная часть по-

стройки исследована на небольшом участке размерами ~2 × 1.5 м, ограниченном бортами раскопа и фундаментом здания Приказов. Эта часть сооружения включала три яруса бревен диаметром от 8 до 40 см: в нижнем ярусе — два бревна, ориентированных по линии С—Ю, выше — одно поперечное, в верхнем ярусе — четыре бревна, ориентированные так же, как в нижнем ярусе. Исследованные фрагменты сооружения слишком малы и не позволяют сделать вывод, было ли оно жилым или хозяйственным.

Остатки еще одной наземной постройки исследованы в 12 м к востоку. От нее сохранились руины печи, зафиксированные в виде трех глиняных массивов (сооружения 54—56) (рис. 6, А). Первый из них — остатки основания печи, сложенного, судя по всему, из сырцовых глиняных кирпичей, отдельные обломки которых были найдены при его разборке. В раскоп попала лишь периферия сооружения, а основная его часть оказалась перекрыта фундаментом здания Новых Приказов. Под глиной расчищены обгорелые остатки деревянного настила, на который было уложено основание печи. Рядом выявлены остатки разрушенной печи в виде двух массивов частично обожженной, частично сырой глины, с отдельными фрагментами сырцовых кирпичей. В углисто-золистом слое, примыкавшем к сооружению, расчищены сильно обгоревший жернов и развал горшка. Вокруг жернова и под ним обнаружено скопление зерна.

К этому же горизонту относятся остатки погребка (сооружение 57), расположенного ровно посередине между описанными выше наземными постройками, каждая из которых могла относиться к нему. Погреб был частично впущен в котлованы уже засыпанных ранних погребов (сооружения 50, 58) (рис. 3, А). Он представлял собой сруб, помещенный в котлован, края которого находились на расстоянии 20—40 см от деревянных стен погребка. Сруб, как и два предыдущих погребка, ориентирован по осям С—Ю и 3—В. В раскоп попала его восточная часть с двумя углами, северная половина погребка была перекрыта белокаменным фундаментом здания Новых Приказов. Сруб рублен в обло из дубовых бревен диаметром 10—16 см. Он имел длину 3.8 м, раскрыт на ширину 1.6 м, его полная ширина не могла превышать 4 м. Сохранилось пять нижних венцов сруба. Чашка расположена в верхней части каждого венца, продольных пазов в бревнах нет. Под нижним венцом около юго-восточного угла зафиксирована подкладка в виде расколотого пополам елового бревна. Верхние бревна сруба были обуглены (рис. 5, Б). Верхний край котлована, в который помещен сруб, находится на 1.5 м выше верхнего из сохранившихся венцов восточной стенки. Таким образом, можно предположить, что изначально сруб состоял из 18–19 венцов и был заглублен при-

³ УТК — условный тип керамики. Здесь и далее аббревиатуры и нумерация типов венчиков горшков приводятся в соответствии с опубликованной типологией и методикой (Коваль, 2016).

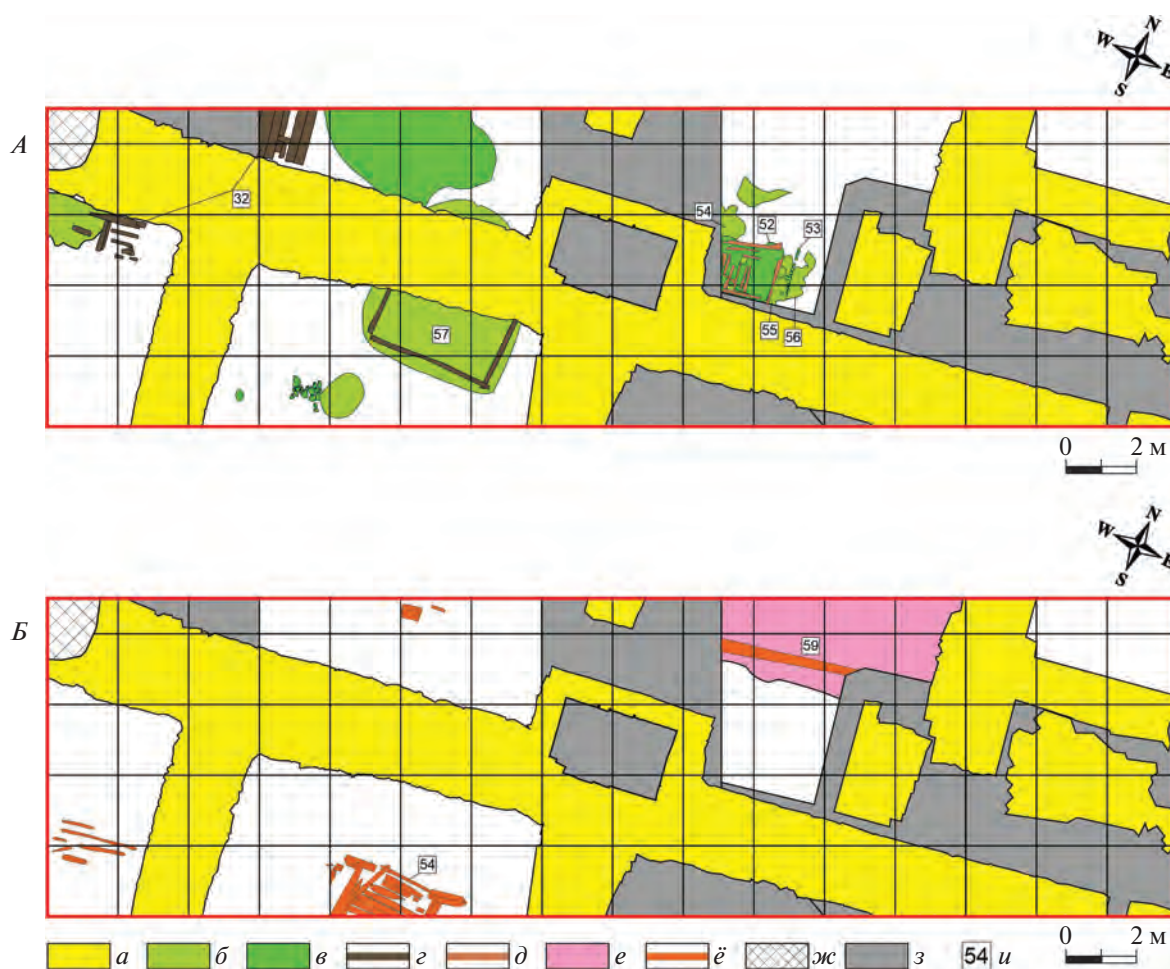

Рис. 4. Планы раскопа с обозначением ям и сооружений последней четверти XV – первой четверти XVI в. (А) и второй–третьей четвертей XVI в. (Б). Условные обозначения: а – архитектурные остатки зданий Новых и Старых Приказов; б – ямы последней четверти XV в. (прослойка раннего пожара); в – ямы последней четверти XV – первой четверти XVI в. (прослойка позднего пожара); г – деревянные сооружения последней четверти XV в. (прослойка раннего пожара); д – деревянные сооружения последней четверти XV – первой четверти XVI в. (прослойка позднего пожара); е/ё – ямы/деревянные сооружения второй – третьей четверти XVI в.; жс – перекоп XX в.; з – участки раскопа, не вскрывавшиеся до слоев XVI–XVII вв.; и – номера сооружений.

Fig. 4. Plans of the excavation site indicating pits and structures of the last quarter of the 15th – the first quarter of the 16th century AD (А) and the second-third quarters of the 16th century AD (Б)

мерно на 2.3 м. Пол погреба представлял собой прослойку красной глины толщиной 8–10 см.

Внутри сруба расчищен завал из досок, бревен и плах прямоугольного сечения, возможно, бывших деталями перекрытия и расположенной над котлованом наземной постройки (рис. 3, А). Две широкие (37 и 44 см) толстые (10–12 см) доски с прямоугольными вырубками на концах, лежавшие в самом низу завала, могли быть деталями настила пола наземной части постройки. Большинство бревен и досок в завале сильно обгорели. В отличие от бревен сруба доски и бревна из завала изготовлены из деревьев хвойных пород (сосна, ель). Очевидно, наземная постройка, подпольной частью которой было сооружение 57, погибла в пожаре. При этом верхние бревна погреба (не менее

10–13 венцов), наиболее пострадавшие от огня, в заполнении сооружения отсутствовали, а количество плах и бревен, лежавших на его дне, слишком незначительно по сравнению с тем объемом сгоревшей древесины, которую должен был дать сгоревший дом. Следовательно, на дно погреба попала лишь малая часть остатков пожара, причем даже верхние венцы сруба погреба были из него удалены, а не сброшены на дно котлована.

После пожара и разрушения погреба образовавшаяся яма с полуобгорелыми деревянными деталями на дне была засыпана темно-серой и темно-коричневой супесью, насыщенной углем, с включениями золы, глины, древесины, обожженных камней, обломков кирпичей, щепы, с линзами желтого песка. Керамический комплекс

Рис. 5. Фрагменты построек последней четверти XV в. (прослойка раннего пожара). *А* — сгоревшая наземная постройка (сооруж. 32); *Б* — угол погребца (сооруж. 57).

Fig. 5. Fragments of structures from the last quarter of the 15th century AD (layer of early fire)

из этой засыпи имеет наибольшую близость с набором керамики из слоя последней четверти XV — первой четверти XVI в. на площади раскопа (и в других постройках, связанных с этим слоем и уничтоженных пожаром). Это видно по соотношению красноглиняной кухонной и краснолощенной столовой керамики, с одной стороны (УТК-11 и 12 — 33 и 8%) и белоглиняной, с другой (УТК-4 и 13 — 12 и 0.5%).

Описанные постройки (сооружения 32, 54–57) были разрушены в результате крупного пожара в конце XV в. (возможно, в 1485 г.). После пожара усадебный комплекс был сразу же возобновлен. На месте наземной постройки с печью (сооружения 54–56) возведена новая (рис. 6, *Б*). От этой постройки сохранилось основание печи (сооружение 52) в виде массива обожженной глины размерами 184 × 184 см и мощностью до 16–18 см (рис. 6, *В*). При расчистке глины попадались отдельные брусковидные куски, по форме похожие на кирпичи (рис. 6, *Г*). Очертания кирпичей про-

слеживались внутри глиняного массива и в его разрезе. Таким образом, печное основание было сложено из сырцовых кирпичей. Оно было уложено на настил из досок шириной 4–10 см, сохранившихся в виде трухи толщиной до 2–4 см. Доски были ориентированы по линии С–Ю, под ними находились продольные лаги, положенные на грунт. Основание печи заключено в деревянную конструкцию, зафиксированную в виде фрагментов бревен или плах, сохранившихся в виде трухи толщиной до 6 мм (рис. 6, *В*). Местами прослежено два ряда бревен. Возможны два варианта интерпретации этого объекта. Один предполагает, что это юго-восточный угол дома, в котором стояла печь. В этом случае фрагменты бревен с северной стороны глиняного основания — часть деревянной обноски печи, пристроенной к стене дома. Расположение печей в углу обычно для жилых построек. Другой, в равной мере вероятный вариант — выявленная деревянная конструкция представляла собой отдельный опечек, а располо-

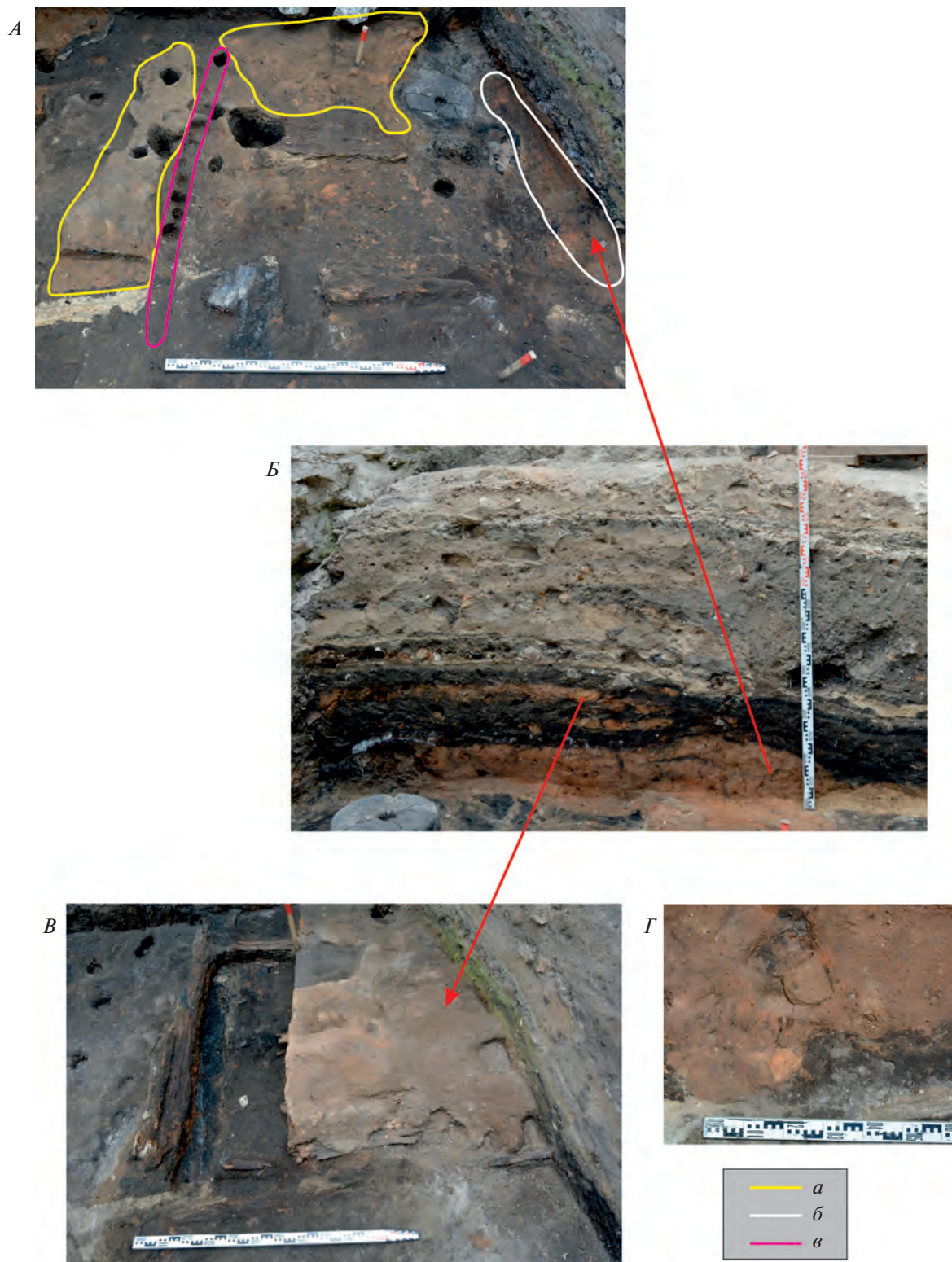

Рис. 6. Остатки печей горизонта последней четверти XV – первой четверти XVI в. *А* – руины печи (сооруж. 54–56) в прослойке раннего пожара (последняя четверть XV в.); *Б* – фрагмент профиля раскопа, на котором видны прослойки, относящиеся к остаткам печей; *В* – руины печи (сооруж. 52) в прослойке позднего пожара последней четверти XV – первой четверти XVI в.); *Г* – фрагмент сырцового кирпича в сооруж. 52. Условные обозначения: *а* – сооруж. 54 (основание печи); *б* – сооруж. 55, 56 (остатки печи); *в* – частокол (сооруж. 53) в прослойке позднего пожара.

Fig. 6. Remains of ovens from the last quarter of the 15th – first quarter of the 16th century AD

жение печи внутри дома в этом случае по имеющимся данным установить невозможно.

Керамический комплекс, связанный с сооружением, типичен для конца XV — первой четверти XVI в. Преобладает красноглиняная московская керамика (УТК-11, в том числе развал горшка) с небольшим присутствием белоглиняной гжельской керамики (УТК-4 и 13).

К западу от печи располагалась крупная яма 2, которая могла быть подпольем наземной постройки. Она вошла в раскоп не полностью. Зафиксированные размеры составили $\sim 5.2 \times 2.6$ м, глубина — 60–65 см. К востоку от печи выявлен частокол (сооружение 53) (рис. 6, А), ориентированный по оси С—Ю, с ямками диаметром 0.4–0.8 см, на линии протяженностью 218 см. Частокол перестраивался — еще одна линия из пяти ямок выявлена на расстоянии 2–14 см от первой. По нивелировочным отметкам дневной уровень частоккола совпадал с дневным уровнем дома, в котором стояла печь. Следовательно, частокол мог служить оградой усадьбы, включавшей этот дом. Данное обстоятельство важно для понимания планировки исследованной раскопом территории, так как для более ранних этапов границы усадеб не фиксировались.

С периодом, непосредственно предшествовавшим строительству здания Старых Приказов, связаны остатки одной наземной постройки и одного погребя (рис. 4, Б). Остатки деревянной наземной постройки (сооружение 34) исследованы в южной части раскопа. Постройка попала в раскоп не полностью. Размеры исследованной части составляют 3.8×1.8 м. Зафиксирован угол сооружения. Судя по нему, постройка была ориентирована по линии С—Ю. От дерева сохранилась только труха толщиной не более 0.5 см. Выделяется два яруса залегания бревен (рис. 7). Нижний ярус составляют остатки четырех-пяти бревен диаметром 10–30 см, ориентированных по линии С—Ю. Они залегают на расстоянии 40–100 см друг от друга и, вероятно, являются лагами под пол сооружения. Второй ярус составляют доски пола и бревна нижних венцов стен сооружения. Доски пола шириной 14–20 см (не менее 7) уложены вплотную друг к другу. Диаметр бревен стен — до 30 см. Под одно из бревен около угла постройки подложен камень (известняк) размерами 30×40 см. По расчищенному фрагменту затруднительно делать выводы о назначении сооружения. Вероятно, оно хозяйственное, по ориентировке совпадает с описанными выше.

Остатки погребя (сооружение 59) исследованы в северо-восточной части раскопа. Это наиболее крупная постройка доприказного периода, выявленная в раскопе. Погреб представлял собой сооружение монументальных размеров, заглубленное на 5 м в землю. О его размерах можно судить

лишь приблизительно, так как основная часть сооружения осталась на участке к северу и северо-западу от раскопа. Кроме того, с северо-востока оно было перекрыто белокаменным фундаментом здания Старых Приказов последней четверти XVI в. (до 1591 г.). Раскрытая в раскопе часть котлована по верхнему краю имела протяженность 6.8 м, следовательно, хотя бы один из размеров погребя превосходил 7 м. Помещенный в котлован сруб был сложен из сосновых бревен диаметром 24–36 см. Прием рубки углов установить не удалось, так как они в раскоп не вошли. Судя по попавшей в раскоп юго-восточной стенке сруба, он был ориентирован по оси СВ—ЮЗ, т.е. несколько иначе, чем все рассмотренные выше погребя.

Юго-восточная стенка сруба расчищена на протяжении 3.2 м на полную сохранившуюся высоту из 17 венцов (4.5 м). Нижний венец был положен на подклад из крупных камней (известняк), уложенных на слой красной глины, составлявший пол погребя (рис. 8, А). Поверхность этого пола находилась на уровне нижней части второго снизу венца. Мощностная слоя глины составляла 80–90 см, он перекрывал материковое дно котлована (материк был сложен из песка). Таким образом, глиняный пол служил одновременно и гидроизоляцией сооружения.

По верху бревен сруба вырублены продольные пазы (за исключением самого верхнего бревна, на котором лежало перекрытие) (рис. 8, Б). Бревно 3-го сверху венца было выдавлено грунтом из стенки внутрь погребя и залегало рядом с 4-м венцом. Северо-восточные части бревен 1 и 2-го венцов также были несколько сдвинуты внутрь погребя под давлением грунта с внешней стороны котлована. Эти два бревна залегали в раскопе с большим уклоном с юго-запада на северо-восток — перепад составлял 0.35 м на протяжении 3 м вскрытого участка сруба. Подобная ситуация могла сложиться после строительства здания Старых Приказов, так как фундамент разгрузочной арки каменной постройки давил на грунт как раз с этой стороны. Не исключено, что при каменном строительстве был поврежден восточный угол погребя, что и привело к вывалу бревен. Начиная с 4-го венца, бревна в стенке лежали практически горизонтально. Поверх 1-го венца сруба зафиксированы бревна перекрытия (наката), уложенные по оси СЗ—ЮВ (всего в раскопе их зафиксировано восемь), опиравшиеся своими юго-восточными концами на стенку сруба (рис. 8, В). Их диаметр составлял 18–34 см, лежали они на расстоянии 10–32 см друг от друга, т.е. не составляли сплошной отмостки. При этом все эти бревна имели сильный уклон к северо-западу (до 45°) и уходили в северо-западный борт раскопа. Их сохранность гораздо хуже, чем у бревен сруба. Внешние концы этих бревен не имели никаких следов обработки (подтески, врубки). Не было

А

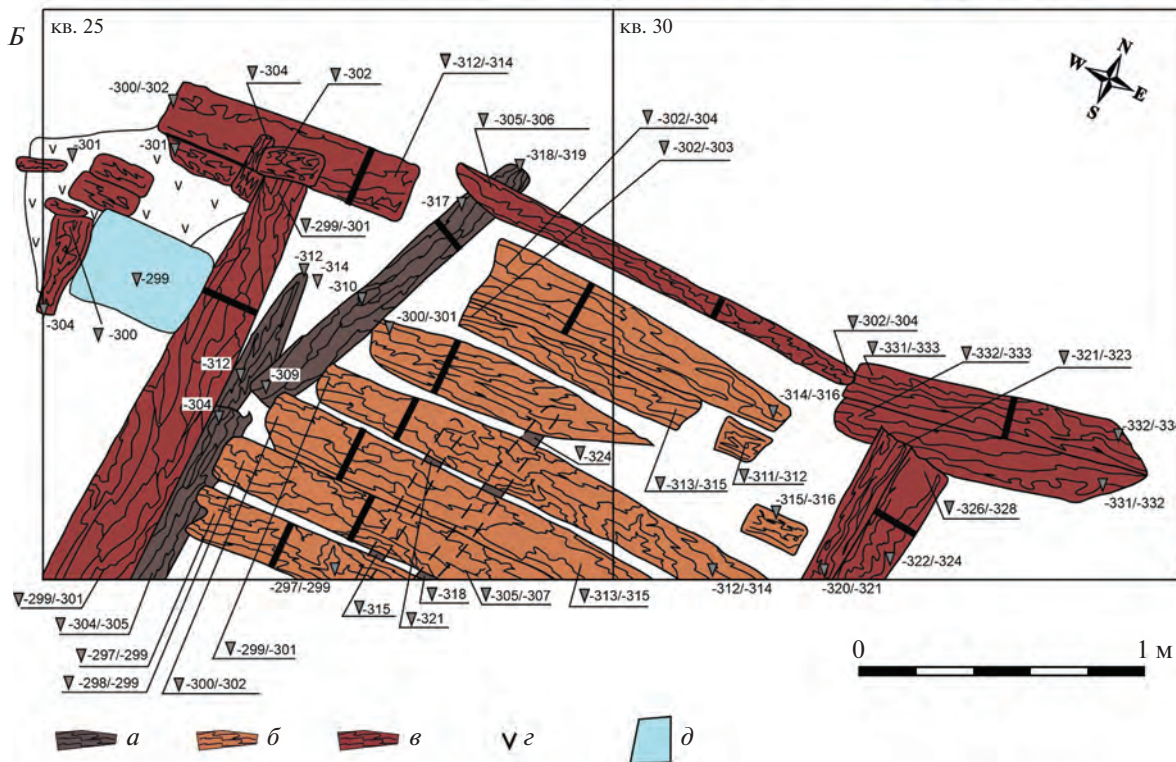

Рис. 7. Наземная постройка второй–третьей четверти XVI в. (сооруж. 34). Условные обозначения: *a* – лаги под пол; *б* – доски пола; *в* – бревна нижних венцов сруба; *г* – уголь; *д* – камень.

Fig. 7. An above-ground structure of the second-third quarter of the 16th century AD (structure 34)

никаких подтесок и на бревне 1-го венца сруба, на который они опирались. Подобные перекрытия (в виде бревенчатых накатов) были широко распространены и неоднократно зафиксированы

при раскопках погребов (Панова, Коваль, 2007. С. 208, 302; Энговатова, 2008. С. 217, 269). Положение бревен наката показывает, что они провалились внутрь погреб, следовательно, в момент

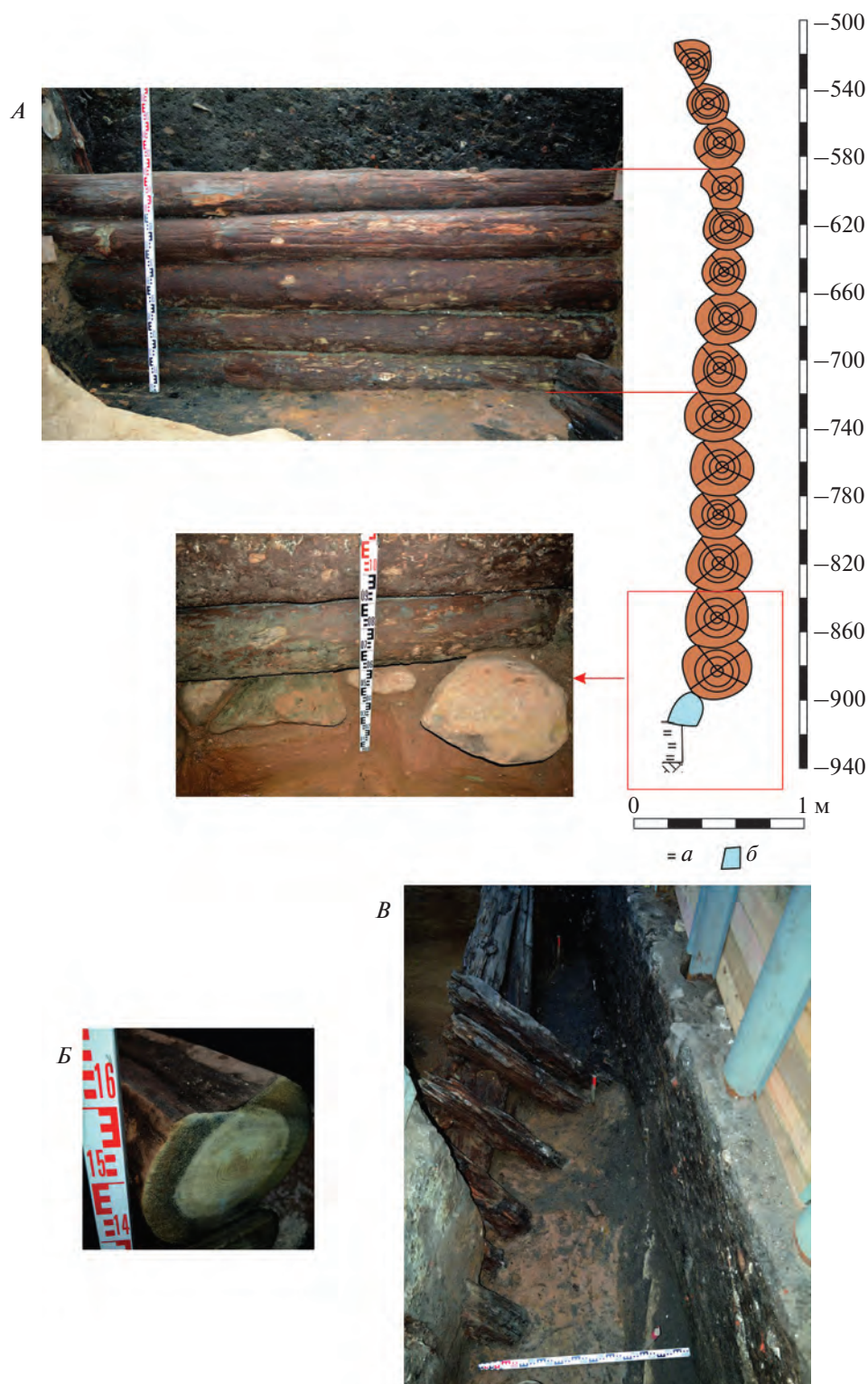

Рис. 8. Погреб второй–третьей четверти XVI в. (сооруж. 59). *А* — стена сруба; *Б* — паз в верхней части венца; *В* — остатки перекрытий. Условные обозначения: *а* — глина; *б* — камень.

Fig. 8. A cellar of the second-third quarter of the 16th century AD (structure 59)

обрушения часть объема погребка не имела никакого заполнения.

Высота внутреннего объема погребка от поверхности глинобитного пола до низа перекрытия составляла около 4 м, т.е. в 2 раза превышала рост даже очень высокого человека. Верхний край котлована, в который был помещен сруб, зафиксирован на 1 м выше верхнего венца и перекрытия сруба. Таким образом, общая глубина котлована погребка от дневной поверхности времени его строительства достигала 5 м. Несомненно, столь крупное сооружение должно было на уровне земли перекрываться какой-то конструкцией, защищавшей погреб от осадков, однако ее следы в раскопе не зафиксированы. Подобные случаи известны. Например, исследованный на Романовом дворе погреб 8, датированный XV в., состоял из двух частей. Нижняя часть представляла собой дощатый ящик, верхняя — более крупный по размерам сруб. Между ящиком и срубом была оставлена ступенька шириной 30–60 см (Археология..., 2009. С. 63, 64).

Пазухи котлована сооружения 59 (пространство между его стенкой и срубом) имели ширину 20–50 см и были заполнены массивами желтого материкового песка, разделенными прослойками, состоявшим из темно-коричневой и темно-серой супесей с включениями глины, угля, печины, песка и тлена. Нижняя часть сруба (ниже уровня основания 12-го венца) была заполнена сплошным слоем белокаменных отесков, как крупных, так и мелких, насыпанных прямо на глинобитный пол погребка. Вероятно, это строительный мусор, связанный с каким-то крупным строительством, проводившимся неподалеку. Мощность слоя отесков составляла 1–1.1 м. На глиняном полу лежала тетива лестницы, также изготовленная из сосны. Длину этой тетивы установить не удалось, так как она выходила за пределы вскрывавшейся части сооружения (вероятно, там была брошена вся тетива целиком и длина ее была значительной).

Поверх слоя отесков залегали прослойки песка и коричневой супеси с песком (20–40 см), а затем массив темно-коричневой супеси с включениями глины, белокаменной крошки, углей и древесного тлена (включая обрубки бревен) мощностью от 130 до 180 см. В этом слое обнаружены ошкуренные еловые и сосновые бревна, как крупные по диаметру, сопоставимые с бревнами стенки, так и отдельные небольшие обрубки. В северо-восточной части постройки этот грунт перекрывался прослойкой красной глины толщиной 60–80 см, залегавшей как под рухнувшими бревнами перекрытия, так и над ними, которая могла быть остатками гидроизолирующего “замка”, перекрывавшего погреб. Однако в юго-западной части изученного фрагмента постройки следы та-

кой прослойки отсутствовали. Там массив темно-коричневой супеси залегал как под бревнами перекрытия, так и над ними.

Общая мощность засыпи темно-коричневой супесью составляла около 3 м. При этом ниже бревен перекрытия сруба кроме измельченной керамики найдено всего три крупных и тяжелых железных предмета (нож, кольцо и брусок), тогда как выше перекрытия этот материал был весьма обильным (36 предметов, к сожалению, без узкодатированных). Объяснить такое различие можно тем, что грунт, залегавший под рухнувшим накатом, представлял собой землю, просыпавшуюся внутрь погребка в ходе засыпки котлована. Перекрытие (если оно было дополнено еще какими-то несохранившимися до наших дней элементами, например дощатым полом) могло представлять собой препятствие для попадания вниз крупных предметов, но не для земли и мелких обломков керамики.

Стратиграфическое положение погребка, презавшего слои и постройки XV–начала XVI в., позволяет связывать его со слоем второй–третьей четверти XVI в. Однако керамический комплекс, полученный в его заполнении и состоящий из сильно измельченной керамики, по своей структуре необычен. Основные типы керамики представлены разновидностями красноглиняной (УТК-11) и белоглиняной (УТК-13 и 4) керамики. Их соотношение для верхней части погребка (над срубом и его перекрытием) составляет 65: 3 + 4%, для нижней части сруба (под перекрытием) — 56: 8 + 5%. В этом комплексе хоть и присутствуют редкие обломки чернолощеной посуды XVI в. (1 экз. в верхней части погребка, 6 экз. в нижней его части), общее соотношение основных типов керамики характерно для более раннего слоя начала XVI в. Преобладание среди красноглиняной керамики (УТК-11) венчиков горшков типов 2 и 3 при отсутствии белоглиняных горшков с венчиками типа 4 — также признаки слоя рубежа XV–XVI вв. Однако надо иметь в виду, что заполнение нижней части погребка — это не отложения периода его функционирования, а грунт его засыпки. Видимо засыпка котлована заброшенного погребка осуществлялась срезанным поблизости грунтом слоя конца XV — начала XVI в., в котором присутствовал в переотложенном виде и более ранний материал (обломки золотоордынских кашинных чаш, стеклянных перстней, русская монета рубежа XIV–XV вв.).

Можно предположить, что погреб был построен в конце XV или начале XVI в. и перестал использоваться во второй–третьей четверти XVI в., спустя непродолжительное время после строительства. После этого в погреб были сброшены белокаменные отески (мусор от каменного строительства), а затем проводилась засыпка более

ранним культурным слоем, срезанным где-то на стороне специально для заполнения огромного котлована. Перекрытия погребов могли рухнуть непосредственно перед засыпкой (или даже в ходе нее), из-за чего вдоль стенок погребов остались пустоты и участки с разуплотненным грунтом. Это привело впоследствии к тому, что в юго-восточной стенке бревна 3-го венца было выдавлено окружающим грунтом внутри сруба.

Сооружение 59 выделяется своими размерами и конструктивными особенностями среди прочих построек, исследованных в Большом сквере. Местоположение его к востоку от Архангельского собора, хронологическая связь с горизонтами конца XV — первой половины XVI в. и относительная кратковременность существования позволяют сделать следующее предположение. Постройка представляла собой часть комплекса великокняжеской усадьбы — “двора древяна”, поставленного для Ивана III в 1492 г. на “Ярославичском месте” (Полное собрание..., 1859. С. 225) и, вероятно, упраздненного после переезда его преемника, Василия III, в “новый двор в кирпичной”, построенный на “старом месте у Благовещения” (Полное собрание..., 1859. С. 249). Данная интерпретация не может быть пока окончательно обоснована, поскольку в раскопе открыта лишь малая часть постройки, а датировка ее остается в относительно широком интервале.

Большинство спилов дерева, взятых в раскопе, не удалось датировать путем привязки к разработанным в настоящее время дендрохронологическим шкалам. Это связано, в том числе, с широким использованием в Кремле для строительства дерева относительно молодого возраста (до 80 лет), по которому не всегда возможно получить надежные хронологические реперы. В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН А.А. Карпухиным датированы лишь три спила со строительных деталей, оказавшихся в качестве мусора в заполнениях разрушенных погребов. Дендродаты 1329 г. (постройка 58, лестница), 1371 г. (постройка 58, обрубков бревна), 1334 г. (постройка 57, доска в завале внутри сооружения) получены по спилам дерева, которое нельзя уверенно связывать с бытованием самих построек. В этой ситуации представленная хронология построек базируется на стратиграфических наблюдениях и датировках керамического и вещевого материала, собранного внутри сооружений.

Таким образом, раскопом в Большом Кремлевском сквере исследована представительная серия построек, функционировавших на территории находившихся здесь во второй половине XII — первой половине XVI в. усадеб. Возможности для полноценной реконструкции усадебной планировки сильно ограничены. Практически все объекты попали в раскоп не полностью —

часть из них уходит за пределы раскопа, часть разрушена или перекрыта фундаментами зданий Новых и Старых Приказов. Они же разбили площадь раскопа на небольшие изолированные друг от друга участки, что не позволяет полноценно проследить планиграфическую ситуацию на разных этапах. Все же некоторые наблюдения можно сделать. В частности, постройка на одном и том же месте погребов (сооружения 50, 57, 58), печей (сооружения 52, 54–56) говорит об устойчивой планировке усадебного пространства на протяжении довольно длительного времени (XIV—первая половина XVI в.).

Большинство изученных на раскопе построек относится к категории углубленных хозяйственных сооружений. В культурном слое многих городов и сельских поселений средневековой Руси они сохраняются лучше других элементов застройки. Обычно подобные объекты интерпретируют как подвалы под крупными жилыми наземными постройками, использовавшиеся в хозяйственных целях: для хранения съестных припасов или иных ценностей. Иными словами, это погреб. Здесь необходимо уточнить, что увязывание подобных сооружений с жилыми постройками как их составных частей, не обязательно. Ведь погреб могли быть и самостоятельными постройками, располагаясь не под наземным срубом, а около жилища. В частности, М.Г. Рабиновичем по материалам раскопок в Зарядье и Заяузье выделено 12 погребов, стоявших на территории усадеб отдельно от жилых домов (Рабинович, 1964. С. 228). В ряде случаев свидетельством того, что углубленная постройка была подземной частью жилища, может служить характер ее заполнения, например присутствие в нем конструктивных частей находившейся сверху постройки, в частности, развала печи, стоявшей на полу жилища рядом с погребом. В качестве ближайшей аналогии подобной ситуации можно назвать сооружение Т1-32 из раскопа I ИА РАН 2007 г. на Подоле Московского Кремля (Панова, Коваль, 2007. С. 218). Большинство же исследуемых раскопками углубленных хозяйственных сооружений, интерпретируемых как погреб/подвалы/подполья, не имеют признаков наличия над ними наземной постройки, что не исключает интерпретации части их как отдельно стоящих заглубленных хозяйственных сооружений (погребов). Тем не менее большинство погребов, выявленных раскопками в Большом сквере, судя по характеру культурных отложений, должны быть реконструированы как углубленные хозяйственные части построек, основной частью которых были наземные срубы.

Исследованные в Большом сквере остатки деревянных погребов свидетельствуют о присутствии плотной усадебной застройки в юго-восточной части Кремля, на краю коренной террасы Москвы-реки в XIV—начале XVI в. Они существенно допол-

няют источниковую базу этой категории сооружений для территории Москвы.

Исследование выполнено в рамках НИР Института археологии РАН “Московский Кремль по материалам новейших археологических исследований: культурный слой, архитектурные сооружения, артефакты” (№ НИОКТР 122011100062-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология Романова двора: предистория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
- Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2016. С. 103–133.
- Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Фак-т филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. 540 с.
- Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Модин Р.Н., Панченко К.И., Яганов А.В. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // Российская археология. 2020. № 3. С. 96–113.
- Панова Т.Д., Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 29009.
- Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13, 2-я пол. I. Дополнения к Никоновской летописи; II. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. С. 303–532.
- Рабинович М.Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука, 1964. 354 с.
- Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриот (Волжская набережная, д. 1) в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 44361.
- Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30438.

STRUCTURES OF THE ESTATE LAYOUT OF THE 14TH–FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY IN THE MOSCOW KREMLIN BASED ON THE EXCAVATIONS IN THE GREAT GARDEN

Roman N. Modin^{a, #} and Vladimir Yu. Koval^{a, ##}

^a*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: modin.roman@mail.ru*

^{##}*E-mail: kovaloka@mail.ru*

The wooden structures that were part of the manor complexes of the 14th – the first half of the 16th century AD are the remains of above-ground structures and cellars dug into the ground. The latter were log frames placed in a pit dug for them. Most of the log frames were made of oak or young pine and spruce logs, which prevent researchers from obtaining a series of reliable dendrochronological dates. The above-ground (residential and economic) structures have survived in a worse condition, some of them perished in a fire at the end of the 15th century AD. Remains of ovens made of raw bricks are associated with residential buildings. The compact arrangement of the studied structures, the construction of cellars and ovens on the same site testifies to the stable layout of the estate space for a long time – from the 14th to the middle of the 16th century. At the end of the site functioning period, a very large cellar up to 5 m deep appeared on it, which could be related to the temporary court of Ivan III at the end of the 15th century.

Keywords: archaeology of Moscow, the late Middle Ages, cultural layer, estate layout, cellar, log house.

REFERENCES

- Arkheologiya Romanova dvora: predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vekakh [Archaeology of Romanov Court: prehistory and history of the Moscow centre in the 12th–19th centuries]. N.A. Krenke, comp. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2009. 524 p.
- Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual charters of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries AD]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 585 p.
- Engovatova A.V. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle na meste stroitel'stva otelya Meriot (Volzhskaya naberezhnaya, d. 1) v 2007 g. [Report on salvage archaeological excavations in Yaroslavl at the construction site of the Mariotte Hotel (1 Volzhskaya embankment) in 2007]. *Arkhir Instituta arkheologii*

- RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 44361.
- Engovatova A.V.* Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle po adresu Volzhskaya naberezhnaya, d. 1 v 2008 g. [Report on salvage archaeological excavations in Yaroslavl at 1 Volzhskaya embankment in 2008]. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 30438.
- Koval V.Yu.*, 2016. Primary recording of frequent ceramic finds on sites of the Middle Ages and the Early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe. *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy [Methodology of field archaeological research]*, 9. Moscow: Institut arkheologii RAN, pp. 103–133. (In Russ.)
- Lapshin V.A.*, 2009. Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) [Tver in the 13th–15th centuries (based on materials from excavations in 1993–1997)]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterb. gos. univ. 540 p.
- Makarov N.A., Koval V.Yu., Modin R.N., Panchenko K.I., Yaganov A.V.*, 2020. New investigations in the Moscow Kremlin: excavations of the Prikazy building. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 96–113. (In Russ.)
- Panova T.D., Koval V.Yu.* Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Taynitskogo sada v Moskovskom Kremle v 2007 g. [Report on the salvage archaeological excavations at the Tainitsky Garden site in the Moscow Kremlin in 2007.]. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 29009.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 8. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the chronicle of the Resurrection list]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1859. 301 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 13, 2. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi. Tak nazyvaemaya Tsarstvennaya kniga [Supplement to the Nikon Chronicle. The so-called Regal Book]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906, pp. 303–532.
- Rabinovich M.G.*, 1964. O drevney Moskve. Ocherki material'noy kul'tury i byta gorozhan v XI–XVI vv. [About old Moscow. Studies in the material culture and everyday life of the townspeople in the 11th–16th centuries AD]. Moscow: Nauka. 354 p.

МЕТОД СОЗДАНИЯ ОБОБЩЕННОГО ПОРТРЕТА-РЕКОНСТРУКЦИИ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ НА ОСНОВЕ ТРЕХМЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ ЧЕРЕПА

© 2023 г. А. В. Рассказова^{1,2,*}

¹Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

²НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва, Россия

*E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru

Поступила в редакцию 27.02.2023 г.

После доработки 27.02.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В статье представлен новый метод визуализации палеоантропологических данных — создание обобщенного портрета-реконструкции по краниологическим материалам. Обобщенный фотопортрет активно применяют в исследованиях современного населения, он позволяет получить генерализованную визуальную информацию о морфологических особенностях лица представителей какой-либо популяции, этноса или отдельных групп. Палеоантропологические морфологические исследования также опираются на групповые данные, но при этом зачастую лишены обобщающей визуальной информации. Развитие метода реконструкции лица по черепу позволяет получить достоверные портретные реконструкции представителей палеоантропологических групп. Однако индивидуальные краниофациальные реконструкции не дают представления о морфологии всей группы в целом и разнице между группами. Предложенный метод предполагает создание портретной краниофациальной реконструкции по генерализованной трехмерной модели черепа, построенной по средним значениям координат точек, собранных с поверхностей моделей всех черепов краниосерии. Проверка этого метода на двух достаточно близких, но морфологически различающихся краниологических сериях показала, что итоговая обобщенная модель черепа хорошо передает морфологические особенности каждой группы. Выбранное количество точек достаточно хорошо отражает морфологию лица. Получение обобщенного портрета-реконструкции позволяет иллюстрировать морфологические особенности и отличия между палеоантропологическими группами, а также проводить визуальные сравнения с современными популяциями.

Ключевые слова: реконструкция лица по черепу, обобщенный портрет, палеоантропология, физическая антропология, городское население, краниология, цифровые трехмерные модели черепов.

DOI: 10.31857/S0869606323030170, **EDN:** KAJHLU

В.П. Алексеев писал о необходимости коннекции соматологических и палеоантропологических данных, для сопоставления результатов исследования всех видов антропологических материалов. Решением этой задачи он видел развитие антропологической реконструкции внешности, в частности, создание шкалы стандартов мягких тканей лица (Алексеев, 1969. С. 34). В настоящее время собрана обширная база толщин мягких тканей лица (Веселовская, 1989), а также рассчитаны уравнения регрессии, для расчета размера некоторых признаков (Веселовская, 2018. С. 44. Таб. 4). В 2010 г. впервые был применен метод создания обобщенной антропоскопической характеристики лица по краниологическим материалам (Балуева и др., 2010). Он позволил провести сравнения древних и современных групп, опираясь на реконструированные по черепу размеры

лица. Однако это исследование было лишено обобщающей визуальной информации. Краниофациальная реконструкция позволяет получить достоверные портретные реконструкции представителей палеоантропологических групп, однако индивидуальные реконструкции не дают представления о морфологии всей группы в целом и разнице между группами. В большинстве случаев для реконструкции лица по черепу выбирают наиболее интересного с археологической или антропологической точки зрения индивида. Выбор же наиболее морфологически типичного может быть субъективным. В исследованиях современного населения для целей получения обобщенной визуальной информации о морфологии лица любой популяционной выборки применяют обобщенный фотопортрет (Перевозчиков, Маурер, 2009).

Цель этой работы — разработка метода создания обобщенного портрета-реконструкции по палеоантропологическим данным.

Метод создания обобщенного фотопортрета был предложен Френсисом Гальтоном в 1878 г. (Galton, 1878). Он основывался на совмещении с использованием реперных точек в процессе фотопечати негативных фотопортретов группы людей. Каждый негатив экспонировался в n раз меньше оптимального времени, где n — количество накладываемых негативных фотоизображений. В качестве реперных точек наиболее часто использовались середины зрачков (Galton, 1878. Р. 97; Перевозчиков, Маурер, 2009. С. 40). Полученный обобщенный или, как его еще можно назвать, составной фотопортрет выглядит несколько размытым, хорошо передает общие черты исходной группы и практически полностью убирает индивидуальные черты входящих в его состав портретов. При этом размытость итогового изображения в некоторых областях может служить визуальным отображением степени индивидуальной изменчивости составляющих его объектов.

Начиная с 70-х годов XX в. в НИИ и Музее антропологии МГУ было создано более 100 обобщенных фотопортретов по выборкам из различных этнических групп Евразии (Спицын и др., 1976; Павловский, Перевозчиков, 1977; Маурер, Перевозчиков, 1999; Маурер, Бацевич 2020; Маурер, 2021). В 2008 г. был разработан компьютерный метод обобщенного портрета, аналогичный методу Гальтона, и разработана специальная программа BMPtone (Локк, 2011. С. 38), чуть позднее создается программа face-on-face, в которой была добавлена третья реперная точка — стомион, что значительно увеличило четкость получаемых изображений (Сыроежкин, Савинецкий, Маурер, 2017).

С массовым развитием цифровых технологий распространение получил другой метод получения обобщенных фотопортретов, разработанный Дэвидом Перреттом и соавторами в 1990-х годах (Perrett, May, Yoshikawa, 1994). На каждом индивидуальном портрете отмечают 174 маркерные точки, описывающие основные морфологические особенности лица. Для каждой группы точек рассчитывают средние значения координат, и по этим координатам строят итоговое “среднее” изображение лица. Изображения, полученные таким методом, получаются очень четкими. Однако сама возможность построения четкого обобщенного изображения даже по самым различающимся лицам приводит к необходимости тщательного отношения к отбору исходных изображений при применении этого метода в научно-иллюстративных целях.

Существуют несколько возможных способов создания обобщенного портрета палеоантропо-

логической группы. Первый из них, самый очевидный, — создание обобщенного портрета по индивидуальным краниофациальным реконструкциям. Этот способ очень трудоемок и требует построения полноценных портретов-реконструкций по каждому черепу. На результирующем изображении помимо морфологических особенностей внешности исследуемой группы могут также в значительной степени проявиться и особенности художественной техники, используемой автором реконструкций.

Другой способ, который кажется более выполнимым, — создание обобщенного изображения черепа, по которому можно будет строить итоговую реконструкцию. С момента изобретения метода Гальтона было сделано несколько попыток создать обобщенное изображение черепа (Thomson, 1905. Р. 67. Т. Е; Перевозчиков, Маурер, 2009. С. 40), также предпринималась попытка создания обобщенного изображения черепа по трем точкам (Перевозчиков, Березина, неопубликованные данные). Все полученные изображения достаточно хорошо передают общую форму объекта, но из-за их нечеткости построение графической реконструкции лица по ним невозможно.

Очевидно, что более четкое изображение можно получить с увеличением количества маркерных точек, при использовании метода Перретта. Это создает ряд сложностей. Для выполнения достоверной реконструкции лица по черепу одного изображения черепа в фас недостаточно, обязательно построение хотя бы контурной реконструкции в профиль для уточнения положения и формы основных черт лица: формы носа, расположения рта и основания носа, формы лба. Таким образом, для создания обобщенного портрета-реконструкции требуется работа с изображениями в двух ракурсах, с двумя разными множествами маркерных точек, которые практически не совпадают на изображении в фас и профиль. Эта задача является трудоемкой. Другую сложность создает неравномерный и зачастую очень варьирующий цвет самих черепов в краниологической серии. Лицо человека имеет достаточно равномерный тон кожи с темными пятнами глаз, носа и рта. В группах, выбранных антропологами для создания обобщенного фотопортрета, основной цвет и тон кожи обычно не очень сильно различаются на индивидуальном уровне. При создании обобщенного портрета такой группы, наложение отдельных изображений создает изображение, которое светлотенно передает форму отдельных черт лица. При работе с неравномерно окрашенными, разного общего цветового тона черепами итоговое изображение может получиться не очень хорошего качества.

Решением этой задачи может служить создание трехмерной обобщенной модели черепа, сво-

его рода трехмерного аналога метода Перретта, где роль светотени, передающей форму черт лица на фотографиях, будет выполнять сама поверхность трехмерной модели черепа.

Использование для реконструкции трехмерной модели черепа, а не только фотографий в фас и профиль, позволяет создавать трехмерные портретные реконструкции и графические в разных ракурсах и, в целом, делает итоговую реконструкцию более точной.

В данной работе предложен алгоритм создания трехмерной модели по обобщенной краниологической серии, для дальнейшего выполнения по ней реконструкции лица по черепу.

Материалами для исследования были две краниологические серии с территории Переславля-Залесского, XV–XVI и XVI–XVII вв. (Зейфер, Мазурок, Рассказова, 2014; 2016). Несмотря на территориальную и хронологическую близость, эти серии достоверно различались морфологически, что делает их хорошим объектом для данного исследования (Рассказова, 2019; 2020). Для работы были отобраны все полностью сохранившиеся черепа с нижней челюстью, 17 черепов в краниосерии XV–XVI вв. (серия 1) и 19 черепов из краниосерии XVI–XVII вв. (серия 2). С помощью метода фотограмметрии были созданы их трехмерные модели. Фотоизображения были получены при помощи фотокамеры Sony A 5000, модели были построены в программе Agisoft Metashape.

Следующий этап работы состоял из получения координат точек с поверхности черепа. Метки выставлялись в программе Landmark. Программа включала в себя 109 меток (табл. 1), их расположение было выбрано таким образом, чтобы наиболее точно передать морфологию лицевого отдела черепа, особое внимание уделялось орбитальной и носовой области, а также надбровному рельефу. Метки на мозговом отделе черепа описывали только его габаритные размеры.

В программу входили классические краниометрические точки (Алексеев, Дебец, 1964. С. 41–47), специализированные точки, используемые для краниофациальной реконструкции (Веселовская, 2018. С. 45. Таб. 5) и дополнительные точки, выбранные для более точной передачи формы объекта.

Для выравнивания положения объектов в пространстве для координатных данных каждой группы был применен стандартный подход, включающий в себя трансляцию, вращение и равномерное масштабирование с помощью прокрустового метода суперпозиции (Rohlf, Slice, 1990). После этого были рассчитаны средние координаты точек. Расчеты были проведены в программе MorphoJ.

Полученная конфигурация точек отражает “усредненную” форму черепа в краниосерии. Подобный метод — расчет среднего значения коор-

динат двухмерных точек также применяется для создания обобщенного фотопортрета по фотографиям (Perrett, May, Yoshikawa, 1994).

Для получения трехмерной модели, отвечающей заданным усредненным координатам, в программе Avizo была проведена деформация поверхности одной из моделей черепа по точкам (landmark surface warp). Для проверки метода были выбраны наиболее морфологически отличающиеся черепа из разных групп.

Для каждой краниосерии были получены трехмерные “усредненные” модели черепа, которые были масштабированы в натуральную величину, в качестве масштаба использовали среднее значение бималиарного диаметра.

По ним были сделаны графические реконструкции лица по черепу в фас, в профиль и в положении головы 3/4.

Краниофациальные реконструкции были выполнены по стандартной методике на основе метода М.М. Герасимова (1955) с дополнениями и уточнениями других авторов (Лебединская, 1998; Веселовская, 1997; Веселовская, Балусева, 2012; Рассказова, Веселовская, Пеленицына, 2020).

Цвет глаз и волос на реконструкциях был выбран, опираясь на антропологическое описание жителей Переславля-Залесского начала XX в. (Спиридов, 1907. С. 137, 138).

На рис. 1, 3, 4 представлены обобщенные модели для краниосерии 1 и краниосерии 2, полученные методом деформации по точкам моделей черепов № 1 и 2 соответственно (рис. 1, 1, 2). Усредненные модели визуально значительно различаются, как и исходные модели черепов. Для оценки влияния исходной формы модели реального черепа, поверхность которого была деформирована в итоговую усредненную конфигурацию, были рассчитаны дополнительные обобщенные модели для краниосерии 1 по черепу № 2, для краниосерии 2 по черепу № 1 (рис. 1, 5, 6). На рисунке представлены одинаковые обобщенные модели, полученные путем деформации разных черепов, наложенные друг на друга, для краниосерии 1 (рис. 1, 7) для краниосерии 2 (рис. 1, 8).

Основные различия были выявлены в тех областях, которые играют незначительную роль в черепно-лицевой реконструкции, на которых было выставлено наименьшее количество точек, — свод черепа и толщина ветви нижней челюсти. По морфологии лицевого скелета модели практически не различаются, при их наложении видно, что толщина выступающей отличающейся прозрачной части очень невелика (рис. 1, 7, 8). Незначительные отличия этих моделей, вызванные скорее асимметрией исходных черепов, не могут существенно повлиять на итоговую краниофациальную реконструкцию. Полученные результаты

Таблица 1. Список использованных меток**Table 1.** The list of landmarks used

№	Название
1	Назион
2	Ринион
3	Вершина подносового шипа
4	Простион
5	Гнатион
6	Базион
7, 8	Мастоидале, левая сторона и правая сторона
9	Инион
10	Лямбда
11	Брегма
12	Метопион
13	Глабелла
14, 25	Фронтотемпорале, левая и правая сторона
15, 24	Фронтотемпорале, левая сторона и правая сторона
16, 23	Максиллофронтале, левая сторона и правая сторона
17, 22	Наиболее выступающая вперед точка нижнего латерального края глазницы, левая сторона, правая сторона
18, 21	Передняя зигомаксиллярная точка, левая сторона и правая сторона
19, 20	Альвеолярные возвышения клыков, левая сторона и правая сторона
26, 31	Теменные бугры, левая сторона и правая сторона
27, 30	Зигион, левая сторона и правая сторона
28, 29	Гонион, левая сторона и правая сторона
32, 33	Стефанион, левая сторона и правая сторона
34, 37	Фронтотемпорале, левая сторона и правая сторона
35, 36	Наиболее выступающие вперед точки надбровных возвышений, левая сторона и правая сторона
38, 39	Лобные бугры, левая сторона и правая сторона
40, 41	Дно клыковой ямки, левая сторона и правая сторона
42	Субспинале
43	Интрадентале
44	Наиболее глубокая точка над подбородочным выступом
45, 47	Ментале, левая сторона и правая сторона
46, 48	Латеральные края подбородочного выступа, левая сторона и правая сторона
49, 54	Порион, левая сторона и правая сторона
50, 55	Астерион, левая сторона и правая сторона

Таблица 1. Окончание
Table 1. Ending

№	Название
51, 56	Самая высокая точка чешуйчатого шва, левая сторона и правая сторона
52, 57	Выступ лобного отростка височной кости, левая сторона и правая сторона
53, 58	Нижняя латеральная точка скуловой кости в лицевой плоскости, левая сторона, правая сторона
59, 62, 63, 66	Точка между вторым верхним премоляром и первым моляром, левая сторона и правая сторона, верхняя челюсть, нижняя челюсть
60, 61, 64, 65	Точка на челюсти на уровне середины основания клыка, левая сторона и правая сторона, верхняя челюсть, нижняя челюсть
67, 75	Середина скуло-верхнечелюстного шва, левая сторона и правая сторона
68, 76	Верхний край подглазничного отверстия, левая сторона и правая сторона
69, 77	Энтокантион
70, 78	Верхний медиальный угол края орбиты, левая сторона и правая сторона
71, 79	Середина верхнего края орбиты, левая сторона и правая сторона
72, 80	Наиболее вступающая вперед точка верхнего латерального края орбиты, левая сторона и правая сторона
73, 83	Экзокантион, левая сторона и правая сторона
74, 81	Нижний край орбиты над подглазничным отверстием, левая сторона и правая сторона
83, 94	Точка пересечения лобно-носового шва с носо-верхнечелюстным, левая сторона и правая сторона
84, 93	Точки на носо-верхнечелюстном шве на уровне наименьшей ширины носовых костей, левая сторона и правая сторона
85, 92	Пересечение края грушевидного отверстия с носо-верхнечелюстным швом
86, 91	Выступ верхней челюсти на крае грушевидного отверстия, левая сторона и правая сторона
87, 90	Конхале, левая сторона и правая сторона
88, 89	Нижняя точка нижнего края грушевидного отверстия, левая сторона и правая сторона
95	Селион
96, 99	Точка на нижнем крае нижней челюсти на уровне 2/3 длины (вид в профиль), левая сторона и правая сторона
97, 98	Точка на нижнем крае нижней челюсти на уровне 1/3 длины (вид в профиль), левая сторона и правая сторона
100, 101	Перегиб в сторону носовых костей носового отростка верхней челюсти на уровне нижнего края орбит, левая сторона и правая сторона
102, 106	Самая глубокая точка перед основанием скулового отростка лобной кости
103, 105, 104	Точка перегиба лобной кости от лобных бугров к надбровному рельефу на уровне середины лобных бугров и метопиона
107	Точка между метопионом и брегмой
108, 109	Наиболее выступающая вперед точка на скуловом отростке лобной кости, левая сторона и правая сторона

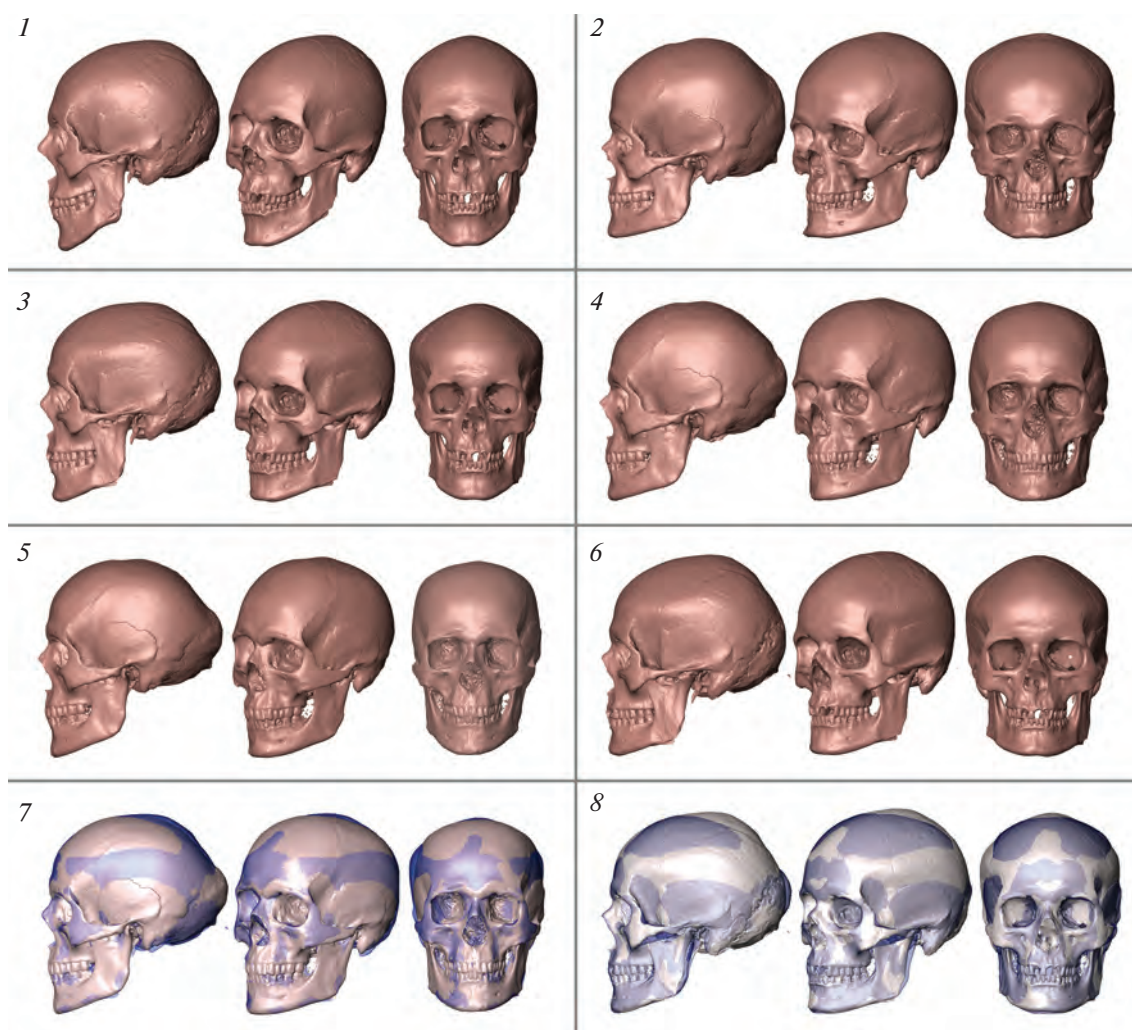

Рис. 1. Трехмерные модели черепов. 1 – череп № 1 из краниосерии 1; 2 – череп № 2 из краниосерии 2; 3 – обобщенная модель для краниосерии 1, полученная путем деформации черепа 1; 4 – обобщенная модель для краниосерии 2, полученная путем деформации черепа 2; 5 – обобщенная модель для краниосерии 1, полученная путем деформации черепа 2; 6 – обобщенная модель для краниосерии 2, полученная путем деформации черепа 1; 7 – наложение двух обобщенных моделей черепа, краниосерия 1; 8 – наложение двух обобщенных моделей черепа, краниосерия 2.

Fig. 1. 3D models of skulls. 1 – skull no. 1 from cranioseries 1; 2 – skull no. 2 from cranioseries 2; 3 – generalized model for cranioseries 1 obtained by deforming skull 1; 4 – generalized model for cranioseries 2 obtained by deforming skull 2; 5 – generalized model for cranioseries 1 obtained by deforming skull 2; 6 – generalized model for cranioseries 2 obtained by deforming skull 1; 7 – overlay/superimposition of two generalized skull models, cranioseries 1; 8 – overlay/superimposition of two generalized skull models, cranioseries 2

показывают, что выбранного количества точек достаточно для точной передачи морфологических особенностей лица.

Следующим этапом работы было сравнение обобщенных моделей со средними краниологическими характеристиками серий. В табл. 2 представлены краниологические параметры серий № 1, 2 и результаты прямых измерений усредненных моделей. В таблицу не были включены некоторые основные размеры мозгового черепа.

Подвыборки 1 и 2 демонстрируют такие же тенденции, как и основные краниологические се-

рии, из которых они были отобраны (Рассказова, 2019; 2020). Проверка достоверности различий средних значений признаков с помощью Т-критерия Стьюдента показала, что достоверно отличались пять признаков (в таблице выделены жирным шрифтом), все различия направлены в сторону увеличения широтных размеров во второй группе. Для других широтных признаков и коэффициентов наблюдается та же тенденция, хоть и статистически не достоверная, ввиду относительно небольшого числа объектов. Горизонтальная и

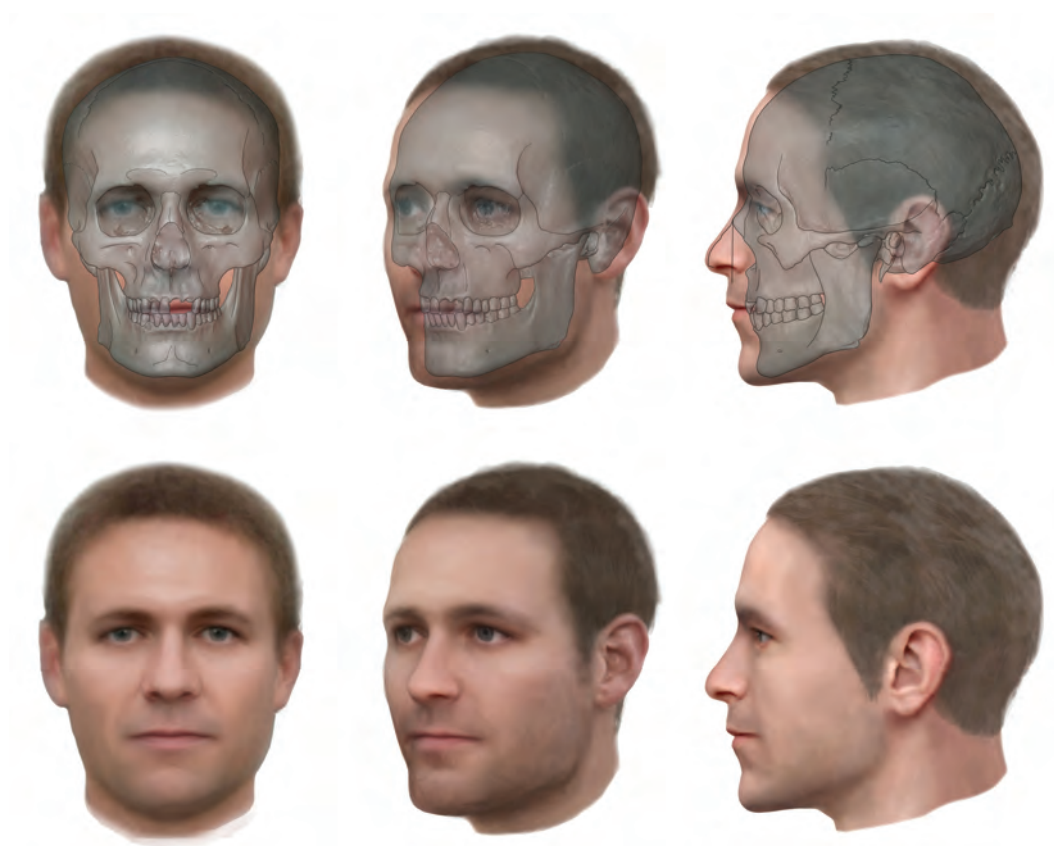

Рис. 2. Реконструкция лица, выполненная по обобщенному черепу. Краниосерия 1.

Fig. 2. Facial reconstruction based on a generalized skull. Cranioseria 1

вертикальная профилировка исследованных серий отличались незначительно.

Индивидуальные измерения обобщенных моделей краниологических групп по многим признакам практически совпадают со средними значениями этих признаков, не превышая ошибку измерения. Для высотного диаметра, наименьшей ширины лба и скулового диаметра разница превышала 1 мм, однако различия в общей форме объектов сохранялись. Таким образом, было показано, что полученные модели хорошо передают морфологические особенности краниологических серий и их отличие между собой.

По усредненным моделям были сделаны графические реконструкции в фас и в профиль (рис. 2, 3). Реконструкции были сознательно выполнены в стиле обобщенных портретов по фотографиям. Обе реконструкции были сделаны в одной цветовой гамме, чтобы не отвлекать внимание от морфологических отличий. Согласно данным Спиридова на начало XX в., большинство жителей Переславля (77%) имело светлые — серые или серо-голубые — глаза, самый распространенный цвет волос был русый или темно русый:

45 и 38% соответственно (Спиридов, 1907. С. 137, 138).

Полученные обобщенные портреты-реконструкции, как и обобщенные фотопортреты, имеют пропорциональные черты лица за счет того, что при объединении и усреднении исчезают индивидуальные, зачастую “неправильные” или непропорциональные, черты входящих в его состав объектов. Такое свойство обобщенных портретов было отмечено исследователями (Galton, 1978. Р. 98; Перевозчиков, Маурер, 2009. С. 37).

Лица на реконструкциях заметно отличаются своими широтными размерами, длиной и шириной носа, формой верхнего века, а также формой лба и ротовой области.

Лица на обобщенных реконструкциях, как и суммарные модели черепов, по которым они были выполнены, безусловно, различаются между собой не так сильно, как могут отличаться индивидуальные портретные реконструкции или черепа в краниосерии. Такое же свойство характерно для обобщенных фотопортретов, различия между ними показывают морфологические отличия

Рис. 3. Реконструкция лица, выполненная по обобщенному черепу. Краниосерия 2.

Fig. 3. Facial reconstruction based on a generalized skull. Cranioseries 2

между группами в целом, убирая фактор индивидуальной изменчивости.

Основной сложностью при создании обобщенного портрета реконструкции может показаться получение моделей всех черепов краниосерии, но с распространением техники фотограмметрии, получение трехмерных моделей больше не требует сложного оборудования. Все чаще для сохранения максимального объема информации, при невозможности взять объекты на хранение, в полевых условиях получают трехмерные модели краниологического материала (Berezina, et al., 2023. С. 13). Все больше музеев оцифровывают свои краниологические коллекции с помощью методов трехмерного сканирования и компьютерной томографии (Сюткина, Галеев, 2021. С. 108).

В статье предложен новый метод визуализации палеоантропологических данных. Этот метод аналогичен обобщенному фотопортрету, используемому при исследовании современного населения.

Апробация данного метода на двух морфологически различных краниологических выборках показала, что итоговая обобщенная модель чере-

па точно передает морфологические особенности каждой группы, и выбранное количество точек достоверно отражает морфологию лица.

Влияние исходной модели черепа, приводимой к усредненной групповой конфигурации на обобщенную модель, невелико. Основные отличия касаются мозгового черепа, играющего незначительную роль в реконструкции лица по черепу.

Получившиеся портреты-реконструкции обладают всеми свойствами обобщенных фотопортретов. Различия между реконструкциями показывают морфологические отличия между группами в целом, нивелируя при этом фактор индивидуальной изменчивости.

Обобщенный портрет-реконструкция иллюстрирует морфологические особенности палеоантропологической группы, позволяя проводить визуальное сравнение с современными популяциями и соотнести полученные результаты с обобщенными портретами современных групп.

Автор выражает глубокую признательность Андрею Алексеевичу Евтееву за ценные советы и консультации.

Таблица 2. Основные статистические параметры краниосерий № 1, 2 и результаты измерений их обобщенных моделей**Table 2.** The main statistical parameters of cranioserries 1, 2 and the results of measurements of their generalized models

№ по Мартину	Признаки	Серия 1, N = 19		Обобщенная модель серии 1	Серия 2, N = 19		Обобщенная модель серии 2
		М, мм	SD	мм	М, мм	SD	мм
17	Высотный диаметр	131.0	3.6	130.1	134.1	5.7	133.4
9	Наименьшая ширина лба	94.3	5.6	93.3	96.2	4.5	95.6
45	Скуловой диаметр	129.1	4.5	128.0	133.0	5.1	133.3
47	Полная высота лица	116.9	6.5	117.4	114.7	5.2	115.3
48	Верхняя высота лица	70.0	4.8	70.1	69.9	3.5	69.8
48/45	Верхний лицевой указатель	54.3	3.9	54.8	52.8	2.3	52.4
43	Верхняя ширина лица	102.3	3.5	101.8	104.9	3.9	103.9
46	Средняя ширина лица	91.7	4.1	91.3	93.8	5.5	94.0
55	Высота носа	49.7	3.1	49.9	51.0	2.4	51.6
54	Ширина носа	24.6	3.8	24.8	23.9	1.4	24.2
54/55	Носовой указатель	49.6	7.4	49.7	46.9	3.6	46.9
52	Высота орбиты	31.0	2.0	31.3	32.2	2.3	32.3
51	Ширина орбиты от mf	39.4	2.7	39.7	40.9	1.6	40.7
52/51	орбитный максилло-фронтальный указатель	79.0	6.3	78.8	78.8	5.2	79.4
43[1]	Биорбитальная ширина	94.9	3.7	94.9	97.2	3.7	97.2
77	Назональный угол	137.6	3.6	136.9	138.9	3.8	138.6
<Zm'	Зигмаксиллярный угол	126.1	4.0	126.7	127.0	4.9	127.4
66	Угловая ширина нижней челюсти	98.5	6.1	98.0	104.6	7.3	102.3
75 (1)	Угол выступания носа	28.8	7.4	28.4	30.0	4.3	30.7

Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-78-10059 “Новые методы морфологического анализа и визуализации в изучении антропологического состава населения русских городов XII – XVIII вв.”, <https://rscf.ru/project/22-78-10059/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Рассказова А.В.* Опыт антропологического сопоставления древнего и современного населения Новгородской области // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 135–144.
- Веселовская Е.В.* Зональное распределение толщины мягких тканей лица: дис. ... канд. биол. наук / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1989. 187 с.
- Веселовская Е.В.* Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 1. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 312–335.
- Веселовская Е.В.* “Алгоритм внешности” – комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2018. № 2. С. 38–54.
- Веселовская Е.В., Балуева Т.С.* Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. 2012. Вып. 22. С. 22–36.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.

- Зейфер В.А., Мазурок О.И., Рассказова А.В. Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском // Археология Подмосквья: материалы науч. семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 304–321.
- Зейфер В.А., Мазурок О.И., Рассказова А.В. Средневековый некрополь в юго-восточной части кремля Переславля-Залесского // Археология Подмосквья: материалы науч. семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 342–350.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу: метод. руководство. М.: Старый сад, 1998. 123 с.
- Локк К.Э. Компьютерные методы суммирования изображений. Обобщенный и усредненный портреты // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2011. № 1. С. 37–44.
- Маурер А.М. Обобщенный фотопортрет как инструмент визуализации локальных антропологических вариантов (на примере фотоматериалов мужчин-башкир) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2021. № 3. С. 5–16.
- Маурер А.М., Бацевич В.А. Молодое поколение тувинцев первой четверти XXI века. Обобщенные портреты школьников и студентов Кызыла [Электронный ресурс] // Известия Института антропологии Московского государственного университета. Вып. 8. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2020. С. 109–116. URL: http://www.antropos.msu.ru/Izvestiya/Izvestiya_08.pdf (дата обращения: 05.05.2023).
- Маурер А.М., Перевозчиков И.В. Региональные обобщенные портреты великоруссов по материалам Русской антропологической экспедиции 1955–1959 гг. // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 1999. С. 95–108.
- Павловский О.М., Перевозчиков И.В. Обобщенные фотопортреты некоторых групп населения Средней Азии // Вопросы антропологии. 1977. № 56. С. 117–125.
- Перевозчиков И.В., Маурер А.М. Обобщенный фотопортрет: история, методы, результаты // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2009. № 1. С. 35–44.
- Рассказова А.В. Краниология населения г. Переславля-Залесского XVI–XVIII вв. // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 72–89.
- Рассказова А.В. Краниология позднесредневекового населения Переславля-Залесского [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2020. № 3. С. 77–89. URL: <http://bulletin.antropos.msu.ru/en/article.php?id=807> (дата обращения: 05.05.2023).
- Рассказова А.В., Веселовская Е.В., Пеленицына Ю.В. Краниофациальные соотношения среднего этажа лица по материалам компьютерных томограмм [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2020. № 4. С. 66–78. URL: <http://bulletin.antropos.msu.ru/en/article.php?id=819> (дата обращения: 05.05.2023).
- Спиридов А.А. Великоруссы Переяславского у., Владимирской губ. // Русский антропологический журнал. 1907. № 1, 2. С. 137–145.
- Спицын В.А., Ирисова О.В., Перевозчиков И.В., Боева С.Б., Круковская О.Б., Брук О.С. Генетико-антропологическая характеристика нганасан // Вопросы антропологии. 1976. № 53. С. 84–90.
- Сыроежкин Г.В., Савинецкий А.Б., Маурер А.М. Методы создания обобщенного изображения по опорным точкам // Вестник Рязанского государственного радиотехнического университета. 2017. № 3 (61). С. 105–109.
- Сюткина Т.А., Галеев Р.М. Цифровые копии для антропологических исследований: виртуальные модели и базы данных // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 105–117.
- Berezina N., Chirkova A., Fedorchuk O., Leybova N. Preliminary results of the anthropological research of the material from the southern necropolis (site of Deraheib, north Sudan) // Abstract book of International conference on contemporary trend in socio-cultural and biological variation: revisiting ethnographic methods of human diversity. Sagar: Central University, 2023. P. 13.
- Galton Fr. Composite Portraits // Nature. 1878. V. 23. P. 97–100.
- Perrett D.I., May K.A., Yoshikawa S. Facial shape and judgments of female attractiveness // Nature. 1994. V. 368. P. 239–242.
- Rohlf F.J., Slice D.E. Extension of the Procrustes method for the optimal superimposition of landmarks // Systematic Zoology. 1990. V. 39. P. 40–59.
- Thomson A. Composite Photographs of Early Egyptian skull // Man. 1905. № 38. P. 65–67.

METHOD FOR CREATING A GENERALIZED PORTRAIT-RECONSTRUCTION OF A PALAEOANTHROPOLOGICAL GROUP BASED ON 3D SKULL MODELS

Anna V. Rasskazova^{a,b,#}

^aInstitute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia

^bResearch Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University, Moscow, Russia

[#]E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru

The article presents a new method for visualizing paleoanthropological data – a generalized portrait-reconstruction based on craniological data. A generalized or composite portrait is widely used in studying modern population; it provides generalized visual information about the facial morphology of any population sample. Palaeoanthropological morphological studies also rely on group data, but often lack summarizing visual in-

formation. The method of craniofacial reconstruction provides reliable portraits of individuals from ancient groups. However, individual craniofacial reconstructions do not give insight into the morphology of the entire group or the difference between groups. The proposed method creates a craniofacial reconstruction based on a generalized three-dimensional model of the skull, built on the mean values of the coordinates of landmarks placed on the surfaces of models of all skulls in the sample. Testing this method on two morphologically different craniological samples showed that the final summary model reproduces the specific facial morphology of each group and the selected number of landmarks is sufficient. A generalized portrait-reconstruction illustrates morphological features and differences between paleoanthropological groups, and allows visual comparisons with modern populations.

Keywords: craniofacial reconstruction, composite portrait, palaeoanthropology, physical anthropology, urban population, craniology, digital 3D skull models.

REFERENCES

- Alekseev V.P., 1969. Proiskhozhdenie narodov Vostochnoy Evropy (kraniologicheskoe issledovanie) [The origin of the peoples of Eastern Europe (craniological study)]. Moscow: Nauka. 324 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranimetry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Balueva T.S., Veselovskaya E.V., Rasskazova A.V., 2010. A comparison of the medieval and modern population of Novgorod Region based on facial reconstruction. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 3, pp. 135–144. (In Russ.)
- Berezina N., Chirkova A., Fedorchuk O., Leybova N., 2023. Preliminary results of the anthropological research of the material from the southern necropolis (site of Deraheib, north Sudan). *Abstract book of International conference on contemporary trend in socio-cultural and biological variation: revisiting ethnographic methods of human diversity*. Sagar: Central University, p. 13.
- Galton Fr., 1878. Composite Portraits. *Nature*, 23, pp. 97–100.
- Gerasimov M.M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyy chelovek) [Facial reconstruction based on the skull (modern and fossil man)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 585 p.
- Lebedinskaya G.V., 1998. Rekonstruktsiya litsa po cherepu: metodicheskoe rukovodstvo [Facial reconstruction based on the skull: a methodological guide]. Moscow: Staryy sad. 123 p.
- Lokk K.E., 2011. Computer methods of image summation. Composite portrait and average face shape. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 1, pp. 37–44. (In Russ.)
- Maurer A.M., 2021. Composite photoportrait as a tool for visualizing local anthropological variants (based on Bashkir men photographic materials). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 3, pp. 5–16. (In Russ.)
- Maurer A.M., Batsevich V.A., 2020. The young generation of Tuvinians in the first quarter of the 21st century. Composite portraits of schoolchildren and university students of Kyzyl (Electronic resource). *Izvestiya Instituta antropologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Institute of Anthropology of Moscow State University], 8. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 109–116. URL: http://www.antropos.msu.ru/Izvestiya/Izvestiya_08.pdf. (In Russ.)
- Maurer A.M., Perevozchikov I.V., 1999. Regional composite portraits of Great Russians based on the materials of the 1955–1959 Russian Anthropological Expedition. *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya* [Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history]. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 95–108. (In Russ.)
- Pavlovskiy O.M., Perevozchikov I.V., 1977. Composite photographic portraits of some population groups in Central Asia. *Voprosy antropologii* [Anthropology issues], 56, pp. 117–125. (In Russ.)
- Perevozchikov I.V., Maurer A.M., 2009. Composite photoportraits: history, methods, results. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 1, pp. 35–44. (In Russ.)
- Perrett D.I., May K.A., Yoshikawa S., 1994. Facial shape and judgments of female attractiveness. *Nature*, 368, pp. 239–242.
- Rasskazova A.V., 2019. Craniological characteristics of the population of Pereslavl-Zalessky in the 16th–18th centuries. *Vestnik antropologii* [Herald of anthropology], 3 (47), pp. 72–89. (In Russ.)
- Rasskazova A.V., 2020. Craniological characteristics of the late medieval population of Pereslavl-Zalessky (Electronic resource). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 3, pp. 77–89. URL: <http://bulletin.antropos.msu.ru/en/article.php?id=807>. (In Russ.)
- Rasskazova A.V., Veselovskaya E.V., Pelenitsyna Yu.V., 2020. Craniofacial correlations of the middle part of the face based on CT scans (Electronic resource). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 4, pp. 66–78. URL: <http://bulletin.antropos.msu.ru/en/article.php?id=819>. (In Russ.)
- Rohlf F.J., Slice D.E., 1990. Extension of the Procrustes method for the optimal superimposition of landmarks. *Systematic Zoology*, 39, pp. 40–59.
- Spiridov A.A., 1907. Great Russians of Pereyaslav district, Vladimir Province. *Russkiy antropologicheskii zhurnal* [Russian anthropological journal], 1, 2, pp. 137–145. (In Russ.)

- Spitsyn V.A., Irisova O.V., Perevozchikov I.V., Boeva S.B., Krukovskaya O.B., Bruk O.S., 1976. Genetic and anthropological characteristics of the Nganasan. *Voprosy antropologii [Anthropology issues]*, 53, pp. 84–90. (In Russ.)
- Syroezhkin G.V., Savinetskiy A.B., Maurer A.M., 2017. Methods for creating average image based on reference landmarks. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo radioelekhnicheskogo universiteta [Vestnik of Ryazan State Radio Engineering University]*, 3 (61), pp. 105–109. (In Russ.)
- Syutkina T.A., Galeev R.M., 2021. Digital copies for anthropological research: virtual models and databases. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii]*, 1 (52), pp. 105–117. (In Russ.)
- Thomson A., 1905. Composite Photographs of Early Egyptian skull. *Man*, 38, pp. 65–67.
- Veselovskaya E.V., 1989. Zonal'noe raspredelenie tolshchiny myagkikh tkaney litsa: dissertatsiya ... kandidata biologicheskikh nauk [Distribution of the face soft tissues thickness by areas: a Doctoral thesis for a degree in Biology]. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova. Moscow. 187 p.
- Veselovskaya E.V., 1997. The unity of intragroup variability patterns and the intergroup differentiation of face soft tissues thickness in modern humans. *Edinstvo i mnogobrazie chelovecheskogo roda [Unity and diversity of the human species]*, 1. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 312–335. (In Russ.)
- Veselovskaya E.V., 2018. “Appearance Algorithm” – a comprehensive program of anthropological reconstruction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya [Moscow University Anthropology Bulletin]*, 2, pp. 38–54. (In Russ.)
- Veselovskaya E.V., Balueva T.S., 2012. New developments in anthropological reconstruction. *Vestnik antropologii [Herald of anthropology]*, 22, pp. 22–36. (In Russ.)
- Zeyfer V.A., Mazurok O.I., Rasskazova A.V., 2014. Medieval necropolis of the Church of the Beheading of John the Baptist in Pereslavl-Zalessky. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of scientific seminar]*, 10. Moscow: Institut arkhologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 304–321. (In Russ.)
- Zeyfer V.A., Mazurok O.I., Rasskazova A.V., 2016. Medieval necropolis in the southeastern part of the Pereslavl-Zalessky Kremlin. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of scientific seminar]*, 12. Moscow: Institut arkhologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 342–350. (In Russ.)

НОВАЯ НАХОДКА ШЛЕМА КУБАНСКОГО ТИПА С СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

© 2023 г. С. Б. Вальчак^{1,2,*}, Е. В. Муравенко^{3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

³Управление государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края, Краснодар, Россия

*E-mail: valchaks@yandex.ru

**E-mail: evgeniimb@mail.ru

Поступила в редакцию 22.12.2022 г.

После доработки 22.12.2022 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В статье публикуется находка нового литого шлема “кубанского типа” раннескифской культуры. Шлем рассматривается на фоне других подобных литых шлемов с территории Восточной Европы, датированных VII–VI вв. до н.э. Рассматривается концепция о происхождении литых шлемов Восточной Европы от прототипов эпохи Чжоу из Северного Китая. Особое внимание уделяется типологическому сходству и отличию восточноевропейских экземпляров от подобных находок из Средней и Восточной Азии. Предлагается вариант реконструкции технологического процесса изготовления литой формы и отливки изделия. Проводится сравнительная характеристика результатов рентгено-флуоресцентного анализа металла публикуемого шлема с данными о других известных находках шлемов кубанского типа, что показывает разнообразие состава металла, из которого они изготовлены.

Ключевые слова: шлемы, морфология, технология, раннескифский период, Восточная Европа, Средняя и Восточная Азия.

DOI: 10.31857/S0869606323030200, **EDN:** CVLSJK

Изучение составных частей защитного вооружения, в частности литых шлемов “кубанского типа” раннескифского периода (VII–VI вв. до н.э.) имеет обширную историографию. В нее входят как специальные работы (Рабинович, 1941; Смирнов, 1961; Мелюкова, 1964; Черненко, 1968; Галанина, 1985; Černenko, 2006), обобщающие и концептуальные исследования (Грязнов, 1947; Алексеев, 1992; 2003; Галанина, 1997; Батчаев, 1985; Яценко, 1997), так и публикации, вводящие в научный оборот новые находки (Виноградов, 1973; Марченко, 1998; Полтавец, Білецька, Лего-няк, 2000; Алексеев, 2019 и др.). Практически в каждой из таких работ, помимо более или менее подробного описания шлемов, в той или иной степени рассматриваются уже имеющиеся в литературе и высказываются новые точки зрения на вопросы происхождения, эволюции и хронологической позиции этих примечательных находок. Довольно давно было отмечено, что, вопреки сложившемуся мнению, известных науке находок подобных шлемов не так уж и много (Черненко, 1968. С. 77, 78), поэтому введение в научный обо-

рот каждого нового экземпляра открывает и новые перспективы для дальнейших исследований.

Основными типологическими признаками шлемов так называемого кубанского типа являются: массивная литая тулья с округлым верхом; окантованная рельефным валиком лицевая выемка¹ с двумя дуговидными надглазничными завершениями; образованный слиянием этих дуг приостренный наносник; вертикальный рельефный валик или ребро, идущее от наносника к вершине тульи; округлая петелька на вершине; ряд небольших отверстий над краем тульи; шейная выемка на затылочной части (Рабинович, 1941. С. 105, 106, 115; Галанина, 1985. С. 169).

В настоящее время в научный оборот введено 13 находок шлемов из Восточной Европы, преимущественно из памятников Северо-Западного Кавказа, практически каждый из которых имеет свои отличия в деталях и размерных характеристиках, что, вероятно, связано с изготовлением

¹ Термин условный, так как “выемки” или “вырезы” были изначально изготовлены на форме и модели перед отливкой.

каждого экземпляра “под заказ” для конкретного индивида. Восемь находок происходят из погребений: Келермес, кург. 1Ш, 2В (2 экз.) и погр. 3 кург. 15 (рис. 1, 1, 2, 8); Крымская, курганы 1 (1895 г.) и Воронцовский (1886 г.); Красное Знамя, кург. 6; Нартан, кург. 20 (рис. 1, 5). Пять шлемов являются случайными находками: Старокорсунское городище № 2 (1981 г.) (рис. 1, 3), колхоз “Прогресс” (1984 г.) (рис. 1, 4), Гвардейское (1969 г.), Старый Печеур (1895 г.) (рис. 1, 6) и Медведовка (1997 г.). Их находки, как правило, не просто приурочены к так называемому предгорно-степному коридору, маршруту движения кочевников на Кавказе (Алексеев, 2019. С. 226. Рис. 4). Они расположены там непосредственно в предгорно-равнинных и предгорных ландшафтных зонах, а также в районах крупных возвышенностей-водоразделов на территории восточноевропейской лесостепи (рис. 2, 1, 2). Факты нахождения здесь погребений со шлемами определенно указывают на районы обитания элитных групп раннескифского социума, тяготевших к культурно-производственным центрам местного оседлого населения.

С Восточной Европой предположительно связываются два экземпляра неизвестного происхождения из ГИМ в Москве (рис. 1, 7, 9), из музеев Варшавы и Глазго. Всего было известно 17 изделий. Далеко не для каждого шлема в публикациях дается исчерпывающая информация, часть из них имеет утраты или сильно фрагментирована (Рабинович, 1941. С. 105–120. Табл. I–IX; Черненко, 1968. С. 74–82. Рис. 43, 44; Галанина, 1985. С. 169–183. Рис. 1; Алексеев, 2003. С. 47–50. Рис. 3; 16; 2019. С. 223, 224. Рис. 1; 3, 8; Černenko, 2006. S. 80–85. Taf. 25, 26).

Еще один бронзовый шлем, найденный на Северо-Западном Кавказе и изъятый по решению суда в 2022 г. в г. Краснодаре у сбытчика предметов археологии, был условно назван нами “Краснодар-2022”². Он представляет собой боевое наголовье, которое было отлито в двустворчатой форме по утрачиваемой модели (рис. 3). Шлем имеет овальную форму в плане, вытянутую от лицевой части к затылочной, общую же форму тульи шлема в объеме можно определить как усеченно-эллиптическую. Наверху тульи является петля округлой формы. Высота шлема (без петли) — 12.7 см; длина от лицевой до затылочной части — 22.5 см; ширина у лицевой части — 13.5 см; наибольшая ширина — 16.2 см. Высота петли — 1.4 см, сечение прута — 0.4 см. Толщина стенок тульи достигает 0.3–0.4 см. Вес шлема — 1.255 кг.

Лицевая часть шлема (рис. 3, 1) имеет две дугообразные выемки, разделенные наносником в

центре, которые были сформированы на модели перед отливкой. Высота этих надглазничных выемок от основания шлема — 4.5–4.6 см, расстояние до острия наносника — 2.7 см. Ширина слегка деформированного лицевого выреза у основания шлема — около 14 см. Подтрапецевидная выемка для шеи на затылочной части у основания имеет ширину 10.5 см, высота ее достигает 3–8 мм (рис. 3, 4).

У основания тульи, по окружности, проходит рельефный пояс, который наиболее четко выражен на лицевой и боковых сторонах шлема. Ширина его — 1.9 см, высота рельефа (от внешней поверхности шлема) — 0.1–0.2 см. На тыльной стороне тульи этот пояс отлит нечетко и не имеет выраженного уступа над поверхностью, превращаясь в утолщение по ее краю (рис. 3, 2–4). По центру лицевой поверхности, от петли-навершия тульи, проходит вертикальный пояс, который сливается с обрамлением дуг на наноснике. Ширина пояса 1.0 см, высота рельефа (от внешней поверхности шлема) — 0.2 см (рис. 3, 1, 5).

По венцу тульи с равномерными промежутками были смоделированы 10 правильных отверстий, предназначенных для крепления подшлемника и/или бармицы из кожи. С правой и затылочной стороны шлема они пронизывают пояс, с левой — находятся над ним. Расстояние между отверстиями около 4 см. Диаметр отверстий на внутренней стороне шлема 0.7–0.8 см, на внешней — 0.5–0.6 см (рис. 3, 2–4).

По общей форме, технологии и особенностям оформления внешней поверхности, рассматриваемый экземпляр можно уверенно отнести к шлемам кубанского типа. Но имеются у него и некоторые особенности, отличные от большинства описанных в литературе находок. Прежде всего, это самый маленький по размерам шлем из всех известных, найденных в Восточной Европе. Кроме того, рельефный пояс по окружности и вертикальный на лицевой части имеют низкий рельеф, выполняя преимущественно не защитную функцию, как валики вокруг лицевой “выемки” и на лобной части других шлемов, а декоративную, являясь их рудиментом. У других известных нам шлемов кубанского типа отсутствуют как функциональные, так и декоративные валики или пояски по окружности нижнего края (рис. 1, 1–9).

Истоки. Вопрос о происхождении шлемов кубанского типа рассматривался в археологической литературе неоднократно. Большинство исследователей сейчас считает, что как по форме, так и по технологии производства кубанские шлемы являются новацией в восточноевропейском регионе (Алексеев, 2003. С. 48–50; 2019. С. 222). Употреблявшиеся здесь в предскифский период шлемы, до появления памятников келермесского этапа раннескифской культуры, имели иные ис-

² Хранится в ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Фанагория”», ФМ-КП-128/3 Пр 119 ГК 40507471.

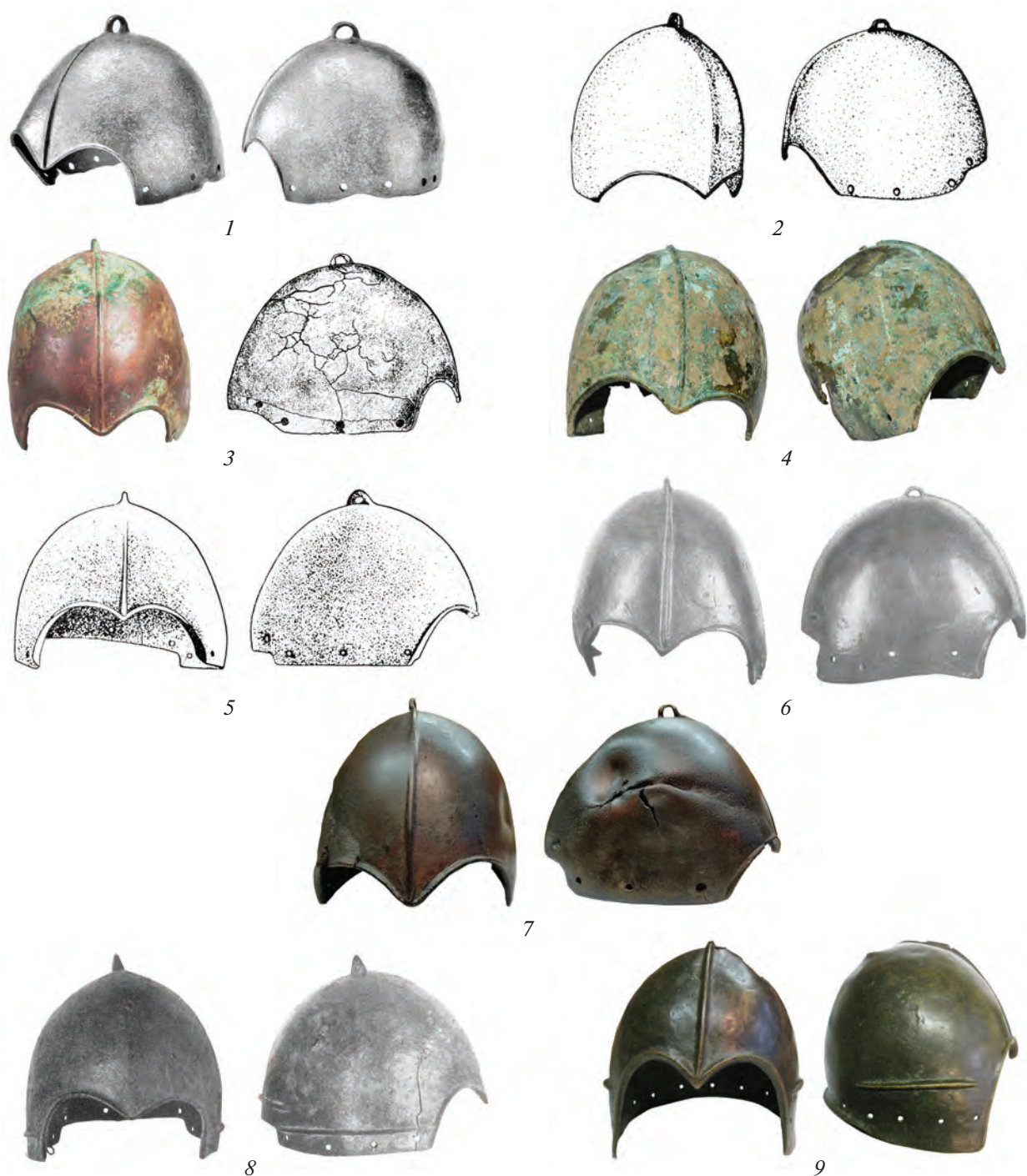

Рис. 1. Литые бронзовые шлемы кубанского типа Восточной Европы (без масштаба): 1 – Келермес, кург. 2В, шлем 2; 2 – Келермес, кург. 15, погр. 3; 3 – Старокорсунское городище № 2; 4 – колхоз “Прогресс”; 5 – Нартан, кург. 20; 6 – Старый Печеур; 7 – ГИМ, шлем 1; 8 – Келермес, кург. 2В, шлем 1; 9 – ГИМ, шлем 2 (по: 1, 8 – Галанина, 1997; 2 – Алексеев, 2003; 3 – Лимберис, Марченко, 2012; Марченко, 1998; 4 – фото В.А. Якштес; 5 – Батчаев, 1985; 6, 8 – Рабинович, 1941; 7, 9 – фото С.Б. Вальчака).

Fig. 1. Cast bronze helmets of the Kuban type of Eastern Europe (not to scale)

токи формы и технологию изготовления (Рабинович, 1941. С. 103; Галанина, 1985. С. 177, 180, 181; Вальчак, 2016а. С. 29, 33–36; 2016б. С. 138, 139).

Наиболее обоснованной и принятой в наши дни является гипотеза о восхождении формы кубанских шлемов и технологии их производства к экземплярам, распространенным у древних наро-

Рис. 2. Пункты находок бронзовых шлемов кубанского типа (1 – Восточная Европа; 2 – Северный Кавказ): Пункты находок шлемов: 1 – станица Крымская, кург. 1; 2 – Воронцовский кург.; 3 – Келермес, кург. 1Ш, 2В, 15; 4 – колхоз “Прогресс”; 5 – Старокорсунское городище № 2; 6 – Красное Знамя, кург. 6; 7 – Нартан, кург. 20; 8 – Гвардейское; 9 – Медведевка; 10 – Старый Печеур.

Fig. 2. Locations of finds of Kuban type bronze helmets

дов на территории Северного Китая и Монголии. Литые шлемы этого региона имеют свою производственную традицию на протяжении несколь-

ких столетий: от эпохи Инь до конца периода Западного и начала Восточного Чжоу (этап Чуньцю), т.е. от XIV до VII вв. до н.э. (Варёнов, 1984;

Рис. 3. Литой бронзовый шлем “Краснодар-2022”: 1 — лицевая сторона; 2 — правая боковая сторона; 3 — левая боковая сторона; 4 — затылочная сторона; 5 — вид сверху; 6 — внутренняя поверхность. Фото О.И. Ткаченко.

Fig. 3. The cast bronze helmet “Krasnodar-2022”. Photo by O.I. Tkachenko

1990. С. 56–58; 1994; Комиссаров, 1984. С. 47–49; 1987. С. 41–51; 1988. С. 78, 79, 86–94; Алексеев, 2003. С. 48, 49; 2019. С. 224–226).

Шлемы кубанского типа отличаются в деталях формы от восточных экземпляров, и иногда

очень существенно. Так, иньские шлемы имеют прямоугольную выемку на лицевой стороне и не имеют затылочной, у них отсутствуют валики по краю выемки и на основании тульи, навершие сделано в виде трубочки, через весь шлем верти-

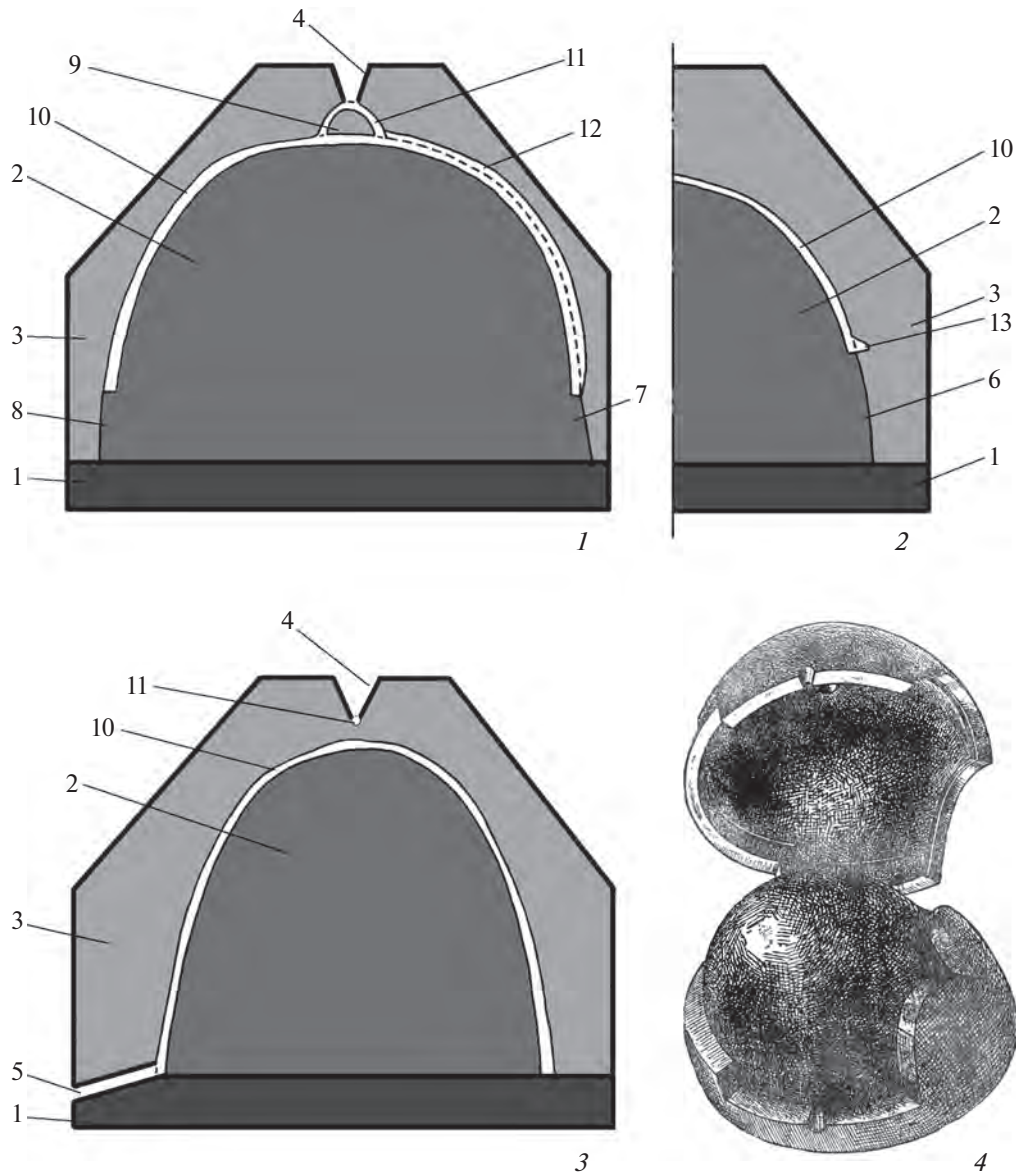

Рис. 4. Реконструкция литейной формы для шлемов кубанского типа: 1 — центральный продольный разрез формы; 2 — часть бокового продольного разреза формы; 3 — поперечный разрез формы; 4 — вид двухчастной литейной формы для отливки шлема (по: Рабинович, 1941. Рис. 3). Составные части (1–3): 1 — подставка, 2 — стержень-болван (нижняя часть формы), 3 — верхняя часть формы, 4 — литник, 5 — выпор, 6 — выступ надглазничного выреза, 7 — выступ лицевого выреза, 8 — выступ шейного выреза, 9 — глиняная заформовка отверстия петли, 10 — модель стенки тульи, 11 — наклепная модель наверхия-петли, 12 — наклепная модель вертикального валика, 13 — наклепная модель надглазничного валика (реконструкция С.Б. Вальчака).

Fig. 4. Reconstruction of a casting mold for helmets of the Kuban type

кально проходит литейный шов, образующий ребро на лицевой стороне (Варёнов, 1984. С. 41, 42. Рис. 1; 1990. С. 56. Рис. 1; 2).

Западно-чжоуские шлемы Северного Китая имеют дуговидные лицевую и затылочную выемки; прямоугольные, реже кольцевидные петли в качестве наверхия тульи; рельефный валик (бортик) по краю выемок и нижнему краю тульи; четыре квадратные скобки на валике с боковых сторон для

крепления подбородочного ремня или 1–3 отверстия; вертикальный литейный шов на лицевой стороне всегда тщательно зашлифован. Рельефный валик по окружности шлема был предназначен для усиления защиты от рубящих ударов топором или мечом. Массивность же стенок литых шлемов обеспечивала противодействие и пробойному удару клевцом, являвшимся основным и универсальным оружием воинов эпохи Чжоу (Варёнов, 1984. С. 43–47; 1990. С. 57, 58; 1992. С. 104; 1994.

С. 92; Комиссаров, 1988. С. 58–64; Борисенко, Худяков, 2002. С. 22–24; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2010. С. 59).

У шлемов конца периода Западного Чжоу изредка появляется небольшой приотстренный выступ над переносицей, намечающий разделение округлой лицевой выемки на две дуговидные надглазничные, окантованные защитным валиком. Такие шлемы найдены в Мэйлихэ, погр. М741 из Шилишань и, видимо, в погр. М8061 из Сяохэй-шигоу в Северном Китае (Варёнов, 1994. С. 88, 89. Рис. 5, 1; 6; Комиссаров, 1988. С. 91. Рис. 76, 9). Подобные особенности оформления лицевой части, уже с отчетливо выделенным наносником, являются отличительным признаком для всех шлемов “кубанского типа” Восточной Европы (рис. 1; 3). На поздних экземплярах чжоуских шлемов защитный валик по краю выемок и тульи иногда превращается в пояс, имеющий декоративный характер (Варёнов, 1984. С. 42–46. Рис. 2–6; 1992. С. 100–104; 1994. С. 86–90. Рис. 1–7; Комиссаров, 1984. С. 47–49. Рис. 1; 2; 1988. С. 78, 79, 86, 89–92, 94. Рис. 65; 66; 76, 9). Именно такой пояс мы видим на публикуемом шлеме “Краснодар-2022”, что отличает его от других восточноевропейских экземпляров кубанского типа (рис. 3). Похожие декоративные пояски встречены на двух шлемах из могильника Наньшаньгэнь (находка 1958 г. и в погр. М101) и некоторых других в Северном Китае (Варёнов, 1994. Рис. 5–7), отнесенных к III и IV этапам развития литых шлемов конца периода Западного Чжоу – начала Чуньцю, для которого предлагается дата IX–VIII или VIII–VII вв. до н.э. (Комиссаров, 1984. С. 48. Рис. 2, 1; 1987. С. 42–47. Рис. 6, 2; Варёнов, 1984. С. 44, 45. Рис. 6; 1992. С. 101, 102; 1994. С. 87–89. Рис. 4; 7; Ковалёв, 1992. С. 97). Следует заметить, что другими исследователями погр. М101 мог. Наньшаньгэнь датируется не позднее IX в. до н.э. (Wagner, Parzinger, 1998. S. 57, 62, 65, 66. Abb. 8, 13; 15, 1). Уже отмечалось, что такие датировки отчасти сокращают хронологическую лакуну между кубанскими шлемами Восточной Европы и их вероятными прототипами из восточных регионов Северной Евразии (Алексеев, 1992. С. 37, 38; 2006. С. 47–50; Марченко, 1998, С. 25; Лимберис, Марченко, 2012. С. 58–61).

Известны находки чжоуских шлемов на территории Монголии и Восточного Забайкалья, некоторые из них встречены в погребениях воинов культуры плиточных могил XIII–VI вв. до н.э. (Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000. С. 143, 144; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011. С. 19, 114–120. Рис. 31–33). Среди этих находок имеется чжоуский (по всем признакам) шлем из Тунгусского Олова в Восточном Забайкалье, с утраченным навершием, декоративным пояском и едва намеченным выступом над переносицей (Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011. С. 114, 115. Рис. 32, 4, 5. Цв. вкл. 2), а

также шлем с горы Хитруун в Центральной Монголии (Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2010. С. 56, 57. Рис. 2; 2011. С. 117, 120. Рис. 33, 1–4. Цв. вкл. 6), практически аналогичный по совокупности большинства признаков горноалтайской находке из Верхнего Прииртышья (Рабинович, 1941. С. 113, 114. Рис. 2; Грязнов, 1947. Рис. 5, 11; Черненко, 1968. С. 78) и европейским шлемам кубанского типа.

Моделируя эволюционный ряд восточноазиатских литых шлемов, А.В. Варёнов неоднократно обращал внимание на то, что пункты их находок часто разделяют сотни километров. Соответственно, некоторые особенности конструкции шлемов могли быть обусловлены не только хронологическими, но и локальными географическими факторами, связанными с традициями тех или иных этносов (Варёнов, 1984. С. 44, 45; 1992. С. 101, 102; 1994. С. 89–91; Ковалёв, 1992. С. 100). В то же время различные формы взаимодействия и миграционные процессы могли способствовать достаточно быстрому распространению, заимствованию, воспроизводству и трансформации актуальных конструктивных идей, технологий и элементов оформления защитного доспеха населения существенно удаленных от эпицентра территорий. Сложно объяснить конвергентностью значительное сходство массива кубанских шлемов и находки из Хитрууна, а также шлема из Прииртышья, изначально считавшегося “западным” импортом “за тысячи километров” (Рабинович, 1941. С. 114; Грязнов, 1947. С. 14. Рис. 5, 11), как и наличие декоративных поясков вместо валиков на шлеме “Краснодар-2022”. Заимствование могло быть прямым или опосредованным, через население промежуточных регионов. Исходя из изложенного, “вывод о направленности заимствования напрашивается сам собой” (Варёнов, 1994. С. 91).

В связи с этим интерес вызывает небольшая выборка литых шлемов из Средней Азии, обычно рассматривавшаяся в контексте восточноевропейских шлемов кубанского типа. Это шлемы из Самарканда, городища Кысымчи и Тонского района Тянь-Шаня (Кузьмина, 1958. С. 120, 121. Рис. 1; Черненко, 1968. С. 77–80; Галанина, 1985. С. 181, 182. Рис. 1, 11, 12; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011. С. 117, 119. Рис. 34, 1–6), находки которых могут свидетельствовать в пользу версии о местном центре их производства (Кузьмина, 1958. С. 122–125).

Каждый из среднеазиатских шлемов своеобразен, но содержит признаки, сближающие их со шлемами кубанского типа, а также шлемами без шейных выемок из Прииртышья и Хитрууна. Это окантованные валиком надглазничные дуги с наносником и вертикальный валик (или гребень) на лицевой стороне, который через вершину тульи

проходит и по затылочной части (Самарканд, Кысымчи)³. К чжоуским экземплярам упомянутые шлемы близки окантовкой валиком (Кысымчи) или утолщением края (Самарканд) округлых шейных выемок, и тремя-четырьмя отверстиями у основания образованных выемками наушей на боковых сторонах. Отсутствие лицевого вертикального валика на шлеме из Тонского района также характерно для чжоуских изделий. Неровный ряд отверстий, пробитых⁴ по уже готовой отливке, напоминают некоторые изделия кубанского типа (Келермес, курган 2В, шлем 2; Старый Печеур; Гвардейское) (рис. 1, 1, б), но более всего шлем из Хитрууна, где, правда, нет шейного выреза и отверстия расположены только на боковых сторонах (Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2010. С. 56–58).

Общим и характерным признаком для среднеазиатских шлемов является наличие трехгранных в сечении защитных валиков на тулье, расположенных выше края и отверстий на боковых (Самарканд, Кысымчи), а также и на затылочной сторонах (Тонский район). Такие же валики, расположенные на разных уровнях на боковых и затылочной сторонах имеются у шлема 1 с коническим навершием из кургана 2В Келермеса (Рабинович, 1941. Табл. III; Галанина, 1997. Табл. 14, 220) (рис. 1, 8). Боковые валики, как и переходящий на затылочную часть вертикальный валик отличают, помимо прочего, и своеобразный шлем 2 из собрания ГИМ (рис. 1, 9) и сближают его со среднеазиатскими (Рабинович, 1941. С. 114, 115. Табл. IX; Галанина, 1985. Рис. 1, 9). Сходство этих специфических элементов явно не случайно.

Таким образом, среднеазиатские шлемы занимают промежуточную позицию между восточноазиатскими и западными экземплярами, как по морфологическим признакам, так и метрическим параметрам (Варёнов, 1994. С. 91. Рис. 9). К сожалению, малочисленность и внекомплексность их находок оставляют открытыми множество вопросов.

Техника изготовления. Не менее интересными являются и вопросы технологии производства шлемов кубанского типа, так как особенности технологических приемов могут указывать на регион и время происхождения того или иного изделия. Для населения Восточной Европы изго-

товление подобных металлоемких изделий, наряду с некоторыми другими, было абсолютной технологической новацией (Галанина, 1985. С. 175; Вальчак, Демиденко, 2006. С. 178; Вальчак, 2016а. С. 38), чего нельзя сказать о регионах Восточной Азии, где литье бронзовых ритуальных сосудов, котлов и шлемов было известно с эпохи Шан-Инь (История Востока, 1997. С. 199; Минасян, 2014. С. 206–212). Процесс создания литейной формы и отливки шлема кубанского типа был реконструирован Б.З. Рабиновичем и М.П. Грязновым, опубликован более 80 лет назад (рис. 4, 4). При этом специально отмечалось, что “на обеих поверхностях шлемов не видно следов шва”, следовательно, “каждой из них соответствовала одна цельная створка формы”. Оправданным было и сопоставление с более трудоемким процессом литья бронзовых котлов (Рабинович, 1941. С. 115–117. Рис. 3; 4), так как изготовление любых полых металлоемких изделий (котлов, шлемов, сосудов, колоколов и пр.) требовало особых подходов (Демиденко, 2008. С. 31–43. Рис. 41–46; Минасян, 2014. С. 74, 75, 117, 178, 179, 187–193, 214, 274, 316).

Суммируя разработки указанных выше исследователей, попробуем вновь реконструировать весь процесс изготовления рассматриваемых шлемов (рис. 4, 1–3).

Шлемы кубанского типа отливались в составной двухчастной форме по утрачиваемой модели, процесс был во многом близок отливке котлов. Сначала подготавливалась плоская подставка, которая использовалась для формирования ровного нижнего края тульи. На подставке изготавливался глиняный “литейный стержень” или “болван-шишка”, который соответствовал форме будущего шлема и на котором рельефно формировались контуры лицевой и шейной “выемок”.

Затем из воска или сально-жировой пластической массы на “стержне-болване” изготавливалась модель шлема, толщина которой соответствовала будущей толщине стенок шлема. На поверхности этой модели из той же пластической массы формировались, а не “прорезывались в глине дополнительно” (Рабинович, 1941. С. 116), рельефные валики или пояски на лицевой стороне и по окружности, изготовлялось петлевидное навершие (с заформовкой вязкой глиной отверстия). После этого модель полностью заформовывалась глиной, образовывалась внешняя часть литейной формы, на которой отпечатывались все смоделированные детали будущей внешней поверхности шлема. Створка эта плотно прилегала к выступам на месте будущих “выемок” на “стержне-болване”, не допуская залива их металлом (рис. 4, 1–3). Затем форма высушивалась и прокаливалась, пластическая масса вытапливалась, а образовав-

³ Изображения и описания деталей шлема из Кысымчи в разных публикациях несколько отличаются, что снижает достоверность приводимой нами информации (см., напр.: Кузьмина, 1958. Рис. 1; Черненко, 1968. Рис. 41; 42; Галанина, 1985. Рис. 1, 11, 12; Chernenko, 2006. Taf. 26, 553; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011. Рис. 34, 1–6).

⁴ В литературе встречается и термин “просверленные” (см., напр.: Рабинович, 1941. С. 107; Черненко, 1968. С. 79; Виноградов, 1973. С. 275; Галанина, 1985. Табл. № 1, 7, 13; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2010. С. 56); возможно, в каждом конкретном случае способ изготовления отверстий мог быть разным.

шиеся пустоты заполнялись металлом. После остывания форма разбивалась. Литник, по всей вероятности, подводился к навершию шлема, а выпор (их могло быть несколько) располагался в нижней части формы (рис. 4, 1, 3). Может быть поэтому, мы всегда видим целиком отлитое навершие, а нижний край шлема иногда неровный, так как опускающийся вниз и преждевременно остывающий металл мог образовывать недолив, пустоты на стенках и другие дефекты литья. Разнообразные неровности и “рельефные жилки” сохраняются на внутренней поверхности шлемов, внешняя же поверхность после отливки тщательно дорабатывалась, шлифовалась и полировалась (Рабинович, 1941. С. 107, 108, 113, 115, 116).

Правильная форма равномерно расположенных отверстий у нижнего края шлема “Краснодар-2022”, их больший внутренний диаметр, превышающий наружный, позволяют предполагать либо их сверление изнутри, либо преднамеренное изготовление на нижней части “стержня-болвана” усеченно-конических выступов-шипов для образования этих отверстий на модели шлема. Одновременно эти шипы препятствовали и горизонтальному смещению верхней части формы в процессе отливки.

Такая технология изготовления, вероятно, характерна для всех восточноевропейских шлемов кубанского типа, хотя этому вопросу не уделялось сколько-нибудь серьезного внимания. Сведений о технологических приемах изготовления литых шлемов на территории Средней Азии у нас нет. Но нам известны интересные данные о находках на Востоке Азии.

Так, иньские шлемы отлиты в один прием в многосоставных формах, включающих “стержень-болван” и две верхние створки. “Правая и левая половинки формы стыкуются под тупым углом, образуя хорошо заметный литейный шов. Он проходит через весь шлем, служа своеобразной линией симметрии” (Варёнов, 1984. С. 41. Рис. 1; 1990. С. 56. Рис. 1–3). Судя по имеющимся описаниям, шлемы периода Западного Чжоу, не повторяя форму иньских, отливались аналогичным способом. На лицевой стороне литейный шов обычно тщательно зашлифован. Но особенно четко продольный литейный шов прослеживается на внутренней стороне чжоуских шлемов (Варёнов, 1984. С. 45, 46. Рис. 4–6; 1994. С. 86–89. Рис. 1–7). В этом случае трехчастная форма после отливки могла разбираться, а не уничтожаться, что делало возможным тиражирование чжоуских изделий.

Е.В. Черненко предположил северокитайский способ отливки и для кубанских шлемов, обращая внимание на наличие вертикального “рельефного валика — следа литейного шва” и практическую невозможность иной отливки петельки

на вершине (Черненко, 1968. С. 80). Но, “на обеих поверхностях шлемов не видно следов шва” (Рабинович, 1941. С. 115), как и у шлема “Краснодар-2022” (рис. 3, 5, 6), значит, вертикальный валик не является результатом его доработки. Подобное иньским шлемам ребро на лицевой поверхности имеется только у шлема 1 из кургана 2В Келермеса (рис. 3, 8), упоминавшегося в связи со среднеазиатскими находками; так же у шлема из Воронцовского кургана (Рабинович, 1941. С. 112. Табл. III; VI, 1; Галанина, 1985. С. 174; 1997. Табл. 14, 220). Данных об особенностях их отливки мы не имеем. Как нам представляется, возможность правоты первых реконструкторов была аргументирована выше, а форма разбивалась после отливки и повторно использоваться не могла (Рабинович, 1941. С. 116). Вопрос о причинах отличия технологии изготовления шлемов кубанского типа от восточноазиатских пока остается открытым.

Состав металла. Крайне редко у исследователей имеются и сведения о составе металла шлемов. Металлографические анализы большинства из них не проводились, или их результаты не публиковались. В тех немногих случаях, когда такие исследования были проведены, об их результатах, как правило, приводятся только краткие сведения. Таким образом, достаточных данных для каких-либо обобщающих заключений мы пока не имеем. Эти данные могли бы стать существенным аргументом в определении центров производства и характера межрегиональных связей.

В раннескифский период на Северном Кавказе лидирующее место занимают изделия разнообразных категорий из оловянисто-мышьяковистых и оловянистых бронз (Барцева, 1974. С. 25). Из оловянистой бронзы различного состава, например, были отлиты шлемы из кургана 20 мог. Нартан в Кабардино-Балкарии (Барцева, 1985. С. 121) (рис. 1, 5) и шлемы из курганов 1Ш, 2В и погр. 3 кургана 15 Келермеса в Закубанье (Алексеев, 2019. С. 224, 226. Сноска 3) (рис. 1, 1, 2). Из оловянисто-мышьяковистой бронзы с высоким содержанием железа (до 1.5%) и кобальта (до 0.01%) был отлит шлем, фрагмент которого найден в кургане 6 мог. Красное Знамя на Ставрополе (Петренко, 2006. С. 67. Табл. 53, 211). Т.Б. Барцева отмечала, что металл этот существенно отличается от металла “котлов и шлемов кубанского типа” курганов 2В Келермеса и 20 Нартана: “содержания железа в шлемах не превышают здесь сотых — десятых долей процента, а кобальта — тысячных (до 0.006%)” (Барцева, 1989. С. 113).

Интересные сведения имеются для одного из шлемов из коллекции ГИМ, якобы найденного в Кубанской области. Он “отлит из сложного рецепта с добавками олова, мышьяка, сурьмы. Высоки в его меди также и концентрации висмута,

никеля, кобальта, что было показательно для металла восточных культур еще в эпоху поздней бронзы” (Барцева, 1985. С. 121, 122). К сожалению, пока не удалось выяснить, к какому из двух шлемов неизвестного происхождения из ГИМ (Рабинович, 1941. С. 114, 115. Табл. VIII; IX; Конь и всадник, 2003. С. 37. Кат. 65) относятся эти данные⁵.

Шлем “Краснодар-2022” отлит из меди, добытой из цинковых руд, с естественным высоким содержанием свинца, что выяснилось при анализе металла на РФА (рентгено-флуоресцентном анализаторе) “Мистраль М1” (Bruker)⁶ (Cu — 87.18–88.52; Sn — 0.61–0.72; Pb — 2.20–2.59; Zn — 6.20–6.34; As — 0.00; Sb — 0.78–1.02; Bi — 0.00; Ag — 0.13–0.19; Fe — 1.08–2.14; Au — 0.00; Ni — 0.09%). Подобный состав металла напоминает разновидности самородной цинкистой меди (“аналог искусственной латуни”) в месторождениях Южного Урала (Новгородова, 1983. С. 175, 180, 181. Табл. 17, 11–15)⁷.

Что касается состава металла изделий Востока Азии, то два чжоуских шлема из плиточных могил Северной Монголии были отлиты из оловянистой бронзы (Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000. С. 145, 146). Приоритетными для изготовления предметов вооружения и ритуальных сосудов эпох Шан-Инь, Западного Чжоу и периода Чуньцю на территории Китая были оловянистые и свинцово-оловянистые бронзы (Mei, Chen, Cao, 2009. P. 1887–1890; Wang et al., 2021. P. 3, 4, 6, 10; Chen et al., 2022. P. 5; Wood, Liu, 2022. P. 45), что также не соответствует составу металла публикуемого нами шлема.

Не исключено, что шлем “Краснодар-2022” мог быть изготовлен в мастерских или из металла рудных источников, расположенных несколько восточнее ареала кубанских шлемов юга Восточной Европы, что не противоречит наличию и других “азиатских” элементов материальной культуры в памятниках раннескифского времени (Алексеев, 2019. С. 222, 223).

Таким образом, некоторые особенности публикуемой новой находки из Краснодара показывают необходимость ее дальнейшего изучения и еще раз указывают на вероятные истоки формирования восточноевропейских форм литых шлемов кубанского типа.

⁵ Авторы благодарны Л.Б. Орловской, с.н.с. Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН за помощь в работе с архивом данных металлографических анализов.

⁶ Анализ металла был проведен в лаборатории ФГБУК “Государственный историко-археологический музей-заповедник “Фанагория”” художником-реставратором высшей категории, начальником отдела научной реставрации, консервации и реконструкции музейных предметов О.Л. Гунчиной.

⁷ Наблюдение О.Л. Гунчиной.

Авторы выражают глубокую благодарность за помощь в исследовании находки д.и.н. В.Д. Кузнецову, директору музея-заповедника “Фанагория”, заведующему Отделом классической археологии ИА РАН; О.И. Ткаченко, фотографу музея-заповедника “Фанагория”; Л.Э. Голубеву, руководителю экспертной группы по археологии Краснодарского краевого отделения ВООПИиК, эксперту по культурным ценностям Управления Министерства культуры России по ЮФО и СКФО; к.и.н. Н.Ф. Шевченко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб.: Петербургкомстат, 1992. 206 с.: ил.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.: ил.
- Алексеев А.Ю. Шлем “кубанского” типа из Келермесского могильника (раскопки 1993 г.) // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 2. С. 221–234.
- Барцева Т.Б. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // Советская археология. 1974. № 1. С. 24–36.
- Барцева Т.Б. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан (По данным спектрального анализа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2 / Ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 116–134.
- Барцева Т.Б. Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс “Красное Знамя”) // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1989. С. 109–117.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2 / Ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Функциональный анализ металлических защитных наголовий древних кочевников Центральной Азии // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 22–24.
- Вальчак С.Б. Предскифская археология Восточной Европы и некоторые памятники Закавказья // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти М.Н. Погребовой / Ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016а. С. 28–42.
- Вальчак С.Б. Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе // Revista Archeologică. Serie nouă. 2016b. V. XII, nr. 1–2. С. 128–144.
- Вальчак С.Б., Демиденко С.В. Комплекс 1951 года с горы Бештау: вопросы хронологии // Нижневолж-

- ский археологический вестник. 2006. Вып. 8. С. 173–186.
- Варёнов А.В. Иньские шлемы и проблемы боевого огорения эпохи поздней бронзы // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия: История, филология и философия. 1984. № 14 (389). Вып. 3. С. 41–47.
- Варёнов А.В. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 56–72.
- Варёнов А.В. К проблеме китайско-кавказских контактов (на материале бронзовых шлемов) // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 100–104.
- Варёнов А.В. Бронзовые шлемы на границе чжоуского Китая и их “кубанские” аналогии // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая / Отв. ред. В.Е. Ларичев, Линь Юнь. Новосибирск: Наука, 1994. С. 86–94.
- Виноградов В.Б. Кубанский шлем из Чечено-Ингушетии // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 275, 276.
- Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Л.: Наука, 1985. С. 169–183.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы. “Царские” погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997 (Степные народы Евразии; т. 1). 270 с., 44 л. ил.
- Грязнов М.П. Памятники майэмурского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.
- Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. — III в. н.э.). М.: ЛКИ, 2008. 328 с., цв. ил.
- История Востока. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В.А. Яковсон. М.: Восточная литература, 1997. 688 с.: карты.
- Ковалёв А.А. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 97–100.
- Комиссаров С.А. Чжоуское защитное вооружение // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия: История, филология и философия. 1984. № 14 (389). Вып. 3. С. 47–56.
- Комиссаров С.А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзянянь // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 39–53.
- Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.
- Конь и всадник. Взгляд сквозь века: каталог выставки / Науч. ред. А. П. Мошинский. М.: Гос. ист. музей, 2003. 64 с.
- Кузьмина Е.Е. Бронзовый шлем из Самарканда // Советская археология. 1958. № 4. С. 120–126.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 316 с.
- Марченко И.И. Шлем “кубанского” типа со Старокорсунского городища № 2 // Историко-археологический альманах. Вып. 4 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краевед. музей, 1998. С. 24–26.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-4). 92 с.
- Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.: ил.
- Новгородова М.И. Самородные металлы в гидротермальных рудах. М.: Наука, 1983. 288 с.
- Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф, 2006 (Степные народы Евразии; 3) (Corpus tumulorum Scythicorum et Sarmaticorum; 1). 178 с., 126 л. ил.
- Полтавец В.И., Білецька О.В., Легоняк Б.В. Шолом кубанського типу в Правобережному Лісостепу // Археологія. 2000. № 1. С. 147–149.
- Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры. Т. 1. Л.: Гос. Эрмитаж, 1941. С. 99–171, 28 л. табл.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 101). 160 с.
- Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Бронзовый шлем — новая находка в Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 53–60.
- Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие — III век до н.э.). СПб.: Филолог. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та: Нестор-История, 2011. 172 с.: ил.
- Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 192 с.
- Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // Российская археология. 2000. № 2. С. 140–148.
- Яценко И.В. О времени и причинах исчезновения “кубанских” шлемов в скифской культуре Северного Причерноморья и Северного Кавказа // Донские древности. Вып. 5. Азов: Азовский краевед. музей, 1997. С. 164–175.
- Černenko E.V. Die Schutzaffen der Skythen. Stuttgart: Franz Steiner, 2006 (Prähistorische Bronzefunde; Abt. III, Bd. 2). 158 S., 45 Taf.
- Chen D., Yang Y., Wang X., Luo W. Improvement and integration: scientific analyses of willow-leaf shaped bronze swords excavated from the Shuangyuan Village Cemetery, Chengdu, China // Heritage Science. 2022. 10. 92. DOI 10.1186/s40494-022-00725-2

- Mei J., Chen K., Cao W. Scientific examination of Shang-dynasty bronzes from Hanzhong, Shaanxi Province, China [Электронный ресурс] // Journal of Archaeological Science. 2009. V. 36. Iss. 9. P. 1881–1891. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305440309001381> (дата обращения: 04.05.2023).
- Wagner M., Parzinger H. Bemerkungen zur inneren Gliederung der spätbronzezeitlichen Kultur Oberes Xiajiadian und deren Bedeutung für die südsibirische Kulturentwicklung // Eurasia Antiqua. Bd. 4 (1998). Mainz, 1998. S. 38–72.
- Wang Y., Wei G., Li Q., Zheng X., Wang D. Provenance of Zhou Dynasty bronze vessels unearthed from Zongyang County, Anhui Province, China: determined by lead isotopes and trace elements // Heritage Science. 2021. 9. 97. DOI 10.1186/s40494-021-00566-5
- Wood J.R., Liu Y. A Multivariate Approach to Investigate Metallurgical Technology: The Case of the Chinese Ritual Bronzes // Journal of Archaeological Method and Theory. 2022. DOI 10.1007/s10816-022-09572-8

A NEW FIND OF A KUBAN-TYPE HELMET FROM THE NORTHWEST CAUCASUS

Sergey B. Valchak^{a,b,#} and Evgeniy V. Muravenko^{c,##}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^bRussian State Social University, Moscow, Russia

^cDepartment of State Protection of Cultural Heritage Objects of Krasnodar Territory Administration, Krasnodar, Russia

[#]E-mail: valchaks@yandex.ru

^{##}E-mail: evgeniimb@mail.ru

The article publishes the discovery of a new cast helmet of the “Kuban type” of the Early Scythian culture. The helmet is considered against the background of other similar cast helmets from the territory of Eastern Europe dating from the 7th–6th centuries BC. The authors discuss an assumption of the origin of East European cast helmets from the prototypes of the Zhou period from Northern China. Special attention is paid to the typological similarity and difference of East European specimens from similar finds from Central and East Asia. The paper proposes a variant for the reconstruction of the technology of mould manufacturing and casting of the product. The authors provide the results of X-ray fluorescence analysis of the metal in the published helmet and compare them with data on other known finds of Kuban type helmets. The comparison shows the difference in the composition of metal which they were made from.

Keywords: helmets, morphology, technology, the Early Scythian period, Eastern Europe, Central and Eastern Asia.

REFERENCES

- Alekseev A.Yu., 1992. Skifskaya khronika (Skify v VII–IV vv. do n.e.: istoriko-arkheologicheskiy ocherk) [Scythian chronicle (Scythians in the 7th–4th centuries BC: a historical and archaeological study)]. St. Petersburg: Peterburgkomstat. 206 p.: ill.
- Alekseev A.Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n.e. [Chronography of European Scythia of the 7th–4th centuries BC]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 416 p.: ill.
- Alekseev A.Yu., 2019. A helmet of the “Kuban” type from the Kelermes cemetery (excavations in 1993). *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 221–234. (In Russ.)
- Bartseva T.B., 1974. Non-ferrous alloys in the North Caucasus in the Early Iron Age. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1, pp. 24–36. (In Russ.)
- Bartseva T.B., 1985. Chemical composition of non-ferrous metal from the mound cemetery near the village of Nartan (based on spectral analysis data). *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological research on new construction sites in Kabardino-Balkaria in 1972–1979], 2. M. P. Abramova, V.I. Kozenkova, eds. Nal'chik: El'brus, pp. 116–134. (In Russ.)
- Bartseva T.B., 1989. Early Scythian non-ferrous metal in Ciscaucasia (the Krasnoye Znamya complex). *Estestvennonauchnye metody v arkheologii* [Natural science methods in archaeology]. E.N. Chernykh, ed. Moscow: Nauka, pp. 109–117. (In Russ.)
- Batchaev V.M., 1985. Antiquities of the pre-Scythian and Scythian periods. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological research on new construction sites in Kabardino-Balkaria in 1972–1979], 2. M. P. Abramova, V.I. Kozenkova, eds. Nal'chik: El'brus, pp. 7–115. (In Russ.)
- Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S., 2002. Functional analysis of metal protective headgear of Central Asian early nomads. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova* [Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International scientific conference to the

- 100th anniversary of M.P. Gryaznov], II. Yu.Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 22–24. (In Russ.)
- Chen D., Yang Y., Wang X., Luo W., 2022. Improvement and integration: scientific analyses of willow-leaf shaped bronze swords excavated from the Shuangyuan Village Cemetery, Chengdu, China. *Heritage Science*, 10, 92. DOI 10.1186/s40494-022-00725-2
- Chernenko E.V., 1968. Skifskiy dospekh [Scythian armour]. Kiev: Naukova dumka. 192 p.
- Černenko E.V., 2006. Die Schutz Waffen der Skythen. Stuttgart: Franz Steiner. 158 p., il. (Prähistorische Bronze-funde; III, 2).
- Demidenko S.V., 2008. Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e. – III v. n.e.) [Bronze cauldrons of the ancient tribes of the Lower Volga and Southern Urals (5th century BC – 3rd century AD)]. Moscow: LKI. 328 p., ill.
- Erdenebaatar D., Khudyakov Yu.S., 2000. Finds of bronze helmets from cist graves of Northern Mongolia. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 140–148. (In Russ.)
- Galanina L.K., 1985. Kuban type helmets (issues of chronology and origin). *Kul'turnoe nasledie Vostoka: problemy, poiski, suzheniya [Cultural heritage of the Orient: problems, search, judgments]*. Yu.V. Bromley, ed. Leningrad: Nauka, pp. 169–183. (In Russ.)
- Galanina L.K., 1997. Kelermesskie kurgany. “Tsarskie” pogrebeniya ranneskifskoy epokhi [The Kelermes mounds. “Royal” burials of the early Scythian period]. Moscow: Paleograf. 270 p., 44 ill. (Stepnye narody Evrazii, 1).
- Gryaznov M.P., 1947. Sites of the Mayemir stage of the early nomadic period in Altai. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, XVIII, pp. 9–17. (In Russ.)
- Istoriya Vostoka [History of the Orient], 1. Vostok v drevnosti [The Orient in the ancient times]. V. A. Yakobson, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997. 688 p.: ill.
- Khudyakov Yu.S., Erdene-Ochir N., 2010. Bronze helmet – a new find in Mongolia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 1 (41), pp. 53–60. (In Russ.)
- Khudyakov Yu.S., Erdene-Ochir N., 2011. Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III vek do n.e.) [Military craft of ancient nomads of Mongolia (2nd millennium – 3rd century BC)]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: Nestor-Istoriya. 172 p.: ill.
- Komissarov S.A., 1984. Zhou period defensive weapons. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya: Istoriya, filologiya i filosofiya [Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series: History, Philology and Philosophy]*, no. 14 (389), iss. 3, pp. 47–56. (In Russ.)
- Komissarov S.A., 1987. The armament complex of the upper Xiajiadian culture. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Military craft of the ancient population of Northern Asia]*. V.E. Medvedev, Yu.S. Khudyakov, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 39–53. (In Russ.)
- Komissarov S.A., 1988. Kompleks vooruzheniya drevnego Kitaya. Epokha pozdney bronzy [The armament complex of ancient China. Late Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 120 p. Kon' i vsadnik. Vzgl'yad skvoz' veka: katalog vystavki [The horse and the horseman. A look through the ages: Exhibition catalogue]. A.P. Moshinskiy, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 2003. 64 p.
- Kovalev A.A., 1992. Barbarian tribes of the Scythian period on the borders of Chinese states (to the localization issue). *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya: tezisy konferentsii k 90-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova [Northern Eurasia from ancient times to the Middle Ages: Abstracts of the conference to the 90th anniversary of M. P. Gryaznov]*. V.M. Masson, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 97–100. (In Russ.)
- Kuz'mina E.E., 1958. A bronze helmet from Samarkand. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 4, pp. 120–126. (In Russ.)
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2012. Meotskie drevnosti VI–V vv. do n.e. (po materialam gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani) [Maetian antiquities of the 6th–5th centuries BC (based on materials from ground cemeteries on the right bank of the Kuban River)]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 316 p.
- Marchenko I.I., 1998. “Kuban” type helmet from the Starokorsunskaya fortified settlement No. 2. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh [Historical and archaeological almanac]*, 4. R.M. Munchaev, ed. Armavir; Moscow: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 24–26. (In Russ.)
- Mei J., Chen K., Cao W., 2009. Scientific examination of Shang-dynasty bronzes from Hanzhong, Shaanxi Province, China (Electronic resource). *Journal of Archaeological Science*, vol. 36, iss. 9, pp. 1881–1891. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305440309001381>.
- Melyukova A.I., 1964. Vooruzhenie skifov [Armament of the Scythians]. Moscow: Nauka. 92 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1–4).
- Minasyan R.S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e [Metalworking in ancient times and the Middle Ages]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 472 p.: ill.
- Novgorodova M.I., 1983. Samorodnye metally v gidrotermal'nykh rudakh [Native metals in hydrothermal ores]. Moscow: Nauka. 288 p.
- Petrenko V.G., 2006. Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze [The Krasnoye Znamya cemetery. Elite mounds of the early Scythian period in the North Caucasus]. Moscow; Berlin; Bordo: Paleograf. 178 p., 126 ill. (Stepnye narody Evrazii, 3) (Corpus tumulorum Scythicorum et Sarmaticorum, 1).
- Poltavets' V.I., Bilets'ka O.V., Legonyak B.V., 2000. A Kuban type helmet in the Dnieper right-bank forest-steppe area. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 147–149. (In Ukrainian).

- Rabinovich B.Z., 1941. Helmets of the Scythian period. *Trudy Otdela istorii pervobytnoy kul'tury* [Transactions of the Department of the Prehistoric Culture], 1. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 99–171, ill. (In Russ.)
- Smirnov K.F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Armament of the Savromates]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 160 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 101).
- Val'chak S.B., 2016a. Pre-Scythian archaeology of Eastern Europe and some sites of Transcaucasia. *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati M.N. Pogrebovoy* [The Caucasus and the steppe at the turn of the Late Bronze Age and Early Iron Age: Proceedings of the International scientific conference in memory of M.N. Pogrebova]. A.S. Balakhvantsev, S.V. Kullanda, eds. Moscow: Institut vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 28–42. (In Russ.)
- Val'chak S.B., 2016b. Forged bronze helmets of the pre-Scythian period in the Caucasus. *Revista Archeologică. Serie nouă*, vol. XII, no. 1–2, pp. 128–144. (In Russ.)
- Val'chak S.B., Demidenko S.V., 2006. The 1951 complex from Mount Beshtau: issues of chronology. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin], 8, pp. 173–186. (In Russ.)
- Varenov A.V., 1984. Yin helmets and problems of the combat headband of the Late Bronze Age. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya: Istoriya, filologiya i filosofiya* [Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series: History, Philology and Philosophy], no. 14 (389), iss. 3, pp. 41–47. (In Russ.)
- Varenov A.V., 1990. Reconstruction of Yin defensive weapons and army tactics based on weaponry hoards. *Kitay v epokhu drevnosti* [China in ancient times]. V. E. Larichev, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 56–72. (In Russ.)
- Varenov A.V., 1992. To the problem of Chinese-Caucasian contacts (based on bronze helmets). *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya: tezisy konferentsii k 90-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova* [Northern Eurasia from ancient times to the Middle Ages: Abstracts of the conference to the 90th anniversary of M.P. Gryaznov]. V.M. Masson, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 100–104. (In Russ.)
- Varenov A.V., 1994. Bronze helmets on the border of Zhou China and their “Kuban” analogies. *Drevnie kul'tury Yuzhnoy Sibiri i Severo-Vostochnogo Kitaya* [Ancient cultures of South Siberia and Northeast China]. V.E. Larichev, Lin' Yun', eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 86–94. (In Russ.)
- Vinogradov V.B., 1973. A Kuban helmet from Checheno-Ingushetia. *Skifskie drevnosti* [Scythian antiquities]. A.I. Terenozhkin, ed. Kiev: Naukova dumka, p. 275, 276. (In Russ.)
- Wagner M., Parzinger H., 1999. Bemerkungen zur inneren Gliederung der spätbronzezeitlichen Kultur Oberes Xiajadian und deren Bedeutung für die südsibirische Kulturentwicklung. *Eurasia Antiqua*, 4 (1998). Mainz, pp. 38–72.
- Wang Y., Wei G., Li Q., Zheng X., Wang D., 2021. Provenance of Zhou Dynasty bronze vessels unearthed from Zongyang County, Anhui Province, China: determined by lead isotopes and trace elements. *Heritage Science*, 9, 97. DOI 10.1186/s40494-021-00566-5
- Wood J.R., Liu Y., 2022. A Multivariate Approach to Investigate Metallurgical Technology: The Case of the Chinese Ritual Bronzes. *Journal of Archaeological Method and Theory*. DOI 10.1007/s10816-022-09572-8
- Yatsenko I.V., 1997. On the time and causes of the disappearance of the “Kuban” helmets in the Scythian culture of the Northern Pontic and the North Caucasus. *Donskie drevnosti* [Antiquities of the Don region], 5. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 164–175. (In Russ.)

ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ МЕСТНОЙ ЭЛИТЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

© 2023 г. Н. Н. Серегин^{1,*}, А. А. Тишкин^{1,**}, С. С. Матренин^{1,***}, Т. С. Паршикова^{1,****}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

*E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

**E-mail: tishkin210@mail.ru

***E-mail: matrenins@mail.ru

****E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.12.2022 г.

После доработки 27.02.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

В статье представлены результаты изучения материалов, полученных при раскопках женского погребения, выявленного в составе некрополя булан-кобинской археологической культуры Чобурак-I. Данный памятник, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, полностью исследован экспедицией Алтайского государственного университета. Анализ морфологических характеристик обнаруженных предметов сопроводительного инвентаря с привлечением аналогий из памятников на сопредельных территориях, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования стали основанием для определения времени сооружения кургана 34 в рамках IV в. Изучение зафиксированных признаков обрядовой практики позволило установить, что захоронение совершено носителями дялянской погребальной традиции, составлявшими доминирующую группу населения Северного Алтая в предтюркское время. Многочисленный инвентарь, включавший социально значимые украшения костюма погребенной, а также предметы снаряжения лошади, свидетельствуют о высоком прижизненном статусе умершей женщины, вероятно, представительницы местной элиты кочевников.

Ключевые слова: Алтай, эпоха Великого переселения народов, женское погребение, социальная история, региональная элита, хронология.

DOI: 10.31857/S0869606323040153, EDN: FPHUXD

Важным аспектом изучения археологических материалов из некрополей Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. является реконструкция разных аспектов социальной истории населения этого периода. В последние десятилетия изучались особенности стратификации кочевников булан-кобинской археологической культуры, зафиксированные при исследовании погребальных комплексов (Серегин, Матренин, 2020б. С. 21–132). При этом весьма слабо исследованной остается социально-имущественная дифференциация женской части населения. Данная ситуация, с одной стороны, обусловлена сложностью объективного определения места женщин в системе вертикальной и горизонтальной стратификации общества вследствие одновременного влияния разных факторов (возраст, этническое происхождение, семейное положение и др.), которые не всегда поддаются надежной диагностике в относительно “эгалитарной” по своему облику погребальной практике носителей булан-кобинской культуры, по сравнению, например, с предшествующим ски-

фо-сакским периодом (вторая половина VI–III в. до н.э.) (см., в частности: Тишкин, Дашковский, 2003. С. 185–189). С другой стороны, для значительной части захоронений, раскопанных на территории Алтая, до сих пор отсутствуют качественные антропологические и палеогенетические определения, что существенно ограничивает возможности их интерпретации. Особенно это характерно для предтюркского периода по причине недостаточности археологических материалов.

В настоящей статье представлены результаты изучения одного из женских погребений в составе некрополя Чобурак-I на территории Северного Алтая. Анализ материалов данного захоронения, исключительного по составу сопроводительного инвентаря, оказался важен для понимания особенностей этносоциальной истории населения региона в эпоху Великого переселения народов, в том числе такого важного ее аспекта, как формирование региональных элит у носителей булан-кобинской культуры.

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Чобурак-I.

Fig. 1. The location of the burial and commemorative complex of Choburak-I

Характеристика источников. Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского р-на Республики Алтай (рис. 1). В разное время на территории памятника проводили исследования специалисты Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (конец 1980 — начало 1990-х годов) и Алтайского государственного университета (2007, 2015–2022 гг.) (см., например: Бородовский, 1994; Семибратов, Матренин, 2008. С. 55–63. Рис. 3–8; Серегин и др., 2019). Наряду с объектами разных хронологических периодов в составе комплекса Чобурак-I экспедицией под руководством одного из авторов статьи полностью раскопан компактный некрополь булан-кобинской культуры, состоявший из 12 непогребенных курганов. В трех из них оказались захоронены женщины, которые принадлежали к разным возрастным группам. Судя по обнаруженному сопроводительному инвентарю, они имели определенные отличия в социальном статусе. Наиболее высокое положение среди них занимала женщина, похороненная в кургане 34 (рис. 2–7).

Обозначенный объект — самый крайний с севера в ряду выявленных курганов булан-кобинской культуры. Он был устроен в непосредственной близости от других женских захоронений некрополя (курганы 32а и 33). Наземная конструкция представляла собой овальную в плане наброску размерами 3,5 × 4,16 м и высотой до 0,3 м, сложенную из средних и мелких камней. По ее контуру фиксировалась крепида из более крупных булыжников, ориентированная продольной осью по ли-

нии СЗ–ЮВ (рис. 2, А). Могильная яма размерами 4,09 × 1,16 м хорошо выделялась на фоне погребенной почвы заполнением с большим содержанием мелкой гальки. В ходе раскопок установлено, что размеры могилы существенно изменялись по мере увеличения глубины. В итоге по дну ее длина составила 3 м, а ширина — 0,68–0,98 м.

В северо-западной половине ямы на глубине 0,9 м от уровня древнего горизонта прослежен тлен деревянной погребальной камеры, в которой находился непогребенный скелет женщины 30–35 лет (определения выполнены С.С. Тур), уложенной вытянуто на спину и ориентированной головой на северо-запад (рис. 2, Б). Многочисленный сопроводительный инвентарь включал в себя разные категории изделий (рис. 3–5; 7). За головой покойной находились нашивные украшения из цветного металла, декорированные “пуансонным” орнаментом, т.е. выполненным специальным чеканом-пуансоном (рис. 3, 1). Одна из них — слабоизогнутая пластина вытянуто-овальной формы большого размера (рис. 4, 1), семь пластин вытянуто-прямоугольной и вытянуто-трапецевидной формы меньших пропорций (рис. 4, 2–8), размещавшиеся почти параллельно друг другу. Судя по выявленному *in situ* местонахождению, данные металлические предметы крепились к головному убору в виде накладки (?), которая была помещена в могилу в снятом виде. Расположение этих нашивных элементов, напоминающих лучи, придавало оголовью облик “короны” (рис. 3, 2). Под черепом женщины найден наосник из бронзовой пластины (рис. 5, 12; 7, 3), а в области лба — металлическая нашивная бляха округлой формы со сквозным отверстием в центре (рис. 3, 3; 5, 13; 7, 4). Между нижней челюстью и правым плечом обнаружено каменное пряслице с лучевым узором (рис. 3, 3; 5, 10; 7, 7). В области грудной клетки зафиксированы четыре бляхи-нашивки колокольчиковидной формы из цветного металла (рис. 4, 9–13). У тазовых костей находились фрагменты железных изделий от поясной гарнитуры, среди которых две пряжки (рис. 5, 4, 6). Кроме этого обнаружены обломок не определенного изделия (рис. 5, 5), железный короткоклиновидный нож (рис. 5, 8), а также две небольшие по размеру бляхи-нашивки овальной формы (рис. 4, 13, 14). Под тазовыми костями с правой и левой сторон располагались серьги из цветного металла (рис. 5, 14, 15; 7, 1, 2), подвеска из зуба марала (рис. 5, 7), костяная рукоять гигиенической щетки (рис. 5, 11; 7, 6) и обломок железного предмета (рис. 5, 9).

В юго-восточной половине могильной ямы, в ногах умершей женщины, на глубине 0,7–0,77 м от уровня древнего горизонта размещалось сопроводительное захоронение верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми конечностями и ориентированного головой на северо-

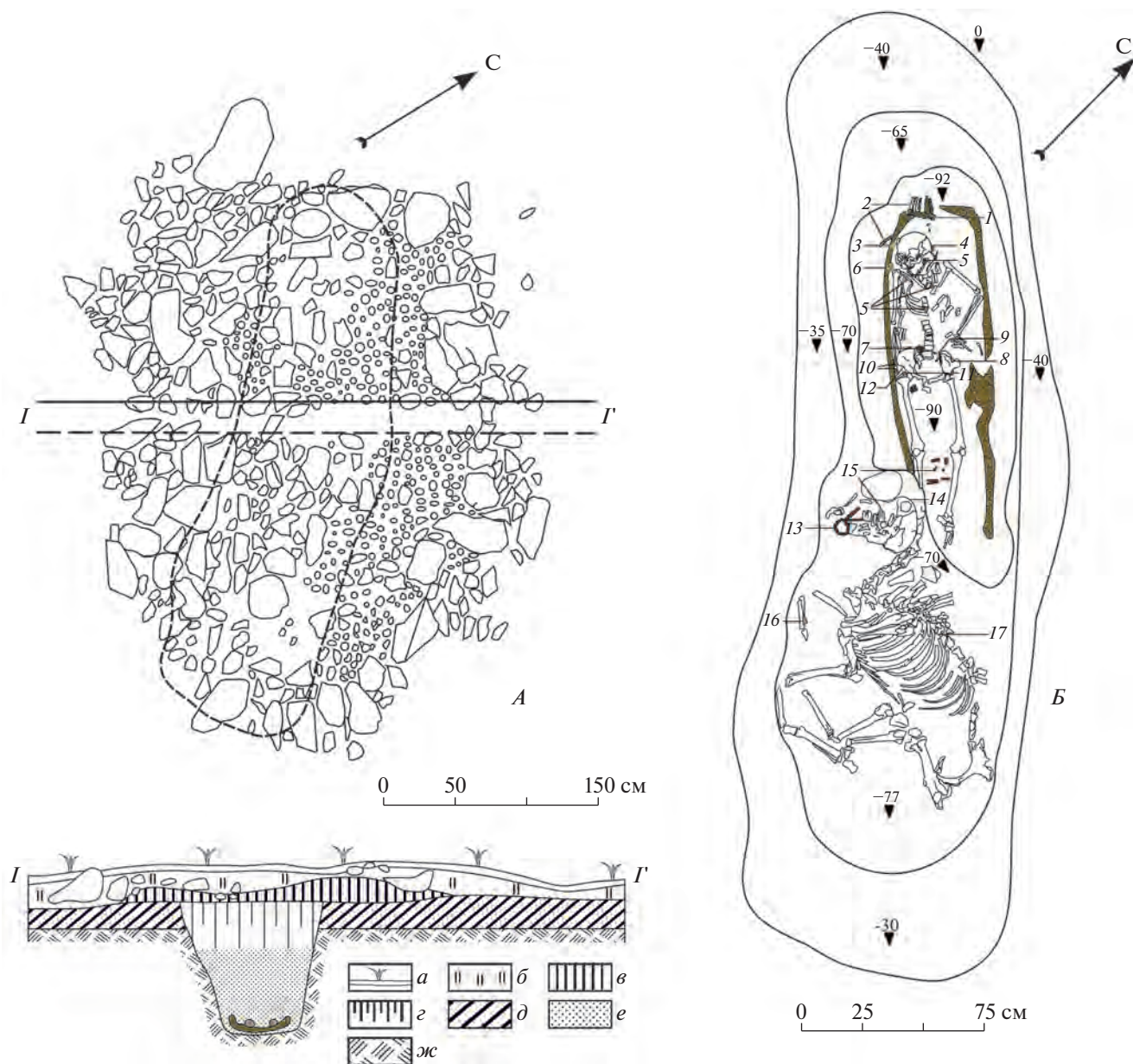

Рис. 2. Чобурак-I, курган 34. А — план и разрез погребального сооружения; Б — план захоронения человека с лошадью. Обозначения предметов в погребении: 1 — большая нашивная пластина; 2 — малые нашивные пластины; 3 — круглая бляха-нашивка; 4 — наконечник; 5 — колокольчикообразные бляхи-нашивки; 6 — пряслице; 7 — поясная гарнитура (пряжки, обломки изделий); 8 — подвеска из зуба марала; 9 — нож; 10 — овальные бляхи-нашивки; 11 — серьги; 12 — косметическая щетка; 13 — удила с псалиями; 14 — уздечные пряжки; 15 — уздечные бляхи (пронижи, накладки); 16 — подпружные пряжки; 17 — звено цепочки с креплением-пробоем. Условные обозначения: а — дерн; б — гумус; в — коричневая супесь с галькой; г — темно-коричневая гумусированная супесь; д — коричневая суглинистая супесь; е — серая мешаная супесь; ж — материк (серая супесь с галечником).

Fig. 2. Choburak-I, mound 34

запад. В челюстях лошади были зажаты железные удила с кольчатыми псалиями, снабженные 8-видными петлями, к которым крепились пластины-полуобоймы (рис. 6, 1; 7, 8). У затылка и под черепом животного обнаружены железные пряжки с подвижным язычком и пластинчатый щит-

ком (рис. 6, 2–4). На черепе коня размещались 23 железные бляхи-пронижи в виде узких обоев (рис. 6, 8–18; 7, 12–22). В состав уздечной гарнитуры также входили три железные бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (рис. 6, 5–7). Они были смещены с места своего первоначаль-

Рис. 3. Расположение отдельных категорий украшений в женском погребении кургана 34 некрополя Чобурак-I. 1 — крупный план верхней части захоронения; 2 — нашивные пластины; 3 — круглая бляха-нашивка и пряслице.
Fig. 3. The location of certain categories of adornments in the female burial of mound 34 at the Choburak-I necropolis

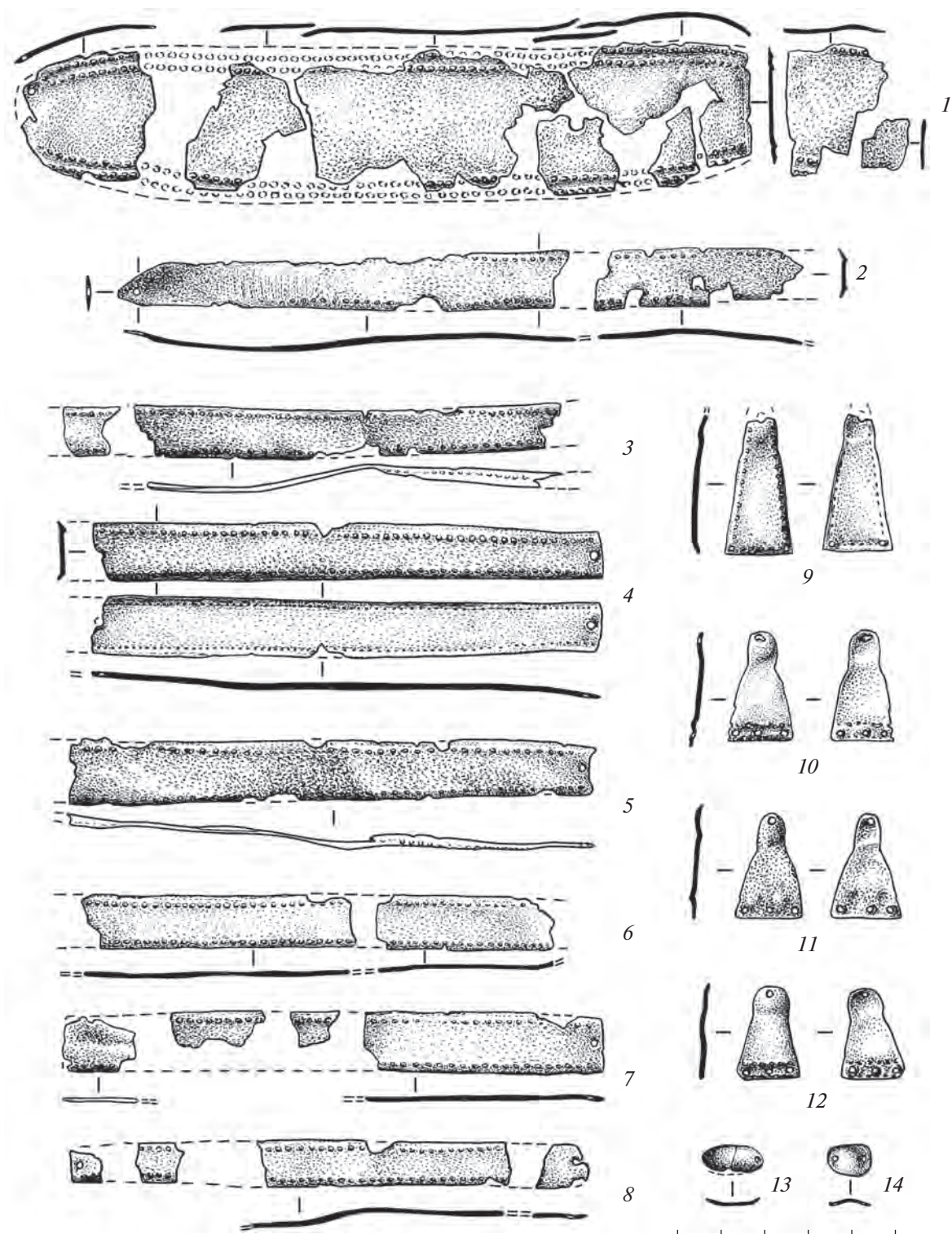

Рис. 4. Украшения из цветного металла. 1–8 – нашивные пластины; 9–14 – бляхи-нашивки.

Fig. 4. Adornments made of non-ferrous metal

ного крепления к ремням суголовья в результате разрушения деревянной погребальной камеры и просада заполнения могильной ямы, включавше-

го массивные камни. У переднего копыта лошади обнаружены роговая (рис. 6, 1; 7, 23) и железная (рис. 6, 2) пряжки, использовавшиеся в качестве

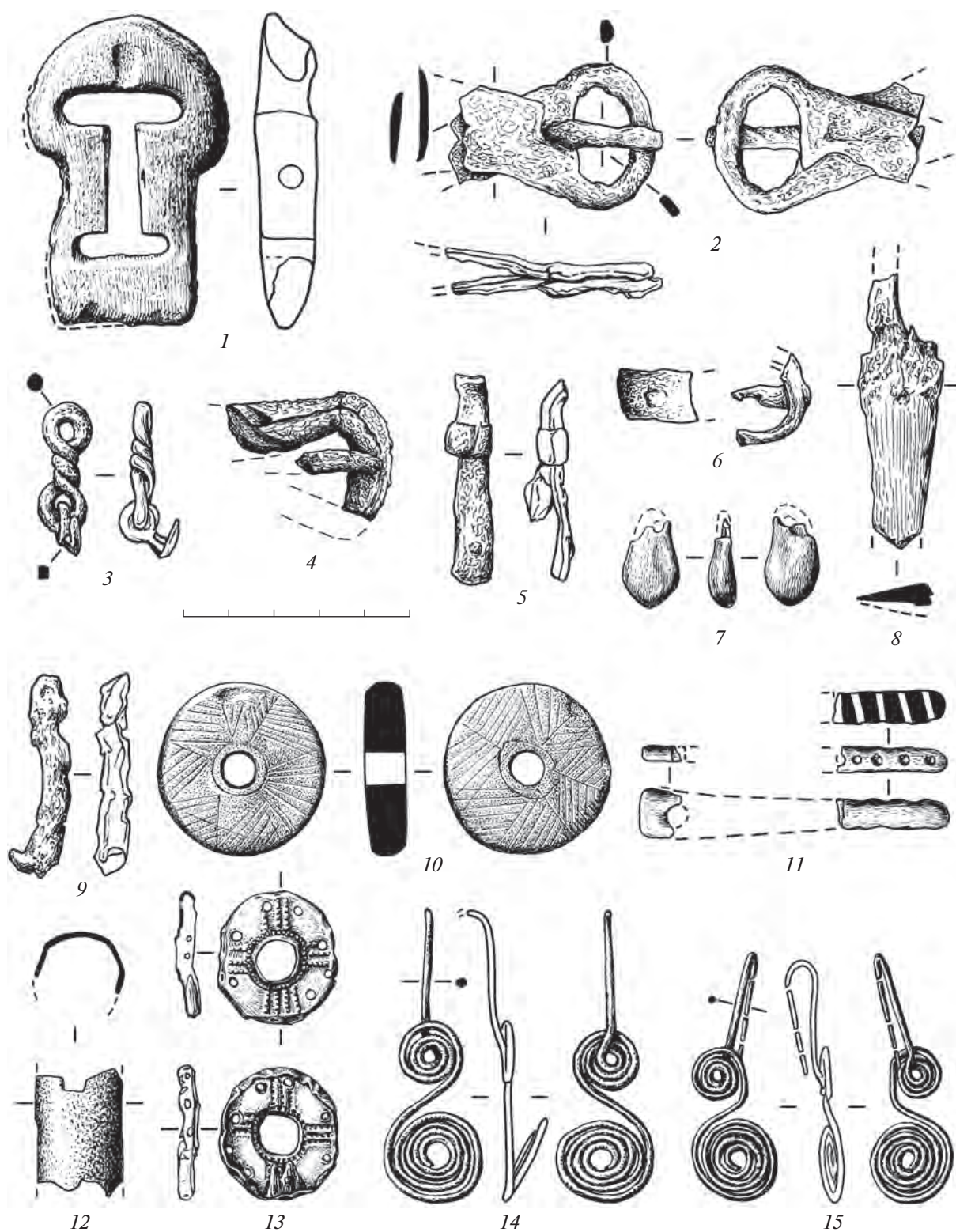

Рис. 5. Предметы снаряжения верхового коня и человека, украшения. 1, 2 – подпружные пряжки; 3 – крепление; 4, 6 – поясные пряжки; 5 – деталь пояса; 7 – подвеска; 8 – нож; 9 – фрагмент изделия; 10 – пряслице; 11 – рукоять щеточки; 12 – наконечник; 13 – бляха-нашивка; 14, 15 – серьги. 1, 7, 11 – кость, рог; 2–6, 8, 9 – железо; 10 – камень; 12–15 – цветной металл.

Fig. 5. Items of riding gear for the horse and the rider, adornments

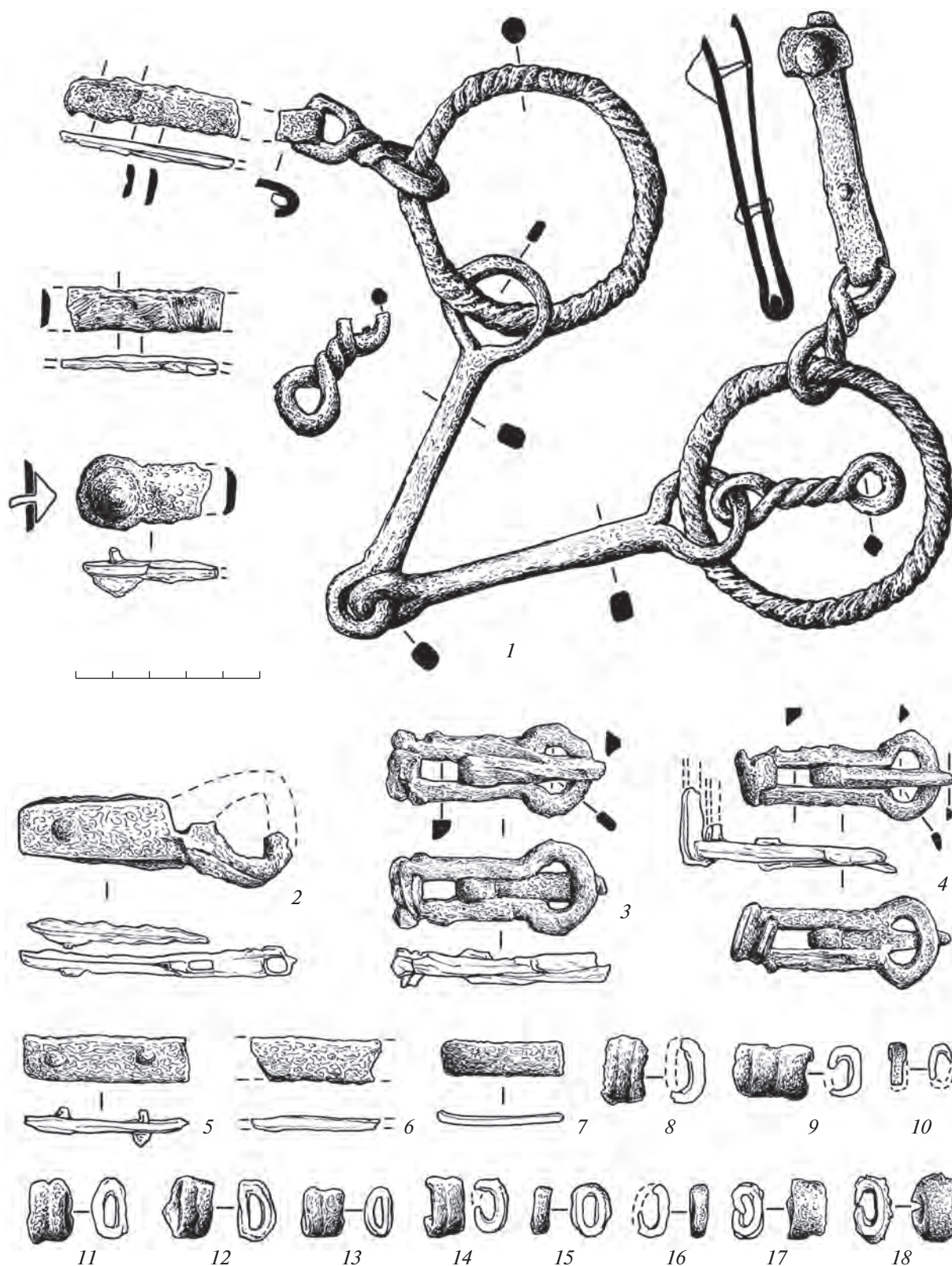

Рис. 6. Железные удила с псалями (1), уздечные пряжки (2–4) и бляхи (5–18).

Fig. 6. Iron bits with cheekpieces (1), bridle buckles (2–4) and plaques (5–18)

Рис. 7. Показательные категории сопроводительного инвентаря из женского погребения кургана 34 некрополя Чобурак-I. 1, 2 – серьги; 3 – наконик; 4 – бляха-нашивка; 5 – подвеска; 6 – рукоять щеточки; 7 – пряслице; 8 – удила с псалиями; 9, 10 – уздечные пряжки; 11–22 – уздечные пряжки; 23 – подпружная пряжка. 1–4 – цветной металл; 5, 6, 23 – кость, рог; 7 – камень; 8–22 – железо.

Fig. 7. Indicative categories of the accompanying goods from the female burial of mound 34 at the Choburak-I necropolis

подпружных застежек. Среди ребер животного зафиксировано железное звено цепочки с креплением-пробоем (рис. 5, 3).

Анализ материалов. Основные характеристики погребального обряда, зафиксированные в результате раскопок кургана 34 на памятнике Чобурак-I (компактное расположение в ряду тесно локализованных объектов; небольшая каменная насыпь овальной в плане формы с крепидой; неглубокая и узкая яма с деревянной внутримогильной конструкцией; ингумация умершего человека вытянуто на спине; ориентировка покойного головой в западный сектор горизонта с отклонением к северу; сопроводительное захоронение лошади в “ногах” человека), свидетельствуют о принадлежности объекта к дялянкой традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры Алтая (Матренин, 2005. С. 96, 97). Носители данной традиции были одной из групп полиэтничного населения, существовавшей, главным образом, в центральной и северной частях региона на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. (Серегин, Матренин, 2016. С. 161, 162).

Обнаруженный сопроводительный инвентарь включает в себя разнообразные категории предметов, анализ которых позволяет определить датировку погребения и сделать ряд наблюдений относительно социальной значимости отдельных находок. В серии украшений хронологически значимы крючковые серьги с верхушкой в виде двойной концентрической спирали (рис. 5, 14, 15; 7, 1, 2), получившие распространение на Алтае с середины III в. н.э. под влиянием ювелирных традиций сяньби (Яремчук, 2005. Рис. 114, 1–3, 5, 9, 10; Худяков, Юй Су-Хуа, 2006. Рис. 1, 15, 16, 20; 2, 16, 17; Трифанова, Соенов, 2019. С. 29). Большая пластина, украшенная “пуансонным” орнаментом (рис. 4, 1), судя по известным материалам булан-кобинской культуры второй половины III – первой половины V в. н.э., могла использоваться для декорирования повязки-диадемы (венец, полувенец) (Трифанова, Соенов, 2019. С. 30, 34) или в качестве обкладки накидки (Худяков, 2014. С. 111, 112). Принимая во внимание имеющиеся результаты анализа погребальных комплексов, можно заключить, что данное украшение относилось к социально значимым изделиям у кочевников (Серегин, Матренин, 2020б. С. 92).

Семь узких пластин с “пуансонным” узором по длинным сторонам и парой отверстий для пришивания (рис. 4, 2–8) имеют сходство с “престижными” элементами головных уборов населения булан-кобинской культуры второй четверти I тыс. н.э. из памятников Улуг-Чолтух-I и Верх-Уймон (Соенов, 2000. Рис. 2, 1–3; Худяков, 2014. Рис. 5, 8–10; Трифанова, Соенов, 2019. С. 63–65). С учетом известных материалов можно также предполагать статусный характер округлой ме-

таллической бляхи-нашивки (рис. 5, 13; 8, 4), фиксирующейся, по-видимому, на налобной повязке (Серегин, Матренин, 2020б. С. 48–51, 92).

К элементам головного убора, широко распространенным во II–V вв. у разных социальных групп “булан-кобинцев”, относятся накосник (рис. 5, 12) и подвеска из зуба марала (рис. 4, 7) (Кубарев и др., 1990. Рис. 31, 7, 8, 11; 37, 3, 6; Худяков, 2014. Рис. 4, 5, 6; 6, 21, 30; 7, 2; Трифанова, Соенов, 2019. С. 49–53; Самашев, Кариев, 2020. Рис. 16). Кроме этого, из погребения кургана 34 происходят весьма редкие небольшие бляхи-нашивки с овальным абрисом без выраженных полей и бортика (рис. 4, 13, 14), использовавшиеся для украшения сумочки (Трифанова, Соенов, 2019. С. 44. Рис. 2, 3, 4), а также не имеющие аналогий в булан-кобинской культуре бронзовые бляхи-нашивки колокольчиковидной формы, крепившиеся к верхней одежде (рис. 4, 9, 12).

В разнообразном комплексе снаряжения верхового коня из рассматриваемого захоронения особого внимания заслуживают железные удила, снабженные кольчатыми ложновитыми псалиями большого диаметра и 8-видными петлями и пластинами-полуобоймами (рис. 6, 1; 7, 8). Судя по имеющимся материалам, подобные изделия получили распространение в памятниках кочевников Центральной Азии в IV–VII вв. (Серегин, Васютин, 2021. С. 149, 150. Рис. 172). При этом крупные кольчатые ложновитые псалии не имеют аналогий в других памятниках булан-кобинской культуры Алтая и ранее традиционно рассматривались как изделия, характерные для средневековья, причем для конца I тыс. (Серегин, Васютин, 2021. С. 148).

Весьма необычны железные уздечные бляхи-пронизи в виде обойм (рис. 6, 8–18; 7, 12–22), которые могут иметь общее происхождение с металлическими бляхами-зажимами в виде узких скобообразно изогнутых пластин, использовавшихся населением Алтая во второй половине III–V вв. Данные изделия обнаруживают связь с ремennыми гарнитурами IV–VI вв. из памятников Восточного Забайкалья (Матренин, 2017. С. 66, 76. Рис. 17, 7–13).

К элементам амуниции кочевников IV–V вв. относится 8-видное звено с креплением-пробоем (рис. 5, 3). (Матренин, 2017. С. 97). Характерны для второй четверти I тыс. железные уздечные пряжки с подвижным язычком, рамкой трапециевидной (рис. 6, 2) и Т-образной форм и пластинчатым щитком-полуобоймой (рис. 6, 3, 4; 7, 9, 10), а также костяная подпружная пряжка с язычком на вертлюге (рис. 5, 1; 7, 23) (Матренин, 2017. С. 48, 49). Важно подчеркнуть, что редкость предметов конского снаряжения в женских погребениях кочевников булан-кобинской культуры Ал-

Результаты радиоуглеродного анализа образцов из погребения кургана 34 некрополя Чобурак-I
Results of radiocarbon analysis of samples from the burial of mound 34 at the Choburak-I necropolis

Шифр	Образец	AMS ¹⁴ C, BP	Калиброванная дата (2 σ)
UBA-45472	Кость лошади	1751 ± 22	234–377 AD
UBA-45473	Кость человека	1735 ± 24	244–381 AD

тая — одно из свидетельств их социальной значимости (Серегин, Матренин, 2020б. С. 58, 91).

Обнаруженные в рассматриваемом погребении немногочисленные детали поясной гарнитуры, орудия труда и бытовая утварь датируются в довольно широких рамках. При этом к хронологически наиболее “поздним” вещам относится костяная рукоять косметической щетки (рис. 5, 11), аналогии которой известны в кокельской (вторая половина III–IV в.) и таштыкской (III–V вв.) археологических культурах (Грач, 1960. Рис. 37; Вадецкая, 1999. С. 272; Готлиб, 2007. Рис. 23, 1). На Алтае такие предметы обнаружены в комплексах второй половины III–V вв. и происходят из захоронений, выделяющихся представительным составом инвентаря (Глоба, 1983. Табл. V, 1, 2; Мамадаков, 1990. Рис. 23, 1; 28, 3; 37, 4; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 42, 13).

В целом результаты изучения предметного комплекса позволяют определить датировку кургана 34 могильника Чобурак-I в рамках IV в. Такую хронологию подтверждают данные радиоуглеродного анализа, осуществленного в Лаборатории Центра ¹⁴ХРОНО по исследованию климата, окружающей среды и хронологии (г. Белфаст, Северная Ирландия; аналитик — С.В. Святко) (таблица). Отметим, что набор вещей из погребения характеризуется максимально насыщенным составом украшений, а также присутствием разнообразных элементов амуниции верхового коня, снаряжения человека, орудий труда и бытовой утвари. Изделия информативны для интерпретации прижизненного статуса женщины с учетом имеющегося положительного опыта анализа археологических материалов Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э.

Итак, обнаруженный в погребении кургана 34 некрополя Чобурак-I вещевой комплекс по своему качественному и количественному составу выходит за пределы “социального стандарта” (предметы, встречающихся в не менее, чем 50% объектов) сопроводительного инвентаря женских погребений булан-кобинской культуры, который предусматривал наличие основного (преимущественно простого) пояса и маленьких металлических украшений, обычно в виде бронзовых блях-нашивок (подвесок) на головной убор и (или) верхнюю одежду (Серегин, Матренин, 2020б. С. 72). Показательно, что покойная имела весьма оригинальный по оформлению головной убор,

состоявший, по-видимому, из повязки-диадемы, декорированной крупной бляхой-нашивкой, а также тканевой накидки, богато украшенной нашивными пластинами из цветного металла. Обозначенные изделия, судя по имеющимся данным, относились к социально престижным предметам у населения булан-кобинской культуры (Трифанова, Соенов, 2019. С. 63–65; Серегин, Матренин, 2020б. С. 92. Табл. 4). В погребении можно отметить несколько показательных наборов украшений умершей (1 — нашивные пластины и крупная бляха от головного убора; 2 — маленькие бляхи-нашивки на верхнюю одежду и сумочку, серьги, наконечники; 3 — подвеска из зуба марала) и снаряжения верхового коня (1 — уздечные бляхи; 2 — удила с псалиями, уздечные и подпружные пряжки, крепления), а также других предметов, в том числе достаточно редких (косметическая щеточка, пряслице с орнаментом). Их наличие свидетельствует о достаточно высоком социальном статусе погребенной женщины не только в рамках локального коллектива, оставившего данный могильник, но и в целом при сравнении с другими группами полиэтнического населения Алтая эпохи Великого переселения народов.

При этом по размерам насыпи и могильной ямы, а также особенностям конструкции захоронения не отличалось от большинства курганов булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I, содержащих погребения взрослых людей. Данный факт подтверждает сделанное ранее предположение о том, что у большинства групп населения региона во II в. до н.э. — V в. н.э. обозначенные параметры погребальной обрядности были второстепенными по значимости для социальной дифференциации покойных (Серегин, Матренин, 2020б. С. 25, 28–34). Отметим, что курган 34 был сооружен в ряду компактно локализованных насыпей вместе с другими женскими захоронениями, что в некоторой степени демонстрирует встречающуюся у “булан-кобинцев” практику раздельного погребения взрослых людей разного пола, выявленную на многих некрополях Алтая первой половины I тыс. (Серегин, Матренин, 2016. С. 21, 22).

Обратим внимание на специфику комплекса украшений рассматриваемого захоронения, которая выражалась в отсутствии небольших металлических полусферических блях-нашивок на головной убор и верхнюю одежду, считающихся

“этнографической” чертой женского костюма многих групп населения булан-кобинской культуры Алтая (Борисенко, Худяков, 2004. Рис. 3, 4–7; Худяков, 2014. С. 112. Рис. 4, 8–13; 6, 17–20, 22–29; 7, 3, 4; Трифанова, Соенов, 2019. С. 44–45). Данные предметы не зафиксированы и в других женских погребениях, раскопанных на некрополе Чобурак-I. Другая необычная деталь рассматриваемого комплекса — размещение серег и подвески из зуба марала в области пояса покойной, по-видимому, в сумочке. Идентичное расположение подобных украшений зафиксировано в исследованном на могильнике Чобурак-I женском погребении кургана 33.

С учетом отмеченных характеристик захоронения в кургане 34 представляется возможным заключить, что погребенная женщина при жизни относилась к группе населения с высоким социальным статусом. Наиболее близкие по статусу объекты предтюркского времени — захоронения некрополей Верх-Уймон (курганы 27, 30), Дялян (курганы 9, 14), Катанда-I (курган 5), Кок-Паш (курганы 34, 35) (Гаврилова, 1965. С. 54; Тетерин, 1991. С. 155–157; Соенов, 2000. С. 48–50. Рис. 1, 2; 8–10; Бобров и др., 2003. С. 176, 177. Табл. V, а–б; XIII; Серегин, Матренин, 2020б. С. 100).

Таким образом, анализ материалов, полученных в ходе раскопок женского погребения кургана 34 некрополя Чобурак-I, позволяет установить дату данного объекта в рамках IV в., что подтверждается результатами радиоуглеродного датирования. Рассматриваемое захоронение характеризуется наиболее показательными чертами дялянской традиции обрядовой практики, носители которой были доминирующей группой кочевников Северного Алтая в IV–первой половине V в. (Серегин, Матренин, 2020б. С. 123–130). Не исключено, что их статус местной элиты в предтюркское время стал результатом налаженных отношений с жужанским каганатом. На основе имеющихся материалов можно предположить, что в рамках булан-кобинской племенной конфедерации отдельные группы населения, в том числе дялянцы, имели тесные контакты с жужанями. Косвенное подтверждение этому — присутствие в погребениях кочевников Алтая второй половины IV — первой половины V в. передовых образцов оружия и средств защиты, снаряжения человека и верхового коня, связанных своим происхождением с Центральноазиатским регионом (отдельные типы наконечников стрел, железные доспехи, седла с твердым остовом, цурки, некоторые типы украшений и др.). К сожалению, возможности дальнейшей работы по сопоставлению особенностей этносоциальной организации жужаней и кочевников, входивших в сферу их влияния, пока ограничены фрагментарностью археологических материалов, происходящих с территории Монголии (Серегин, Матренин, 2020а).

Публикуемые материалы одного из объектов некрополя Чобурак-I имеют большое значение для дальнейшего изучения различных аспектов социальной истории кочевников Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья, актуализируя, в том числе, проблему статуса женщин в обществах кочевников. Весьма перспективны в этом плане палеогенетические исследования, которые позволяют конкретизировать родственные связи между индивидами в рамках отдельных некрополей и в целом будут способствовать выходу на новый уровень социальных реконструкций по материалам археологических комплексов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00179.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 65–72.
- Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая / Ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1994. С. 75–82.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИЯЛИ, 1983. С. 116–126.
- Готлиб А.И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное-II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2007. С. 8–38.
- Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 73–150.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

- Матренин С.С.* К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э.) // *Западная и Южная Сибирь в древности* / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 93–98.
- Матренин С.С.* Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Самашев З.С., Кариев Е.С.* О некоторых новых хунно-сяньбэйских погребениях Береля // *Мир Большого Алтая*. 2020. № 6 (2). С. 915–930.
- Семибратов В.П., Матренин С.С.* Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // *Теория и практика археологических исследований*. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 54–66.
- Серегин Н.Н., Васютин С.А.* Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина) / Ред. В.В. Бобров, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2021. 296 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. 272 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Монголия в жужанское время: основные аспекты интерпретации археологических материалов // *Поволжская археология*. 2020а. № 4 (34). С. 36–49.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2020б. 268 с.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I // *Теория и практика археологических исследований*. 2019. № 4 (28). С. 51–68.
- Соенов В.И.* Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // *Древности Алтая*. № 5. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2000. С. 48–62.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. пед. ин-т, 1992. 116 с.
- Тетерин Ю.В.* Могильник Дялян — новый памятник претюркского времени Горного Алтая // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири*. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1991. С. 155–157.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. 430 с.
- Трифанова С.В., Соенов В.И.* Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2019. 160 с.
- Худяков Ю.С.* Женские украшения населения хунно-сяньбэйской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 1 (57). С. 107–114.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа.* Украшения сяньби // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 50–64.
- Яремчук О.А.* Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбэйской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

BURIAL OF A REPRESENTATIVE OF THE LOCAL ELITE IN ALTAI OF THE MIGRATION PERIOD

Nikolay N. Seregin^{a,#}, Alexey A. Tishkin^{a,##}, Sergey S. Matrenin^{a,###}, and Tatiana S. Parshikova^{a,####}

^aAltai State University, Barnaul, Russia

[#]E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

^{##}E-mail: tishkin210@mail.ru

^{###}E-mail: matrenins@mail.ru

^{####}E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

The article presents the results of studying materials obtained during excavations of a female burial found in the Choburak-I necropolis of the Bulan-Koby archaeological culture. This site located in Chermal district of the Altai Republic was fully studied by the expedition of Altai State University. An analysis of the morphological characteristics of the found accompanying grave goods was conducted employing analogies from sites in adjacent territories. Together with the results of radiocarbon dating it became the basis for determining the time of construction of mound 34 within the 4th century AD. The study of the recorded features of ritual practice made it possible to establish that the burial was made by the bearers of the Dyalian burial tradition, which constituted the dominant group of the population of the Northern Altai in the pre-Turkic period. Numerous goods, which included socially significant adornments in the attire of the buried, as well as items of horse gear, testify to a high status of the deceased woman in her lifetime, probably a representative of the local nomadic elite.

Keywords: Altai, the Migration period, female burial, social history, regional elite, chronology.

REFERENCES

- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., 2003. Vostochnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) [Eastern Altai in the Migration period (3rd–7th centuries AD)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. 224 p.
- Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S., 2004. Reconstruction of women's headwear from the Ust-Edigan burial ground in Gorny Altai. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 1 (17), pp. 65–72. (In Russ.)
- Borodovskiy A.P., 1994. Study of a burial-commemorative complex of the old Turkic period in the Middle Katun region. *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archaeology of Gorny Altai]. Yu.F. Kiryushin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ., pp. 75–82. (In Russ.)
- Gavrilova A.A., 1965. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The burial ground of Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p.
- Globa G.D., 1983. Excavations of the burial mound of Bely Bom-II. *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altaye v 1980–1982 godakh* [Archaeological research in Gorny Altai in 1980–1982]. A.S. Surazakov, ed. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy NIIYaL, pp. 116–126. (In Russ.)
- Gotlib A.I., 2007. Multi-tier burials of the Tashtyk burial ground of Chernoozernoye-II in Khakassia. *Tashtytskie pamyatniki Khakassko-Minusinskogo kraya* [Tashtyk sites of Khakass-Minusinsk region]. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. univ., pp. 8–38. (In Russ.)
- Grach A.D., 1960. Archaeological research in Kara-Khol and Mongun-Taiga (1958 field season). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva joint archaeological and ethnographic expedition], 1. *Materialy po arkheologii i etnografii Zapadnoy Tuvy* [Materials on archaeology and ethnography of Western Tuva]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 73–150. (In Russ.)
- Khudyakov Yu.S., 2014. Women's adornments of the Xiongnu-Xianbei population in the Edigan river valley in Gorny Altai (based on the excavations of the Ulug-Choltukh burial ground). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 1 (57), pp. 107–114. (In Russ.)
- Khudyakov Yu.S., Yuy Su-Khua, 2006. Xianbei adourments. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and Philology], vol. 5, iss. 3, pp. 50–64. (In Russ.)
- Kubarev V.D., Kireev S.M., Cheremisin D.V., 1990. Mounds of the Bike locality. *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological research on the Katun]. Novosibirsk: Nauka, pp. 43–95. (In Russ.)
- Mamadakov Yu.T., 1990. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Culture of the Central Altai population in the first half of the 1st millennium AD: a thesis for a Doctoral degree in History]. Novosibirsk. 317 p.
- Matrenin S.S., 2005. On the identifying of types of burials (based on the materials of the Gorny Altai sites of the 2nd century BC – 5th century AD). *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and South Siberia in ancient period]. A.A. Tishkin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo univ., pp. 93–98. (In Russ.)
- Matrenin S.S., 2017. Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Equipment of the Altai nomads (2nd century BC – 5th century AD)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. 142 p.
- Samashev Z.S., Kariev E.S., 2020. On new Xiongnu-Xianbei burials of Berel. *Mir Bol'shogo Altaya* [World of Greater Altai], 6 (2), pp. 915–930. (In Russ.)
- Semibratov V.P., Matrenin S.S., 2008. Study of the burial and commemorative Turkic sites in the construction area of the Altai hydroelectric power plant in 2007. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 4. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo univ., pp. 54–66. (In Russ.)
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2016. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. [The funeral rite of the Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ. 272 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020a. Mongolia in the Ruran period: Key aspects in the interpretation of archaeological materials. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River region archaeology], 4 (34), pp. 36–49. (In Russ.)
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020b. Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov [Social history of the Altai population in the period of nomadic empires (2nd century BC – 14th century AD): Based on materials from archaeological complexes]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ. 268 p.
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2019. A Ruran burial from the Northern Altai (based on materials from the Choburak-I burial ground). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 4 (28), pp. 51–68. (In Russ.)
- Seregin N.N., Vasyutin S.A., 2021. Rannetyurkskie arkheologicheskie komplekсы Tsentral'nogo i Vostochnogo Altaya (po materialam issledovaniy A.S. Vasyutina) [Early Turkic archaeological complexes of the Central and Eastern Altai (based on research by A.S. Vasyutin)]. V.V. Bobrov, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ. 296 p.
- Soenov V.I., 2000. Results of the 1999 excavations at the Verkh-Uymon burial ground. *Drevnosti Altaya* [Altai antiquities], 5. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. univ., pp. 48–62. (In Russ.)
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni [Mounds of the Hunnic-Sarmatian period in the Upper Katun region]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. ped. institut. 116 p.
- Teterin Yu.V., 1991. The Dialian burial ground – a new pre-Turkic site in Gorny Altai. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri* [Problems of chronology and periodization of archaeological sites in South Siberia]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ., pp. 155–157. (In Russ.)

- Tishkin A.A., Dashkovskiy P.K.*, 2003. Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epokhi [Social structure and worldview of the Altai population in the Scythian period]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo univ. 430 p.
- Trifanova S.V., Soenov V.I.*, 2019. Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [Decorations of the Altai population of the Hunnic-Sarmatian period]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. univ. 160 p.
- Vadetskaya E.B.*, 1999. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri [The Tashtyk period in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 440 p.
- Yaremchuk O.A.*, 2005. Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Zorgol-I burial ground – a Xiongnu-Xianbei site of the steppe Dauria: a thesis for a Doctoral degree in History]. Chita. 296 p.

УСАДЬБА ЮВЕЛИРА НА ПОСЕЛЕНИИ СТАЕВО-5 ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (верховья реки Воронеж)

© 2023 г. А. М. Обломский^{1,*}, К. И. Масленников^{2,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²ГБОУ «Школа 2101», Москва, Россия

*E-mail: oblomsky_a@rambler.ru

**E-mail: slonik-1607@list.ru

Поступила в редакцию 26.01.2023 г.

После доработки 27.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В восточной части поселения Стаево-5 полностью исследована усадьба, состоящая из жилища, двух хозяйственных построек, двух очагов и серии ям. С юга она была ограничена оградой, опиравшейся на массивные столбы. Усадьба относится к начальному этапу поселения и датируется концом V – VI вв. (возможно, первой половиной этого столетия). По распределению керамики в объектах и культурном слое удалось выделить три условно закрытых комплекса. Первый из них относится ко времени жизни усадьбы, второй – к периоду ее разрушения, третий (самый поздний) – к свалке мусора, образовавшейся на ее месте. Показательно, что во всех трех комплексах присутствует керамика как посткиевской, так и окской традиции. С самого начала существования селища, таким образом, в составе его населения выделяются два основных компонента памятников верхневоронежской культурной группы – раннеславянский и финский. Обитатели усадьбы занимались ювелирным и бронзолитейным ремеслом. Для плавки металла использовался бытовой очаг. Тигли, по всей видимости, изготавливались из глины, которая специально выдерживалась в одной из ям.

Ключевые слова: Верхневоронежская культурная группа, конец V – VII вв., бронзолитейное ремесло.

DOI: 10.31857/S0869606323030169, **EDN:** VEYSVI

Археологический комплекс поселений у с. Стаево Мичуринского р-на Тамбовской обл. представляет собой остатки торгово-ремесленного центра конца V – VII вв. В этот период на территории лесостепного Подонья существовали памятники верхневоронежской культурной группы. Большинство из них локализуется в верхнем и среднем течении р. Воронеж, но отдельные пункты и случайные находки известны как восточнее (на р. Цне), так западнее и южнее (в долине рек Дона и Быстрой Сосны). Наиболее полное описание этого сравнительно нового археологического явления приводится в очерке, опубликованном А.М. Обломским в 2021 г. Там же дана и карта памятников. По лепной керамике и набору украшений в составе этой раннесредневековой археологической общности выделяются две культурно-типологические линии: круга Ярок и Кривец (Обломский, 2021. С. 508–524).

Поселок у с. Стаево – самый яркий памятник линии Ярок. Он состоит из трех селищ, отделенных друг от друга оврагами (Стаево-3, 4 и 5). Поселение Стаево-5 расположено в 0.1 км к северо-западу от селища Стаево-4 (через овраг), в 2.8 км

к юго-западо-западу от юго-восточной окраины с. Старое Тарбеево Мичуринского р-на Тамбовской обл. Памятник занимает участок правого коренного берега р. Воронеж высотой 8–17 м от его низкой поймы к западу от оврага, который ограничивает поселение Стаево-4 с запада. Западный край селища Стаево-5 также ограничен обширным оврагом. Более узкие овраги с обрывистыми берегами (вероятно, новые) имеются в восточной и южной частях поселения. Поверхность памятника задернована, северная его часть занята дубовым лесом. Лес – сравнительно молодой, посажен около 40 лет назад (по сообщениям лесников). Общие размеры селища составляют 260 × 240 м (рис. 1).

Поселение открыто С.И. Андреевым в 1999 г. Стационарные раскопки памятника проводились Раннеславянской экспедицией ИА РАН в 2016–2020 и 2022 гг. За это время в Стаево-5 заложено девять раскопов, вскрыто в общей сложности 2206 м², не считая шурфов и зачисток.

Подавляющее большинство материалов и объектов памятника относятся к линии Ярок верхневоронежской группы (конец V – VII вв.).

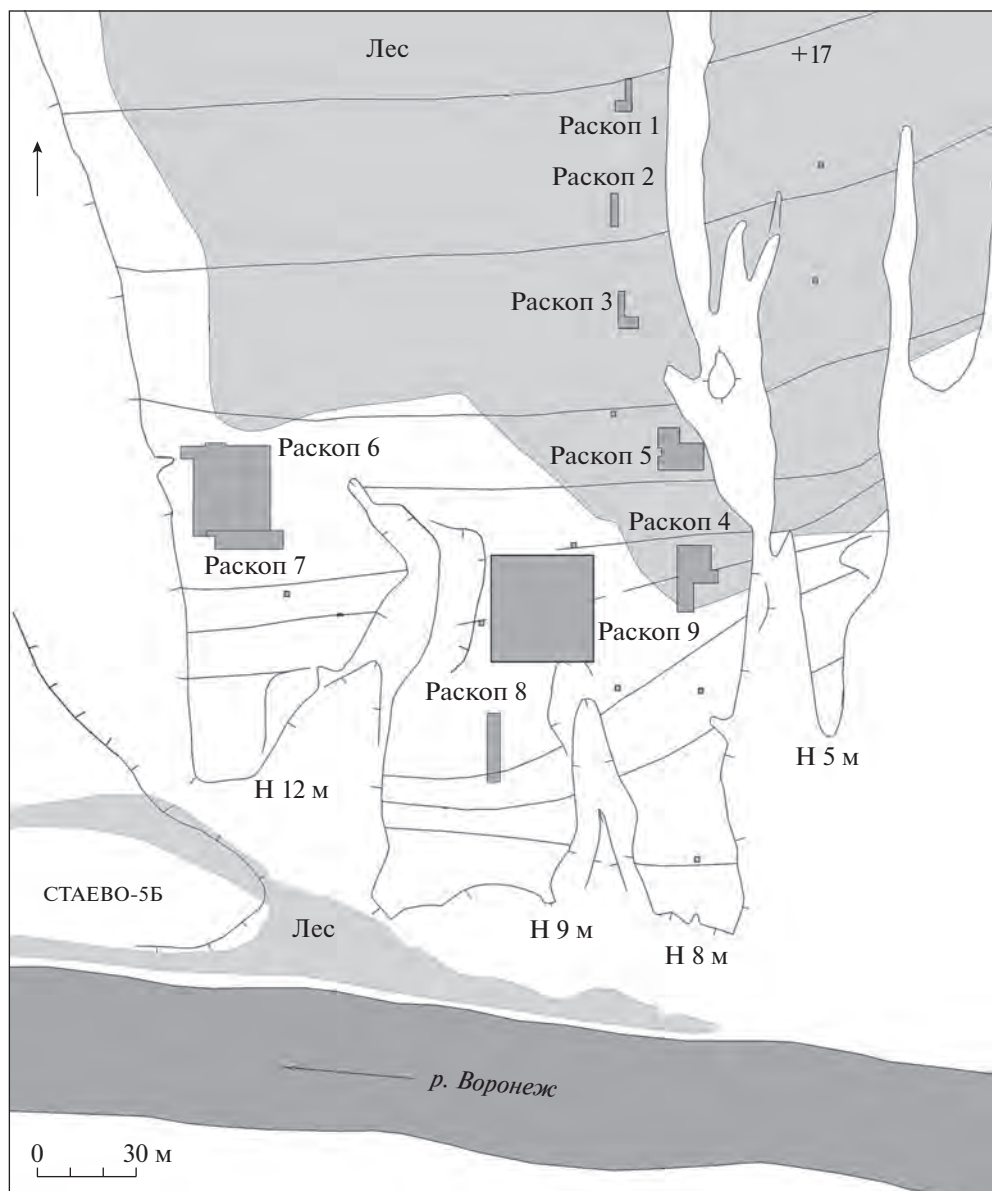

Рис. 1. План поселения Стаево-5. Съемка А.М. Обломского 2016 г., уточнения 2022 г. Сечение рельефа 1 м.

Fig. 1. Plan of the Staevo-5 settlement. Mapping by A.M. Oblomsky 2016, clarifications as of 2022. Relief cross section is 1 m

Наиболее интересные результаты были получены в западной части селища (раскопы 6 и 7, составившие единую площадь) (рис. 1). Здесь были изучены остатки трех ювелирных (бронзолитейных) мастерских, жилище и хозяйственные сооружения. Объекты на этих раскопах находятся в сложном стратиграфическом соотношении друг с другом (Обломский, 2022. С. 37–40), что затрудняет синхронизацию их материалов и выделение комплексов.

Усадьба, которой посвящена данная статья, расположена восточнее, между двумя оврагами. Для ее изучения был заложен раскоп 9. Его общая площадь по итогам исследований 2018–2020 и

2022 гг. составила 1024 м². К западу от раскопа культурный слой был практически уничтожен смывом в сторону оврага. Материалы раннего средневековья 2018 и 2019 гг. опубликованы (Обломский, 2022. С. 40–60), но только после завершения работ на раскопе 9 в 2022 г. появилась возможность их полной интерпретации.

Из культурного слоя раскопа 9 происходят единичные обломки горшков эпохи бронзы, лепная керамика городецкой культуры (VI – III вв. до н.э.), фрагменты сосудов и другие находки раннеримского периода, раннего средневековья (к этому времени относится подавляющее большинство материала), а также железные шлаки. Встре-

ченые, кроме того, отдельные гончарные черепки позднего средневековья — нового времени (в основном, в слое пашни).

На территории раскопа исследовано 34 объекта (рис. 2). Лишь один из них (№ 13) достоверно относился к раннеримскому периоду. Большинство прочих содержали материалы раннего средневековья. В некоторых ямах находок не было. Тем не менее есть основания предполагать, что и они по планиграфии связаны с горизонтом верхневоронежской группы, поскольку находятся в тех же зонах концентрации объектов, что и раннесредневековые.

Объекты раннего средневековья и ямы без находок ни разу не перекрывали друг друга, что позволяет рассматривать их как единый комплекс сооружений — усадьбу, раскопанную практически полностью.

Культурный слой на территории раскопа сравнительно тонок, задернован. На большей части исследованной площади его толщина не превышала 0.5 м. Распашкой, которая проводилась до посадки леса, он нарушен на глубину в среднем до 0.3–0.4 м. Местами раскоп пересекали более глубокие борозды. Керамика из культурного слоя сильно измельчена, а находки могли быть перемещены. Ниже пашни культурный слой представлял собой коричневатый суглинок.

В центральной и южной частях раскопа на поверхности была видна промоина шириной до 2–3 м и современной глубиной до 0.5 м. К западу и северу от нее находился древний овражек, к моменту возникновения поселения практически полностью затянутый грунтом. Оставшаяся от него неглубокая ложбина (до 10 см на современной поверхности) после прекращения существования усадьбы была использована для свалки мусора. Точная фиксация контуров сооружений, впущенных в этот овражек сверху, была затруднена. Пятна их заполнения плохо “читались” на темном фоне.

Планиграфия усадьбы

Все сооружения раскопа 9 имеют единую нумерацию. В тексте и табл. 1 приводится описание тех из них, которые были исследованы в 2020 и 2022 г., а также некоторых ям без находок 2018, 2019 гг. Сведения о большинстве объектов 2018, 2019 гг. опубликованы (Обломский, 2022. С. 40–44).

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ (рис. 2)

Постройки

Объект 20 (рис. 3, 1). Относительно отчетливо его контуры были прослежены на поверхности материка после разборки слоя гумуса, которым

была заполнена древняя ложбина-овражек, на глубине 0.75–1.04 от дневной поверхности. Сравнительно отчетливо они “читались” с северной, восточной и западной сторон сооружения. Размеры объекта на верхнем уровне фиксации составляли 4.2 × 4.08 м. В плане он представлял собой четкий прямоугольник. Стенки до дна были почти отвесными.

Пол находился на 0.09–0.15 м ниже уровня фиксации очертаний и был ровным, кроме незначительного повышения в юго-западном углу.

Верхняя часть заполнения объекта 20 (от уровня фиксации контуров до пола) представляла собой светло-серый суглинок, линза которого в центре сооружения доходила до его дна. Вокруг нее и ниже залегал серо-коричневый темный суглинок. Находок в заполнении практически не было. Тем не менее непосредственно на полу был найден обломок венчика груболепного сосуда со средним шамотом и дресвой в тесте, т.е. той фактуры, которая в Стаево-5 типична для керамики раннего средневековья.

Объект 23 (рис. 3, 2). Прослежен на поверхности материка на глубине 0.34–0.39 м от дерна. Дно было плоским. Общая глубина сооружения составляла 0.07–0.11 м. В плане объект имел форму неправильного прямоугольника, причем контуры его западной части определены приблизительно, поскольку они терялись в сером слое склона современной ложбины. Размеры сооружения по верхнему краю составляли примерно 3–3.2 м × 2.2–2.5 м, в нижней части — 2.6 × 2–2.3 м.

На поверхности пола зафиксированы три столбовые ямки. Диаметры двух из них составляли 0.2 м (яма А) и 0.42 м (яма Б), глубины каждой — 0.08 м. Третья (яма В) в плане была овальной размерами 0.34 × 0.28 м и глубиной 0.1 м.

Из заполнения объекта 23 происходят 22 обломка груболепных сосудов. Подлощенную поверхность имеет 1 лепной черепок. Найдены также 2 куса шлака. В подавляющем большинстве керамика из объекта имеет фактуру, характерную для раннего средневековья.

Объект 4 (рис. 2). Круглая полуземлянка диаметром 3 м и максимальной глубиной 0.45 м с углублением в восточной части. Из заполнения происходит керамика раннего средневековья, обмазка, четыре обломка глиняных тиглей, два фрагмента пряслиц, железные шлаки (Обломский, 2022. С. 42. Рис. 124, 125).

Хозяйственные ямы

Материалы раннего средневековья происходят из заполнения объектов 3, 12, 19, 21, 22, 24–26, 28 (Обломский, 2022. С. 41–43. Рис. 123, 128, 132) (табл. 1), находок не было в объектах 6, 8, 24, 31 (табл. 1). Практически все ямы заполнены гуму-

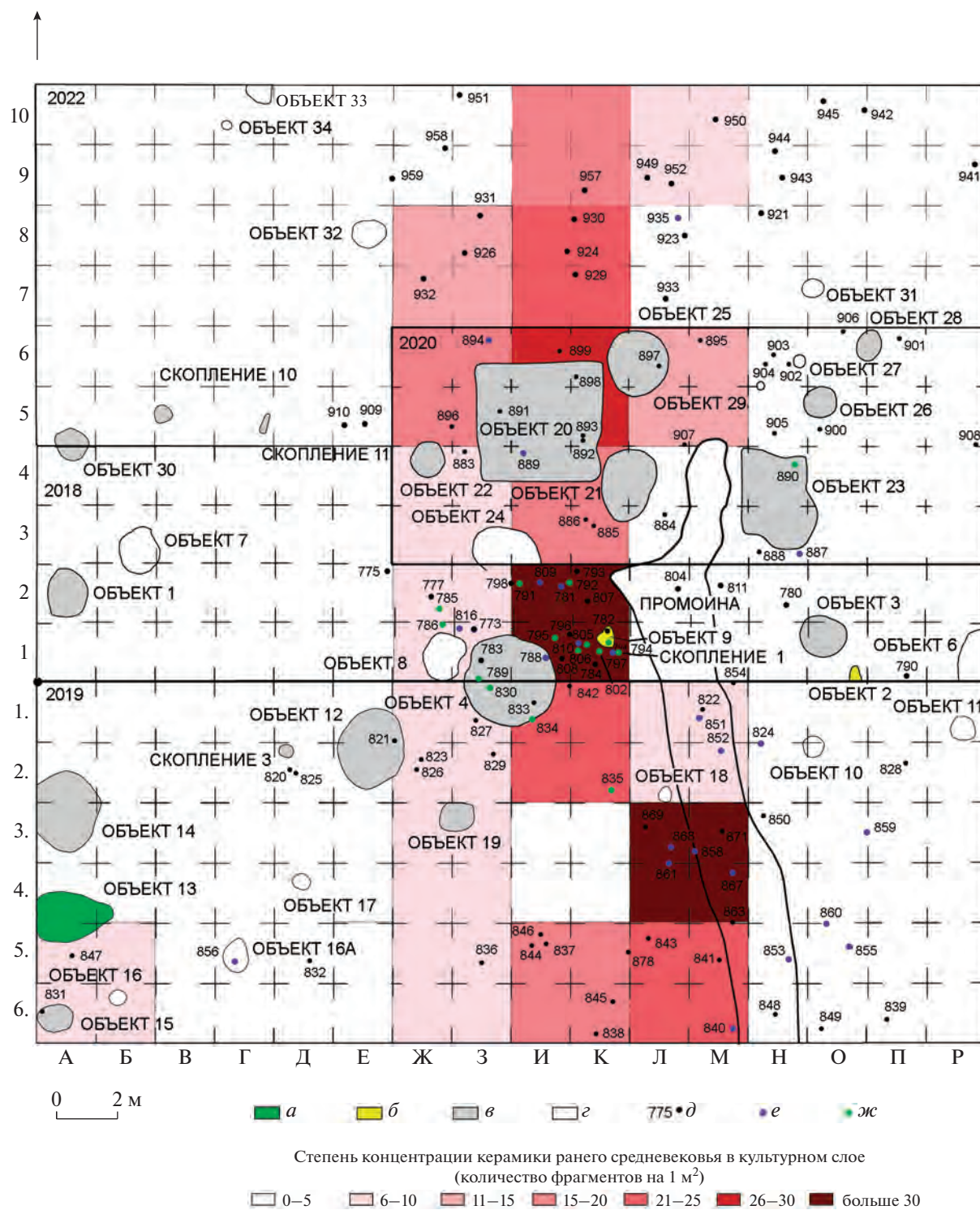

Рис. 2. План раскопа 9. Условные обозначения: а – объект позднескифского периода; б – очаг; в – объект раннего средневековья; г – объект без находок; д – индивидуальная находка; е – отходы ювелирного ремесла (пластинки, выплески бронзы); ж – обломки глиняных тиглей.

Fig. 2. Plan of excavation site 9. Symbols: а – a structure of the Late Scythian period; б – hearth; в – a structure of the early Middle Ages; г – a structure without finds; д – an individual find; е – jewellery waste (plates, splashes of bronze); ж – fragments of clay crucibles

Таблица 1. Ямы на раскопе 9
Table 1. Pits at excavation site 9

№ объекта, год раскопок	Форма в плане	Размеры по верхнему краю/ по нижнему краю, м	Глубина от верхнего края, м	Заполнение	Находки
1, 2018	Овальная	$1.32 \times 1.62/1.17 \times 1$	0.77–0.8	Серый углистый суглинок	Керамика раннего железного века и раннего средневе- ковья
6, 2018	?	Исследован частично; $0.9 \times 1.8/1.3 \times 0.2-0.3$	0.5	Черный гумус, коричневый сугли- нок	Нет
7	Овальная	$1.4 \times 1.7/1.42 \times 1.2$	0.76	Темный углистый суглинок	Невыразительная керамика
8, 2018	—“—	$1.52 \times 1.1-1.2/1.2 \times 0.8-0.76$	0.17–0.23	Темный углистый суглинок	—
21, 2020	—“—	$2.5 \times 1.7/2.3 \times 1.6$	0.11–0.29	Серый суглинок с глинистыми пят- нами, коричневый суглинок	Керамика раннего железного века и раннего средневе- ковья
22, 2020	Круглая	$1.24-1.26/1.05-1.07$	0.3–0.39	Темный углистый суглинок	Керамика раннего железного века и раннего средневе- ковья, шлак, обмазка, железная руда, кости
24, 2020	Овальная	$2.2 \times 1.3/0.9 \times 1.1$	до 0.52	Серый суглинок с пятнами глины	—
25, 2020	Круглая	2–2.2	0.4–0.42	Темный углистый суглинок	Керамика раннего железного века и раннего средневе- ковья, шлак, обмазка, железная руда
26, 2020	—“—	1.1/1	0.6–0.66	Темный углистый суглинок	Керамика раннего средневековья, обмазка
27, 2020	—“—	0.4	0.07–0.09	Темно-серый сугли- нок	—
28, 2020	Овальная	1.1×0.8	0.09–0.11	—“—	Керамика раннего средневековья
29, 2020	Круглая	0.28	0.06–0.07	—“—	—
30, 2022	Овальная	$1.2 \times 1.1 / 1 \times 0.85$	0.17–0.34	Темно-серый сугли- нок с золой	Целая лощеная миска в нижней части, отдельные черепки других сосудов, железный язычок пряжки (№ 920) в заполне- нии
31, 2022	—“—	$0.77 \times 0.65 / 0.7 \times 0.6$	0.1–0.12	Серо-коричневый суглинок	—
32, 2022	—“—	$1.2 \times 0.95/0.8 \times 0.62$	0.29–0.37	—“—	—
33, 2022	—“—	Исследована частично; $0.8 \times 0.7 / 0.55 \times 0.5$	0.21–0.34	—“—	—
34, 2022	—“—	$0.38 \times 0.32/ 0.25 \times 0.3$	0.23–0.24	—“—	—

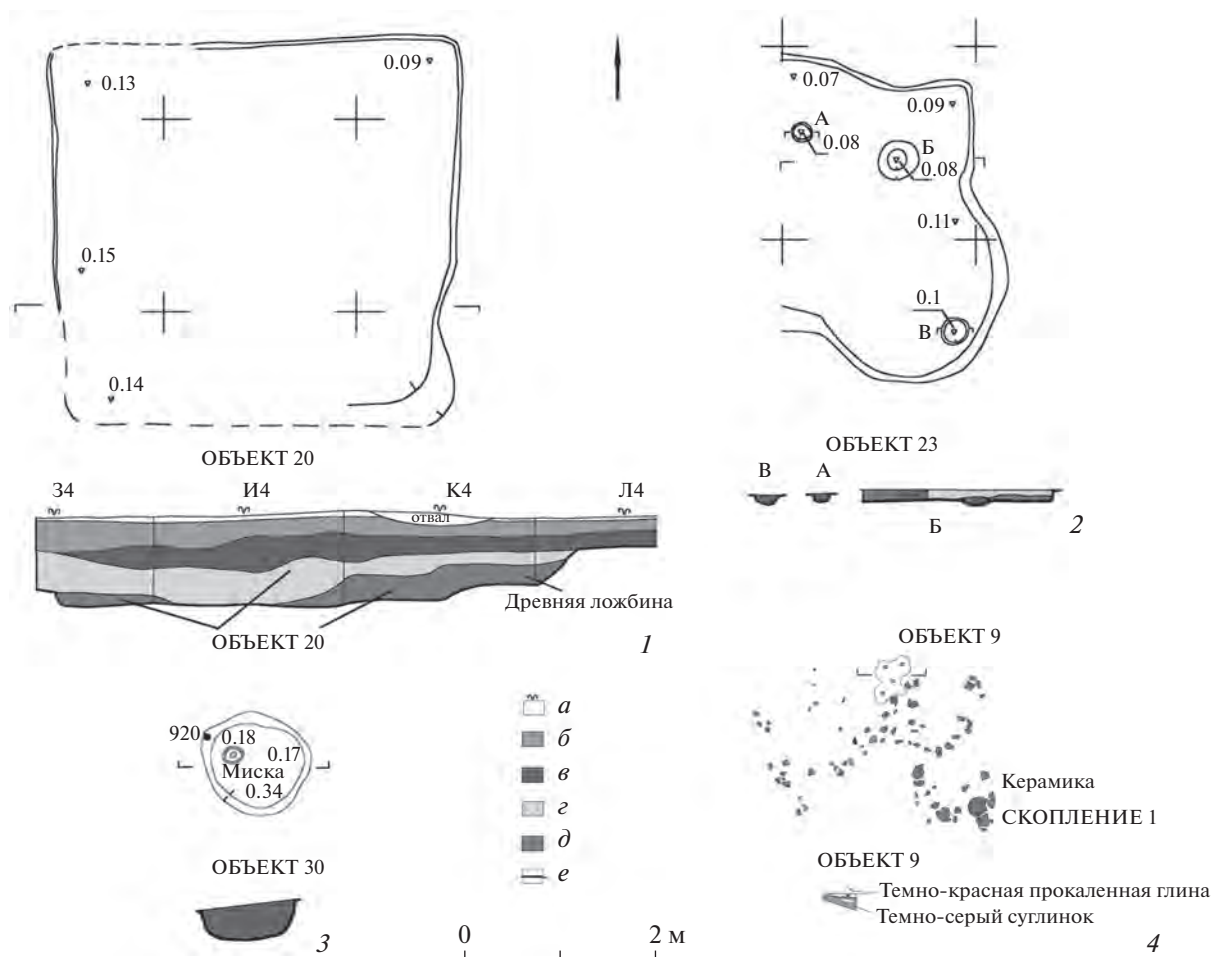

Рис. 3. Планы и профили некоторых объектов раскопа 9. Условные обозначения: *a* – дерн; *б* – серый слой (пашня); *в* – темно-серый суглинок; *г* – светло-серый суглинок; *д* – коричневый суглинок; *е* – материк.

Fig. 3. Plans and profiles of some structures in excavation site 9. Symbols: *a* – sod; *б* – gray layer (arable land); *в* – dark gray loam; *г* – light gray loam; *д* – brown loam; *е* – subsoil

сированным суглинком с теми или иными включениями. Обращает на себя внимание объект 12, в северной части которого залегала линза переотложенной светлой глины.

Ямы от столбов

К ним относятся объекты 27 и 29. Находок в их заполнении не было (табл. 1).

Очаги вне сооружений

Представляли собой глинобитные площадки и находились почти на одном уровне от дневной поверхности: объект 2 на глубине 0.23 м, объект 9—0.26—0.3 м. Около очага 9 практически на том же уровне (до 0.32 м) залегало скопление ранне-средневековой керамики (рис. 4, 2, 3, 9, 10), явно связанное с ним (Обломский, 2022. С. 41, 42. Рис. 126, 127) (рис. 3, 4). К западу от очага зафиксиро-

вана область концентрации индивидуальных находок (см. ниже).

Кроме того, в юго-западной части восточной зоны концентрации объектов было обнаружено скопление керамики 3 (целая груболепная корчага и обломки других сосудов на глубине 0.33—0.36 м от дневной поверхности) (рис. 4, 7, 8).

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ (рис. 2)

Хозяйственные ямы

Эту группу составляют объекты 1, 7, 14, 15, 30 (Обломский, 2022. С. 42, 43. Рис. 129—131), которые вытянуты цепочкой вдоль западного борта раскопа, т.е. вдоль оврага, который с запада его ограничивает (рис. 2). Из них происходит керамика раннего средневековья. Обломки сосудов из объекта 7 невыразительны. Несколько восточнее северного края цепочки этих ям в культурном слое ниже пашни были обнаружены два скопле-

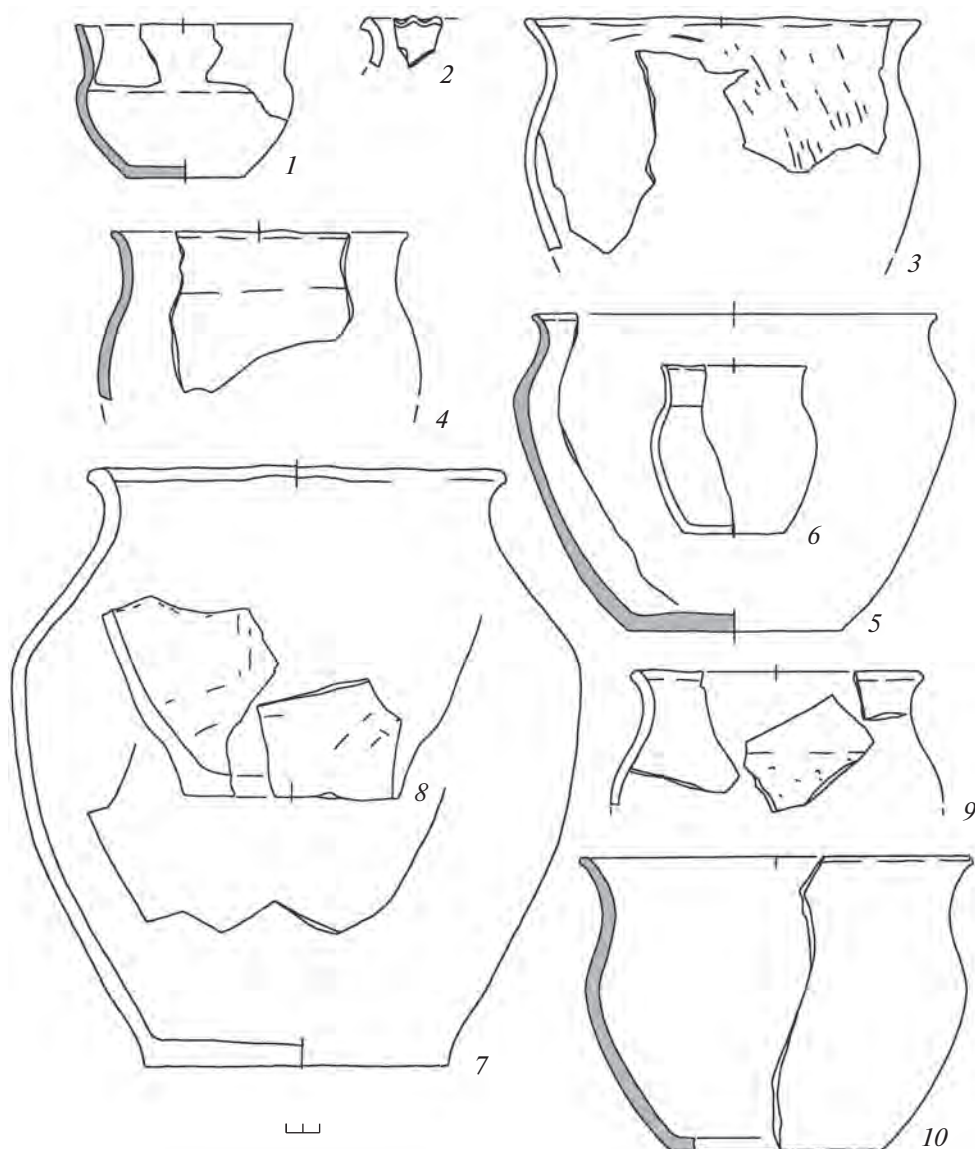

Рис. 4. Лепная керамика времени функционирования усадьбы на раскопе 9. 1, 4, 5, 10 — лощеная; 2, 3, 6–9 — груболепная (2, 3, 6, 8, 9 — со средним шамотом в керамическом тесте; 7 — с рудой); 1 — объект 30; 2, 3, 9, 10 — скопление 1; 4–6 — скопление 10; 7, 8 — скопление 3.

Fig. 4. Hand-made pottery from the estate functioning period in excavation site 9. 1, 4, 5, 10 — burnished pottery; 2, 3, 6–9 — coarse molded pottery (2, 3, 6, 8, 9 — with medium fireclay in paste; 7 — contains ore); 1 — structure 30; 2, 3, 9, 10 — cluster 1; 4–6 — cluster 10; 7, 8 — cluster 3

ния культурных остатков. В скоплении 10 (0.2–0.24 м от дна) компактно залежали выразительные обломки лепных и лощеных сосудов (рис. 4, 4–6), в скоплении 11 (0.17–0.21 м от дневной поверхности) — отдельные груболепные и подлощенные черепки, а также 48 кусков железного шлака.

СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ (рис. 2)

В эту группу объектов входят столбовая яма (объект 34) и две хозяйственные (объекты 32 и 33)

(табл. 1). Ни в одной из ям находок не было, поэтому связь их с усадьбой — условная.

ЮЖНАЯ ЧАСТЬ (рис. 2)

Объекты этой группы представляют собой цепочку ям, вытянутую с юго-запада на восток (объекты 10, 11, 15, 16, 16А, 17) (Обломский, 2022. С. 43).

Объект 20 (прямоугольная постройка-полуземлянка), скорее всего, представлял собой жилище. Остатков отопительного сооружения в его

пределах не обнаружено, но еще Е.А. Горюнов отмечал, что следы открытых очагов в виде прокала грунта далеко не всегда сохраняются. Два прочих основных признака — достаточно большие размеры (4.2×4.08 м) и наличие ровного пола — вполне соответствуют стандартам жилого сооружения.

Объект 4 в плане был практически круглым (диаметр 3 м), ровного пола не имел. На дне заметна ступенька в западной части сооружения. У объекта 23 — довольно сложные очертания со столбовыми ямами на внутреннем пространстве. Обе эти постройки — сравнительно небольшие и жилищами явно не были.

Оба очага (объекты 2 и 9) прослежены в культурном слое и представляли собой глинобитные хорошо прокаленные площадки. Их поды зафиксированы приблизительно на одном уровне, что свидетельствует об одновременности очагов. Около объекта 9 концентрировалась раннесредневековая керамика (в том числе крупные обломки груболепных и лощеных сосудов, целые формы), а также индивидуальные находки, что подтверждает принадлежность очагов раннесредневековому горизонту селища.

Расположение объектов раннего средневековья имеет свою логику. На сводном плане раскопа 9 за 4 года (2018–2020, 2022) показано (рис. 2), что три постройки (объекты 4, 20 и 23), т.е. две хозяйственные и жилище, расположены на достаточно небольшом участке в центре северной половины исследованной площади. Здесь же концентрируется большинство ям с раннесредневековыми материалами (объекты 3, 12, 19, 21, 22, 25, 26, 28) и несколько “пустых” ям (объекты 8, 24, 31), находятся оба очага (объекты 2 и 9), скопления раннесредневековой керамики *in situ* (1 и 3). Вне этой области концентрации сооружений расположена цепочка ям раннего средневековья (объекты 1, 14, 15, 30), к которой примыкают яма без находок (объект 7) и два скопления керамики (10 и 11). Пустое пространство между восточной и западной группами объектов можно трактовать как двор, место огорода или небольшого пастбища.

В южной части раскопа исследованы несколько ям (объекты 10, 11, 16, 16А, 17, 18), которые по площади меньше, чем обычные хозяйственные, но крупнее, чем явные столбовые (объекты 27, 29). Эти ямы не содержали находок, т.е. в них не устраивались свалки мусора, но они составляют некую диагональ, которая ограничивает область сооружений раннего средневековья с юга и юго-востока. По всей видимости, перечисленные ямы были остатками ограды усадьбы.

Таким образом, подавляющее большинство сооружений раскопа 9 составляет единое дворохозяйство раннего средневековья, включавшее жилище, хозяйственные постройки, ямы, очаги вне сооружений. Территория усадьбы довольно

большая — около 38 м с юго-запада на северо-восток (между объектами 15 и 28) и 20 м с северо-запада на юго-восток (между объектами 30 и 19). С юга она ограничена оградой, вероятно, опиравшейся на массивные столбы.

Одновременны ли сооружения этой усадьбы? Необходимо отметить, что случаи перекрытия объектов раннего средневековья друг другом отсутствуют. Если перечисленные выше объекты и не синхронны полностью, то по крайней мере, они относятся к довольно короткому периоду, в течение которого обитатели усадьбы помнили, где ранее находилась та или иная яма.

Комплексы керамики

Непосредственно ко времени существования усадьбы можно отнести скопления крупных фрагментов сосудов (в том числе и позволяющих реконструировать целые формы), которые компактно залежали ниже слоя пашни, около объекта 9 (очага) и на других участках. Эти скопления явно образовались тогда, когда люди на территории усадьбы жили. Сюда же, видимо, можно отнести и целую миску из объекта 30 (рис. 4). Разновременная керамика, которая происходит из заполнения сооружений, попала в них, когда усадьба уже прекратила свое существование, а ямы и углубленные постройки заплывали или засыпались грунтом, содержащим, помимо всего прочего, и обломки сосудов раннего железного века — первых веков н.э.

Не исключено, что она синхронна комплексу из скоплений *in situ*, поскольку могла попасть в культурный слой, когда усадьба еще существовала, но могла быть и более поздней. Во всяком случае, раннесредневековую керамику из этих сооружений (рис. 5, 1–16) нужно рассматривать отдельно.

На рис. 2 приводится распределение керамики раннего средневековья в культурном слое раскопа. Для участка И–К 1, 2 скопление керамики около объекта 9 (очага) из статистических подсчетов убрано. Показательно, что повышенная концентрация керамики наблюдается в средней части раскопа — вдоль западного борта видной на поверхности промоины и на месте заплывшего в древности грунтом овражка. Очевидно, что здесь была устроена свалка мусора. Местами в пределах этой свалки выделяются локальные скопления культурных остатков (наиболее четко — на участке 2020 г.).

В западной части площади, вскрытой в 2020 г., слой гумуса, который затянул древнюю ложбину, достигал толщины 0.72–0.92 м. Очертания сооружений центральной части усадьбы — объекта 20 (жилища), 21, 24, 25 (хозяйственных ям) были прослежены после разборки этого слоя (рис. 3, 1).

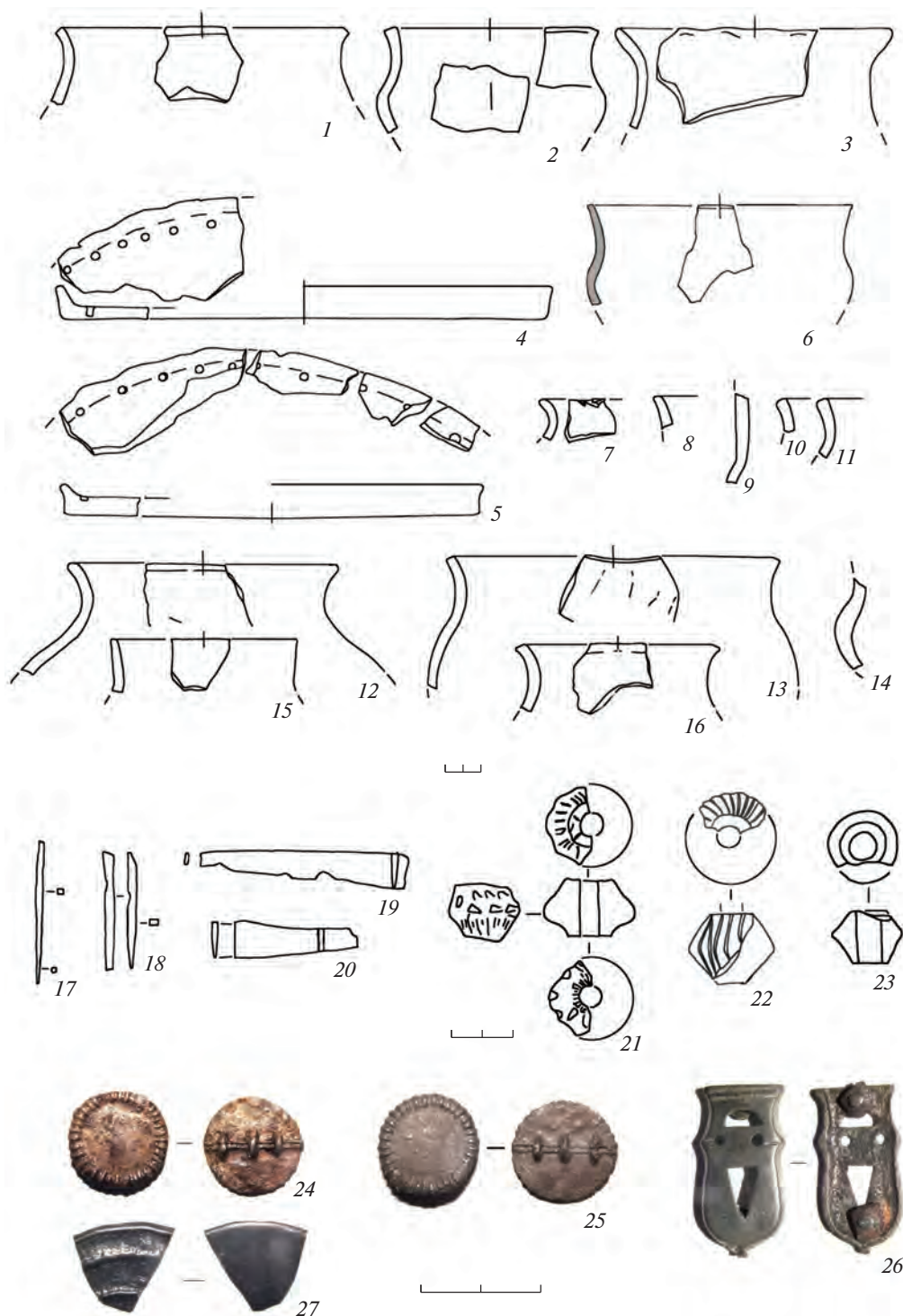

Рис. 5. Лепная керамика из заполнения объектов усадьбы (1–16) и вещи из скопления около очага (объект 9). Керамика: 1 – груболепная (1–3, 7, 11, 14, 16 – со средним шамотом в керамическом тесте; 4, 5 – с дресвой; 8 – с рудой; 9 – со средним шамотом, железной рудой и дресвой; 12, 13, 15 – со средним шамотом и дресвой); 6 – лошенная; 1, 2, 3 – объект 4; 4, 5 – объект 14; 6 – объект 19; 7 – объект 21; 8, 12 – объект 22; 9–11 – объект 23; 13–16 – объект 26. Вещи: 17, 18 – железные инструменты; 19, 20 – обломки железных ножей; 21–23 – глиняные пряслица; 24, 25 – бляшки из свинцово-оловянистого сплава; 27 – фрагмент зеркала из светлого сплава. Номера находок по (Обломский, 2022. Табл. 2): 17–782; 18–808; 19–842; 20–773; 21–783; 22–833; 23–793; 24–796; 25–807; 26–798; 27–784.

Fig. 5. Hand-made pottery from the filling of the estate structures (1–16) and artefacts from the cluster near the hearth (structure 9). Pottery: 1 – coarse (1–3, 7, 11, 14, 16 – with medium fireclay in paste; 4, 5 – contains grit; 8 – contains ore; 9 – with medium fireclay, iron ore and grit; 12, 13, 15 – with medium fireclay and grit); 6 – burnished pottery; 1, 2, 3 – structure 4; 4, 5 – structure 14; 6 – structure 19; 7 – structure 21; 8, 12 – structure 22; 9–11 – structure 23; 13–16 structure 26. Items: 17, 18 – iron tools; 19, 20 – fragments of iron knives; 21–23 – clay whorls; 24, 25 – plaques made of lead-tin alloy; 27 – a fragment of a light alloy mirror. Numbers of finds after Oblomsky, 2022. Table 2: 17–782; 18–808; 19–842; 20–773; 21–783; 22–833; 23–793; 24–796; 25–807; 26–798; 27–784

В средней его части материала практически не было, а концентрировался он выше на глубине до 0.42–0.57 м от дневной поверхности.

Свалка мусора, таким образом, перекрывала сооружения усадьбы. Следовательно, она возникла после того, как усадьба была заброшена. Полоса повышенной концентрации керамики в культурном слое накладывается также на объекты 4 (хозяйственная постройка), 9 (очаг), 8, 18, 19, 22 (ямы). Вместе с перечисленными выше они составляют большинство сооружений центральной части усадьбы.

Таким образом, на раскопе 9 можно выделить три группы керамики: периода существования усадьбы (Рис. 4), времени ее разрушения (Рис. 5, 1–16) и из свалки мусора, которая возникла позже на ее месте (рис. 6; 7).

В 1991 г. в монографии А.М. Обломского – Р.В. Терпиловского было введено понятие “условно закрытого комплекса”. Таковым считается массив материала, который датируется заведомо более узко, чем в целом культурно-хронологический горизонт памятника, на котором он обнаружен (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 16, 17). Каждая из перечисленных групп керамики представляет собой такой комплекс. При этом наиболее ранним был первый из них, а самым поздним – третий.

По фактуре раннесредневековая керамика раскопа 9 одинакова. Преобладает груболепная посуда, которая изготовлена при помощи нескольких основных рецептов: с примесью шамота в тесте с зернами средней величины, такого же шамота и кусочков железной руды или шлака, со средней величины шамотом и дресвой в керамической массе, с включениями руды и дресвы, с крупным шамотом, с крупным шамотом и рудой, с крупным шамотом и дресвой. Исключение представляют собой обломки сковородок из объекта 14, в которых присутствовала примесь только дресвы (рис. 5, 4, 5). В керамической массе многих сосудов заметна примесь органики, при выгорании которой образовались характерные пустоты.

Как правило, груболепная посуда не орнаментирована, лишь на венчиках некоторых сосудов заметны насечки и вдавления, нанесенные палочкой (рис. 4, 2; 5, 7; 6, 3, 11, 19; 7, 35). Поверхность тулова заглажена пальцами, иногда щепкой.

Лепная лощеная и подлощенная керамика из раскопа 9 составляла 2.5% в 2018 г., 8.5 – в 2019, 9.9 – в 2020 г., 6% – в 2022.

Для классификации сосудов по форме использована схема, предложенная для памятников верхневоронежской группы (Обломский, Сыщиков, 2022: там же см. описание признаков). Как и для других поселений линии Ярок, на раскопе 9

Стаево-5 керамика составляет два основных культурно-типологических набора.

Пост-киевский набор. В комплексе керамики усадьбы к нему относятся округлобокие горшки таксонов I, 1, а, а (рис. 4, 9) и I, 3-а (рис. 4, 3), из заполнения объектов – формы I, 1, а, а (рис. 5, 12, 13) и диски II (с отогнутым бортиком – рис. 5, 4, 5), из свалки мусора – горшки I, 1, а, а (рис. 6, 1–4, 6, 7, 9–14, 16–19; 7, 13, 15), I, 3-а (рис. 6, 8, 25), I, 3-б (рис. 6, 23), ребристые II, 2, а (рис. 7, 2, 4, 5, 8), диски II (рис. 7, 6, 7), коническая миска (рис. 7, 9).

Окский набор. В комплексе посуды усадьбы его составляют горшки таксонов I, 1, г (рис. 4, 4, 6) и II, 3 (рис. 4, 7), миски I, 1, а, а (рис. 4, 10), I, 6, варианта 2 (рис. 4, 1); II, 3 (рис. 4, 5). Из заполнения объектов усадьбы к этой группе относятся горшок I, 1, в (рис. 5, 15), миски I, 1, а, а (рис. 5, 6) и II, 3 (рис. 5, 2). Более разнообразен набор окских сосудов из свалки мусора. В него входят горшки особой формы I, 1, а, а (рис. 7, 11, 12, 18), I, 1, в (рис. 7, 20, 24), I, 1, г (рис. 7, 10, 21, 25), I, 6, вариантов 1 (рис. 7, 22, 32) и 2 (рис. 7, 23, 26, 27, 31), II, 3 (рис. 7, 28, 33, 35), миски таксонов I, 1, а, а (рис. 7, 16), I, 6, варианта 1 (рис. 7, 34), II, 3 (рис. 7, 30, 36). Отметим, что по фрагментам верхних частей, по которым определялись формы, сосуды окской традиции к горшкам или мискам не всегда можно отнести с точностью.

Интересно, что лощеными или подлощенными в подавляющем большинстве случаев были сосуды окской традиции. Исключение составляют два лощеных горшка таксона I, 1, а, а (рис. 7, 13, 15), в чем, по всей видимости, также следует видеть влияние культур окского круга.

Для приблизительного определения пропорций использовался индекс профилированности верхней части сосуда. Слабопрофилированных горшков в посткиевской группе (наклон венчика по отношению к бочку больше 150°) – 13%. Среди “окских” форм слабопрофилированных сосудов не было.

Структуру керамического комплекса можно рассчитать только для материала из свалки (по 48 формам). Количество форм посткиевской и окской традиций примерно равное, соответственно 26 и 22 экз. Соотношение таксонов приводится в табл. 2. Здесь же для сравнения даны сведения по раскопам 6 и 7 Стаево-5 (суммарно 36 форм) и по Стаево-4 (30 форм) (Обломский, 2022. Табл. 4).

Структура керамического набора посткиевской традиции этих трех групп материала близка. Во всех случаях резко преобладают горшки I, 1, а, а. Прочие округлобокие формы (если они встречались) редки. Общая доля ребристых сосудов киевской традиции составляет 3–14%. Достаточно показательны диски с бортиками – 4–18%.

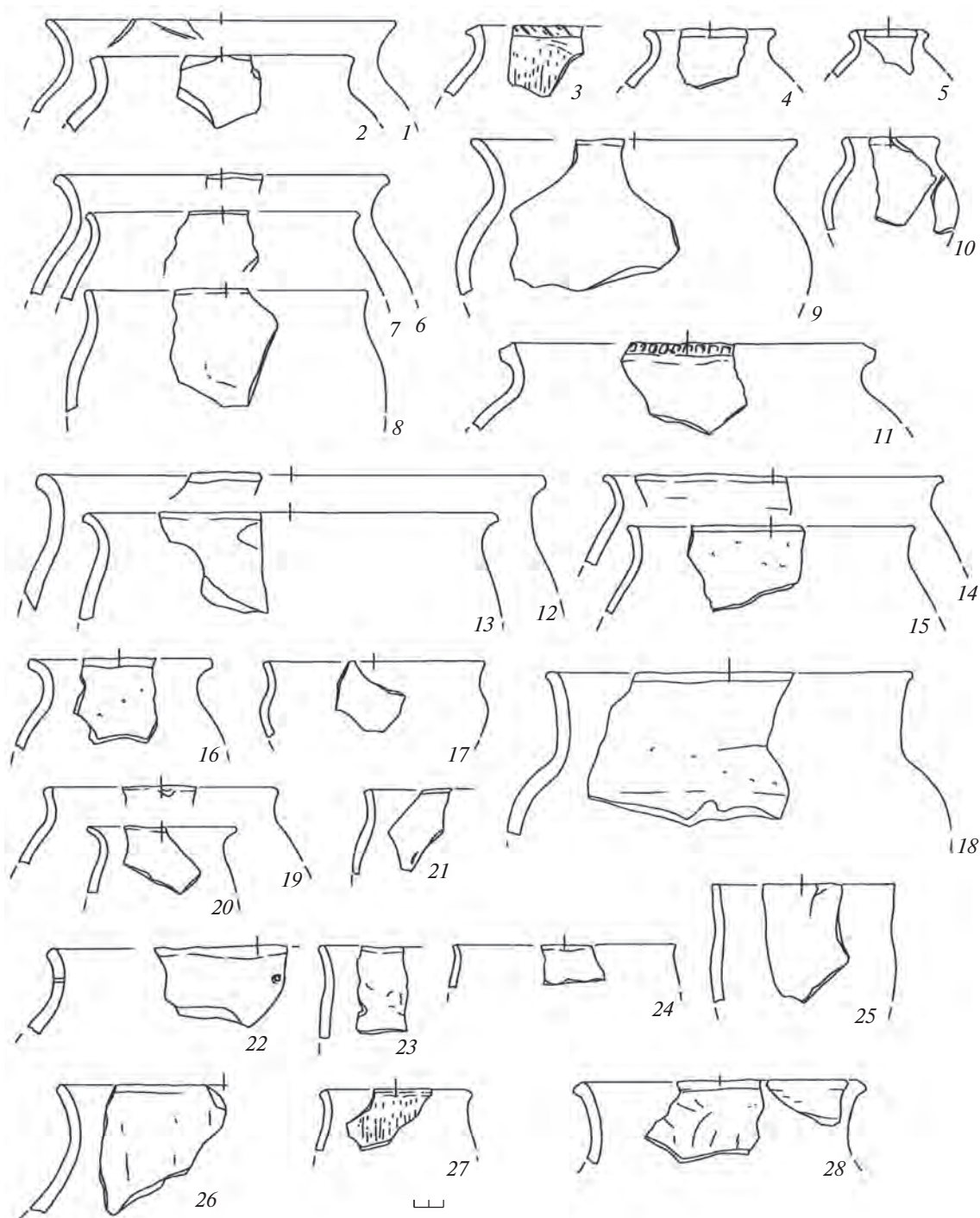

Рис. 6. Груболепная керамика из свалки мусора. 1, 4, 5, 7–9, 11, 12, 15–18, 21, 22, 24–27 – со средним шамотом в керамическом тесте; 2 – с крупным шамотом; 3 – со средним шамотом, расчески нанесены щепкой; 6, 10, 20, 23, 28 – со средним шамотом и дресвой; 13, 19 – со средним шамотом и железной рудой; 14 – с железной рудой; 1 – кв. Ж–3, 1–2, 0,2–0,4 м; 2, 4, 12 – кв. И–К, 1'–2', 0,2–0,4 м; 3 – кв. И–К, 1–2, 0,2–0,4 м; 5 – Л–М, 3'–4', 0,4–0,6 м; 6 – кв. И–К, 1–2, 0,4–0,6 м; 7 – кв. Ж–3, 7–8, 0,2–0,4 м; 8 – кв. Ж–3, 7–8, 0,4–0,6 м; 9, 11, 26 – кв. Л–М, 5'–6', 0,2–0,4 м; 10 – кв. И–К, 3–4, 0,2–0,4 м; 13 – кв. И–К, 5–6, 0,4–0,8 м; 14, 17 – кв. И–К, 5'–6', 0,2–0,4 м; 15 – Л–М, 3'–4', 0,2–0,4 м; 16, 25 – кв. И–К, 5'–6', 0,4–0,6 м; 18 – кв. И–К, 9–10, 0,4–0,6 м; 19 – кв. Ж–3, 1'–2', 0–0,2 м; 20 – пятно 3; 21 – кв. Л–М, 9–10, 0,4–0,6 м; 22 – кв. Л–М, 5'–6', 0–0,2 м; 23 – пятно 2; 24 – кв. И–К, 1–2, 0,4–0,6 м; 27 – кв. Л–М, 5–6, 0,4–0,6 м.

Fig. 6. Coarse molded pottery from a garbage dump. 1, 4, 5, 7–9, 11, 12, 15–18, 21, 22, 24–27 – with medium fireclay in paste; 2 – with large fireclay; 3 – with medium fireclay, lines were applied with a chip; 6, 10, 20, 23, 28 – with medium fireclay and grit; 13, 19 – with medium fireclay and iron ore; 14 – contains iron ore; 1 – sq. Ж–3, 1–2, 0.2–0.4 m; 2, 4, 12 – sq. И–К, 1'–2', 0.2–0.4 m; 3 – sq. И–К, 1–2, 0.2–0.4 m; 5 – Л–М, 3'–4', 0.4–0.6 m; 6 – sq. И–К, 1–2, 0.4–0.6 m; 7 – sq. Ж–3, 7–8, 0.2–0.4 m; 8 – sq. Ж–3, 7–8, 0.4–0.6 m; 9, 11, 26 – sq. Л–М, 5'–6', 0.2–0.4 m; 10 – sq. И–К, 3–4, 0.2–0.4 m; 13 – sq. И–К, 5–6, 0.4–0.8 m; 14, 17 – sq. И–К, 5'–6', 0.2–0.4 m; 15 – Л–М, 3'–4', 0.2–0.4 m; 16, 25 – sq. И–К, 5'–6', 0.4–0.6 m; 18 – sq. И–К, 9–10, 0.4–0.6 m; 19 – sq. Ж–3, 1'–2', 0–0.2 m; 20 – spot 3; 21 – sq. Л–М, 9–10, 0.4–0.6 m; 22 – sq. Л–М, 5'–6', 0–0.2 m; 23 – spot 2; 24 – sq. И–К, 1–2, 0.4–0.6 m; 27 – sq. Л–М, 5–6, 0.4–0.6 m.

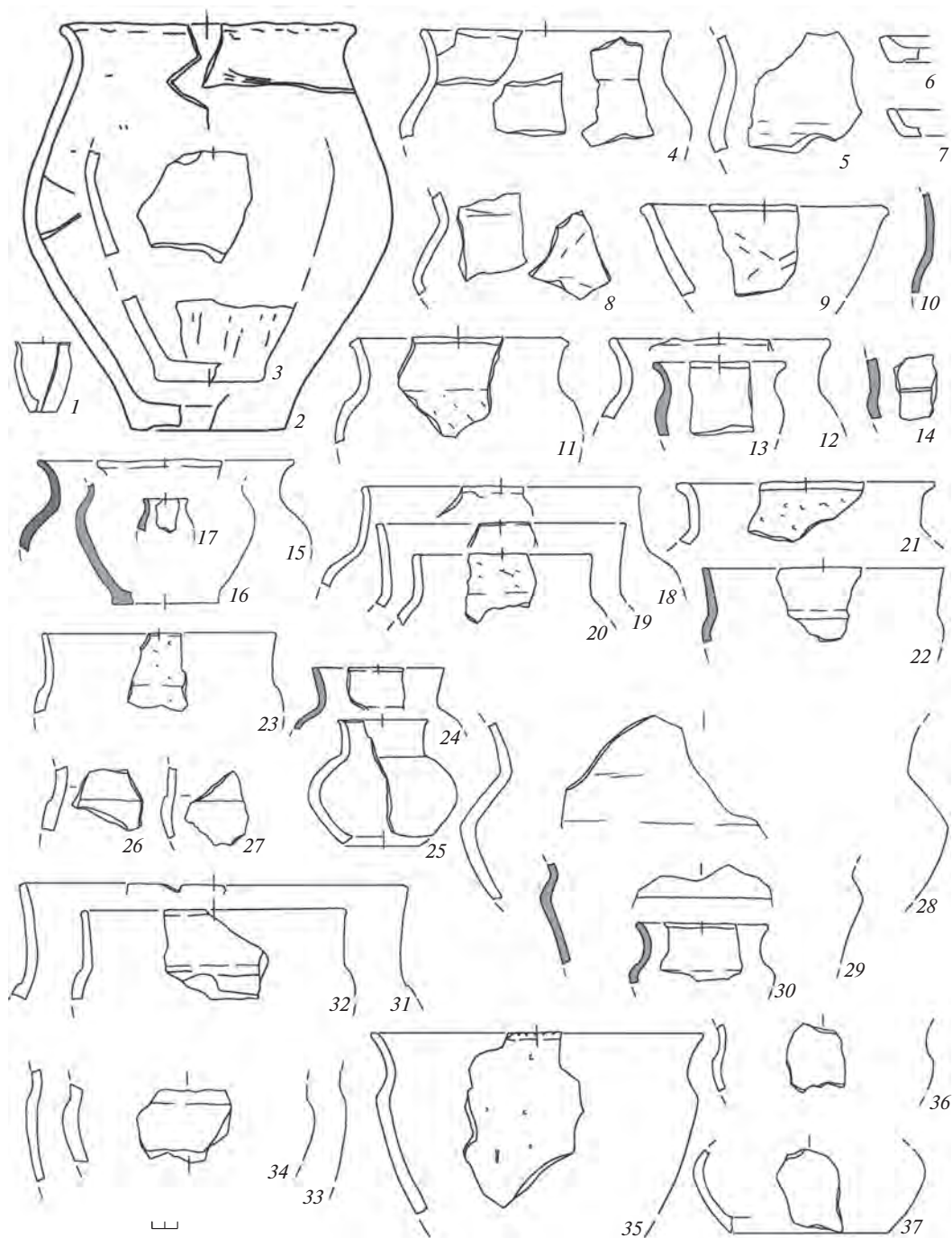

Рис. 7. Лепная керамика из свалки мусора. 10, 11, 14–17, 22, 24, 29, 30 – лошенная; остальная – груболепная (1–3, 5–7, 19, 20, 23, 25, 26, 31–33, 35, 36 – со средним шамотом в керамическом тесте; 4, 9, 11, 18, 21, 27, 28 – со средним шамотом и железной рудой; 8 – с рудой и дресвой; 12 – с железной рудой; 34, 37 – с крупным шамотом; 1, 30 – кв. Л–М, 5'–6', 0.2–0.4 м; 2 – скопление 8; 3 – скопление 9; 4, 20 – кв. И–К, 1'–2', 0.2–0.4 м; 5 – кв. Ж–З, 5'–6', 0.2–0.4 м; 6, 17 – кв. И–К, 3–4, 0.2–0.4 м; 7 – кв. Д–Е, 9–10, 0–0.2 м; 8 – пятно 1; 9, 29 – скопление 12; 10 – кв. И–К, 5'–6', 0.4–0.6 м; 11 – кв. Л–М, 5'–6', 0.4–0.6 м; 12, 19 – кв. Л–М, 3'–4', 0.4–0.6 м; 13, 21 – кв. И–К, 7–8, 0.2–0.4 м; 14 – кв. Ж–З, 7–8, 0.2–0.4 м; 15 – кв. И–К, 1–2, 0.2–0.4 м; 18, 34, 36 – кв. И–К, 5–6, 0.4–0.5 м; 22, 28 – кв. И–К, 1–2, 0.4–0.6 м; 23 – кв. И–К, 3–4, 0–0.2 м; 16, 24 – кв. Л–М, 3'–4', 0.2–0.4 м; 25, 33 – пятно 3; 26 – кв. Ж–З, 5–6, 0.4–0.5 м; 27 – южное пятно; 31 – кв. И–К, 5–6, 0.2–0.4 м; 32 – кв. И–К, 7–8, 0.4–0.6 м; 35 – кв. Л–М, 3'–4', 0–0.2 м; 37 – кв. Ж–З, 5–6, 0.5–0.6 м.

Fig. 7. Hand-made pottery from a garbage dump. 10, 11, 14–17, 22, 24, 29, 30 – burnished; the rest is coarse molded pottery (1–3, 5–7, 19, 20, 23, 25, 26, 31–33, 35, 36 – with medium fireclay in paste; 4, 9, 11, 18, 21, 27, 28 – with medium fireclay and iron ore, 8 – with ore and grit, 12 – contains iron ore, 34, 37 – contains coarse fireclay, 1, 30 – sq. Л–М, 5'–6', 0.2–0.4 m; 2 – cluster 8; 3 – cluster 9; 4, 20 – sq. И–К, 1'–2', 0.2–0.4 m; 5 – sq. Ж–З, 5'–6', 0.2–0.4 m; 6, 17 – sq. И–К, 3–4, 0.2–0.4 m; 7 – sq. Д–Е, 9–10, 0–0.2 m; 8 – spot 1; 9, 29 – cluster 12; 10 – sq. И–К, 5'–6', 0.4–0.6 m; 11 – sq. Л–М, 5'–6', 0.4–0.6 m; 12, 19 – sq. Л–М, 3'–4', 0.4–0.6 m; 13, 21 – sq. И–К, 7–8, 0.2–0.4 m; 14 – sq. Ж–З, 7–8, 0.2–0.4 m; 15 – sq. И–К, 1–2, 0.2–0.4 m; 18, 34, 36 – sq. И–К, 5–6, 0.4–0.5 m; 22, 28 – sq. И–К, 1–2, 0.4–0.6 m; 23 – sq. И–К, 3–4, 0–0.2 m; 16, 24 – sq. Л–М, 3'–4', 0.2–0.4 m; 25, 33 – spot 3; 26 – sq. Ж–З, 5–6, 0.4–0.5 m; 27 – southern spot; 31 – sq. И–К, 5–6, 0.2–0.4 m; 32 – sq. И–К, 7–8, 0.4–0.6 m; 35 – sq. Л–М, 3'–4', 0–0.2 m; 37 – sq. Ж–З, 5–6, 0.5–0.6 m.

Таблица 2. Структура керамических комплексов поселений Стаево-4 и 5
Table 2. The structure of ceramic complexes from the Staevo-4 and 5 settlements

Памятник	Посткиевская традиция								Окская традиция								
	I, 1, а, а	I, 3-а	II, 1	II, 2, а	II, 2, б	Диск II	КМ	I, 1, а, а, особая форма	I, 1, а, а, М	I, 1, в	I, 1, Г	I, 6, вариант 1, Г	I, 6, вариант 1, М	I, 6, вариант 2, Г	I, 6, вариант 2, М	II, 3, Г	II, 3, М
Таксоны																	
Стаево-5, свалка	18/38%	2/4%	1/2.5%	4/8%		2/4%	1/2.5%	4/8%	1/2.5%	2/4%	2/4%	2/4%	2/4%	4/8%		2/4%	2/4%
Стаево-5, раскопы 6 и 7	10/27%		3/8%	2/6%		5/13%		3/8%	1/3%	2/6%	2/6%	3/8%	1/3%	1/3%	1/3%		2/6%
Стаево-4	10/32%	1/3%	2/7%		1/3%	5/18%		1/3%		3/11%	2/7%	1/3%	2/7%	1/3%			1/3%

Примечание: КМ — коническая миска; Г — горшки; М — миски

Соотношение форм киевского керамического набора памятников Верхнего Подонья предшествующего гуннского времени (по наиболее многочисленным коллекциям — Замятино-5, 7, 8; Ксизово-19) — похожее (Острая Лука..., 2015. С. 128. Табл. 19). Наиболее широко распространены округлобокие горшки I, 1, а, а, а суммарная доля ребристых невелика — не более 7%. Тем не менее имеются и некоторые отличия. В гуннское время встречаются округлобокие баночные горшки I, 4 разных вариантов (до 11% в Замятино-7) и достаточно часты конические миски (или миски-плошки). В Стаево-4 и 5 баночных форм нет совсем. Обломок такого сосуда на поселениях линии Ярок найден пока только в Ярке-9 (Обломский, 2016. Рис. 11, 4). Единичные фрагменты мисок-плошек происходят из Стаево-5 (Рис. 7, 9) и из того же Ярка-9 (Обломский, 2016. Рис. 11, 14).

Практически все формы сосудов посткиевской традиции находят аналогии на верхнедонских памятниках типа Чертовицкое—Замятино гуннского времени конца IV — V вв. (Обломский, Сыщиков, 2022. С. 77, 78). Наблюдается преемственность и в соотношении основных форм сосудов. Отмеченные выше отличия могут быть хронологическими. Поселения линии Ярок верхневоронежской группы датируются концом V — VII вв.

Формы сосудов окской традиции находят аналогии в раннесредневековом круге древностей, к которому относится ряд памятников Среднего Поочья и частично Поволжья. Соотнесение их с конкретными археологическими культурами этой территории (мощинской, позднедьяковской, рязано-окской и др.) в настоящее время дискуссионно (Обломский, Сыщиков, 2022. С. 83). Структура керамического комплекса этой традиции не столь отчетлива, как посткиевской. В каждой из групп материала, включенных в табл. 2, соотношение основных форм различается.

Показательно, что во всех трех условно закрытых комплексах на раскопе 9 присутствует керамика как посткиевской, так и окской традиций. С самого начала существования селища, таким образом, в составе его населения выделяются два основных компонента памятников верхневоронежской культурной группы — раннеславянский и финский.

Занятия населения, вопросы хронологии

Индивидуальных находок на раскопе 9 довольно много, но большинство из них равномерно рассеяно в восточной его части. Учитывая многочисленные нарушения культурного слоя, прямо связать их либо с усадьбой, либо со свалкой мусора нет возможности. Неопубликованные материалы из раскопок 2020 и 2022 гг. приводятся

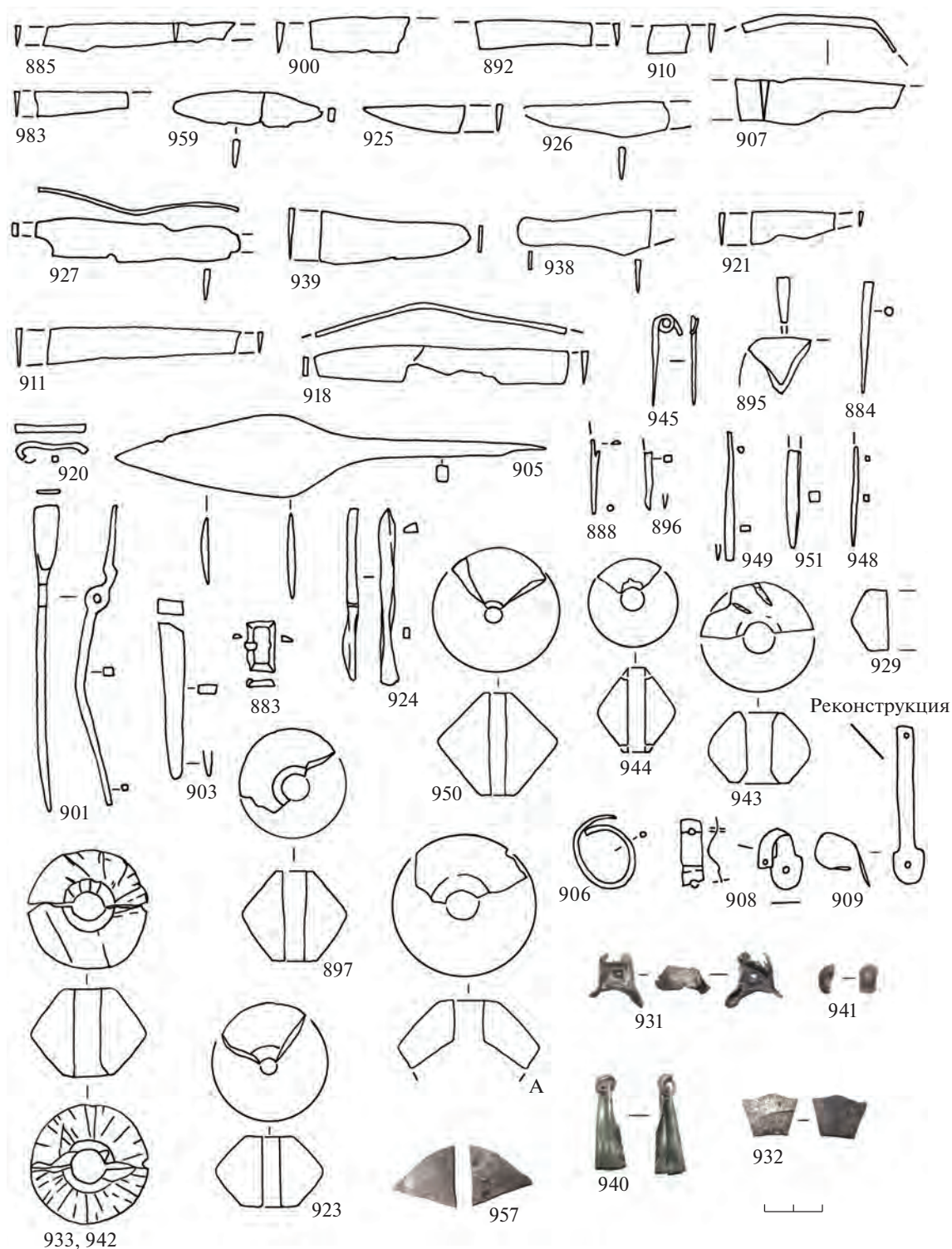

Рис. 8. Индивидуальные находки 2020 и 2022 гг. 885, 892, 900, 907, 910, 911, 918, 921, 925, 926, 927, 938, 939, 959, 983 – обломки железных ножей; 945 – железная игла фибулы; 895 – фрагмент лезвия топора; 884, 888, 896, 901, 903, 924, 948, 949, 951 – железные инструменты; 920 – железный язычок пряжки; 905 – железный наконечник сулицы; 883 – железная пряжка; А (кв. Л–М, 9–10, 0,2–0,4 м), 897, 923, 929, 933/942, 943, 944, 950 – фрагменты глиняных пряслиц; 906 – бронзовая серьга; 908, 909 – бронзовые накладки; 931, 940, 941 – бронзовые украшения; 932, 957 – обломки зеркал из светлого сплава. Номера соответствуют описи индивидуальных находок по отчетам и обозначениям на рис. 2.

Fig. 8. Individual finds made in 2020 and 2022. 885, 892, 900, 907, 910, 911, 918, 921, 925, 926, 927, 938, 939, 959, 983 – fragments of iron knives; 945 – an iron needle of a fibula; 895 – a fragment of an ax blade; 884, 888, 896, 901, 903, 924, 948, 949, 951 – iron tools; 920 – an iron tongue of a buckle; 905 – an iron tip of a dart; 883 – an iron buckle; А (sq. L–M, 9–10, 0.2–0.4 m), 897, 923, 929, 933/942, 943, 944, 950 – fragments of clay whorls; 906 – a bronze earring; 908, 909 – bronze plaques; 931, 940, 941 – bronze ornaments; 932, 957 – fragments of light alloy mirrors. The numbers correspond to the description of individual finds in reports and designations in Fig. 2.

на рис. 8. Они представлены, в основном, бытовыми предметами, включая обломки зеркал (рис. 8, 932, 957). Две вещи из бронзы (коробчатая и коническая подвески) (рис. 8, 931, 940) являются деталями комбинированных украшений финского круга. В Стаево-5 аналогичные изделия уже встречались (Обломский, 2022. С. 55). Найдены они также и на верхнедонских памятниках гуннского времени (Острая Лука, 2015, с. 157. Рис. 236, 21–23).

Интересен железный черешковый наконечник сулицы с плоским ромбическим пером (рис. 8, 905). Подобные предметы не характерны ни для раннеславянского, ни для окско-волжского финского вооружения. По В. Казакевичу они объединены в тип VIII наконечников копий и распространены в Литве, Латвии и Эстонии в VII – начале IX вв., причем начиная с конца VIII в. черешковые наконечники постепенно выходят из употребления. У большинства изделий из Прибалтики форма пера листовидная, но известны и экземпляры с почти прямыми краями и расширением в нижней части (Казакевич, 1988. С. 57–60. Рис. 23, 2, 3, 6, 11, 12). Позже такие наконечники были достаточно типичны для древнерусского комплекса вооружения X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. С. 22–25. Табл. III, 8; X, 10–13; XXII, 5), но материалы этого периода на поселении Стаево-5 отсутствуют.

На раскопе 9 обнаружено довольно много находок, связанных с бронзолитейным и ювелирным ремеслом. К ним относятся обломки сильно ошлакованных глиняных тиглей (170 мелких, 14 относительно крупных). Найдены также и 1 целый экземпляр (Обломский, 2022. Рис. 116; 121, 834, 835). Из культурного слоя происходят 13 выплесков бронзы, 11 бронзовых пластин и 1 серебряная с позолотой. Для ювелирного ремесла предназначались некоторые инструменты из железа – остря, штихель, щипцы (рис. 8, 884, 888, 896, 901, 924, 948, 949, 951) (определение функций см. в: Обломский, 2022. С. 51, 52; Биркина, 2022).

Показательно распределение фрагментов тиглей и выплесков, т.е. тех предметов, которые прямо связаны с литьем (рис. 2). Относительно крупные обломки тиглей (13 из 14 экз.) и 1 целый экземпляр найдены на центральном участке раскопа (кв. Ж–М, 2'-2). Из них 8 экз., т.е. больше половины, обнаружены у объекта 9 (очага) на кв. И–К, 1-2. Из мелких обломков тиглей 67 экз. (39%) также происходят с участка кв. Ж–М, 2'-2. Из 13 выплесков бронзы на этой площади обнаружены 6, причем 5 из них найдены около объекта 9.

В заполнении одной из ям, примыкающих к центральному участку раскопа (объект 12), зафиксирована линза переотложенной глины. В Стаево-5 ямы, содержащие подобную глину, открыты на раскопе 6, где они связаны с мастер-

скими ювелиров-литейщиков – объекты 3 (яма Г), 4 (яма Г), 13, 23, 24, 30, 31 (Обломский, 2022, с. 37, 38). Специально выдержанная глина, по всей видимости, предназначалась для изготовления тиглей и, вероятно, литейных форм.

Приведенные наблюдения свидетельствуют, что одним из занятий обитателей усадьбы было бронзолитейное (ювелирное) ремесло, а для плавки металла использовался глинобитный очаг (объект 9).

Этот очаг не был чисто производственным. Около него и на его уровне, как было отмечено выше, концентрировалась лепная керамика (скопление 1), а также был найден ряд вещей, не только связанных с ремеслом (выплески бронзы, обломки тиглей, инструменты – рис. 5, 17, 18), но и бытовых (пряслица, фрагменты железных ножей и зеркала из светлого сплава – рис. 5, 19–23, 27)¹.

Для решения проблемы хронологии усадьбы показательны две нашивные бляшки из свинцово-оловянистого сплава (рис. 5, 24, 25) и бронзовый наконечник ремня (рис. 5, 26).

Бляшки имеют круглую форму, бордюр из рельефных валиков по краю, по три ушка с оборотной стороны и перпендикулярный им рельефный канал для нити. Подобные бляшки специфичны для мощинской культуры соседнего с Верхним Подоньем Среднего Поочья. По материалам городищ Велегож и Акиньшино А.М. Воронцов датирует их V – началом VI в. (Воронцов, 2016. С. 226, 227. Рис. 21, 1, 5–7). Разумеется, мы не знаем, когда прекратилось изготовление таких украшений, но на их сравнительно раннюю хронологическую позицию указывает находка аналогичной вещи в слое поселения/могильника Ксизово-19 (культурная группа типа Чертовицкое-Замятино, конец IV – V вв.) (Острая Лука, 2015. Рис. 245, 5).

Наконечник ремня геральдического стиля из раскопа 9 (рис. 5, 26), напротив, является одной из достаточно поздних для Стаево-5 вещей. И.О. Гавритухин, который специально рассмотрел подобные изделия, по аналогиям в Крыму и причерноморской степи отнес их к первой половине VII в. (Гавритухин, 2022. С. 116, 117).

Как же может датироваться очаг объекта 9, а соответственно, и усадьба на девятом раскопе? Какие именно вещи могут определить ее дату? Для ответа на этот вопрос важно рассмотреть конкретные условия находки перечисленных выше предметов.

¹ Некоторые из этих вещей (рис. 5, 21, 22), а также выплеск бронзы и три обломка тиглей найдены выше заполнения объекта 4 (хозяйственной постройки), но на ее площади. По всей видимости, они были перемещены сюда из окружающего культурного слоя, когда котлован сооружения заплывал грунтом.

Две бляшки (рис. 5, 24, 25, номера находок 796, 807) найдены практически на уровне очага (соответственно –75, –76 и –80 см от репера раскопа 9) и рядом с ним на расстоянии около 0.8 и 1.1 м, наконечник ремня (рис. 5, 26, номер находки 798) – в 2.5 м, т.е. довольно далеко, и на 20 см выше (–60 см от репера). Строго говоря, наконечник ремня комплекс усадьбы датировать не может. По всей видимости, это дворохозяйство было довольно ранним и относится к начальному периоду существования поселения.

Выразительные остатки бронзолитейных мастерских раннего средневековья были исследованы в западной части поселения на раскопах 6 и 7. Они представляли собой наземные столбовые сооружения длиной не менее 8 м и шириной более 4 м с очагами и небольшими печами, ямами с глиной и мусорными, в том числе для брака и ремесленных отходов (Обломский, 2022. С. 38, 39). Можно высказать предположение, что первоначально ремесленная деятельность осуществлялась на территории усадьбы, а специализированные постройки появились несколько позже.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00110.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биркина Н.А.* Инструменты для металлообработки с поселения Стаево-5 // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2022 (Раннеславянский мир; вып. 21). С. 131–135.
- Воронцов А.М.* Памятники мощинской культуры в I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 221–260.
- Гавритухин И.О.* Детали ремennых гарнитур “геральдического” стиля // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2022 (Раннеславянский мир; вып. 21). С. 122–130.
- Казакявичус В.* Оружие балтских племен II – VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 166 с.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36). 147 с.
- Обломский А.М.* О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего средневековья // Степи Восточной Европы в средние века: сб. памяти Светланы Александровны Плетневой / Ред. И.Л. Кызласов. М.: Авторская книга, 2016. С. 119–149.
- Обломский А.М.* Ранние славяне в лесостепном Подонье в III–VII вв. // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена / Ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Научная книга, 2021. С. 461–648.
- Обломский А.М.* Поселение Стаево-5. Описание, материалы // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2022 (Раннеславянский мир; вып. 21). С. 21–60.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Наука, 1991. 174 с.
- Обломский А.М., Сыщиков Н.В.* Лепная керамика комплекса у с. Стаево на фоне этнокультурных традиций верхневоронежской группы // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2022 (Раннеславянский мир; вып. 21). С. 76–84.
- Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015 (Раннеславянский мир; вып. 16). 660 с.*

JEWELLER'S ESTATE AT STAEVO-5 SETTLEMENT OF THE EARLY MIDDLE AGES (THE UPPER VORONEZH RIVER)

Andrey M. Oblomsky^{a, #} and Kirill I. Maslennikov^{b, ##}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^bGBOU School 2101, Moscow, Russia

[#]E-mail: oblomsky_a@rambler.ru

^{##}E-mail: slonik-1607@list.ru

In the eastern part of the Staevo-5 settlement, an estate consisting of a dwelling, two outbuildings, two hearths, and a series of pits has been completely explored. From the south, its territory was limited by a fence resting on massive pillars. The estate belongs to the initial stage of the settlement functioning and dates back to the late 5th–6th century AD (possibly, the first half of this century). Based on the distribution of ceramics

in the structures and the cultural layer, it was possible to distinguish three conditionally closed complexes. The first one refers to the period of the estate functioning, the second – to the period of its destruction, the third (the latest) – to the garbage dump that was formed in its place. It is indicative that all three complexes include ceramics of both the post-Kiev and Oka traditions. Thus, from the very beginning of the settlement existence, two main components of the Upper Voronezh cultural group are distinguished in the composition of its population – the Early Slavic and Finnish ones. The estate dwellers were engaged in jewellery and bronze casting. They used a domestic hearth for melting metal. The crucibles, most likely, were made of clay which was prepared for this reason in one of the pits.

Keywords: the Upper Voronezh cultural group, the late 5th–7th centuries AD, bronze casting craft.

REFERENCES

- Birkina N.A., 2022. Metalworking tools from Staevo-5 settlement. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya* [Trade and crafts complex at the village of Staevo in the Upper Voronezh River region (the late 5th – 7th century AD) and some issues of the Upper Don archaeology of the early Middle Ages]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 131–135 (Ranneslavyanskiy mir, 21). (In Russ.)
- Gavritukhin I.O., 2022. Details of belt sets of the “heraldic” style. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya* [Trade and crafts complex at the village of Staevo in the Upper Voronezh River region (the late 5th – 7th century AD) and some issues of the Upper Don archaeology of the early Middle Ages]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 122–130 (Ranneslavyanskiy mir, 21). (In Russ.)
- Kazakyavichus V., 1988. Oruzhie baltskikh plemen II – VIII vv. na territorii Litvy [Weapons of the Baltic tribes of the 2nd–8th centuries AD on the territory of Lithuania]. Vil'nyus: Mokslas. 166 p.
- Kirpichnikov A.N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Weapons of Rus], 2. Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. [Spears, darts, battle axes, maces and flails of the 9th–13th centuries AD]. Moscow; Leningrad: Nauka. 147 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1–36).
- Oblomskiy A.M., 2016. On two types of Slavic sites of the Upper Don in the Early Middle Ages. *Stepi Vostochnoy Evropy v srednie veka: sbornik pamyati Svetlany Aleksandrovny Pletnevoy* [Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages: Collected papers in memory of Svetlana Aleksandrovna Pletneva]. I.L. Kyzlasov, ed. Moscow: Avtorskaya kniga, pp. 119–149. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2021. Early Slavs in the forest-steppe Don region in the 3rd–7th centuries AD. *Ocherki arkheologii lesostepnogo Podon'ya v epokhu golotsena* [Studies in the archaeology of forest-steppe Don region in the Holocene]. I.V. Fedyunin, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 461–648. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2022. Staevo-5 settlement. Description, materials. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya* [Trade and crafts complex at the village of Staevo in the Upper Voronezh River region (the late 5th – 7th century AD) and some issues of the Upper Don archaeology of the early Middle Ages]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 21–60. (Ranneslavyanskiy mir, 21). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., Syshchikov N.V., 2022. Hand-made pottery from the complex at the village of Staevo against the backdrop of the ethnocultural traditions of the Upper Voronezh group. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya* [Trade and crafts complex at the village of Staevo in the Upper Voronezh River region (the late 5th – 7th century AD) and some issues of the Upper Don archaeology of the early Middle Ages]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 76–84 (Ranneslavyanskiy mir; vyp. 21). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 1991. Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberezh'e v pervye veka nashey ery [The Middle Dnieper and the Dnieper Left Bank in the first centuries of the Common Era]. Moscow: Nauka. 174 p.
- Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.) [The Sharp Bend of the Don River in ancient times. Archaeological complex of sites of the Hunnic period at the village of Ksizovo (the late 4th – 5th century AD)]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2015. 660 p. (Ranneslavyanskiy mir, 16).
- Vorontsov A.M., 2016. The Moshchiny culture sites during the 1st millennium AD. *Rannesrednevekovyye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.)* [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries AD)]. A.M. Oblomskiy, I.V. Isanova, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 221–260 (Ranneslavyanskiy mir, 17). (In Russ.)

П. Д. БАРАНОВСКИЙ КАК АРХЕОЛОГ:
КОЛОМЕНСКОЕ 1920-е – 1940-е ГОДЫ© 2023 г. С. И. Баранова^{1,2,*}, Л. А. Беляев^{3,**}¹Томский государственный университет, Томск, Россия²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия³Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

**E-mail: labeliaev@bk.ru

Поступила в редакцию 06.12.2022 г.

После доработки 06.12.2022 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

В статье ставится вопрос о необходимости публикации части архива известного архитектора-реставратора XX в. Петра Дмитриевича Барановского. Она связана с его работами по изучению царской резиденции XVI – XIX вв. в селе Коломенское (сейчас в Москве). Публикуется часть обзора археологических работ в Коломенском, составленного исследователем в 1940-х годах и только что обнаруженного в его архиве. В документе содержится краткий отчет о раскопках 1930 г. на месте шедевра архитектуры Москвы – Деревянного дворца царя Алексея Михайловича. До сих пор никаких фиксационных материалов этих работ не было известно. Найденный документ включает также описание реставрации каменных сооружений дворца, проведенной П.Д. Барановским в 1923–1928 гг., и представляет контекст археологических работ 1933 и 1935 гг. Особое внимание уделяется реконструкции плана дворца на местности и локализации его печей, а также характеристике их изразцового декора. В статье публикуется также аналитическая графика архитектора 1940-х годов, связанная с реконструкцией остатков дворца и созданием его новой модели.

Ключевые слова: Московское царство, деревянный дворец в Коломенском, археология нового времени, изразцы, царские резиденции, история археологии, история реставрации, музееведение.

DOI: 10.31857/S0869606323040037, EDN: HEIFBZ

Образ Петра Дмитриевича Барановского (1892–1984 гг.), культовой фигуры в деле архитектурной реставрации и спасения памятников зодчества, к концу XX в. превратился в портретолеографию (см., например: Петр Барановский, 1996) с дежурным перечнем спасенных, отреставрированных или изученных при сносе древних зданий (рис. 1). Параллельно послышалась критика его деятельности как мистификатора, создавшего благонамеренные подделки: текст Гектора Берлиоза о церкви Вознесения в Коломенском и прорись надгробия Андрея Рублева (Формозов, 1988. С. 132–134; Дудочкин, 2017. С. 514–547 и др.). Современники дают альтернативную оценку его деятельности и как архитектора-исследователя. Мученик реставрации, он предстает не особенно образованным человеком, своего рода юродивым, который почти ничего не публиковал, а если что и писал, то более всего жалобы и доносы (см., например: Кавельмахер, 2004). Основные упреки заключаются в том, что П.Д. Барановский не вводил в науку и не интерпретировал свой материал, а как

ученый работал разве что случайно (к реставра-

ции как науке убежденный практик относился скептически).

Действительно, опубликовано им было мало. Общая болезнь архитекторов-реставраторов советского периода состояла в том, что они были перегружены практической работой и не всегда имели серьезное гуманитарное образование. Выдача результатов в печать, затрудненная множеством обстоятельств, не считалась в их среде обязательной. Но вот в отношении исследовательского подхода критики явно ошиблись. П.Д. Барановский был увлеченным и при этом внимательным ученым-практиком, шедшим трудным путем автодиакта и часто изобретавшим собственные методы. Это становится все очевиднее по мере ввода в оборот блоков материала из личного фонда Барановского в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева (ГНИМА), куда архив исследователя поступил в полном виде: дневники, письма, обмеры, фотографии, протирки и многое другое. Систематизация архива показала перспективность проработ-

Рис. 1. И.Э. Грабарь. Портрет архитектора-реставратора П.Д. Барановского, 1938–1951. Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова.

Fig. 1. I.E. Grabar. Portrait of the architect-conservator P.D. Baranovsky, 1938–1951. V.I. Surikov Krasnoyarsk Art Museum

ки, часть за частью, всего наследия (Ходаковский, 2015. С. 163–187; Казусь, 2015. С. 188–202; Оксенюк, 2015. С. 168–177; Оксенюк, 2019. С. 150–153 и др.). Эти материалы заслуживают и полного научного издания в уже запущенной серии “Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского” (Соловецкий монастырь, 2000; Болдинский монастырь, 2004; Смоленская ротонда XII в., 2020).

Данная статья — заявка на следующий том. Она посвящена исследованиям Петра Дмитриевича в той главной лаборатории по сохранению русского архитектурного наследия, которую он своими трудами создал в 1920-х годах в Коломенском, и продолжает нашу недавнюю книгу о деревянном дворце Алексея Михайловича в Коломенском (Баранова, Беляев, Топычканов, 2022). В самой монографии эти сведения учтены, но ограниченный объем не позволил уделить равное внимание всем археологическим источникам, в том числе ключевому документу, осветившему работы 1930-х годов, ранее не известному.

Конкретная задача статьи — дать обзор сведений о натурных работах П.Д. Барановского в Коломенском и показать его как инициативного, ищущего методически оправданных подходов архитектора-археолога, работавшего в сложной социальной обстановке России 1920–1940-х годов и внесшего свой вклад не только в создание московской школы реставрации, но и в становление археологии.

Нельзя сказать, что работы П.Д. Барановского в Коломенском до сих пор не изучали, а их материал не использовали. К ним обратились уже в 1940-х годах, когда о многом еще можно было спросить самого автора. В 1990-х годах они упомянуты в статьях по археологии деревянного дворца, где подробно разобраны даже незначительные эпизоды. Но главный этап работ самого П.Д. Барановского — раскопки 1930 г. — не мог быть привлечен, а его документы не были известны (Беляев, Кренке, 1993. С. 72–112; подробнее см.: Баранова, Беляев, Топычканов, 2022), поскольку материалы по Коломенскому в фонде П.Д. Барановского (ГНИМА) до 2021 г. оставались вне поля зрения ученых. Не стала объектом анализа ни его широко известная реставрация в 1920-х годах каменных палат Государева двора, ни работа Петра Дмитриевича по осмыслению полученных тогда материалов для дальнейшей реконструкции ансамбля и создания модели Государева двора (ею он занимался с конца 1940-х годов вместе с В.М. Маковецким). На этих трех эпизодах, отраженных в материалах архива ГНИМА, и будет сосредоточено внимание в статье.

Обширная монография по Государеву двору в Коломенском избавляет нас от необходимости останавливаться на общих вопросах его архитектуры и истории. Государев двор, состоявший из периметра каменных стен и палат с воротами, внутри которых стоял большой деревянный дворец, был построен в 1667 — начале 1680-х годов царями Алексеем Михайловичем и его сыном Федором. Дворец прожил около века и был разобран при Екатерине II, образовав обширное дворище. Почти все стены периметра Государева двора и Кормовой двор (кухни и хранилища запасов) в его юго-западном углу разрушились и были разобраны в XVIII–XIX вв. Сохранились, но в очень перестроенном, частью руинированном состоянии, западные (Задние) и восточные (Передние) ворота с примыкающими палатами.

После 1917 г. село Коломенское с остатками дворца утратило статус царского владения. В 1923 г. П.Д. Барановский, имевший опыт реставрации, создал здесь музей древнерусской архитектуры (филиал ГИМа) на базе памятников зодчества XVI (церкви Вознесения в Коломенском и Иоанна Предтечи в Дьякове) и XVII вв. (остатки Госу-

Рис. 2. И.Ф. Баршевский. Экспозиция в бывшей трапезной Георгиевской церкви. Музей-заповедник “Коломенское”. Фотография 1935 г. МГОМЗ.

Fig. 2. I.F. Barshchevsky. Exposition in the former refectory of St. George's Church. “Kolomenskoye” Museum-reserve. Photo of 1935

дарева двора с Казанской церковью). Музей собирал декоративные детали разрушаемых церковных зданий: иконы с архитектурными сюжетами и все, что касалось самого Коломенского. Сюда перевозили деревянные постройки Русского Севера, которым угрожала гибель, и белокаменные фрагменты разрушаемых зданий Москвы.

Первым крупным проектом П.Д. Барановского в Коломенском стало восстановление зданий восточного фасада Государева двора: Приказных палат, Передних ворот, Полковничьих палат, Сытного двора. Они были удивительно быстро очищены от мусора, натурно изучены и в соответствии с тогдашними принципами реставрации освобождены от искажающих поздних достроек (иными словами, сломаны встроенные в XVIII в. части). Проводились и необходимые земляные работы. Найденные при этом вещи пополняли фонд молодого музея. Вскоре в отреставрированных Приказных палатах открыли и первую экспозицию, вызвавшую неподдельный интерес профессионалов и публики, как и последующие, посвященные истории Коломенского (рис. 2, 3).

Следующим по хронологии проектом П.Д. Барановского оказались раскопки на площадке деревянного дворца XVII в. Он видел в нем возможный объект археологических работ по крайней мере с конца 1920-х годов. В 1930-х годах (1933, 1935 и др.) здесь шли работы под руководством К.Я. Виноградова и А.П. Смирнова. Их фиксационные материалы и находки, по крайней мере отчасти, отложились в хранилищах Коломенского и других (Баранова, Беляев, Топычканов, 2022). Однако о раскопках самого Барановского можно было судить только по смете на работы (1929 г.) (Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника (НА МГОМЗ). Оп. 1. Д. 112. Л. 1) и находках, которые потребовалось позже заново паспортизировать (этим занялась научный сотрудник музея Е.А. Мирожина).

Обращение к рукописи в фонде П.Д. Барановского в разделе “Коломенское” во многом проясняет картину (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 5–21; здесь и далее мы используем принятый в настоящее время шифр фонда П.Д. Барановского; ранее мы ссылались на внутренний номер документов, ср.: Баранова, Беляев, Топычканов, 2022). Рукопись

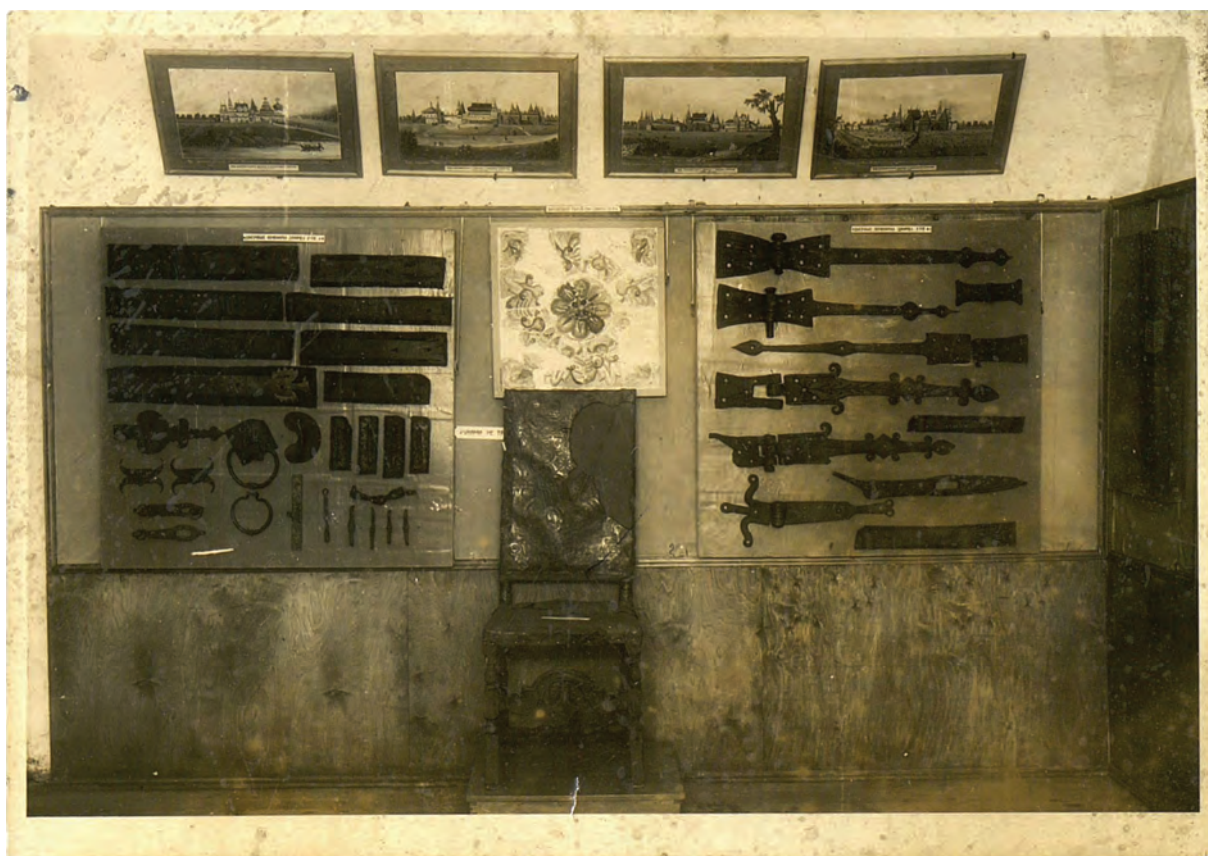

Рис. 3. Н.А. Стулов. Экспозиция “Дворец в Коломенском”. Передние ворота. Музей-заповедник “Коломенское”. Фотография. 1940 г. МГОМЗ.

Fig. 3. N.A. Stulov. Exposition “Palace in Kolomenskoye”. Front gate. “Kolomenskoye” Museum-reserve. Photo of 1940

на тетрадных листах в клетку (17 листов, бумага, карандаш), озаглавлена *“Изучение и раскопки Коломенского дворца”*. Листы заполнены набросками к некоему *“сообщению”*, вероятно, призванному убедить в необходимости новых археологических работ. Это рабочий документ: текст испещрен правками, в нем много сокращений (при публикации мы их раскрыли).

Рукопись не могла появиться ранее лета 1936 – конца 1940-х годов – с октября 1933 до мая 1936 г. Петр Дмитриевич находился в ссылке. В начале 1940-х годов он консультировал Е.А. Мирожину при разборе коллекций, а в конце десятилетия работал вместе с архитектором И.В. Маковецким над созданием макета Коломенского (сейчас в собрании ГНИМА им. А.В. Щусева). А также пробовал возобновить раскопки, на что указывает записка 1947 г.: *«Летом 1947 г. в связи с необходимостью размещения фондов музея Колом., удаленных из северного придела Казан. Церкви, возникла мысль построить здание на месте разобранных палат Кормового дворца. В связи с этим П.Д. Барановским получено в Гл. Упр. Охр. пам-ков удостоверение “на научное руководство архит.-археолог. раскопками, производящимися музеем Коломенское для задач ар-*

хит. рест. пам-ников”. Кроме раскопок на Кормовом дворце имелись ввиду поиски фундаментов *“рыкающих львов” у Передних ворот. Работы на Корм. Дворце частично были выполнены, но у Передних ворот не проводились из-за отсутствия раб. сил. Удост. от 12 мая 1947 г. П. Барановский»* (ГНИМА ОФ-5112/53. Л. 24). Все это может объяснить появление *“сообщения”*. Но о послевоенных работах в нем не упоминается, отражены только раскопки 1930-х годов.

В рукописи выделены три раздела, обозначенные римскими цифрами. Первый – *“Задачи раскопок. Выяснение местонахождения и точной планировки дворца”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 8–9), второй – *“Возможность научно использовать в отношении показа б. Коломенского деревянного дворца”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9–10), третий раздел называется *“Возможность обогащения научных знаний в отношении внутренней обстановки Коломенского дворца”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 10 об. – 13 об.). Затем следует наиболее важная часть рукописи – раздел *“Раскопки на территории дворца 1930 г.”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об. – 16) (рис. 4).

бор тех чертежей, которые были тогда известны. Барановский полагал наиболее достоверным план из собрания ГИМа и стремился сопоставить его с описью дворца 1742 г. Собственные натурные исследования Казанской церкви он привлек для реконструкции линии галереи перехода к хоромам (позже их оспорит И.В. Маковецкий). Не удалась и попытка опереться на сведения о посадках акаций по периметру дворца при Екатерине II; видимо, их сажали позже, на акварели начала XIX в. (школа А.Я. Алексеева) дворце показано пустым. Он пишет *“Акации, посаженные вокруг фундаментов дворца, как говорят об этом... дают только грубо ориентировочное представление о его расположении, но даже сличение этих признаков с планами Забелина говорит за то, что дворец отстоял значительно дольше от Казанской церкви”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9). Очень кратко упомянуты раскопки 1933 и 1935 гг. (см. ниже). Практический вывод звучит так: *“Попытки точно определить на месте расположение дворца на основании опубликованных планов не увенчались успехом; из этого ясно, что только раскопки дадут возможность уяснить этот вопрос”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9).

Дополняет картину состояния объекта раздел *“Возможность научно использовать в отношении показа б. Колом. деревянного дворца”*: *“В настоящее время территория дворца представляет собой ряд высоких бугров, ям и канав, поросших акациями, в которых с трудом можно установить те кустарники”,* которые были, по свидетельству Корсакова, *“посажены по фундаментам дворца”,* а затем *“так разрослись и неоднократно подвергались вырубке”,* что прочесть план *“возможно с большим трудом и не во всех местах”,* тем более что *“по этим буграм в некоторых местах выросли большие вязы... Перед организацией музея в первые годы революции акации и бурьян так буйно разрослись, что летом здесь нашли себе приют бандиты и беспризорники, наводившие своими набегами на жителей и огороды такой страх, что по аллее ночью боялись проходить. В 1925 году территория бывшего дворца была расчищена, акации вырублены и подстрижены с попыткой оценить плановость в их посадке, но во многих случаях это оказалось невозможным. Но и до настоящего времени это одно из самых интересных мест в Коломенском остается заброшенным и неудобным для культурного использования пустырем”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9 — 9 об.).

Значит, П.Д. Барановский предпринимал очистку площади хором от зарослей, надеясь увидеть линии акаций, еще за 5 лет до раскопок. Это ему не удалось, зато удалось сделать точное наблюдение о рельефе объекта (*“сличение планов дворца с местностью определению говорит за то, что в большинстве случаев каждый из бугров на территории дворца отвечает какой-либо из его палат, и канавы вокруг этих бугров отвечают стенам*

или фундаментам дворца” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9 об. — 10)) и причинах его формирования (*“Предварительный осмотр наталкивает на мысль, что выкапывание камня из фундаментов образовало канавы по периметру всех стен, и мусор, выкопанный из них, образовал бугры на местах палаток”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 10)). Подчеркивается, что *“раскопки полностью подтвердили эти предположения”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 10).

Убеждая читателя (или слушателя), что дворец *“для восстановления его облика”* следовало бы раскопать (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 8), Барановский указывает на важность археологии для благоустройства двора и полноценного включения его в музейное пространство. Исследование *“дало бы возможность путем реконструкции фундаментов, хотя бы только по углам палаток, дать полное представление об этом местоположении дворца, о размере помещений и т.д. Оно дало бы возможность спланировать место и культурно его использовать даже для музейного показа, проводя посетителей как бы по всем... помещениям дворца, разъясняя их особенности архитектурной планировки, бытового размещения в том же примерно аспекте, как показываются раскопки Херсонеса и Трои”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 10).

Итак, главные задачи П.Д. Барановского — выявление, научное определение и фиксация (*“установить, оправдаются ли предположения о возможности установки точных границ фундамента дворца, находках керамики и т.под.”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.)). Он формулирует ряд задач — *“положений”*: *“1) Определение точного места дворца. 2) Планировка и музейное использование дворца после раскопок. 3) Находки керамики и возможность определения цельных печных комплексов. 5) Находки других предметов материальной культуры. 6) Определение по находкам местоположения Коломенского дворца XVI века”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 14; пропущен пункт 4).

Раскрытие 1930 г. он рассматривал как пробное, осмотрительно наметив участок, позволявший сохранить цельность всего объекта: в наружном углу дворца *“была выбрана одна палата в хорах царя, которая по плану опубликована Забелиным, значит в нижнем житье под номером 85, и в верхнем житье под номером 6”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 14). То есть комната *“хором царя”* (№ 6) и подклет под ней (№ 85) (рис. 5).

Серьезно подошел Барановский и к топографической привязке. Межевой инженер Плотноков выполнил крупный план двора, соотнесенный с историческими сведениями. Его разбили на квадраты, отмеченные на местности реперами. Открываемые печи и углы помещений предполагали закреплять несколько экзотическим способом, составляя по углам пирамидки (для них заранее собрали 50 м³ битого кирпича).

Рис. 5. П.Д. Барановский. План деревянного дворца в Коломенском с помеченными на нем основными местами раскопов 1930, 1933 и 1935 гг. Конец 1940-х годов. ГНИМА. ОФ-5112/45. Л. 4.

Fig. 5. P.D. Baranovsky. Plan of the wooden palace in Kolomenskoye with the indication of main excavation sites of 1930, 1933 and 1935. Late 1940s. State Research Museum of Architecture

Избранный участок описан достаточно подробно. Это невысокий “бугор, окопанный канавами” (разница вершины бугра и дна канавы около 10 см), в северо-западном углу рос вяз толщиной около 30 см — его сохранили. Точность, с которой угадано помещение, объяснима: в 1719—1722 гг. под деревянные хоромы подвели каменные фундаменты, из которых после разборки в 1760-х годах добывали строительные материалы. В результате по стенам хором выбор сполгий образовал канавы, а выброс грунта — бугры. Возник как бы “негатив” плана дворца.

“Экспедиция” состояла всего из трех человек: самого Петра Дмитриевича, научного сотрудника музея В.А. Каульбарса и одного рабочего (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 14). Интересна последовательность работ: начали с разборки мусора и слоя внутри палаты до материка (“первоначально раскопали бугор до границы канавы, на глубину до грунта, в котором уже не попадалось никаких сле-

дов человека” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 15)). Затем разобрали канавы с остатками фундаментов из белого камня и кирпича XVIII в., почти везде выбранных. Полученный грунт просеивали, а рельеф восстанавливали (“затем после просеивания земли и отборки предметов материальной культуры, землю вновь ссыпали в виде того же бугра и производили уже раскопку фундамента” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 15)). Был получен точный план фундамента шириной 72—75 см со стенками выбранных рвов. Грунт в них был насыщен отесками камня, щебня и извести. Раскрыли также стыки с соседними палатами № 7/89 и 5/84. Углы решили не отмечать кирпичными столбиками, а забить по углам колья.

Хотя насыпь бугра и подстилающий слой, видимо, не разделяли, и зачисток не делали, суммарная картина была дана: бугор состоял из строительного мусора (кусочки щебня, известь), земли и “перегноя” (т.е. гумуса). Были найдены

маленькие кусочки слюды и кованые гвозди, битые и целые кирпичи XVII в., размеры и клейма которых автор сравнил с сохранными кладками Государева двора, уже хорошо им изученными. П.Д. Барановский полагал, что этот кирпич — от фундаментов печей, но в подклете контур печи не был выявлен. Он считал, что печь осталась в некопаном углу, под вязом. Но на плане Ф. Берхгольца, Петру Дмитриевичу еще не известном, в помещении печи нет вообще (ближайшая — в комнате № 7/89). Внешние углы палат предпочитали не отапливать, складывая печи во внутренних покоех.

То, что нашли довольно много фрагментов изразцов второй половины XVII в., Барановский объяснял тем, что печи разобрали не ранее, чем при сломе дворца, оставляя битые изразцы на месте и тем самым увеличивая “бугры”. Подробное описание изразцов, найденных в ячейке покоя № 6/85 хором царя, он поместит ниже по тексту, в общем анализе изразцов Коломенского, причем укажет аналоги. Приводим текст целиком.

“1. Ножок печных ценных почти цельных (с отбитыми углами) 2 штуки и небольшой фрагмент.

2. Арочка не полная ценная.

3. Изразец фрагмент из основного тела печи, рельеф ценный кубчатого рисунка (тот же мотив, как в проводной трубе из Строгановского училища или в церкви Николы Явленного). Фон... середина внутри клейма ... Середина клейма неизвестного рисунка (цветок-розетка, как найденный в Северном Корпусе у Передних ворот).

4. Изразец (4 фрагмента) рельефный с изображением в виде картуши, типичный для Петровской эпохи. Можно предполагать, что он попал во время одного из ремонтов печи во время Петра. Основной фон белый. Внутри картуши бирюзовый. Картуш желтый. В центральном овале синим нарисован цветок.

5. Поясок (2 фрагмента) с рисунком желтые плоды в центре и двух желтых цветков по бокам. Фон бирюзовый, ветки белые.

6. Поясок (2 фрагмента) с рисунком акротериев с цветочками в вилках между ними. Фон бирюзовый, ветки белые, акротерии желтые и коричневые.

7. Валик с сильно рельефным рисунком в виде скобок с кружками на концах и со звездочками между ними по бирюзовому фону.

8. Фрагментов изразцов еще не выделенной композиции 4 штуки, размер каждой около 50 кв. см” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 15 об.).

Барановский счел, что пробные раскопки показали возможность точно привязать дворец на местности, локализовать его печи, восстановить типы их орнаментов и общую композицию.

Третий раздел сообщения — описание избранных находок. Он построен не столько как полевая опись 1930 г., сколько как небольшое сочинение об изразцах (о других находках сказано очень мало).

Здесь П.Д. Барановский очень точно указывает на преимущества материала из раскопок: описания интерьеров XVII в. известны, а в коллекциях есть изразцы, но одно с другим трудно связать, ведь вещи без “паспортов о принадлежности” или «грубые подделки под “боярский быт” в Кремлевских теремах и доме бояр Романовых» (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11). Изразцовый же материал, “который собран в Историческом музее и его филиале Коломенское” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11), огромен и четко соотносим с памятником, причем привязан к точкам печей: уже в 1930 г. “находки изразцов позволяют предположить, что печи разбирались при сломке дворца, а не раньше, т.к. иначе не сохранилось бы на месте дворца такого значительного количества их. При сломке печей разбитые изразцы оставались на месте и падали вместе с разбиравшимися полами на землю, образовав те бугры, которые мы наблюдаем на месте дворца...” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 15). Поэтому материал “в отношении раскопок и изучения Коломенского дворца должен играть особенно выдающуюся роль” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11).

Так, одной из двух основных задач раскопок, вслед за топографической, становится реконструкция изразцовых печей. Причем эти задачи взаимосвязаны: необходимо локализовать на местности и помещения хором, и печи конкретных типов и дат: “в результате раскопок мы сможем, при наличии сохранившихся описаний, установить, какая печь, из каких изразцов, какой композиции печь или проводная труба находилась в тех или иных хорах царя, его семьи, служебных помещениях и т.д.” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11 об.). Это даст возможность “несравненно обогатить теперешнюю экспозицию подлинных остатков Коломенского дворца, довольно скудную вещественными остатками... Мы, я полагаю, сможем дать рисунки печей по каждой из палат и, может быть, даже восстановить целые печи” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11 об.) — что и включается в план работы музея. Аналитический прием был предложен Барановским очень логично. Задача пространственного соотнесения конкретных печей и помещений стоит до сих пор, качество отчетов о работах 1990—2000-х годов не позволило ее решить (Баранова, Беляев, Топычканов, 2022. С. 202—205).

Этими сведениями ограничивается материал отчета 1930 г. Но П.Д. Барановский включил в сочинение “археологию изразца” в Коломенском целиком. Именно из этого сообщения мы узнали, что первые находки здесь сделал (вероятно, подняв с поверхности) и передал в Исторический музей еще в 1880-х годах Г.Д. Филимонов. Там их

Петр Дмитриевич обнаружил и забрал в Коломенское. Сам он в 1911 г. нашел “на земле за Вознесенской ц. по дороге в Дьяково еще один цветной печной изразец” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12). Также, в 1925 г. “на глубине аршина была найдена большая группа изразцов [выброшенных. — С.Б., Л.Б.] из окон Приказной палаты” (Гра, 1993. С. 275).

Очень важны первые и довольно подробные сведения о реставрационном исследовании 1923–1928 гг. с находками “интересными и обильными”. Так, зеленые изразцы “кубчатого рисунка с пальметкой внутри” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12) отмечены “в самих помещениях” Сытного дворца и в первой Ключничьей палате, а “с арочкой плетения, внутри которой цветок в кувшине” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12) — во второй. Также “особенно большое количество изразцов почти исключительно цветных было найдено при вывозе мусора из северной органной палатки передних ворот” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12 об.). Предположение, что “в этом помещении были сложены изразцы из разных печей дворца и хранились в нем” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12 об.), а затем попали в мусор или были использованы как бут, сомнительны (несмотря на пример из церкви в Дьяково, где “подобные же изразцы ... найдены в одних из закладок в стене Ивановской церкви в приделе Константина и Елены, где, по-видимому, когда-то была печь” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12 об.)).

Описываются “рельефные, но более мелкого размера, приближающиеся к типичным для эпохи Петра I” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13), найденные “в верхних палатках Передних ворот” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Из случайных находок указан зеленый изразец с изображением воинов на приступе (взят при входе в чулан Сытного двора) и находка в Казанском саду цветного изразца с прозрачной поливой, “похожего на фарфор” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13) и “совсем не обычного для техники XVII в.” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13).

Опыт работы в дореволюционной школе реставрации приучил Петра Дмитриевича строго документировать материал: “все находки изразцов собирались в отдельные ящики по месту находки с соответствующими надписями” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Но мелкие фрагменты до подбора он не маркировал: “Инвентаризация отдельных кусков не производилась, т.к. они должны были быть сперва подобраны в целые произведения и, кроме того, намечавшаяся большая работа по раскопкам могла дать точную датировку и паспортизацию многим изразцам, а также дать возможность определить пока еще не найденную композицию цельного рисунка для многих фрагментов” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Вероятно, этим тогда и не было времени заниматься.

Зато возможность подбора отмечается. Находки “в северной арочной палатке” (ГНИМА

ОФ-5112/56. Л. 13) дали “пример произведенного ... подбора цельной большой композиции, в центре которой помещается круглый изразец и по углам четыре фигурных изразца с растительным орнаментом, составляющий вместе с центральным большую рельефную розетку” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Приведена и ссылка на аналог: “совершенно такие же изразцы были применены в метопах Земского приказа... на Красной площади в Москве” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Изразцы печи “с изображением индюка в центре с половинками ваз по сторонам” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.) были “подобраны в общую раму” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.), но потеряны: “подлинник в 1933–1935 гг. утрачен и пока не найден” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.). Приводится отсылка на “подобные изразцы с индюками и другими птицами” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.) во фризе колокольни церкви Николы Явленного на Арбате.

Подъемный материал тогда не ограничивался изразцами: “одновременно должны были находиться и другие предметы из построенного дворца (в 1925 г. мною найдена прямо на земле на территории дворца ржавая петля с гравировкой XVII в.), а также другие предметы материальной культуры”, — пишет Барановский (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.).

В конце сообщения упомянуты работы А.П. Смирнова между двориком хором царевича, каменными (Садовыми) воротами и хорами царя (“Раскопки 1933 года аспирантов ГИМ”) (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 16 — 16 об.); подробнее об этих работах см.: Баранова, Беляев, Топычанов, 2022). Барановский в них не участвовал, занятый сборкой деревянной башни Карельского острога, о чем и пишет: “точные обстоятельства и условия произведения работ мне не известны” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 16 об.). Но он знает, что целых изразцов не нашли, а среди фрагментов выделяет: печную арочку с рисунком вазы на гирьке; стенной изразец с остатками птицы (типа Сухаревой башни?); “акротерий” (городок) от верха печи; изразцы с композицией звезды.

В 1935 г. Барановский был в ссылке и в работах К.Я. Виноградова на месте хором царицы участвовать не мог. Но он их критически комментирует, осудив слабую фиксацию работ (из-за чего “точное место нахождения изразцов определить” не представляется для него возможным (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 17)) и поставив под сомнение исходные материалы (“Откуда размеры комнат дворца в описании Чаева? После Ачаркана?” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 17)).

Таким образом, сохранившийся материал содержит написанный кратко, но точно и осмысленно отчет о полевых работах 1930 г., а также общую оценку археологии Государева двора в Коломенском в этот период.

Рис. 6. М.А. Гра. Зарисовки изразцов, найденных при раскопках в Коломенском в 1930-е годы. Частный архив.

Fig. 6. M.A. Gra. Sketches of tiles found during excavations in Kolomenskoye in the 1930s. Private archive

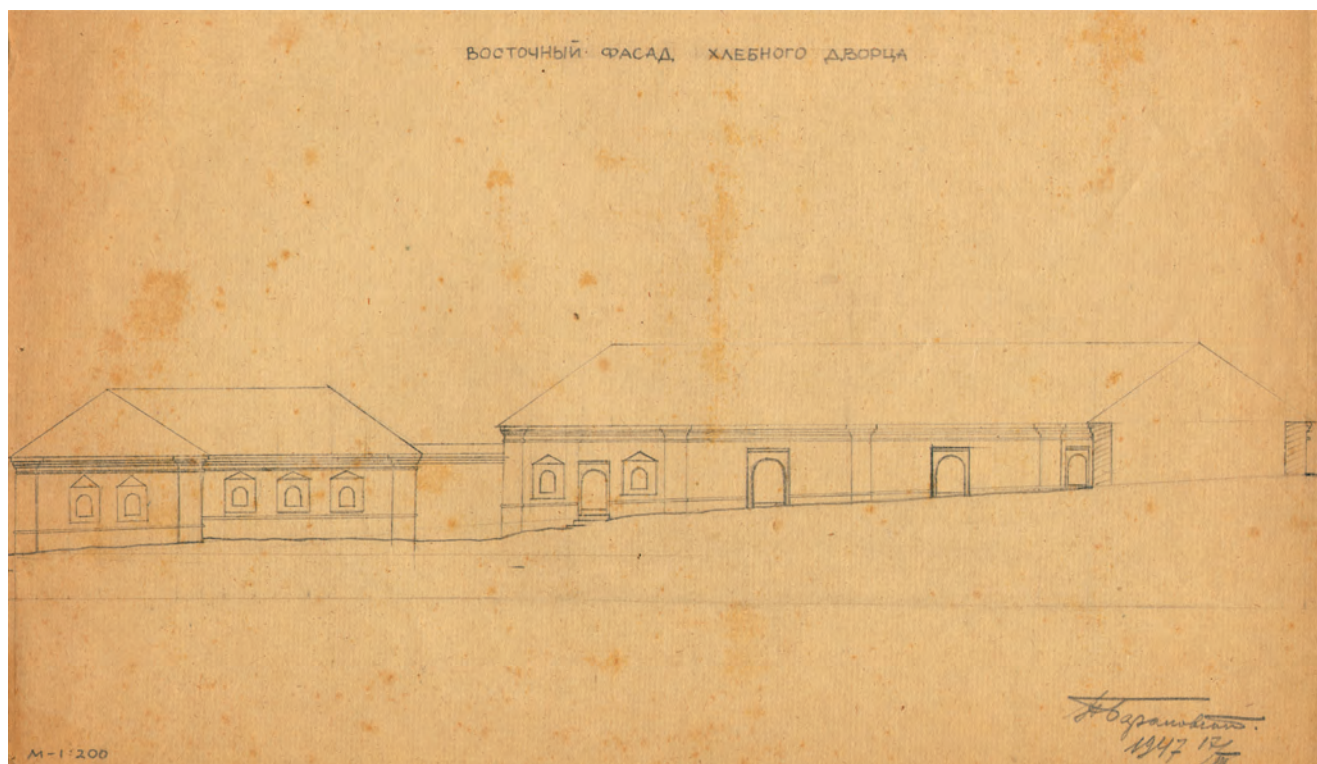

Рис. 7. П.Д. Барановский. Восточный фасад Хлебного дворца. Рисунок 1947 г. ГНИМА. ОФ-5112/53. Л. 32.

Fig. 7. P.D. Baranovsky. Eastern facade of the Bread Palace. A drawing of 1947. State Research Museum of Architecture

Выходя за рамки сообщения, отметим, что состояние учета и сохранности коллекции из раскопок постоянно тревожило П.Д. Барановского. Еще в 1934 г., находясь в заключении, П.Д. Барановский составляет записку о неоконченных работах, передав ее в музей. В ней, в частности, он пишет:

“Очень большое количество имущества, приведенного в музей при моем участии, к сожалению, осталось не заинвентаризировано, и без меня никто не сможет большинству этого имущества дать научное определение... Этот вопрос инвентаризации для меня один из самых мучительных, т.к. я знаю, что без меня здесь ничего как следует сделать невозможно, а с другой стороны, также знаю, что попытки в этом направлении будут, и ничего кроме лишней путаницы не дадут. Мне очень хотелось бы помочь музею разобраться в этом деле, но пока ничем помочь не могу. Я полагал бы, что Вам пока лучше проводить научную инвентаризацию по особой инвентарной книге, не трогая старую, в пределах того, что возможно сделать без моего участия. Также очень плохо обстоит дело с определениями большого количества керамики, собранной в музее. Особенно большую ценность для музея представляла керамика Коломенского дворца, найденная при работах 1925–28 гг., но ее этикетаж, был, к сожа-

лению, растерян почти полностью при переноске в теперешнее помещение. Может быть, когда-нибудь удастся по запискам и частью по памяти восстановить определение этих материалов...” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 182. Л. 12 об., 13).

Кратко упомянем о дальнейшей судьбе находок 1920–1930-х годов, к систематизации которых в начале 1940-х годов обратилась Е.А. Мировина. Это потребовало значительных усилий. Ею отмечено, что *“К коллекции не имеется дневника и отчета о раскопках, на которых был обнаружен материал; материал в своей массе не шифрован. Для получения более точных данных о коллекции делали запросы лиц, производивших раскопки или участвовавших в них (П.Д. Барановский и Н.А. Стулов), но за давностью времени (материал поступил в 1930–1935 гг.) консультанты не могли дать исчерпывающих сведений. Данное обстоятельство вызвало затруднения при описании коллекции”* (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 112. Л. 8 об.).

Разобрав сложенный в ящиках материал, Е.А. Мировина дала его общую характеристику: *“...по своему содержанию данные коллекции состоят преимущественно из фрагментов печных изразцов, в небольшом количестве желтого строительного материала из железа (гвозди), небольшого количества фрагментов сосудов и как единичные*

Рис. 8. Зарисовка изразца, найденного при раскопках в Коломенском, с подписью П.Д. Барановского “Хоромы царя ком. 6 Под. 85. Раск. 1930 г. 2 фрагм. 1. Цветок внутри имеет не белый, а коричневый цвет. 2. Хоромы царицы 15 1 площ. раск. 1935 г. / Подобный зеленый есть в Александр. и Ник. Явл. на Арб. / Изразцы шли в перевязку швов, т.к. найден один фрагмент имеющий разрез в середине настоящего рисунка”. 1940-е годы. ГНИМА. ОФ-5112/57. Л. 69.

Fig. 8. Sketch of a tile found during excavations in Kolomenskoye, signed by P.D. Baranovsky. 1940s. State Research Museum of Architecture

случаи встречаются небольшие цельные предметы бытового характера (конусообразный горшочек, фаянсовая трубочка и т.п.)” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 112. Л. 10). Она выделила некоторые комплексы, ориентируясь на сохранившуюся раскладку по ящикам и записки, которые в них сохранились. В записке “Данные о коллекции по Коломенскому дворцу, полученные в результате приведения коллекции в порядок” Мирожина не указывает автора реставрационных работ и раскопок 1930 г., вероятно, сознательно, полагая, что в данном случае *potina sunt odiosa*. Она пишет: “...состав коллекции оказался неоднороден по месту своего происхождения и по способу поступления”.

1. Материал из раскопок 1930 (автор не указан) с указанием места происхождения: “Коломенский дворец”, на изразцах помета: “комната 6, под-клет 85”.

2. Материал из раскопок А.П. Смирнова 1932–1933 гг. (ящик № 2) с указанием места его находки: “У ворот хором царевен” и “на дворике у хором царевен” (ящики № 2 и № 3).

3. Материал, найденный у Ключиных палат – ящики № 4, 5, 6; на записи имеются указания, что материал найден снаружи, у северной стены, под западным окном; относительно материала одного из ящиков № 6, следует сказать, что он отнесен к данной коллекции предположительно, согласно одной из четырех записей, найденных в ящике и характеру материала, сходного с таковым же в ящике 4-м.

4. Материал ящиков № 7 и 8 находился в двух отделениях большого ящика с обозначением в одном из них “найдено при ремонте Приказной палаты” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 112. Л. 9 – 9 об.).

В первом, третьем и четвертом пунктах речь, несомненно, идет о находках П.Д. Барановского.

В конце 1940-х годов систематизацией археологической коллекции серьезно занялась хранитель М.А. Гра, написавшая в конце 1940-х годов работу “Печи Коломенского деревянного дворца XVII века” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–45), опубликованную в 1993 г. (рукопись подготовили к публикации С.И. Баранова и В.Е. Суздаев, см.: Гра, 1993), а в 1960-х годах провела инвентаризацию находок, отраженную в инвентарных книгах фонда “Изразцы” МГОМЗ (рис. 6). В дальнейшем изучение изразцовых печей дворца в Коломенском были продолжены хранителем коллекции С.И. Барановой (2007).

Раскопки 1947 г. стали последними археологическими работами П.Д. Барановского в Коломенском, заставившие его в 1940–1950-х годах вновь обратиться к накопленному им археологическому материалу. В его фонде в ГНИМА им. А.В. Шусева сохранилось много графических материалов, показывающих аналитический метод архитектора: привязку открытых кладок к местности и сов-

мещение полученной сетки с архивными планами разных периодов; работу с находками и их картографирование; реконструкцию утраченных объемов на основе описей и натурных наблюдений над остатками стен (Кормовой двор) (рис. 7). Среди них нами обнаружены: новые описания работ; серия кроки, сделанных для совмещения планов дворца и раскопок (ГНИМА.ОФ-5112/45); описания остатков дворца (ГНИМА.ОФ-5112/43); многочисленные рисунки, найденные во время раскопок изразцов (они надписаны Барановским, но уровень графики заставляет сомневаться, что это его собственные зарисовки) (ГНИМА.ОФ-5112/57) (рис. 8) и их фотографии (ГНИМА.ОФ-5112/58).

Все это открывает перспективу дальнейшего исследования и указывает на необходимость полной публикации архива П.Д. Барановского, относящегося к объектам Коломенского. Надеемся осуществить его совместно с коллективом ГНИМА им. А.В. Шусева.

В заключение отметим, что облик работ П.Д. Барановского в Коломенском, который предстает теперь гораздо яснее, наряду с ранее представленными его работами по изучению Смоленской ротонды и Соловецкого монастыря, включает в себя все больше черт ученого, стремящегося к применению тогда еще новых методов архитектурной археологии.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030) (С.И. Баранова).

This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030) (S.I. Baranova).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова С.И. К вопросу о реконструкции изразцовых печей Коломенского дворца // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 10. М., 2007. С. 118–134.
- Баранова С.И., Беляев Л.А., Топычканов А.В. Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М.: Индрик, 2022. 376 с., ил.
- Беляев Л. А., Кренке Н. А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993. С. 72–112.
- Болдинский монастырь / Сост. А.М. Пономарев. М.: Прогресс-Традиция, 2004 (Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского; т. 2). 320 с., ил.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/43. Коломенское. Деревянный дворец. XVII в. Рукописные материалы.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/45. Коломенское. Деревян-

- ный дворец. XVII в. Кроки. Планы дворца и раскопок.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/53. Л. 24. Коломенское. Спасские ворота. Кормовой и Хлебные дворы. XVII в.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/56. Л. 5–21. Коломенское. Рукописные материалы. Раскопки и изучение деревянного Коломенского дворца 1667 года.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/57. Коломенское. Рисунки изразцов.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/58. Коломенское. Фото: изразцы полихромные XVII в. из Коломенского.
- Гра М.А. Печи Коломенского деревянного дворца XVII в. // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 5, ч. 2. М., 1993. С. 272–285.
- Дудочкин Б.Н. Текст надгробия Андрея Рублева – “благонамеренная” фальсификация П.Д. Барановского // Известные произведения. Новые открытия: сб. науч. ст. к юбилею Музея им. А. Рублева. М.: Музей им. Андрея Рублева, 2017 (Тр. Центр. музея древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева; т. XIV). С. 514–547.
- Кавельмахер В.В. О себе и современниках [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://www.kawelmacher.ru/kawelmacher5.htm> (дата обращения 23.07.2023).
- Казусь И.А. Архитектор П.Д. Барановский: сохранение и реставрация памятников зодчества Ярославля (1918–1931 гг.) // Архитектурное наследие. Вып. 63. М.; СПб., 2015. С. 188–202.
- Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника. Оп. 1. Д. 112. Сведения об археологических изысканиях на территории Музея “Коломенское” за 1929, 1933, 1935, 1940 гг.
- Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–45. Гра М.А. Научная работа “Печи и изразцы Коломенского дворца XVII в.”. 1959 г.
- Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника. Оп. 1. Д. 182. Исторические сведения о Карельской башне (Надвратной башне Николо-Карельского монастыря 1692 г.)
- Оксенюк А.А. Архивные материалы о деятельности П.Д. Барановского по сохранению памятников Андроникова монастыря в Москве в 1920–1950-е годы // Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи: сб. ст. по материалам VI Науч. чтений, посвящ. памяти Д.И. Арсенишвили. М.: Центр. музей древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева, 2019 (Тр. Центр. музея древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева; т. XVI). С. 150–153.
- Оксенюк А.А. Экспедиции П.Д. Барановского на Русский Север в 1920–1930-е годы // Русское деревянное. Взгляд из XXI века. Архитектура XIV–XIX веков. М.: Кучково поле, 2015. С. 168–177.
- Петр Барановский: труды, воспоминания современников / Сост. Ю.А. Бычков и др. М.: Фонд П.Д. Барановского, 1996. 280 с., ил.
- Смоленская ротонда XII в. / Сост.: В. А. Буров, А. А. Оксенюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2020 (Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского; т. 3). 88 с., ил.
- Соловецкий монастырь / Сост.: В.А. Буров и У.А. Черновол. М.: Прогресс-Традиция, 2000 (Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского; т. 1). 151 с.: ил.
- Формозов А.А. О двух документах 1860-х гг., касающихся древнерусской архитектуры // Советская архитектура. 1988. № 2. С. 132–134.
- Ходаковский Е.В. Северные экспедиции П.Д. Барановского 1920, 1921 и 1926 годов // Архитектурное наследие. Вып. 63. М.; СПб., 2015. С. 163–187.

P.D. BARANOVSKY AS AN ARCHAEOLOGIST: KOLOMENSKOYE IN THE 1920s–1940s

Svetlana I. Baranova^{a,b,#} and Leonid A. Belyaev^{c,##}

^aTomsk State University, Russian State University for the Humanities, Tomsk, Russia

^bRussian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^cInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: labeliaev@bk.ru

^{##}E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

The article addresses the question of the need to publish a part of the archive of the renowned 20th century architect-conservator Pyotr Dmitrievich Baranovsky. It is associated with his studying of the regal residence of the 16th–19th centuries in the settlement of Kolomenskoye (now the territory of Moscow). This paper publishes part of the review of archaeological works in Kolomenskoye compiled by the researcher in the 1940s and newly found in his archive. The document contains a brief account of the 1930 excavations at the site of the “Wooden Palace of Tsar Alexei Mikhailovich”, a Moscow’s masterpiece of architecture. So far, no materials recording these works have been known. The found document also includes a description of the restoration of the palace’s stone structures conducted by P.D. Baranovsky in 1923–1928 and presents the context of the archaeological work of 1933 and 1935. Particular attention is paid to the reconstruction of the layout

of the palace on the ground and the localization of its stoves, as well as the characteristics of their tiled decor. The article also publishes the analytical graphics by the architect of the 1940s associated with the reconstruction of the remains of the palace and the development of its new model.

Keywords: Moscow state, wooden palace in Kolomenskoye, modern archaeology, tiles, residences of tsars, history of archaeology, history of conservation, museum studies.

REFERENCES

- Baranova S.I., 2007. To the reconstruction of tiled stoves in the Kolomenskoye Palace. *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniya* [Kolomenskoye: Materials and research], 10. Moscow, pp. 118–134. (In Russ.)
- Baranova S.I., Belyaev L.A., Topychkanov A.V., 2022. Rezi-dentsiya Petra I v Kolomenskom: kompleksnoe istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Residence of Peter I in Kolomenskoye: a comprehensive historical and archaeological study]. Moscow: Indrik. 376 p., ill.
- Belyaev L.A., Krenke N.A. Archaeological research of the palace of Tsar Alexei Mikhailovich in Kolomenskoye. *Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya* [Kolomenskoye. Materials and research], 4. Moscow, 1993, pp. 72–112. (In Russ.)
- Boldinskiy monastyr' [The Boldino Monastery]. A.M. Ponomarev, comp. Moscow: Progress-Traditsiya, 2004. 320 p., ill. (Iz arkhiva arkhitekтора-restavratora P.D. Baranovskogo, 2).
- Dudochkin B.N., 2017. The text on Andrey Rublev's grave-stone – a “well-intentioned” falsification by P.D. Baranovsky. *Neizvestnye proizvedeniya. Novye otkrytiya: sbornik nauchnykh statey k yubileyu Muzeya imeni A. Rubleva* [Unknown works. New discoveries: Collected articles for the anniversary of the A. Rublev Museum]. Moscow: Muzey imeni Andrey Rubleva, pp. 514–547. (Trudy Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, XIV). (In Russ.)
- Formozov A.A., 1988. About two documents of the 1860s concerning old Russian architecture. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 132–134. (In Russ.)
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/45. Kolomenskoe. Derevyanny dvorets. XVII v. Kroki. Plany dvortsa i raskopok [Kolomenskoye. Wooden palace of the 17th century. Rough sketches. Plans of the palace and excavations].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/43. Kolomenskoe. Derevyanny dvorets. XVII v. Rukopisnye materialy [Kolomenskoye. Wooden palace of the 17th century. Manuscripts].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/57. Kolomenskoe. Risunki izraztsov [Kolomenskoye. Drawings of tiles].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/56, L. 5–21. Kolomenskoe. Rukopisnye materialy. Raskopki i izuchenie derevyannogo Kolomenskogo dvortsa 1667 goda [Kolomenskoye. Manuscripts. Excavations and research on the Kolomenskoye wooden palace of 1667].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/53, L. 24. Kolomenskoe. Spasskie vorota. Kormovoy i Khlebnye dvory. XVII v. [Kolomenskoye. The Spasskye Gate. Food and bread yards. 17th century].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/58. Kolomenskoe. Foto: izraztsy polikhromnye XVII v. iz Kolomenskogo [Kolomenskoye. Photo: polychrome tiles of the 17th century from Kolomenskoye].
- Gra M.A., 1993. Stoves of the Kolomenskoye wooden palace of the 17th century. *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniya* [Kolomenskoye: Materials and research], iss. 5, part 2. Moscow, pp. 272–285. (In Russ.)
- Kavel'makher V.V., 2004. O sebe i sovremennikakh (Elektronnyy resurs) [About myself and my contemporaries (Electronic resource)]. URL: <http://www.kawelmacher.ru/kavelmakher5.htm>.
- Kazus' I.A., 2015. Architect P.D. Baranovsky: preservation and conservation of architectural monuments in Yaroslavl (1918–1931). *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage], 63. Moscow; St. Petersburg, pp. 188–202. (In Russ.)
- Khodakovskiy E.V., 2015. Northern expeditions of P.D. Baranovsky in 1920, 1921 and 1926. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage], 63. Moscow; St. Petersburg, pp. 163–187. (In Russ.)
- Nauchnyy arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinnogo muzeya-zapovednika [Scientific archive of the Moscow State United Museum-Reserve], Op. 1, D. 145, L. 1–45. Gra M.A. Nauchnaya rabota “Pechi i izraztsy Kolomenskogo dvortsa XVII v.” [Research paper “Stoves and tiles of the Kolomenskoye Palace of the 17th century”]. 1959.
- Nauchnyy arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinnogo muzeya-zapovednika [Scientific archive of the Moscow State United Museum-Reserve], Op. 1, D. 182. Istoricheskie svedeniya o Karel'skoy bashne (Nadvratnoy bashne Nikolo-Karel'skogo monastyrja 1692 g.) [Historical information on the Karelian Tower (Gate tower of the St Nicholas-Karelsky Monastery of 1692)].
- Nauchnyy arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinnogo muzeya-zapovednika [Scientific archive of the Moscow State United Museum-Reserve], Op. 1, D. 112. Svedeniya ob arkheologicheskikh izyskaniyakh na territorii Muzeya “Kolomenskoe” za 1929, 1933, 1935, 1940 gg. [Information about archaeological research on the territory of the Kolomenskoye Museum in 1929, 1933, 1935, 1940].
- Oksenyuk A.A., 2015. Expeditions of P.D. Baranovsky to the Russian North in the 1920s–1930s. *Russkoe derevyannoe. Vzglyad iz XXI veka. Arkhitektura XIV–XIX vekov* [The Russian wooden one. A view from the 21st century].

- Architecture of the 14th–19th centuries*]. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 168–177. (In Russ.)
- Oksenyuk A.A., 2019. Archival materials about the activities of P.D. Baranovsky on the preservation of the monuments of the Andronikov Monastery in Moscow in the 1920s–1950s. *Rossiya. Gruzija. Khristianskiy Vostok. Dukhovnye i kul'turnye svyazi: sbornik statey po materialam VI Nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati D.I. Arsenishvili* [Russia. Georgia. Christian Orient. Spiritual and cultural connections: Collected articles based on materials from the VI Scientific readings in memory of D.I. Arsenishvili]. Moscow: Tsentral'nyy muzey drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, pp. 150–153. (Trudy Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, XVI). (In Russ.)
- Petr Baranovskiy: trudy, vospominaniya sovremennikov [Pyotr Baranovsky: works, memoirs of contemporaries]. Yu.A. Bychkov, ed. Moscow: Fond P.D. Baranovskogo, 1996. 280 p., ill.
- Smolenskaya rotunda XII v. [Smolensk rotunda of the 12th century AD]. V. A. Burov, A. A. Oksenyuk, comp. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 88 p., ill. (Iz arkhiva arkhitekтора-restavratora P.D. Baranovskogo, 3).
- Solovetskiy monastyr' [The Solovetsky Monastery]. V.A. Burov i U.A. Chernovol, eds. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 151 p.: ill. (Iz arkhiva arkhitekтора-restavratora P.D. Baranovskogo, 1).

К 75-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт археологии РАН, редакция журнала "Российская археология", Москва, Россия

E-mail: ia.ras@mail.ru

Поступила в редакцию 15.05.2023 г.

После доработки 15.05.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323040098, EDN: FOVFHC

В 2023 г. отечественная наука отметила 75-летие деятельности коллектива крымских археологов, много лет работающих на полуострове под эгидой Академии наук¹.

Сразу после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне летом 1945 г. в Симферополе начала исследования Тавро-Скифская экспедиция под руководством Павла Николаевича Шульца, организованная Институтом истории материальной культуры и Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Из ее участников к 1947/1948 гг. сформировался коллектив ученых, составивших основу Сектора истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. В последующие годы коллектив не раз менял наименование и ведомственную принадлежность, сохраняя при этом преемственность поколений и научную тематику.

Коллеги до сих пор с благодарностью обращаются к результатам исследований Евгения Владимировича Веймарна, Владимира Петровича Бабенчикова, Эллы Исааковны Соломонович. Никогда не будут забыты труды неутомимого и скромного деятеля науки, талантливого педагога Олега Ивановича Домбровского и первооткрывателя степных курганов Аскольда Александровича Шепинского, в стужу и зной проводившего раскопки по трассе Северо-Крымского

канала, и многих других исследователей, посвятивших жизнь изучению Таврии. Последующие поколения ученых творчески развивали направления, начатые в Крыму в те непростые, но героические годы.

Городища и могильники скифов, высокогорные средневековые укрепления-исары и "пещерные города", крепости в Судаке и его окрестностях, замки в Алуште и у горы Демерджи, античная Керкинитида и многие другие памятники теперь хорошо известны жителям и гостям полуострова. Наука о древностях стала неотъемлемой частью культурного облика Тавриды, впитавшей колорит многих народов и поколений прошлого, во многом благодаря крымским археологам. Яркие, а подчас и уникальные находки дополнили экспозиции и фонды музейных собраний.

Институт археологии Крыма РАН и сегодня продолжает эту славную традицию. Его сотрудники с благодарностью вспоминают достижения своих учителей и наставников, неукоснительно хранят опыт предшественников и с гордостью несут высокое звание археолога, пополняя сокровищницу отечественной науки.

Мы рады поздравить крымских друзей-коллег с юбилеем, пожелать им творческого долголетия и новых открытий на богатой сокровищами древности земле Тавриды!

*Коллектив Института археологии РАН,
редакция журнала "Российская археология"*

¹ Мы публикуем в этом номере подробный обзор трудов ИАК РАН, подготовленный крымскими коллегами.

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ КРЫМА ЗА 75 ЛЕТ: ХРОНИКА ДОСТИЖЕНИЙ

© 2023 г. В. Ю. Юрочкин^{1,*}, В. В. Майко^{1,**}

¹Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

*E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

**E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Поступила в редакцию 29.03.2023 г.

После доработки 05.06.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

В статье, основанной на документальных материалах, хранящихся в научном архиве Института археологии Крыма РАН (Симферополь), представлена хроника организационного развития коллектива (работал в системе Академии наук с 1948 г.) и его вклада в развитие крымской археологии. Авторы демонстрируют, что институт на протяжении 75 лет сохранял основные направления исследовательской работы и преемственность научных интересов сотрудников.

Ключевые слова: академическая наука, археология Крыма, Симферополь, П.Н. Шульц, О.И. Домбровский, С.Н. Бибилов.

DOI: 10.31857/S0869606323040207, EDN: ECAFBC

Цель настоящей статьи — на основе документальных источников, хранящихся в архиве Института археологии Крыма РАН (Симферополь), осветить жизнь этого научного организма, за 75 лет существования претерпевшего множество административных изменений. Для этого важно обозначить изменения в структуре подразделений, проблематику исследований, наиболее востребованную и актуальную в каждый период, указать на основные археологические памятники, а также научные достижения коллектива.

Становление академической археологии Крыма восходит к работе Тавро-скифской экспедиции Института истории материальной культуры и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, которую возглавлял Павел Николаевич Шульц (1900–1983). Она начала исследования на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма в 1945 г., а ее руководитель сыграл ведущую роль в формировании Крымской научно-исследовательской базы, а затем Крымского филиала АН СССР.

Создание новой структуры археологического профиля в системе АН СССР было обусловлено не только стремлением расширить научную деятельность в регионе, но имело определенный политический и идеологический подтекст, связанный с “готским” и “славянским” вопросами. Первый из них, воспринимавшийся сугубо негативно, обусловлен попытками нацистских оккупантов найти историческое обоснование захвата

полуострова в период Великой Отечественной войны (Юрочкин, Кизилов, 2022). Второй стал ответной реакцией и, кроме того, был призван укрепить патриотические настроения среди славян-переселенцев, оказавшихся в Крыму после выселения крымских татар в 1944 г. (Юрочкин, 2021. С. 180). Недавние исследования показали, что актуализация проблематики не была продиктована извне, но зародилась в среде крымской краеведческо-преподавательской интеллигенции, а затем была признана и в столичной академической среде (Юрочкин, Майко, 2023).

1948–1953 гг. Сектор (Отдел) истории и археологии Крымского филиала АН СССР. Руководитель — к.и.н. П.Н. Шульц (рис. 1).

Кадровую основу группы археологии составили ученые, участвовавшие в Тавро-скифской экспедиции: к.и.н. Евгений Владимирович Веймарн (1905–1990), Владимир Петрович Бабенчиков (1885–1974), Олег Иванович Домбровский (1914–1994). Помимо них здесь начали работу к.и.н. Элла Исааковна Соломоник, к.и.н. Григорий Дмитриевич Белов и др.

Группу истории возглавлял Павел Наумович Надинский (1894–1961) — в прошлом ответственный партийный работник (рис. 2), сосредоточивший свою деятельность на краеведческой и лекционной работе. Современники называли его “комиссаром” при П.Н. Шульце (Петров, Шамко, 1982. С. 117). Свою задачу П.Н. Надинский видел в партийно-патриотическом освещении материалов

Рис. 1. Слева направо: Е.В. Веймарн, П.Н. Шульц, С.Н. Бибилов (Институт археологии Крыма РАН. Научный архив).
Fig. 1. From left to right: E.V. Veymarn, P.N. Shults, S.N. Bibikov (Institute of Archaeology of the Crimea RAS. Scientific archive)

Рис. 2. П.Н. Надинский (Государственный архив Республики Крым).
Fig. 2. P.N. Nadinsky (State Archive of the Republic of Crimea)

исследований, привитии уважения к истории полуострова, прежде всего в среде переселенцев. Несмотря на различие в подходах, между руководителями групп с самого начала установились взаимопонимание и партнерские отношения.

Группа археологии продолжала изучение скифских древностей в районе Симферополя. Исследовались также могильники первых веков в Инкерманской долине близ Севастополя, памятники киммерийцев и тавров, как древнейшего аборигенного населения полуострова. Велись раскопки средневекового поселения на плато Тепсень (пос. Коктебель), керамика которого напоминала славянскую. О.И. Домбровский (рис. 3) — профессиональный художник и реставратор — работал с мозаиками и памятниками архитектуры Херсонеса Таврического, его деятельность первоначально была подчинена чисто экспозиционно-реставрационным задачам.

Основное внимание научный коллектив в это время уделял древностям, лишь опосредованно связанным с античной культурой, что как нельзя лучше укладывалось в господствующую в науке “автохтонную” концепцию Н.Я. Марра и способствовало разработке гипотезы о “крымских славянах” и их предках на полуострове. Работу Сектора можно разделить на два периода: до 1950 г. и после него. Рубежом стала компания борьбы против “учения Н.Я. Марра”, переросшего к тому

Рис. 3. Слева направо: П.Н. Шульц, О.И. Домбровский. Херсонес, 1957 г. (Институт археологии Крыма РАН. Научный архив).

Fig. 3. From left to right: P.N. Shults, O.I. Dombrovsky. Chersonesos, 1957 (Institute of Archaeology of the Crimea RAS. Scientific archive)

времени из научной теории в фактор общественной и научной жизни.

В первый период крымские археологи активно работали над обоснованием версии об автохтонности славян в Таврике и происхождении их из скифской культуры (Юрочкин, 2021). Находки в Инкерманской долине и на плато Тепсень давали некоторые основания для этой гипотезы. Результатом исследований стал раздел о древностях Крыма в научно-популярной книге «Очерки по истории Крыма» (Надинский, 1951. С. 15–57). Автор в значительной степени отразил патристические настроения, преобладавшие в обществе того времени; сказалось и негативное отношение к «готскому вопросу», даже к наследию античной и византийской культур.

Второй период обусловлен развернувшейся в советской науке борьбой с «марризмом». Состоявшаяся в Симферополе весной 1952 г. «Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по во-

просам истории Крыма», в которой участвовали ведущие историки и археологи СССР, приняла ряд решений, касающихся трактовки истории полуострова в древности (Стенограмма..., 1952. Л. 333–342; Юрочкин, Майко, 2017. С. 217–224). П.Н. Шульц и П.Н. Надинский отказались от проявлений «марризма» и, в частности, от версии происхождения славян от скифов. В 1953 г. П.Н. Шульц опубликовал монографию о древностях Неаполя Скифского (Шульц, 1953). В эти годы сформировался не только научный костяк крымских археологов, но и закрепилось генеральное направление работы – изучение преимущественно «местного населения» (термин из документов своего времени).

В 1954 г. Крымская область была передана из состава РСФСР в состав УССР, на переходном этапе научные коллективы полуострова были переведены из АН СССР в Академию наук союзной республики. В кадровом составе и направлениях исследований существенных изменений при этом не произошло.

1954–1956 гг. Отдел истории и археологии Крымского филиала АН УССР. К коллективу под руководством П.Н. Шульца присоединились молодые специалисты по первобытной археологии, в последующем известные ученые: Абрам Давыдович Столяр (1921–2014), Юрий Георгиевич Колосов (1924–2002) и Аскольд Александрович Щепинский (1926–1997). Это позволило расширить хронологический диапазон работ, включив в них памятники доисторической эпохи. Борьба с «марризмом», «славянский» и «готский» вопросы постепенно утратили актуальность. Проявился активный интерес (сказались тенденции эпохи «хрущевской оттепели») к античной культуре и наследию Византии. При этом значительная часть прежней местной тематики осталась неизменной.

Культуру Тепсеньского городища (хотя и связанную с салтово-маяцкими древностями, но отличавшуюся своеобразием), ранее считавшуюся славянской, было предложено именовать «тепсеньской». На городище Алма-Кермен были обнаружены следы присутствия римских войск (черепица с клеймами). В науке закрепилось понятие «позднескифская культура». В этот период велись активные исследования на новостройках, в частности, в зоне строительства Симферопольского водохранилища. Укреплялись связи со знаменитым своей давней историей Херсонесским музеем в Севастополе, дополнившиеся теперь и полевыми работами. Доследовав средневековый храм, О.И. Домбровский обнаружил руины театра античной эпохи, пересмотрев в то же время хронологию ряда средневековых церквей в сторону их омоложения (вплоть до X в.).

С 1957 г. археологи Крыма на несколько десятилетий вошли в состав Института археологии АН УССР как сотрудники одного из отделов, что определило следующий хронологический этап научно-организационной жизни коллектива.

1957–1962 гг. Отдел античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР. Его основу составил прежний научный коллектив, базировавшийся в Симферополе. В этот период начали работать Т.Н. Высотская (1926–2013) и О.А. Махнева (1933–2017), вошла в научный коллектив к.и.н. А.П. Иванова (1903–1963). Ученым секретарем отдела стал О.И. Домбровский. Исследования позднескифских памятников Крыма постепенно перешли от П.Н. Шульца к его последовательнице Т.Н. Высотской. Преемником В.П. Бабенчикова в изучении Тепсенья и Юго-Восточного Крыма стал М.А. Фронджуло. Он планировал на материалах региона выделить особую средневековую “причерноморскую культуру”, сочетавшую античные и местные компоненты, отличную от салтово-маяцкой. В 1959 г. К.Ф. Соколова готовила рукопись обобщающей монографии “Палеоантропология Крыма”, но не завершила ее.

Продолжены раскопки в Бахчисарайском районе на позднескифских памятниках: городище Алма-Кермен и Усть-Альминском комплексе. Эти годы ознаменовались масштабными раскопками под руководством Е.В. Веймарна ранне-средневекового могильника Скалистинского в том же районе. Одним из базовых направлений полевой работы стали раскопки в г. Судак и его окрестностях. В 1957 г. А.А. Щепинским в Белогорском районе исследован курган Кеми-Оба, давший название новой археологической культуре эпохи ранней бронзы.

О.И. Домбровский проявил себя не только как художник-реставратор, но и как полевой археолог, организатор науки и воспитатель молодежи. Кружок школьников под его руководством участвовал в многочисленных разведках и раскопках. Им начато масштабное изучение средневековых древностей Южного берега, сделана попытка локализации так называемых длинных стен и страны готов — Дори.

Одним из направлений сотрудничества с Херсонесским музеем стало изучение А.П. Ивановой и Э.И. Соломоник коллекций античной скульптуры и эпиграфических памятников, завершившееся публикацией монографий (Соломоник, 1959; Иванова, 1961). В прежние годы значительное число работ, подготовленных крымскими археологами, оставалось не опубликованными. В этот период изданы два сборника, обобщивших результаты исследований прошлых лет и новые открытия (История и археология древнего Крыма, 1957; История и археология средневекового

Крыма, 1958). Полноценные издания научных трудов, ставшие впоследствии регулярными, стали важной вехой крымской археологии.

1963–1965 гг. Крымская группа Института археологии АН УССР. Такой статус и наименование были обусловлены подготовкой материалов фундаментального трехтомного издания “Археологія Української РСР”, осуществлявшейся Институтом археологии.

Все большее значение приобретали новостроечные работы, особенно Северо-Крымская экспедиция (под руководством П.Н. Шульца и Е.В. Веймарна, а затем А.А. Щепинского), исследовавшая курганные древности Степного Крыма по линии строительства Северо-Крымского канала.

1966–1967 гг. Отдел античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР. В 1967 г. завершилась деятельность П.Н. Шульца на посту руководителя крымских археологов, и он вернулся в Ленинград, продолжив работу в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Отдел возглавил Сергей Николаевич Бибилов (1908–1988), прежде занимавший пост директора Института археологии АН УССР. Начал деятельность молодой ученый И.А. Баранов (1946–2001), один из воспитанников археологического кружка О.И. Домбровского.

Все большие масштабы приобретали работы Северо-Крымской экспедиции под руководством А.А. Щепинского и исследования средневековых южнобережных древностей О.И. Домбровским. Е.В. Веймарн, привлекая силы студентов-практикантов, возобновил раскопки “пещерных городов” Чуфут-Кале и Мангуп в Бахчисарайском районе.

В этот период О.И. Домбровский опубликовал (1966) фундаментальную монографию о фресках средневекового Крыма, а также как автор-составитель первый том научно-популярного издания, знакомящего жителей и гостей полуострова с историей и открытиями крымских археологов (Дорогой тысячелетий, 1966).

1968–1991 гг. Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР. Большую часть периода отдел возглавлял С.Н. Бибилов. Однако он постоянно жил в Киеве и лишь в наиболее важных случаях приезжал в Симферополь. В его отсутствие реальное руководство осуществлял ученый секретарь, О.И. Домбровский. Харизма и работоспособность сделали его неформальным лидером крымских археологов. Коллектив пополнился рядом новых сотрудников: В.С. Драчук, В.Н. Даниленко, В.Л. Мыщ, В.А. Кутайсов и др. В 1985 г. на должность заведующего, вместо С.Н. Бибилова, был назначен В.Н. Даниленко (рис. 4), обязанности ученого секретаря выполнял В.Л. Мыщ. Таким образом, руководящий и кадровый состав

Рис. 4. В.Н. Даниленко (личный архив Э.Б. Петровой).

Fig. 4. V.N. Danilenko (personal archive of E.B. Petrova)

обновился фактически полностью, но тематика исследований сохранилась.

Широко изучались памятники средневековья на Юго-Западном берегу и в Юго-Западном Крыму (О.И. Домбровский, позже В.Л. Мыц и др.). Позднескифскую тематику развивала Т.Н. Высотская, ежегодно исследуя Усть-Альминский комплекс; впоследствии данное направление разрабатывали С.Г. Колтухов, А.Е. Пузровский, Ю.П. Зайцев. Исследования региона Юго-Восточного Крыма и Судака продолжил И.А. Баранов.

При масштабных спасательных раскопках в 1969–1970 гг. на поселении Тау-Кипчак в Белогорском районе были обнаружены комплексы кизил-кобинской археологической культуры конца бронзового и раннего железного веков и средневековой салтово-маяцкой культуры. Эти материалы должны были стать основой диссертационных исследований О.А. Махневой и И.А. Баранова.

В 1976–1978 гг. О.И. Домбровский и В.А. Сидоренко провели архитектурно-археологические работы в армянском средневековом монастыре Сурб-Хач близ г. Старый Крым. К.К. Орлов начал планомерное изучение руин римской крепости Харакс на мысу Ай-Тодор. Особенно масштабными в начале 1980-х годов стали спасательные раскопки древнегреческого города Керкинитида на месте Евпатории, возглавляемые В.А. Кутайсовым, одним из воспитанников О.И. Домбровского. После работ К.К. Орлова и В.А. Кутайсова ан-

тичная тематика прочно закрепилась в исследованиях Отдела археологии Крыма.

Еще одним важным направлением стало изучение памятников эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, связанных с готской культурой Крыма, уже не воспринимавшейся негативно. В начале 1980-х годов В.Л. Мыц начал исследования могильника с кремациями III–IV вв. на склоне г. Чатырдаг, а А.И. Айбабин — раскопки раннесредневекового могильника “пещерного города” Эски-Кермен и аналогичного некрополя у с. Лучистое близ Алушты. В том же районе В.Л. Мыц вел раскопки крепости Фуна, погибшей при турецком захвате Крыма в 1475 г. В 1983–1984 гг. у подножия Мангупа В.А. Сидоренко обнаружил руины средневекового храма и участок фортификации, входившей, по его мнению, в систему “длинных стен” страны Дори.

Был издан ряд тематических сборников (Археологические исследования..., 1968; Феодальная Таврика, 1974; Население и культура..., 1983; Материалы к этнической истории..., 1987; Архитектурно-археологические исследования..., 1988; Византийская Таврика, 1991) и авторских монографий (Высотская, 1972, 1979; Драчук, 1975; Ланцов, Кутайсов, 1989; Баранов, 1990; Кутайсов, 1990; Мыц, 1991). Важным фактором в распространении археологических знаний стали подготовленные сотрудниками отдела научно-популярные очерки (Дорогой тысячелетий, 1969) и серия “Археологические памятники Крыма” (1971–1978), редактируемые О.И. Домбровским.

Конец 1980-х годов — сложная и противоречивая эпоха в истории страны, что отразилось и на научной сфере. В 1988 г. В.Н. Даниленко вернулся на преподавательскую работу в Симферопольский государственный университет. По рекомендации С.Н. Бибикова, новый директор Института археологии АН УССР (П.П. Толочко) назначил на пост заведующего отделом В.Л. Мыца.

В феврале 1991 г. была провозглашена Автономная Республика Крым. В декабре того же года распался СССР. В “эпоху суверенитетов” и возвращения на полуостров потомков высланного крымско-татарского населения оживили попытки решения этнических проблем на основе археологического материала.

1992–2014 гг. Крымский филиал Института археологии Национальной АН Украины. Созданный в 1992 г. филиал, несмотря на название, уже не был подразделением киевского Института археологии, а стал самостоятельной структурой в составе Отделения истории, философии и права АН Украины. Первым директором был В.Л. Мыц, его заместителем по научной работе — И.А. Баранов, ученым секретарем — С.Б. Ланцов. В том же году Президиум АН Украины принял решение о создании другого учреждения — Крымского отделе-

ния Института востоковедения им. А.Е. Крымского (под руководством А.И. Айбабина). Его составили сотрудники, начинавшие работу в Отделе археологии Крыма: Е.А. Айбабина, В.А. Сидоренко, И.В. Ачкинази, В.А. Петровский и др.

Кроме того, часть археологических исследований традиционно была сосредоточена на кафедре истории древнего мира и средних веков Симферопольского университета (А.Г. Герцен, И.Н. Храпунов и др.), осуществлявшей ежегодную студенческую археологическую практику и тесно сотрудничавшей с Крымским отделением Института востоковедения. Таким образом, помимо музеев полуострова, здесь возникли три основных центра археологии Крыма.

К этому времени в работе Крымского филиала Института археологии обозначилось несколько основных направлений. Прежде всего — средневековые памятники Горного Крыма. Второе направление — диахронные исследования в Юго-Восточном Крыму, третье — изучение античных памятников Северо-Западного Крыма. Коллектив продолжил пополняться новыми сотрудниками. Для изучения памятников каменного века из Института археологии в Киеве был приглашен В.П. Чабай.

Тематика исследований сформировала структуру Крымского филиала Института археологии. В начальный период здесь было два отдела: античной и средневековой археологии, и два сектора — археологии каменного века, эпохи поздней бронзы и раннего железного века. На основе секторов к 1996 г. сформирован отдел первобытной археологии.

В 1990—начале 2000-х годов в филиал перешли на работу специалисты по античному и доисторическому периодам, в результате чего Керченский полуостров прочно вошел в сферу полевых работ крымских археологов. Научный коллектив дополнили специалисты в области позднеантичной и средневековой археологии, перешедшие из Крымского отделения Института востоковедения, а также новые исследователи, изучавшие античные древности и памятники доисторического периода.

Среди наиболее значимых работ, продолжавшихся на протяжении многих лет, — раскопки Усть-Альминского некрополя, крепостей Алустан и Фуна, Чатырдагского могильника, Судакской крепости, работы в Феодосии и на холме Тепсень, исследования могильников первых веков н.э. в Юго-Западном Крыму, античной крепости Кутлак, эллинистического городища Калос-Лимен, святилища первых веков н.э. у подножия Таракташского хребта и др.

В 1998 г. в связи с переходом на другую работу И.А. Баранова, заместителем по научной работе стал В.А. Колотухин, а после его смерти — Е.А. Айбабина, с 2001 г. исполнявшая обязанно-

сти ученого секретаря. С 2007 г. эту должность занял В.Ю. Юрочкин. Работа велась в составе отделов первобытной, античной и скифской археологии. В 2002 г. на базе второго подразделения сформированы два самостоятельных отдела: античной и скифо-сарматской археологии. Продолжались работы отдела средневековой археологии.

В период 1998—2002 гг. коллективом Крымского филиала велась подготовка трехтомного издания “История и археология Крыма: с древнейших времен до конца XVIII в.”, но его публикация по ряду причин не состоялась.

Среди новых открытий и полевых исследований — многослойное поселение Ак-Кая/Вишенное в Белогорском районе, позднеантичный варварский могильник Джург-Оба в районе Китея и др. памятники античной культуры на Керченском полуострове, армянский монастырь в Двукорной бухте близ Феодосии. Значительные результаты дали работы на памятниках эпохи палеолита. Совместно с экспедицией Государственного Эрмитажа проводились раскопки византийской (позже генуэзской) крепости Алустан, ныне расположенной в центре г. Алушта, на горе Аю-Даг (между Большой Алуштой и Большой Ялтой), генуэзской крепости Чембало в Балаклаве.

В 2010 г. в результате противоречий с руководством Института археологии НАН Украины В.Л. Мыщ покинул пост директора. По его ходатайству на эту должность был назначен В.П. Чабай.

Число печатных работ ученых Крымского филиала Института археологии возросло многократно: публиковались статьи в журналах и сборниках Украины, России, стран ближнего и дальнего зарубежья, а также коллективные и авторские монографии. В 2011 г. совместно с Донецким областным краеведческим музеем, филиал стал соучредителем периодического сборника “Археологический альманах”.

После государственного переворота и политического кризиса на Украине в 2014 г. по итогам референдума Крым вернулся в состав Российской Федерации. Основная часть научного коллектива продолжила работу. Крым покинули лишь сотрудники, основным местом жительства которых была территория Украины, прежде всего — специалисты по первобытной археологии под руководством В.П. Чабая.

В 2014 г. коллектив крымских археологов работал под старым названием и по прежней научной тематике, находясь в управлении Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым. В этом же году началась публикация собственного периодического издания “История и археология Крыма”, продолжающаяся и по сей день. Все эти годы функционировали научная библиотека и научный архив, формировавшиеся сотрудниками с 1948 г. В архиве хранятся полевые

материалы и научные отчеты археологических экспедиций в Крыму с 1946 г. Здесь также находятся личные фонды ушедших из жизни сотрудников: В.П. Бабенчикова, И.А. Баранова, Е.В. Веймарна, Ю.С. Воронина, Т.Н. Высотской, В.К. Голенко, О.И. Домбровского, К.К. Орлова, Э.И. Соломоник, В.Б. Уженцева, П.Н. Шульца, А.А. Щепинского.

2015–2023 гг. *Институт археологии Крыма РАН*. Концепцию автономного академического института разрабатывал еще в 1950 г. П.Н. Шульц (Емельянова, 2018), но только спустя 65 лет эту идею удалось реализовать. В конце 2014 г. был создан Институт археологии Крыма (в 2015 г. под управлением названного выше министерства), который с 2016 г. вошел в структуру РАН. На должность директора был назначен В.В. Майко, а заместителем по научной работе — В.П. Власов.

С 2016 по 2022 г. на работу в институт перешел ряд известных крымских археологов, пополнился коллектив и молодыми перспективными специалистами. Некоторые из прежних сотрудников перешли на другую работу, другие, к большому сожалению, ушли из жизни.

В настоящее время в структуре института функционируют отделы античной археологии, раннего железного века, средневековой археологии, археологии первобытных обществ. С 2021 г. заместителем директора по научной работе стала Э.А. Хайрединова; обязанности ученого секретаря исполняет В.П. Власов (с 2018 г.).

Сотрудники института приняли участие в общероссийском конкурсе Российского гуманитарного научного фонда “Крым в истории, экономике и культуре России”.

В составе института работают 53 сотрудника (в том числе 4 д.и.н., 17 к.и.н.). Совместно с образовательными и музейными учреждениями Крыма ежегодно действует 12 археологических экспедиций, изучающих объекты с эпохи поздней бронзы и до позднего средневековья. Институтом и при его непосредственном участии регулярно публикуются не только основное периодическое издание “История и археология Крыма” (вышло 18 томов), но и монографическая серия “Археологические памятники Северного Причерноморья” (5 томов). Кроме того — специализированный сборник “Крым в сарматскую эпоху” (8 томов), сборники полевых исследований Усть-Альминского некрополя (4 тома). С 2017 г. совместно с Крымским федеральным университетом и ведущими музейными учреждениями полуострова Институт археологии Крыма РАН проводит семь ежегодных археологических конференций с публикацией их материалов. Подводить итоги текущего периода рано. Но существующие тенденции, безусловно, вселяют оптимизм и надежды на перспективы развития в будущем.

Представленные этапы организационных изменений и вехи истории крымской академической археологии на протяжении 75 лет позволяют выделить основные тенденции развития и достижения Института археологии Крыма:

— несмотря на различие наименований, следует говорить о фактически единой научной структуре, развивавшейся непрерывно с 1948 г. до наших дней;

— значительную часть своей истории (до 1992 г.) она была подразделением других научных учреждений, но пользовалась значительной автономией при формировании научного коллектива и в выборе тематики исследований;

— создание сектора истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы АН СССР (1948 г.), Крымского филиала Института археологии Национальной АН Украины (1992 г.) и Института археологии Крыма РАН (2015 г.) во многом обусловлено административными и политическими изменениями на полуострове;

— на первом этапе направленность исследований отличало нежелание заниматься древностями “колонизаторов” — греков, римлян, готов и др., основные исследования велись в Центральном, Юго-Западном, Юго-Восточном Крыму и на Югобережье; активное исследование памятников античной культуры началось только с 1980-х годов; проблемы первобытной археологии разрабатывались с 1990-х годов, а в настоящее время фактически приостановлены; отдельно стоит отметить изучение курганов в Степном Крыму Северо-Крымской экспедицией;

— собраны значительная научная библиотека и научный архив, в котором представлены отчеты археологических экспедиций, а также личные архивы ученых;

— с 2011 г. основным периодическим изданием был сборник “Археологический альманах”, с 2014 г. — сборник “История и археология Крыма”; под грифом Института археологии Крыма РАН за прошедший с 2015 г. период вышел ряд монографических серий и тематических сборников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологические исследования средневекового Крыма / Отв. ред. О.И. Домбровский. Киев: Наукова думка, 1968. 214 с.
- Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Отв. ред. С.Н. Бибилов. Киев: Наукова думка, 1988. 166 с.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

- Византийская Таврика: сб. науч. тр. к XVIII конгрессу византистов / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. 208 с.
- Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
- Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка, 1979. 207 с.
- Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Акад. наук Украинской ССР, 1966. 110 с.
- Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму / Ред.-сост. О.И. Домбровский. Симферополь: Крым, 1966. 190 с.
- Дорогой тысячелетий: Очерки о древнем Крыме / Ред.-сост. О.И. Домбровский, Э.И. Соломоник. Симферополь: Крым, 1969. 151 с.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
- Емельянова Н.С. Институт истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР: нереализованный проект // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № XXVI (VIII). Сер. А. С. 6—18.
- Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Очерки. Киев: Акад. наук Украинской ССР, 1961. 150 с.
- История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: Акад. наук Украинской ССР, 1957. 336 с.
- История и археология средневекового Крыма / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.
- Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев: Наукова думка, 1990. 176 с.
- Ланцов С.Б., Кутайсов В.А. Некрополь античной Керкинитиды. История и итоги изучения: препринт. Киев: Ин-т археологии, 1989. 44 с.
- Материалы к этнической истории Крыма. VII в. до н.э. — VII в. н.э. / Отв. ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. 210 с.
- Мыц В.Л. Укрепления Таврики X—XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 160 с.
- Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. I. Симферополь: Крымиздат, 1951. 231 с.
- Население и культура Крыма в первые века н.э. / Отв. ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. 160 с.
- Петров В., Шамко Е. Восхождение к подвигу. Симферополь: Таврия, 1982. 142 с.
- Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Акад. наук Украинской ССР, 1959. 180 с.
- Стенограмма объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма 23—25 мая 1952 г. // Институт археологии Крыма РАН. Научный архив. Б./н. 346 л.
- Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С.Н. Бибикив. Киев: Наукова думка, 1974. 215 с.
- Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство, 1953. 124 с.
- Юрочкин В.Ю. “Славянский вопрос” и академическая археология в послевоенном Крыму: к 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901—1983) // Российская археология. 2021. № 4. С. 179—189.
- Юрочкин В.Ю. Кизилов М.Б. Экспедиции, которых не было: иностранцы в Крымской Готии (1930—1940-е гг.) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2022. С. 263—287.
- Юрочкин В.Ю., Майко В.В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генозцев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 157—231.
- Юрочкин В.Ю., Майко В.В. Школы в академической археологии Крыма (1948—1953): П.Н. Шульц, В.П. Бабенчиков, П.Н. Надинский // У истоков советских археологических школ (1918—1950): материалы междунар. науч. конф. М.: ИА РАН, 2023. С. 77—79.

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE CRIMEA OVER 75 YEARS: CHRONICLE OF ACHIEVEMENTS

Vladislav Yu. Yurochkin^{a,*} and Vadim V. Maiko^{a,**}

^a*Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia*

^{*}*E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru*

^{**}*E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru*

Based on documentary materials kept in the scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea at the Russian Academy of Sciences (Simferopol), the article presents a chronicle of the organizational development of the team that has been working in the framework of the Academy of Sciences since 1948 and its contribution to the development of Crimean archaeology. The authors show that for 75 years of its activity the Institute has maintained the key directions of research work and preserved the continuity of its researchers' scientific interests.

Keywords: academic science, Crimean archaeology, Simferopol, P.N. Shults, O.I. Dombrovsky, S.N. Bibikov.

REFERENCES

- Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma [Archaeological research on the medieval Crimea]. O.I. Dombrovskiy, ed. Kiev: Naukova dumka, 1968. 214 p.
- Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya v Krymu [Architectural and archaeological research in the Crimea]. S.N. Bibikov, ed. Kiev: Naukova dumka, 1988. 166 p.
- Baranova I.A., 1990. Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya [Taurica in the Early Middle Ages]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.
- Dombrovskiy O.I., 1966. Freski srednevekovogo Kryma [Frescoes of the medieval Crimea]. Kiev: Akademiya nauk Ukrainskoy SSR. 110 p.
- Dorogoy tsysyacheletiy. Ekskursii po srednevekovomu Krymu [Following the way of millennia. Guided tours of the medieval Crimean sites]. O.I. Dombrovskiy, ed., comp. Simferopol': Krym, 1966. 190 p.
- Dorogoy tsysyacheletiy: Ocherki o drevnem Kryme [Following the way of millennia. Guided tours of the medieval Crimean sites]. O.I. Dombrovskiy, E.I. Solomonik, eds., comp. Simferopol': Krym, 1969. 151 p.
- Drachuk V.S., 1975. Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya [Systems of signs of the Northern Pontic]. Kiev: Naukova dumka. 176 p.
- Emel'yanova N.S., 2018. Institute of History and Archaeology at the Crimean Branch of the USSR Academy of Sciences: unimplemented project. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura* [Black Sea region. History, politics, culture], XXVI (VIII). Seriya A, pp. 6–18. (In Russ.)
- Feodal'naya Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma [Feudal Taurica. Materials on the history and archaeology of the Crimea]. S.N. Bibikov, ed. Kiev: Naukova dumka, 1974. 215 p.
- Istoriya i arkheologiya drevnego Kryma [History and archaeology of ancient Crimea]. P.N. Shul'ts, ed. Kiev: Akademiya nauk Ukrainskoy SSR, 1957. 336 p.
- Istoriya i arkheologiya srednevekovogo Kryma [History and archaeology of the medieval Crimea]. A.P. Smirnov, ed. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 192 p.
- Ivanova A.P., 1961. Skul'ptura i zhivopis' Bospora. Ocherki [Sculpture and painting of the Bosphorus. Studies]. Kiev: Akademiya nauk Ukrainskoy SSR. 150 p.
- Kutaysov V.A., 1990. Antichnyy gorod Kerkinitida [The ancient city of Kerkinitis]. Kiev: Naukova dumka. 176 p.
- Lantsov S.B., Kutaysov V.A., 1989. Nekropol' antichnoy Kerkinitidy. Istoriya i itogi izucheniya: preprint [Necropolis of ancient Kerkinitis. History and results of the study: preprint]. Kiev: Institut arkheologii. 44 p.
- Materialy k etnicheskoy istorii Kryma. VII v. do n.e. – VII v. n.e. [Materials for the ethnic history of the Crimea. 7th century BC – 7th century AD]. T.N. Vysotskaya, ed. Kiev: Naukova dumka, 1987. 210 p.
- Myts V.L., 1991. Ukrepleniya Tavriki X–XV vv. [Fortifications of Taurica of the 10th–15th centuries AD]. Kiev: Naukova dumka. 160 p.
- Nadinskiy P.N., 1951. Ocherki po istorii Kryma [Studies on the history of the Crimea], I. Simferopol': Krymizdat. 231 p.
- Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. [Population and culture of the Crimea in the first centuries AD]. T.N. Vysotskaya, ed. Kiev: Naukova dumka, 1983. 160 p.
- Petrov V., Shamko E., 1982. Voskhozhdenie k podvigu [Ascent to the heroic deed]. Simferopol': Tavriya. 142 p.
- Shul'ts P.N., 1953. Mavzoley Neapolya Skifskogo [Mausoleum of Scythian Neapolis]. Moscow: Iskusstvo. 124 p.
- Solomonik E.I., 1959. Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian signs of the Northern Pontic]. Kiev: Akademiya nauk Ukrainskoy SSR. 180 p.
- Stenogramma ob"edinennoy nauchnoy sessii Otdeleniya istorii i filosofii i Krymskogo filiala AN SSSR po voprosam istorii Kryma 23–25 maya 1952 g. [Transcript of the joint workshop of the Department of History and Philosophy and the Crimean Branch of the USSR Academy of Sciences on the history of Crimea, May 23–25, 1952]. *Institut arkheologii Kryma Rossiyskoy akademii nauk. Nauchnyy arkhiv* [Institute of Archaeology of the Crimea RAS. Scientific archive], B./n. 346 l.
- Vizantiyskaya Tavrika: sbornik nauchnykh trudov k XVIII kongressu vizantinistov [Byzantine Taurica: Collected papers for the XVIII Congress of Byzantine studies]. P.P. Tolochko, ed. Kiev: Naukova dumka, 1991. 208 p.
- Vysotskaya T.N., 1972. Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu [Late Scythians in South-western Crimea]. Kiev: Naukova dumka. 192 p.
- Vysotskaya T.N., 1979. Neapol' – stolitsa gosudarstva pozdnykh skifov [Neapolis – the capital of the late Scythian state]. Kiev: Naukova dumka. 207 p.
- Yurochkin V.Yu., Kizilov M.B., 2022. Expeditions that never happened: Foreigners in Crimean Gothia (1930–1940s). *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Studies on the history of Russian archaeology], 6. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 263–287. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2021. "The Slavic issue" and the academic archaeology in the Crimea in the aftermath of World War II: To the 120th anniversary of Pavel Nikolayevich Shults (1901–1983). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 179–189. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., Mayko V.V., 2017. Goths, Scythians, Slavs: Ethnic somersaults of Crimean archaeology in the aftermath of World War II. *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genueztsev* [Unknown chapters of Crimean archaeology: from Neanderthals to Genoese]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 157–231. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., Mayko V.V., 2023. Schools in academic archaeology of the Crimea (1948–1953): P.N. Shults, V.P. Babenchikov, P.N. Nadinsky. *U istokov sovetskikh arkheologicheskikh shkol (1918–1950): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [At the origins of Soviet archaeological schools (1918–1950): Proceedings of the International scientific conference]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 77–79. (In Russ.)

XXII УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ.

г. КУРГАН. 22–24 НОЯБРЯ 2022 г.

© 2023 г. Д. Н. Масложенко^{1,*}, И. К. Новиков^{1,**}, С. А. Григорьев^{2,***}, С. Э. Zubov^{3,****},
Е. Л. Лычагина^{4,5*****}, С. А. Перевозчикова^{6,*****}¹Курганский государственный университет, Курган, Россия²Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия³Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия⁴Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия⁵Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия⁶Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

*E-mail: denmas13@yandex.ru

**E-mail: novikov2479@mail.ru

***E-mail: stgrig@mail.ru

****E-mail: guberfond@rambler.ru

*****E-mail: LychaginaE@mail.ru

*****E-mail: homasvet@mail.ru

Поступила в редакцию 17.03.2023 г.

После доработки 01.06.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323040128, EDN: IEWFXA

Всероссийская конференция “XXII Уральское археологическое совещание” состоялась в Курганском государственном университете при поддержке Института истории и археологии УрО РАН, фонда “История Отечества” и КООО “ЗОДИАК”. В ее работе приняли участие 178 исследователей из 58 учреждений России, Казахстана и Германии. Совещание приурочено к 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т.М. Потемкиной.

На пленарном заседании выступили О.М. Мельникова (Ижевск) с докладами об истории организации второго УАС, З.А. Валиахметова (Челябинск) о вкладе Челябинского краеведческого музея в археологию Южного Зауралья в 1936–1956 гг. и А.А. Евгеньев (Оренбург) об охране археологического наследия Оренбургского Предуралья. Современные подходы к исследованиям освещены в докладах А.С. Якимова (Тюмень) о перспективах почвенно-археологических работ в лесостепи Зауралья и А.В. Епимахова (Челябинск) о результатах радиоуглеродного анализа в изучении соотношения культур бронзового века Зауралья.

На секции “Археология эпохи камня и энеолита” заслушано 24 доклада. Семь посвящено характеристике каменных индустрий: В.Г. Котова (Уфа) о стоянке-мастерской среднего палеолита Кусимово-6, Л.Л. Косинской (Екатеринбург) и

Е.А. Васильева (Томск) о кремневой индустрии пос. Чэс-тый-яг, А.В. Шмидта (Ханты-Мансийск) о шлифованных наконечниках стрел позднего неолита — энеолита, И.В. Усачевой (Екатеринбург) о каменном инвентаре пос. Шайтанское 4–6, Е.Л. Лычагиной (Пермь) о каменной индустрии гаринской культуры. Интерес вызвали доклады о формировании технологий: В.Н. Карманова (Сыктывкар) о появлении бифасиального расщепления в неолите Крайнего Северо-Востока Европы и К.М. Андреева, К.И. Бородулина (Самара) о происхождении мезолита лесостепного Поволжья. Итоги изучения мезолита Ижма-Томского микрорайона подведены А.В. Волокитиным и Н.А. Волокитиной (Сыктывкар).

По два доклада посвящены костяным изделиям, керамическим комплексам и погребальной обрядности. С.Н. Савченко (Екатеринбург) представила доклад о широких ножах из лопаток животных эпохи мезолита Восточной Европы и Урала, а С.Н. Скочина (Тюмень) — об изделиях из рога с неолитического поселения Мерген 6. Е.Н. Дубовцевой и Н.М. Чаиркиной (Екатеринбург) приведены результаты технологического анализа посуды каюковской культуры, а А.В. Сомовым (Самара) — итоги исследования гребенчатой керамики в Среднем Поволжье эпохи энеолита. В выступлении А.И. Королева и А.А. Шалапинина (Самара) представлены результаты изучения энеолитиче-

ского могильника Максимовка I, в докладе *И.А. Спиридонова* и *О.Н. Корочкиной* (Екатеринбург) рассматривалась культурно-хронологическая атрибуция погребения на пос. Шайтанское 4–6 периода энеолита.

Доклад *А.И. Улитко* (Екатеринбург) посвящен археозоологическому анализу остеологических остатков эпохи мезолита из пещеры Камень Дыроватый в свете охотничьей стратегии. В выступлении *Д.А. Демакова* (Пермь) рассматривались особенности расположения энеолитических памятников в бассейне Средней Камы. Место памятника археологии “Кокшаровский холм — Юрьинское поселение” в социокультурном пространстве неолита Зауралья анализировалось в докладе *А.Ф. и А.А. Шориных* (Екатеринбург), а в выступлении *Е.С. Яковлевой* (Челябинск) были представлены возможности реконструкции обустройства жилого пространства в неолите и энеолите горнолесной зоны Южного Зауралья.

Интерес вызвали культурно-хронологические схемы развития неолита отдельных территорий в докладах *Т.Ю. Клементьевой* и *А.А. Погодина* (Екатеринбург) по бассейну р. Конда и *Д.Н. Еньшина* (Тюмень) по Нижнему Приишмию.

На секции бронзового века заслушано 19 докладов, в том числе выступление *В.М. Костомарова* (Тюмень) о вкладе Т.М. Потемкиной в изучение этой эпохи. Ряд докладов содержал информацию о поселении абашевской культуры Зауралья Коноплянка 2–2 (*Л.И. Корякова, И.В. Молчанов, Е.А. Булакова, Н.В. Солдаткин* (Екатеринбург)), сузгунских городищах (*А.А. Ткачев, А.С. Гаврилин* (Тюмень)), курганах ямной культуры (*Н.Л. Моргунова* (Оренбург)), Большом Синташтинском кургане (*Т.С. Малютина* (Челябинск)), памятниках древнего горного дела (*П.С. Анкушева, М.Н. Анкушев* (Миасс)). Доклад *С.А. Григорьевой* (Челябинск) был посвящен хронологии сейминско-турбинских бронз, *И.П. Алаева* (Челябинск) сделала доклад о планировках алакульских поселков, а *В.И. Мухаметдинов* — о гончарных традициях ПБВ Южного Зауралья.

Были проанализированы отдельные категории артефактов: фаянсовые изделия Алакульского могильника (*И.К. Новиков* (Курган)), металлические ножи степного Зауралья (*Ф.Н. Петров* (Челябинск)), керамическая погремушка с пос. Олымья IV (*Л.Н. Сладкова, С.Ф. Кокшаров* (Екатеринбург)). Археозоологические исследования в долине р. Карагайлы-Аят представлены в докладе *А.Ю. Рассадникова* (Екатеринбург), а *Е.А. Кузьмина, А.И. Улитко* и *П.А. Косинцев* (Екатеринбург) показали противоречия в реконструкции климата на палинологических и археозоологических данных Южного Зауралья.

В нескольких докладах обсуждались проблемы реконструкции ритуального содержания па-

мятников: особенности помещения керамики в могильные ямы (*Е.В. Куприянова* (Челябинск)), возможности ритуальной интерпретации производственных комплексов (*Н.С. Ефремова* (Новосибирск)), календарным интерпретациям орнаментации на посуде (*Д.Г. Зданович* (Челябинск), *А.К. Кириллов* и *Л.С. Марсадилов* (Санкт-Петербург)), реконструкции солнечных часов срубной культуры (*Л.Н. Водолажская* (Симферополь)). Доклад *Ю.С. Макурова* с соавторами (Челябинск) был посвящен разработке охранной зоны укрепленного поселения Аркаим.

На секции “Археология раннего железного века” было представлено 18 докладов. Использование базы данных памятников гляденовского времени Тулвинского микрорайона для выделения хозяйственных центров Среднего Прикамья представила *П.С. Козьякова* (Пермь). Палеогеографический аспект расположения поселений на нижней Вишере представили *Д.А. Майстренко* и *Е.М. Орлова* (Пермь).

Медным изделиям Ново-Уфимского могильника посвящен доклад *Н.Б. Щербакова* (Уфа). Знаковые функции амулетов из клыков и поясов с медвежьими зубами из памятников пьяноборской и карабызской культур реконструированы *С.Э. Зубовым* (Самара). *О.А. Казанцева* (Ижевск) исследовала происхождение халцедоновых бусин и дисков из могильников гляденовской культуры I–V вв.

В докладах *С.Ю. Николаева* и *Н.С. Савельева* (Уфа) были проанализированы случайные находки клинкового оружия на Южном Урале с позиций динамики освоения территории кочевниками. *И.Э. Любчанский* (Челябинск) рассмотрел бронзовые котлы раннего железного века как маркер миграций в Евразии.

С.В. Берлина и *С.И. Цембалюк* (Тюмень) представили доклад о традициях и инновациях в устройстве жилищ лесостепного Зауралья. Исследования пос. Якушкино-3 позволили *О.Ю. Зиминной* (Тюмень) удревнить материалы кашинской культуры. *В.С. Юдакова* (Тюмень) представила сравнительный анализ керамики саргатской и кашинской культур.

Анализ сарматских гончарных технологий Южного Приуралья представила *Л.А. Краева* (Оренбург). Вопросы ахеменидского импорта в раннесарматских материалах Оренбуржья обсуждались в докладе *Е.А. Купцова* и *Л.В. Купцовой* (Оренбург).

Два доклада посвящены анализу археозоологических останков: *И.М. Григорьевой* (Самара) об останках лошадей, быков и верблюдов из раннесарматского мог. Переволоцкий I в Оренбуржье, *А.В. Кисагулова* (Екатеринбург) и *Е.А. Рябининой* (Курган) о коллекции с зауральских пос. Дачный-1 и 2.

На секции “Археология средневековья и нового времени” заслушано 27 докладов. *А.А. Белицкая* (Сыктывкар) рассмотрела материалы мог. Сэбысь V–VI вв., *Е.М. Черных* (Ижевск) – данные по Базезинскому могильнику VI–VII вв. *А.Г. Колонских* (Уфа) обсудил проблему о зауральских аналогиях в керамике бахмутинской культуры. Следует отметить доклад *В.А. Иванова* (Уфа) о кризисе хронологии средневековья Урало-Поволжья.

Доклад *Н.Г. Брюховой* (Пермь) посвящен погребениям мог. Баяновский. *В.В. Мингалева* (Пермь) исследовал палеоэкономические трансформации производящего хозяйства населения в среднем течении р. Сылвы в I тыс. н.э. *Ю.А. Подосенова* (Пермь) выделила особенности атрибуции ювелирной продукции из Пермского Предуралья IX – первой половины X в. Аналогичные изделия из средневековых могильников Тазовского Заполярья были представлены в докладе *К.Г. Гюрджоян* (Тюмень). В докладе *А.Р. Смертина* (Пермь) предложена типология средневековых орудий из черного металла.

В докладе *Д.В. Васильева* (Астрахань) выявлены причины возникновения средневекового города на Самосдельском городище. *К.В. Моряхина* (Пермь) изучила особенности погребальных ям средневековых могильников пермского Предуралья.

И.В. Балуновым (Тобольск) сделано описание металлической бляхи с городища Яровское I. В докладе *Д.Н. Маслюженко* (Курган) была представлена новая находка сасанидского блюда из Среднего Притоболья.

И.Ю. Чикунова (Тюмень) по керамическим материалам выявила этногенетические связи населения Сургутского Приобья с группами Печорского Приуралья. *С.С. Тихоновым* (Омск) представлены материалы к этноархеологическим исследованиям в Северном Зауралье.

В докладе *Н.П. Матвеевой* (Тюмень) представлены материалы мог. Воденниково-I VII–VIII вв. по взаимодействию населения бакальской и потчевашской культур. *Е.А. Третьяков* (Тюмень) осветил вопросы становления и развития памятников макушинской культуры XII–XIV вв. *Е.В. Русланов* (Уфа) на примере селищ чияликской культуры обсудил планировку, хронологию и культурные связи.

По археологии Нового времени особый отклик вызвал доклад *М.К. Мингалева* и *Л.В. Романовой* (Пермь) об охранных работах на территории завода им. А.А. Шпагина в Кировской области. *А.Л. Кряжевских* и *А.В. Егоров* (Киров)

представили исследования Озерского и Волковского могильников XVI–XVIII вв., выявив аналогии с удмуртскими памятниками. *Р.О. Виноградов* (Курган) исследовал ямскую станцию XVII в. *Д.А. Калугина* (Ижевск) рассмотрела планиграфические изменения Соборной площади Сарапула. В докладах *А.В. Гильдермана* (Екатеринбург) и *Г.Н. Саукова* (Курган) представлены бутылочные клейма из Екатеринбурга, а *С.А. Перевозчиковой* и *В.А. Бернц* (Ижевск) – образцы фаянсовой посуды из Ижевска. Доклад *Г.Н. Саукова* (Курган) посвящен методике описания фаянсовых и фарфоровых изделий. *Е.В. Усачев* (Курган) изложил проблемы выявления и изучения коллективных погребений Гражданской войны и крестьянских восстаний начала 1920-х годов на территории Курганской области.

Во время итогового обсуждения было обращено внимание, что при всей значимости междисциплинарных исследований, особенно с привлечением естественнонаучных методов в археологии, необходимо вернуться к обсуждению классических вопросов археологической типологии, периодизации и проблем культурогенеза, а также тематике экспериментальной археологии и археологического моделирования. Чрезвычайно важной тенденцией является рост числа научных исследований по археологии нового и даже новейшего времени, но при одновременном уменьшении тематики археологии средневековья, что особенно заметно по почти полному исчезновению работ по археологии XV–XVI вв., наиболее важных для междисциплинарных исследований в области археологии, истории и этнографии.

Участники совещания считают, что организация дискуссий, в том числе в рамках работы с новыми материалами, требует возвращения значительной доли исследователей именно к офлайн-форматам участия. На секциях было признано верным привлечение специалистов из Западной Сибири и Поволжья, поскольку именно подобная совместная работа позволяет реконструировать многие вопросы трансуральских миграций и торговых связей.

В результате было решено провести следующее XXIII Уральское археологическое совещание в Оренбурге в 2025 г. При подготовке к нему считать приоритетными направления, связанные с теоретическими и методологическими проблемами уральской археологии, методами сохранения и использования археологических ресурсов, выработав единую сквозную тему для обсуждения.

К 75-ЛЕТИЮ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВИЧА МОЛОДИНА

© 2023 г. С. В. Кузьминых^{1,*}, Н. А. Макаров^{1,**}, Х. А. Амирханов^{1,***}, Л. А. Беляев^{1,****},
А. П. Бужилова^{1,*****}, П. Г. Гайдуков^{1,*****}, Е. Н. Черных^{1,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

**E-mail: nmakarov10@yandex.ru

***E-mail: amirkhanov@rambler.ru

****E-mail: labeliaev@bk.ru

*****E-mail: albu_pa@mail.ru

*****E-mail: russianchange@yandex.ru

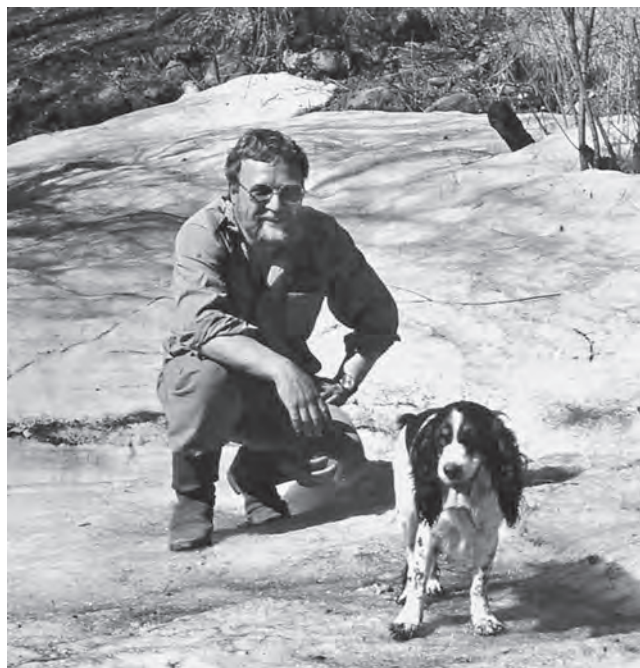
*****E-mail: evgenij.chernykh@gmail.com

Поступила в редакцию 10.09.2023 г.

После доработки 10.09.2023 г.

Принята к публикации 17.09.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323040116, EDN: ACBLVW

26 сентября 2023 г. отметил 75-летний юбилей выдающийся российский археолог академик Вячеслав Иванович Молодин.

В.И. Молодин родился в 1948 г. в с. Орехово Брестской обл. (Белорусская ССР) в семье кадрового офицера-пограничника. Приграничные военные городки в разных концах страны оставили неизгладимый след в его взрослении. В 1963 г. семья Молодиных вернулась на малую родину, в

Новосибирск, с которым связана вся дальнейшая жизнь Вячеслава Ивановича. Его *alma mater* — истфилфак Новосибирского государственного педагогического института (1966–1971). Именно здесь под руководством Т.Н. Троицкой реализовывалась юношеская мечта Вячеслава стать археологом. По окончании НГПИ он был направлен на педагогическую работу в школу села Елбань Маслянинского р-на Новосибирской обл. и одновременно поступил в заочную аспирантуру к А.П. Окладникову в ИИФФ СО АН СССР. В декабре 1973 г. по инициативе Алексея Павловича молодой специалист был переведен в очную аспирантуру, а в начале 1974 г. зачислен на должность младшего научного сотрудника. С этого времени наука заняла главное место в его жизни.

А.П. Окладников, помня о студенческих работах В.И. Молодина, поставил перед ним задачу — исследование археологических памятников разных эпох на территории Западной Сибири и прежде всего в Новосибирской области. Отряды института в те годы работали в разных районах Азии, за исключением Западной Сибири. В археологическом отношении лесостепное Обь-Иртышье было изучено крайне слабо. В 1973 г. к исследованиям в регионе под руководством В.И. Молодина приступил Западносибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции, который вот уже 50 лет ведет раскопки и разведки в Барабинской лесостепи. В 1975 г. Вячеслав Иванович защитил кандидатскую диссертацию “Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья”, она легла в основу его первой монографии (1977 г.).

Работы первой половины 1970-х годов явились плацдармом для последующего масштабного изучения древностей лесостепного Обь-Иртышья. Промежуточные итоги десятилетнего исследования региона были подведены в докторской диссертации “Бараба в древности” (1983 г.). Выходя на защиту, В.И. Молодин провел обсуждение рукописи не только у себя в Новосибирске, но и в коллективах археологов Москвы и Ленинграда, сняв все вопросы негласных оппонентов о том, достойна ли его рукопись представления в качестве докторской диссертации. В итоге защита Вячеслава Ивановича стала успехом всего коллектива Западносибирского отряда.

Основу диссертационного исследования составила разработанная автором концепция историко-культурного развития на территории Барабы от неоплейстоцена до Нового времени (в течение 13–14 тыс. лет). Многие идеи этой работы не утратили научного значения до настоящего времени, более того, они получили подтверждение в ходе дальнейших полевых и междисциплинарных исследований. На эти же годы приходятся полевые исследования в пустыне Гоби и Забайкалье, Шестаковской палеолитической стоянки, Айдашинской пещеры, Илимского и Казымского острогов. В.И. Молодину пришлось осваивать принципиально новую тематику, связанную с изучением архитектурных сооружений русских землепроходцев и проблем отечественной истории периода освоения Сибири. На юге Хакасии были проведены сложнейшие раскопки тагарских курганов в составе Средне-Енисейской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР. В составе группы специалистов Вячеслав Иванович стал также участником советско-кубинского проекта по составлению археологической карты Кубы.

На 1970–80-е годы приходится гигантский объем полевых и научных исследований В.И. Молодина по изучению разнообразных памятников протяженного хронологического и географического диапазона, и это наряду с подготовкой докторской диссертации. Работы этого времени оставили заметный след в профессиональном развитии ученого, сформировали его как крупнейшего археолога-сибироведа. Все это благодаря неутомимым полевым разысканиям, поразительной работоспособности, организованности и чувству высокой ответственности за результаты, сроки и качество собственных исследований и коллектива его сотрудников и единомышленников.

Признанием заслуг перед отечественной наукой стало избрание В.И. Молодина членом-корреспондентом АН СССР (1987 г.). Изменение в научном статусе и в профессиональной карьере (с 1983 г. — зав. сектором бронзы и железа, в настоящее время зав. отделом археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН) не привели к снижению темпов и качества научных исследований, но в сложнейшие для нашей науки 1990-е годы ему пришлось

скорректировать географический вектор полевых работ. Они продолжились в Барабе, и все же большая часть сезона раскопок приходилась на памятники Горного Алтая, прежде всего с началом работ в Денисовой пещере. В итоге здесь была вскрыта толща голоценовых отложений — от древностей афанасьевской культуры до Нового времени с оригинальными культурно-хозяйственными комплексами (загоны для скота, ямы-хранилища для зерна, клады металлических предметов, очаги и др.); результаты исследования оперативно опубликованы в монографии “Денисова пещера” совместно с А.П. Деревянко. Одновременно Вячеслав Иванович провел раскопки расположенных неподалеку курганов афанасьевской и пазырыкской культур, исследовал уникальный ритуальный комплекс Куйлю на р. Кучерле (в 2010 г. опубликована вместе с Н.С. Ефремовой фундаментальная монография по итогам изучения этой скальной плоскости с многочисленными петроглифами и культурным слоем в основании).

В России и за рубежом широко известны исследования В.И. Молодина на плато Укок в рамках российско-японского проекта “Пазырык” (1991–1995 гг.). В сложнейших условиях здесь было выявлено свыше 400 памятников, которые легли в основу археологической карты этого высокогорного района Алтая. Помимо раскопок уникальных “замерзших” курганов пазырыкской культуры следует особо выделить открытие древнейших на скальных изображениях финала эпохи плейстоцена. Выявление изображений палеолитического возраста на скальных плоскостях имеет принципиальное значение для изучения древнего искусства Центральной Азии.

Спустя два десятилетия В.И. Молодин вновь вернулся к исследованию древнейших пластов на скального искусства на территории Горного и Монгольского Алтая, но уже как руководитель совместной российско-французской лаборатории при Новосибирском университете. В текущем году юбилей провел успешную экспедицию по поиску и исследованию древнейших петроглифов на западе Монголии. Алтайский цикл научных исследований ученого венчает вышедшая под его редакцией коллективная монография “Феномен алтайских мумий” (2000 г.). Поражает масштаб мультидисциплинарных исследований, уровень технического и приборного оснащения, профессиональный состав отечественных и зарубежных специалистов, участвовавших в изучении материалов “замерзших” курганов Укока. Не только материалы исследования, но и сама книга стали поистине научным феноменом. Российская археология обогатилась палеоэтнографическим по содержанию трудом, написанным в лучших традициях отечественной науки. За цикл алтайских исследований В.И. Молодин вместе с Н.В. Полосьмак был удостоен в 2005 г. Государственной премии Российской Федерации.

Приверженность ученого к мультидисциплинарным исследованиям проявилась и в ходе работ над другими проектами. В экспедициях В.И. Молодина впервые в азиатской части России при изучении археологических памятников начали внедрять геофизические методы. Это изменило стратегию и результативность раскопок памятников. Благодаря геофизической съемке состоялось “новое” открытие городища Чича-1: перед археологами предстал огромный поселок с системой укреплений, скрытый под распаханном полем. Изучение памятника велось совместно с Евразийским отделом Германского археологического института. Опыт международных междисциплинарных исследований получил продолжение при раскопках захоронений скифского времени на территории Северо-Западной Монголии, открытых российско-германско-монгольской экспедицией под руководством В.И. Молодина, Г. Парцингера, Д. Цэвээндоржа. Эти работы проведены в тесном сотрудничестве с геофизиками, генетиками, геологами, микробиологами. Благодаря усилиям А.П. Деревянко и В.И. Молодина в Сибирском отделении РАН произошел качественный прорыв в развитии палеогенетики. Главным здесь стало не совершенствование методик и принципов отбора проб, а формирование взаимопонимания между археологами и генетиками. Вячеслав Иванович внес неоценимую лепту в этот процесс. В результате совершенно на иной уровень вышло решение проблем формирования древних популяций и современных коренных народов Сибири — труды В.И. Молодина и его коллег тому пример.

Наука и особенно полевой этап исследований — смысл жизни для В.И. Молодина. Избрание его действительным членом Российской академии наук в 1997 г. не изменило ее ритма. Продолжение поисков и раскопок разнообразных археологических памятников в Барабе привели к открытию новых уникальных комплексов — Тартас-1 и Усть-Тартас-1. В этом году исполняется 20 лет исследованиям гигантского по площади и непредсказуемого по содержанию комплекса Тартас-1, который во многом превосходит памятник Сопка-2, расположенный неподалеку и получивший мировую известность. Среди научных достижений юбиляра последних лет заключительные тома с освещением материалов Сопки-2, первый том, открывший серию изданий комплекса Тартас-1, первый и второй тома “Истории Сибири”, где он автор многих разделов, ответственный редактор тома; Вячеслав Иванович — член редсовета готовящейся к изданию Институтом российской истории РАН 20-томной “Истории России”, член редколлегии и автор ряда глав ее первого (археологического) тома “Древние культуры на территории современной России (до середины I тыс. н.э.)”.

Особого внимания заслуживает научно-организационная и педагогическая деятельность В.И. Молодина. В 1997 г. он был избран заместителем, а в 2001 г. первым заместителем Председателя Сибирского отделения РАН. В течение 11 лет Вячеслав Иванович со свойственной ему тщательностью и пунктуальностью достойно оправдывал доверие научного сообщества. Огромен его вклад в издательскую деятельность Сибирского отделения. С 2007 г. по настоящее время он неизменный Председатель научно-издательского совета СО РАН, а в 2015 г. постановлением Президиума РАН он был введен в состав научно-издательского совета РАН. В.И. Молодин является членом Попечительского Совета Новосибирского государственного университета, в котором по настоящее время является профессором и читает спецкурсы по археологии Сибири. Под его началом защищены 41 кандидатская диссертации и 14 докторских работ.

Научные достижения Вячеслава Ивановича по праву оценены на государственном и международном уровнях: лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, обладатель премии А.П. Карпинского, Демидовской премии, кавалер орденов и медалей, иностранный член ряда зарубежных академий, почетный профессор нескольких престижных университетов.

Вклад В.И. Молодина в науку широко известен в России и за ее пределами. Он нашел воплощение в его опубликованных трудах, докладах на международных, российских и региональных конференциях. Поражает хронологический и тематический диапазон его научного творчества — от палеолита до Нового времени, от культурогенеза до этногенеза, от типологии до искусствоведческого анализа и исторической интерпретации археологических источников; в его багаже познания — работы по отечественной истории, ставрографии, истории гуманитарной науки, проблемам высшего исторического образования.

В.И. Молодин прошел трудовой путь от школьного учителя и аспиранта до заместителя директора Института археологии и этнографии СО РАН и первого заместителя Председателя Президиума Сибирского отделения РАН. С первой студенческой экспедиции археология и древняя история стали смыслом его жизни. Высот в науке он достиг благодаря целеустремленности, широте исследовательских интересов и самоотдаче. Вячеслав Иванович находится в расцвете творческих сил, постоянном научном поиске и творческой работе — впереди у него продолжение полевых исследований, прежде всего в Барабинской лесостепи, новые открытия и поиски, лучшие книги, статьи и ученики.

Наши искренние поздравления с 75-летием и пожелания доброго здоровья и творческих удач на долгие-долгие годы от имени коллектива Института археологии РАН.

ПАМЯТИ ПЕТРА ДМИТРИЕВИЧА МАЛЫГИНА (1956–2022)

© 2023 г. П. Г. Гайдуков^{1,*}, О. М. Олейников^{1,**}, Вл. В. Седов^{1,***}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: russianchange@yandex.ru

**E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

***E-mail: sedov1960@mail.ru

Поступила в редакцию 20.07.2023 г.

После доработки 20.07.2023 г.

Принята к публикации 17.09.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323040062, EDN: AALCBT

6 февраля 2022 г. ушел из жизни Петр Дмитриевич Малыгин, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, известный специалист по археологии Древней Руси, в особенности Верхневолжья, истории Тверского края и средневекового русского города, первооткрыватель берестяных грамот древнего Торжка.

Петр Дмитриевич родился 16 декабря 1956 г. в семье учителей. Его детство прошло в районном городе Торжок Калининской (ныне Тверской) области, где в 1974 г. он закончил школу. В том же году вместе с родителями переехал в Калинин (ныне Тверь), но остался ревнителем истории родного города и посвятил свою жизнь изучению истории Торжка.

В 1975–1980 гг. П.Д. Малыгин — студент исторического факультета Калининского государственного университета. В период учебы участво-

вал в работе Новгородской и Верхневолжской археологических экспедиций. В 1978 г. получил первый открытый лист для проведения разведок в Торжокском и Кувшиновском районах Калининской области. Еще до завершения обучения, в 1979 г., он был принят на кафедру истории СССР на должность старшего лаборанта по хозяйственной теме “Свод памятников Калининской области”. Работа по этой теме продолжалась до 1992 г. За это время научный коллектив, в составе которого трудился П.Д. Малыгин, провел огромную работу по выявлению, описанию и картографированию многих сотен археологических памятников на территории области. Все они вошли в четырехтомное издание “Археологическая карта России. Тверская область” (М.: ИА РАН, 2003–2012).

В 1980 г. П.Д. Малыгин организовал Новоторжскую археологическую экспедицию и был ее бессменным руководителем на протяжении более четверти века. Благодаря многолетним раскопкам и ярким открытиям экспедиции — находкам домонгольских берестяных грамот, обнаружению и исследованию остатков неизвестного ранее храма начала XIII в., построенного из плинфы и расписанного тогда же, каменных укреплений Новоторжского кремля и остатков стен и фундаментов каменного Спасо-Преображенского городского собора XIV в., сфрагистического архива 50 печатями XIII–XIV вв., клада серебряных украшений, спрятанного весной 1238 г. при обороне города от войск хана Батые, — воссоздан неизвестный ранее облик средневекового Торжка, и собрана колоссальная коллекция находок, характеризующая культуру, хозяйство и быт его жителей.

В 1992 г. П.Д. Малыгин защитил кандидатскую диссертацию на тему “Торжок в составе Новгородских земель (конец I тыс. н.э. — конец XV в.)”, написанную под руководством академика

В.В. Седова. В 1990-е и последующие годы Петр Дмитриевич продолжил историко-археологические исследования Торжка. Он доказал, что древнейшие отложения культурного слоя города относятся к рубежу X—XI вв. Таким образом, он значительно удлинил историю Торжка, первое достоверное упоминание о котором в летописи относится лишь к 1139 г. Благодаря многолетним раскопкам в разных частях города П.Д. Малыгин установил особенности в топографии средневекового Торжка. Древнейшей его частью и собственно средневековым городом является так называемое Нижнее городище, с многочисленными городскими усадьбами, улицами и центральным храмом. На Верхнем городище, которое ранее считалось первоначальным ядром города, древнейшие слои были датированы только серединой XII в.

П.Д. Малыгин — автор около 200 научных трудов. В их числе многочисленные исследования по истории и археологии Торжка. Перечислим лишь наиболее важные: Древний Торжок. Историко-археологические очерки. [Торжок], 1990; Город Торжок в символах, эмблемах и гербах. Тверь, 2020 (соавтор — В.И. Лавренов); Берестяные грамоты древнего Торжка (из раскопок 1985 и 1999—2001 гг.). Тверь, 2011; Писцовые и переписные книги Торжка XVII — начала XVIII в. / Публикацию подготовили И.Ю. Анкудинов и П.Д. Малыгин. М., 2014.

В 1989 г. П.Д. Малыгин оказался в числе основателей “Всероссийского историко-этнографического музея” в Торжке, где работал до 2005 г. Будучи заведующим отделом археологии, он организовал в музее обработку археологических материалов, готовил научные публикации, создал действующую и сегодня археологическую экспозицию о древнем Торжке.

Выпускник и преподаватель исторического факультета Тверского государственного университета П.Д. Малыгин до 2017 г. работал в своей alma mater, где вел различные курсы лекций и семинарские занятия. В их числе “История первобытного общества” и “Историческая география”. Курс лекций “Западноевропейские дипломаты и путешественники XV—XVII вв. о России”, читавшийся в 1993—2011 гг., послужил основой двух книг П.Д. Малыгина: Материалы к биобиблиографическому словарю западноевропейцев XV—XVII вв., писавших о России. Учебное пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015; Западноевропейские авторы XV—XVII вв. о России. Материалы к биобиблиографическому словарю. М.: ИА РАН, 2018.

П.Д. Малыгин всегда совмещал научные исследования с активной общественной работой. В 1980-е годы он являлся членом президиума областного Совета ВООПИК и председателем секции археологии при ВООПИК, принимал активное участие в работе Калининского клуба краеведов и отделения Советского фонда культуры. Он часто публиковал статьи в областных и районных газетах и других печатных изданиях по истории края и проблемам охраны памятников археологии.

В нашей памяти Петр Дмитриевич Малыгин останется ярким исследователем археологических памятников и исторических документов, человеком, безмерно преданным изучению истории, последовательным борцом за сохранение историко-культурного наследия страны.

П.Д. Малыгин похоронен на кладбище при Никольской церкви в деревне Васильково Кувшиновского района Тверской области. Решением Торжокской городской Думы от 07.06.2023 № 206 он удостоен звания “Почетный гражданин города Торжка” (посмертно).

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ИОАННИСЯН

1.04.1951–20.03.2023

© 2023 г. Л. А. Беляев^{1,*}, М. В. Вдовиченко^{1,**}, А. Е. Леонтьев^{1,***}, Вл. В. Седов^{1,****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: zakomara@yandex.ru

***E-mail: leont3@mail.ru

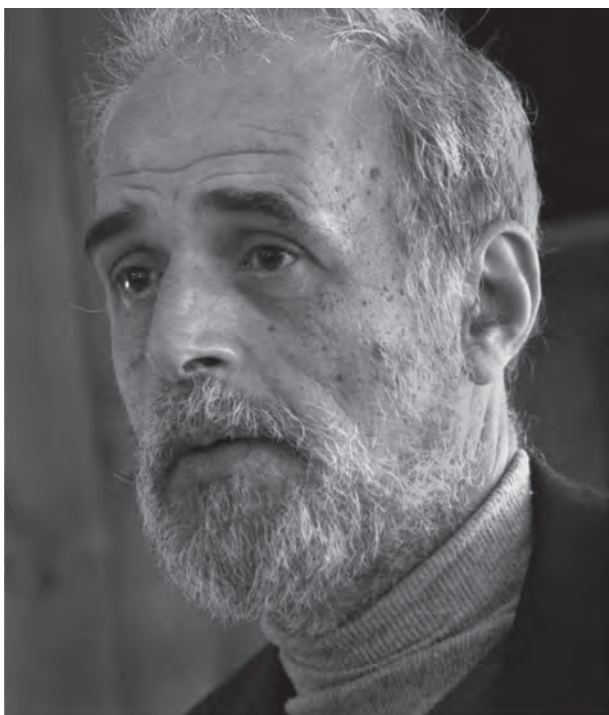
****E-mail: sedov1960@mail.ru

Поступила в редакцию 11.09.2023 г.

После доработки 11.09.2023 г.

Принята к публикации 17.09.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323040049, EDN: FOANGH

Имя Олега Михайловича Иоаннисяна хорошо известно, как в академической науке, так и среди тех, кто занят сохранением культурного наследия России. Ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа, он был в то же время членом президиума Санкт-Петербургского Совета ВООПИК, Совета Санкт-Петербургского отделения ИКОМОС, секции реставрации Научно-методического совета при министре культуры РФ. Не случайно стал он и лауреатом премии имени академика Д.С. Лихачева. Закономерно и то, что

на его кончину отреагировали в первую очередь общественные организации Санкт-Петербурга. Несомненно, деятельность Олега Михайловича, его горячая преданность родному городу, защите памятников и самой культурной ткани будут оценены по достоинству. Но в академическом журнале важнее вспомнить путь Олега Михайловича в науке и его преподавательскую деятельность.

Олег Михайлович — выходец из семьи с глубокими корнями в культуре Армении, Закавказья и всей России. Он родился в Эстонии, в Таллине, где его отец, Михаил Иванович, морской офицер, служил на тральщике, очищавшем море от глубоководных мин. Дедушка со стороны отца, Иван Иоаннисян, родом из Еревана, был оперным певцом; прадедушка, Ованес Иоаннисян — народным поэтом Армении¹.

Родители Олега провели юность в Баку — его мать, Инна Михайловна Денисова, получила архитектурное образование и после рождения детей работала в школе учителем черчения и рисования, а ее отец, Михаил Иванович Денисов (родом из Тифлиса) был геодезистом-землеустроителем в Закавказье.

Само происхождение маленького Олега, казалось, определило его путь как историка и археолога архитектуры, меломана и любителя пластических искусств, педагога. В Таллине ему не пришлось

¹ Иоаннес Мкртичевич Иоаннисян (14(26).4.1864 г., Вагаршапат, — 29.9.1929 г., Ереван) — поэт и просветитель. Учился в Лазаревском институте в Москве, окончил историко-филологический факультет Московского университета (1888 г.). После революции 1917 г. работал в Законодательной комиссии при Совнарком Армянской ССР (с 1922 г.). Обработал старинные армянские, баллады, легенды, песни, переводил на армянский язык мировую классику, включая Гомера, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и др.

учиться долго: зимой 1960 г. семья переехала в Ленинград. Там Олег провел всю жизнь, став горячим патриотом и знатоком прекрасного города. Отец умер, когда Олегу было 12 лет, и уже в детстве он проявил ответственность: присматривал за маленькой сестрой Еленой, играл с ней, пересказывал прочитанные книги, показывал диафильмы, учил мальчишеским доблестям. Не только любовь, но и глубокий интерес к детям он пронес через всю жизнь, до старости сохраняя и в себе внутреннего ребенка².

В школе Олег рано полюбил гуманитарные предметы, особенно историю (первая страсть — Отечественная война 1812 г.), языки, музыку. Из клуба юных искусствоведов в Русском музее в 1968 г. он шагнул на кафедру истории искусств ЛГУ, где его учителем стал М.К. Каргер. С ним уже на первых курсах университета Олег работал в Великом Новгороде. Скоро археология архитектуры стала делом и любовью всей его жизни, в его дипломе даже появилась небывалая специальность: искусствовед-археолог.

Важным качеством Олега была потребность делиться знаниями — получая знания в университете, он пересказывал лекции домашним, и семья проходила курс истории вместе с ним. Его богатая фонотека позже стала радостью для многих. Потребность в трансляции знаний не просто делала его хорошим педагогом — она была его способом думать, в том числе и прежде всего — о мировой культуре, которую он знал прекрасно (не случайно лекции Олега Михайловича впоследствии высоко ценили в СПбГУ, особенно на философском факультете; его программу-конспект курса “История средневековой культуры”, изданную в 2002 г., отличает исключительная информационная насыщенность). Это же позволило ему собрать прекрасную команду учеников, с которой он не только вел раскопки архитектурных сооружений, но и совершал путешествия, настоящие экспедиции, в том числе — для подробного знакомства с памятниками европейской архитектуры.

Глубокое погружение в культуру не сделало Олега Михайловича замкнутым одиночкой. Ровно наоборот — он постоянно находился в гуще жизни. Окончив университет, отслужил в армии как офицер-артиллерист. Будучи студентом, работал в ГИОП Ленинграда и познакомился на практике с делом охраны наследия как общественного движения и вида государственной деятельности. Он был исключительно коммуникабельным и активным, страстным человеком, быстро осваивал необходимые для работы языки (в частности, украинский и польский), входил в окружающую среду как свой. В его экспедициях

работало много студентов, в том числе историки, архитекторы, художники. Атмосфера была не только дружеской, но и творческой — после работы ходили на этюды, вели дискуссии, ездили по окрестностям (например, из Ярославля в Переяслав-Залесский и Ростов Великий).

Олег Михайлович занял достойное место в складывавшейся с 1940-х годов художественно-археологической школе. Его настоящим “тьютором” в методике анализа архитектурных сооружений Древней Руси стал П.А. Раппопорт, чей подход, основанный на представлении о существовании устойчивых групп зодчих и их помощников (“артелей”), остался для О.М. Иоаннисяна главным и, в основе, неизменным. Он отражен в его последнем, синтезирующем, труде — главах по древнерусскому зодчеству для первых трех томов новой 22-томной “Истории русского искусства”, основанной А.М. Комечем на базе Института искусствознания Министерства культуры РФ. В них собраны итоги многих десятилетий собственной натурной работы на памятниках чуть ли не всей Древней Руси — от западных границ, Полоцкого княжества, Галицкой, Волынской земель (историю зодчества двух последних Олег Михайлович переписал на основе заново открытых памятников) и до Владимира на Клязьме, Ростова и Ярославля, внося также немалый вклад в исследование основополагающих, исходных сооружений раннего периода — Десятинной церкви в Киеве, Спасо-Преображенского собора в Чернигове, соборов Полоцка и других. На этих объектах его группа дружно работала рядом с учеными Украины и Беларуси, что в 1990-х — 2000-х годах далеко не всегда было обычной практикой.

Можно смело назвать О.М. Иоаннисяна одним из тех, кто завершал формирование архитектурной археологии как отдельного направления, хотя основы его заложили ранее Н.Н. Воронин, учителя Олега Михайловича — М.К. Каргер, П.А. Раппопорт и другие ученые. Им был организован архитектурно-археологический семинар в Государственном Эрмитаже (где О.М. Иоаннисян работал всю жизнь, создав соответствующий отдел). Издавались труды семинара (в 2001 г. — материалы заседания памяти Ю.П. Спегальского, в 2003 г. была сделана попытка создать серию — первый том был посвящен строительной керамике; следующие — печатались под грифом Трудов ГЭ (выпуск 34, 2007 г. был посвящен памяти Г.М. Штендера; вып. 46, 2009 г. — М.К. Каргеру; вып. 53, 2010 г. — материалам международной конференции по византийскому и древнерусскому зодчеству) и др. сборники, обычно в память выдающихся ученых. Значительный материал полевых исследований впитали и сборники “Раппопортовские чтения”, вышедшие под редакцией Олега Михайловича (особенно за 1996 и 1999 гг.).

² Выражаем сердечную признательность младшей сестре Олега Михайловича, Елене Михайловне, за подробные сведения об их семье и раннем этапе жизни.

Несмотря на тяжелую болезнь, Олег, пока была возможность, ездил на раскопки, а когда ее не стало — работал дома, практически до последних дней жизни сохраняя активность и как ученый, и как общественный деятель. В этом ему до конца жизни помогала жена, Тамара Владимировна Раппе (1948–2017 гг.), крупный специалист по истории прикладного искусства Европы и одна из знаковых фигур в работе Эрмитажа на рубеже XX–XXI вв. После ее смерти за Олегом Михайловичем ухаживала дочь Елизавета, создавая условия для продолжения жизни и активной работы, ей помогали в этом ученики и коллеги. И он работал практически до последних дней.

Олег Михайлович Иоаннисян был горячим человеком, умным и добрым, щедрым и увлечен-

ным как профессией, так и окружающей действительностью. Его наследие, несомненно, будет востребовано еще многие десятилетия. Оно нуждается в проработке и издании. Этот процесс начался еще при жизни О.М. Иоаннисяна и при его участии: был подготовлен материал некрополя раскопанного в 1990-х годах монастыря Рождества Богородицы во Владимире, одного из ключевых памятников для изучения перехода культуры от Ростово-Суздальской Руси к Московскому Великому княжеству.

Работы, несомненно, предстоит много, и это — залог того, что мы не забудем ни трудов Олега Михайловича, ни его самого.

К 100-ЛЕТИЮ ИЗДАТЕЛЬСТВА “НАУКА”

DOI: 10.31857/S0869606323040074, EDN: HGUARO

Начало академического книгоиздания

“Наука” — старейшее научное издательство страны, оно ведет отсчет своей истории с 1727 г., когда появилась Академическая типография как издательский орган Академии наук. Она была учреждена в Петербурге указом Верховного Тайного Совета “для печатания исторических книг, которые на российский язык переведены”.

Уже в следующем, 1728 г., было выпущено первое научное издание, что положило начало академическому книгоизданию. Академическая типография, вплоть до создания в 1923 г. специализированного академического издательства, почти два века выполняла полный цикл издательских работ, включая редакторскую обработку рукописей и выпуск научных трудов. Она стала, таким образом, исторической предшественницей современного издательского комплекса Академии.

Издательство АН СССР

Сто лет назад в Петрограде было основано Издательство Российской академии наук (сегодня ФГБУ «Издательство “Наука”»), ставшее главным научным издательством страны и одной из авторитетнейших издательских организаций страны и мира.

Регистрация в Главном управлении литературы и издательств (Главлит) произошла 14 апреля 1923 г., а структурно Издательство РАН (РАНИ) в 1923 г. выглядело следующим образом:

1. Заведующий РАНИ и Академической типографией.
2. Редакционная или издательская часть.
3. Контрольная библиотека изданий РАН.

Первым руководителем издательства был академик Александр Евгеньевич Ферсман, а первым изданием, выпущенным в свет издательством, стал вышедший в конце 1924 г. очередной том “Известий Российской академии наук”.

Выпуск научных трудов и журналов стал одним из важнейших направлений деятельности Академии по популяризации и внедрению результатов научных работ, а следовательно, и фундаментальной науки в СССР. Издания Академии были, по сути, отчетом о деятельности ее научных учреждений и результатах работы ученых и ведущих научных школ страны.

В разные годы “Наука” издавала полные собрания сочинений таких выдающихся писателей и поэтов, как В.В. Маяковского, А.А. Блока, Ф.М. Достоевского, М. Горького, А.П. Чехова. Коллективом издательства были переизданы труды многих великих русских ученых, в том числе М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского.

С августа 1925 г., после переименования Российской академии наук (1917–1925 гг.) в Академию наук СССР, издательство сменило название на Издательство Академии наук СССР.

В 1931 г. при издательстве был образован отдел распространения, который в 1938 г. выделился в самостоятельную организацию “Академкнига”, занимавшуюся распространением литературы, выпускаемой издательством АН СССР. К концу 1980-х годов “Академкнига” имела отделения во многих крупных городах страны, представляя собой всесоюзную сеть книжных магазинов, распространявшую литературу издательства “Наука”.

В 1934 г. издательство переехало в Москву, а в Ленинграде было образовано Ленинградское отделение Издательства АН СССР. В годы Великой Отечественной войны издательство было в эвакуации в Казани.

В 1963 г. Издательство Академии наук СССР получило свое современное название: оно было переименовано в Издательство “Наука”. В 1973 г. издательство “Наука”, а в 1978 г. — его ленинградская типография, были удостоены ордена Трудового Красного Знамени.

В 1964 г. частью Издательства АН СССР стали Физматгиз (ныне Физматлит) и Издательство восточной литературы, они стали называться “глав-

ными редакциями” издательства соответственно: Главная редакция физико-математической литературы и Главная редакция восточной литературы. Еще через год было создано Сибирское отделение издательства “Наука”.

В начале 1980-х годов при издательстве “Наука” была создана Главная редакция литературы на иностранных языках, которая, в частности, выпускала научно-популярный журнал издательства “Наука” — “Наука в СССР”, выходивший на русском, английском, немецком и испанском языках.

Современная “Наука”

15 декабря 2021 г. Правительство РФ утвердило распоряжение № 3602-р о реорганизации предприятия в бюджетное учреждение.

Издательство вместе с Минобрнауки России реализует проекты, связанные с развитием академического книгоиздания, сохранением исторического и культурного наследия, а также достижением технологического суверенитета в научной коммуникации. Одним из флагманских проектов изда-

тельства является 20-томное собрание “История России”, работа над которым ведется совместно с Институтом российской истории РАН и Российским историческим обществом по поручению Президента РФ В.В. Путина.

Сегодня издательство “Наука” — крупнейший многопрофильный научно-издательский холдинг России, специализирующийся на издании и распространении научных книг и журналов по всем направлениям науки. За пределами страны известны издания из серий “Литературные памятники”, “Народы и культуры”, “Научно-популярная литература”, “Памятники отечественной науки” и т. д.

“Наука” — это научное издательство, объединяющее три отрасли книгоиздания: издательскую, полиграфическую, книгораспространительную. Отделения издательства работают в крупнейших городах России — Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске.

Важнейшее достояние “Науки” — это ее авторы, во все времена почти 300-летней истории издательской деятельности Академии наук олицетворявшие собой цвет отечественной науки.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110154 от 4 февраля 1993 г.,
выдано Министерством печати и информации Российской Федерации

Подписано к печати 27.11.2023 г. Дата выхода в свет 13.12.2023 г. Формат $60 \times 88^{1/8}$ Усл. печ. л. 27.87 Уч.-изд. л. 28.50
Тираж 21 экз. Зак. 6759 Бесплатно

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по госконтракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция»,
109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6
Отпечатано в типографии «Book Jet» (ИП Коняхин А.В.),
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, 18, тел. (4912) 466-151

16+